

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2011

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров, д.и.н. Н.Я. Мерперт,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2011

Основные характеристики индустрии многослойной раннепалеолитической стоянки Айникаб 1 (по материалам исследований 2005–2009 гг.) <i>Таймазов А.И.</i>	5
Деревянные изделия стоянки Замостье 2 <i>Лозовская О.В.</i>	15
Костяные наконечники стрел с пазами в Среднем Зауралье <i>Савченко С.Н.</i>	27
Культурная адаптация населения Приморья в среднем голоцене <i>Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И.</i>	38
Могильник эпохи позднего энеолита Союг Булаг в Азербайджане <i>Лионне Б., Алмамедов К., Буке Л., Курсье А., Джелилов Б., Хусейнов Ф., Лут С., Махарадзе З., Рейнард С.</i>	48
Пути проникновения импортных изделий на территорию Южного Приуралья в “савроматскую” и раннесарматскую эпохи (историография проблемы) <i>Игуменшева Е.В.</i>	62
Лепные кувшины V–IV вв. до н.э. Днепро-Донской лесостепи <i>Пеляшенко К.Ю., Гречко Д.С.</i>	68
Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II <i>Гуцалов С. Ю.</i>	81
Оборонительные валы и стены X–XIII вв. по летописным источникам <i>Моргунов Ю.Ю.</i>	97
Описания древнерусских некрополей в рукописях XVI–XVII вв. <i>Сиренов А.В.</i>	106

Публикации	
Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) <i>Широков В.Н., Волков Р.Б., Косинцев П.А., Лаптева Е.Г.</i>	111
Каменная антропоморфная статуэтка эпохи бронзы из Восточного Казахстана (оз. Зайсан) <i>Горелик А.Ф.</i>	126
Клад украшений с городища Дютьково <i>Кренке Н.А., Лазукин А.В., Тавлицева Е.Ю.</i>	134
Средневековый меч с двойным долем из коллекции музея “Пруссия” <i>Прасолов Я.В.</i>	149

История науки	
Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях <i>Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.</i>	154
Археологические занятия С.Ф. Платонова <i>Митрофанов В.В.</i>	166
Истоки интеллектуальной империи Кембриджа в археологии <i>Клейн Л.С.</i>	169

Критика и библиография

Николаев А.Л. Археологические институты дореволюционной России. Нижнекамск, 2008 <i>Тихонов И.Л.</i>	174
Клейн Л.С. “Новая археология”. Донецк, 2009 <i>Лыниша В.А.</i>	177
Труды 19-й Международной радиоуглеродной конференции. Оксфорд, 2006 <i>Кузьмин Я.В.</i>	183

Хроника

Конференция “Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы”. Оренбург, 2009 <i>Моргунова Н.Л., Корневский С.Н.</i>	186
К 90-летию Евгения Альфредовича Шмидта <i>Лопатин Н.В., Нефедов В.С.</i>	189
Памяти Льва Михайловича Тарасова <i>Синицын А.А.</i>	191

Сдано в набор 13.10.2010 г.	Подписано в печать 20.12.2010 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈		
Цифровая печать	Усл.печ.л. 24.0	Усл.кр.-отг. 13.9 тыс.	Уч.-изд.л. 25.6	Бум.л. 12.0
	Тираж 555 экз.	Зак. 955		

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

Number 1, 2011

Main characteristics of the industry at Ainikab I multilayer Early Paleolithic site (based on the data from the 2005–2009 investigations)	5
<i>Taymazov A.I.</i>	
Wooden artifacts from Zamostje 2 dwelling site	15
<i>Lozovskaya O.V.</i>	
Bone arrowheads with slots from the Middle Trans-Urals	27
<i>Savchenko S.N.</i>	
Cultural adaptation in Primorye in the Middle Holocene	38
<i>Vostretsov Yu.E., Gelman E.I.</i>	
Late Chalcolithic Kurgans in Transcaucasia. The cemetery of Soyuq Bulaq (Azerbaijan)	48
<i>Lyonnet B., Almamedov K., Bouquet L., Courcier A., Jellilov B., Huseynov F., Loute S., Makharadze Z., Reynard S.</i>	
Imported artifacts and the ways of their arrival to the South Urals in the Sauromatian and Early Sarmatian time (historiography of the issue)	62
<i>Igumensheva E.V.</i>	
Hand-made jars of the 5 th –4 th cc. BC from the Dnieper-Don forest-steppe	68
<i>Pelyashenko K.Yu., Grechko D.S.</i>	
The ethnic and cultural specifics of Kyryk-Oba II cemetery	81
<i>Gutsalov S.Yu.</i>	
Defensive ramparts and walls of the 10 th –13 th cc. according to written sources	97
<i>Morgunov Yu.Yu.</i>	
Descriptions of Old Russian necropoleis in 16 th –17 th cc. chronicles	106
<i>Sirenov A.V.</i>	

Publications

The Paleolithic dwelling site of Bogdanovka (South Urals)	111
<i>Shirokov V.N., Volkov R.B., Kosintsev P.A., Lapteva E.G.</i>	
A Bronze Age anthropomorphic stone statuette from Eastern Kazakhstan (Lake Zaysan)	126
<i>Gorelik A.F.</i>	
Hoard of ornaments from Duytkovo fortified settlement	134
<i>Krenke N.A., Lazukin A.V., Tavlintseva E.Yu.</i>	
Medieval sword with double fuller from the collection of the Prussia Museum	149
<i>Prasolov Ya.V.</i>	

History of Science

Fate of a scholar: the life of Vassily Alekseevich Gorodtsov in his diaries and recollections	154
<i>Belozorova I.V., Kuzminykh S.V., Safonov I.E.</i>	
The archaeological occupations of S.F. Platonov	166
<i>Mitrofanov V.V.</i>	
The sources of the intellectual empire of Cambridge in archaeology	169
<i>Klein L.S.</i>	

Critics and Bibliography

- Nikolaev A.L. Archaeological institutions in pre-revolutionary Russia: a monograph. Nizhnekamsk, 2008
Tikhonov I.L. 174
- Klein L.S. "New archaeology". Donetsk, 2009
Lynsha V.A. 177
- Proceedings of the 19th International Radiocarbon Conference. Oxford, 2006
Kuzmin Ya.V. 183
-

Chronicle

- Issues Concerning the Study of Early Bronze Age Cultures of the Steppe Zone of Eastern Europe. Conference. Orenburg, 2009
Morgunova N.L., Korenevsky S.N. 186
- To the 90th anniversary of Yevgeniy Alfredovich Schmidt
Lopatin N.V., Nefyodov V.S. 189
- In memory of Lev Mikhailovich Tarasov
Sinitsyn A.A. 191
-
-

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНДУСТРИИ МНОГОСЛОЙНОЙ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АЙНИКАБ 1 (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2005–2009 гг.)

© 2011 г. А.И. Таймазов

*Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала
(taymazov_artur@mail.ru)*

Ключевые слова: *ранний палеолит, эоплейстоцен, основные орудия: чопперы, пики, многогранники.*

Ainikab 1 is an extraordinary site in relation to its date and the culture it represents. Geological and geomorphological data, palynological studies and paleomagnetic testing unequivocally point to Early Pleistocene (Eopleistocene), indicating the age of the site as being within the range of 1.8–1.2 mln years ago. The archaeological remains, represented by stone tools and faunal remains (layers 10, 11 of excavation site 1) lie in 12 lithologic layers of excavation site 1 and in 6 layers of excavation trench 2. The overall depth of the loose strata in the investigated area is slightly over 12 m from the present-day ground surface. At present, a segment of 1.8 m at the depth of 3 to 4.8 m from the top of the hill-shaped elevation remains unexcavated. The technical and typological features indicate that the industry at the site is typical Oldowan.

Последние годы отмечены крупными достижениями в изучении начальных этапов исторического прошлого современной территории России. Открыта и исследуется серия стратифицированных раннепалеолитических памятников: Дарвагчай 1, Дарвагчай залив 1–2, Рубас 1 и др. в Юго-Восточном Дагестане (Деревянко и др., 2009), раннепалеолитические стоянки Богатыри / Синяя Балка и Родники на Таманском п-ве в Южном Приазовье (Щелинский, Кулаков, 2007; Щелинский и др., 2008) и, конечно же, памятники олдована (Айникаб 1–2, Мухкай 1–2, Гегалашур 1–3) в Центральном Дагестане (Амирханов, 2006б; 2007а–в; 2008а; Амирханов и др., 2007; Амирханов, Селезнев, 2007). Из центрально-дагестанской группы памятников к настоящему времени лучше других изучена многослойная стоянка Айникаб 1.

Стоянка Айникаб 1 расположена в Акушинском р-не Республики Дагестан (Е – 47°21'729"; N – 42°15'835"). Абсолютная высота – 1540 м. Памятник приурочен к вершине останцово-горы на окраине с. Айникаб. Эта гора представляет собой относительно изолированную эрозийными процессами часть хребта, который является водоразделом долин рек Акуша и Усиша.

Памятник Айникаб 1 был открыт в 2005 г. Х.А. Амирхановым и исследован в течение последующих четырех полевых сезонов экспедициями Института археологии РАН и Института истории,

археологии и этнографии ДНЦ РАН. Общая площадь вскрытых раннеплейстоценовых отложений составляет 47 м². Эта площадь приходится на два раскопа и шурф 2. Разные слои памятника изучены на различной площади. Общая толщина раннеплейстоценовых отложений изучена до глубины 11.5 м. Неизвестным в этой шкале остается промежуток, равный 1.8 м, на уровне глубины от 3 до 4.8 м. В настоящее время продолжаются комплексные исследования на памятнике. Полная стратиграфия и результаты углубленных естественно-научных исследований памятника заслуживают отдельных публикаций. По геологическим, палинологическим и палеомагнитным данным все слои с археологическим материалом относятся к эоплейстоцену, в диапазоне 1.8–1.2 млн. л.н. (Амирханов, 2007б; Амирханов и др., 2009).

За время полевых исследований накоплен значительный археологический материал, который требует тщательного изучения. Данная работа посвящена общей характеристике каменного инвентаря изучаемого памятника. Уже в первых публикациях были сделаны выводы относительно типологического облика археологического материала и его культурной идентификации. Собранный каменный инвентарь был охарактеризован как технокомплекс чоппера и пика, в соответствии с которым и была определена его принадлежность к индустрии олдо-

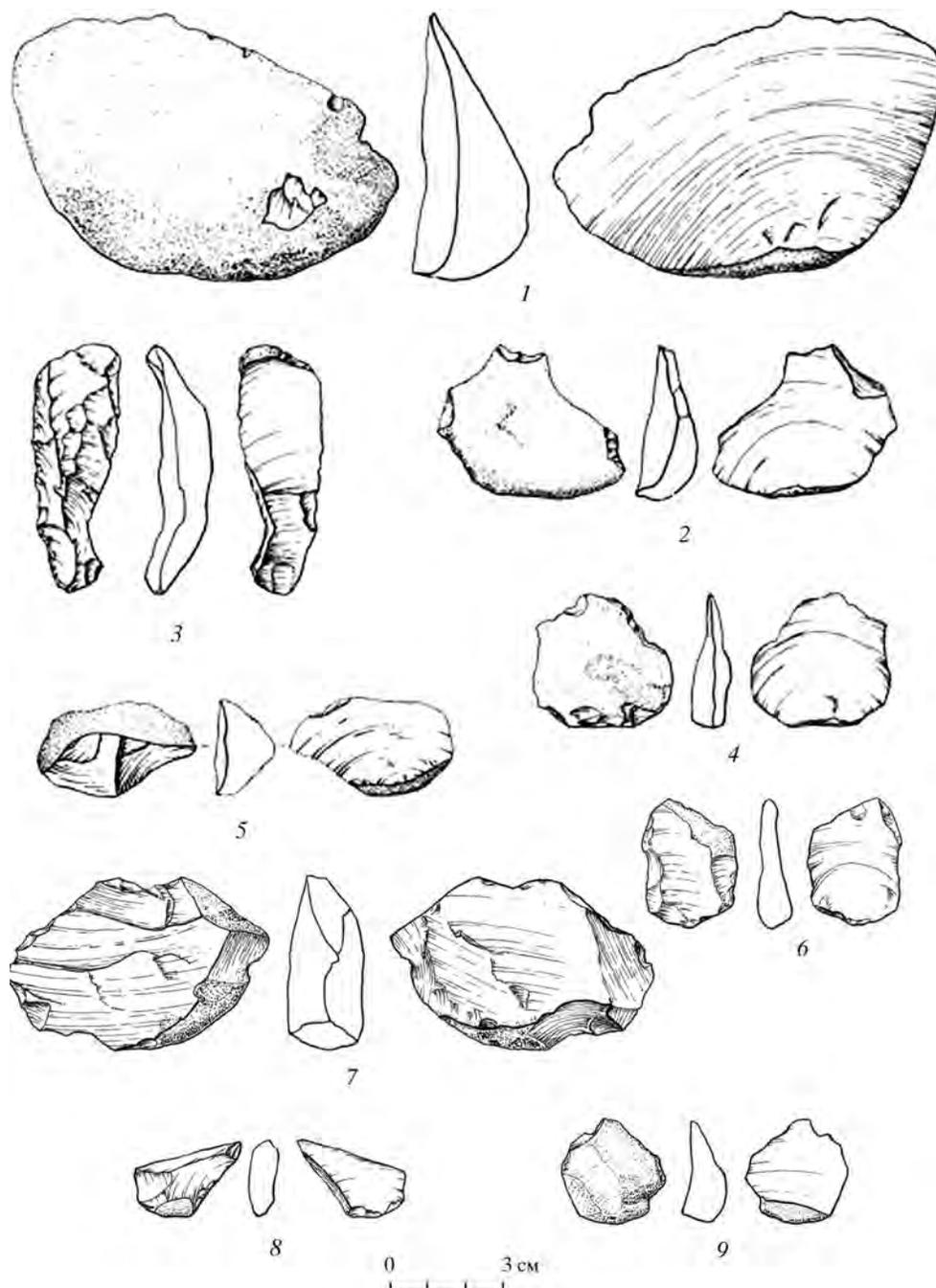

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Айникаб 1. Отщепы.

вана (Амирханов, 2006б; 2007а–в; 2008а; Амирханов и др., 2007; Амирханов, Селезнев, 2007).

Общее количество находок, обнаруженных во всех слоях за все годы работ (со времени открытия памятника в 2005 г. и по 2009 г.), составляет 852 предмета, в том числе 118 орудий, что составляет 14% от общего количества находок.

В инвентаре стоянки Айникаб 1 представлено четыре разновидности сырья. Основным является

кремь (97% всех предметов). Абсолютное преобладание изделий из кремня связано с его доступностью и лучшими качествами по сравнению с остальными встречающимися здесь породами. Местный кремь имеет прочную структуру и способен давать направленные негативы сколов и острые грани. По своим качествам шедший в употребление кремь крайне неоднороден. Выделяются три его разновидности. Большинство предметов

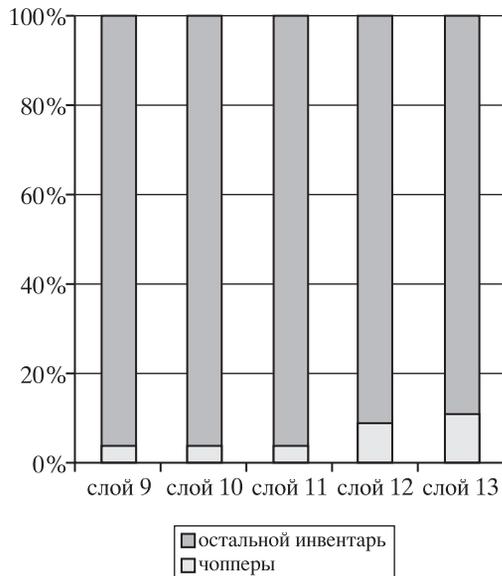

Рис. 2. Соотношение чопперов и остальных изделий.

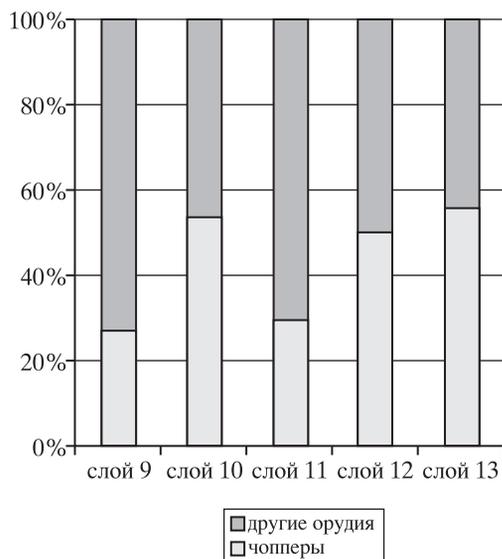

Рис. 3. Соотношение чопперов и орудий.

изготовлено из трещиноватого мелового кремня серого цвета. Из общей массы кремневого инвентаря выделяются изделия из коричневатого мелкозернистого вязкого нечешуйчатого кремня, способного давать рельефный ударный бугорок и выраженные негативы сколов, а также плотного кремня табачного оттенка. Если распределение последних по слоям неравномерное и эпизодическое (Амирханов, 2007а), то изделия из коричневатого кремня составляют значительную часть находок преимущественно в нижних слоях Айникаб 1. Эпизодически использовалось сырье в виде известняка (1%) и окремнелого известняка (1.9%).

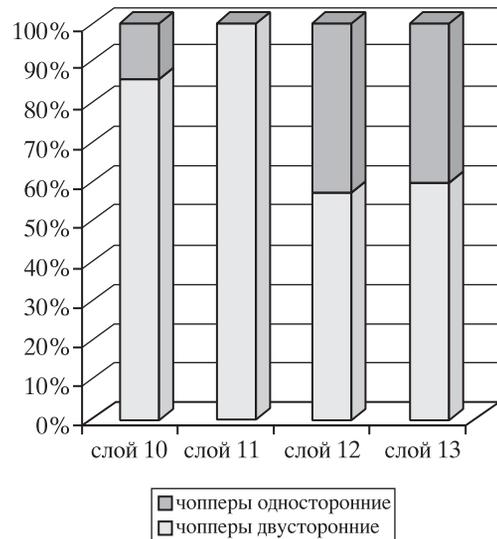

Рис. 4. Соотношение односторонних и двусторонних чопперов.

Единственным предметом (отбойник) представлен кварцит. Все указанные виды сырья, за исключением кремня табачного оттенка и кварцита, широко распространены во всей Акушинской межгорной впадине.

В индустрии большинства слоев стоянки Айникаб 1 представлены все циклы обработки исходного сырья, начиная от первичного расщепления, вторичной обработки и отходов производства. Основные категории каменного инвентаря и их распределение по слоям приведены в табл. 1. Преобладающее количество находок приурочено к нижним слоям памятника (слой 9–13). Учитывая отсутствие большого хронологического разрыва, так же как и каких-либо культурно-стадиальных изменений между индустриями слоев (все слои представляют собой последовательное развитие индустрии олдована), характеристика каменного инвентаря дается нами по категориям и типам, а не по слоям. Что касается статистических подсчетов, то они будут даваться либо на основе всего количества находок, либо по данным слоев, содержащих значительное количество предметов (слой 9–13).

Предметы, связанные с первичным расщеплением сырья, представлены нуклеусами и отщепами. В каменном инвентаре стоянки Айникаб 1 нет нуклеусов в классическом понимании этого понятия. Принятые нами за данную категорию изделия представляют собой массивные желваки или обломки желваков различной формы, поверхность которых покрыта желвачной коркой, а края образованы плоскостями естественного излома. Раскалывание велось вдоль одного или нескольких краев. Площадкой служила

Таблица 2. Послойный типологический состав чопперов стоянки Айникаб 1

Наименование типа	Слои (раскопы 1 и 2)									Слои (шурф 2)		Обна- жение	
	4	5	6	8а	9	10	11	12	13	2г	3а		
Чопперы с прямым узким лезвием односторонние			1			1							
Чопперы с прямым широким лезвием односторонние										1			
Чопперы с дугообразным узким лезвием односторонние									1				
Чопперы с дугообразным широким лезвием односторонние					1					1			
Чопперы с долотовидным лезвием односторонние								2		1			
Чоппер двулезвийный односторонний										1			
Чоппер двулезвийный двусторонний						1							
Чопперы с прямым узким лезвием двусторонние		1		1		2	2				1		
Чопперы с прямым широким лезвием двусторонние									2	2			
Чопперы с дугообразным узким лезвием двусторонние								1				1	2
Чопперы с дугообразным широким лезвием двусторонние								3	1	3			
Чопперы со скошенным узким лезвием двусторонние						1							
Чопперы со скошенным широким лезвием двусторонние													1
Чопперы с долотовидным лезвием двусторонние	1					1	2			1			2
Чопперы со стрельчатим лезвием двусторонние						1		1					

любая плоскость либо покрытая коркой, либо образованная естественным изломом. Говорить о целенаправленной подготовке ударной площадки или плоскости скалывания не приходится. Судя по негативам, с них были произведены единичные снятия. На одном из нуклеусов раскалывание производилось с двух противоположных площадок во встречном направлении. Основным продуктом расщепления являются отщепы. В целом можно уверенно констатировать, что в технике первичного расщепления сырья стоянки Айникаб 1 нет сложившейся системы скалывания. Это, по-видимому, связано с доступностью сырья и хронологической позицией памятника. Имеющиеся в коллекции Айникаб 1 продукты расщепления, т.е. отщепы (рис. 1), полностью соответствуют указанным выше характеристикам нуклеусов. Анализ отщепов с сохранившейся ударной площадкой (50% всех отщепов) показал, что отщепы с корковой и гладкой неподготовленной ударной площадкой имеют равные значения. Преобладают сколы с бессистемной огранкой спинки (76%), в значительной степени (24%) представлены отщепы, лицевая поверхность которых покрыта коркой.

Изделия с вторичной обработкой составляют значительную часть инвентаря стоянки Айникаб 1

(14%). В нижних слоях памятника (слои 9–13) доля их колеблется от 8 до 21%. Господствующее положение среди изделий с вторичной обработкой занимает группа чопперов (Таймазов, 2009). Относительно всех находок они составляют от 4 до 12% (рис. 2), а относительно изделий с вторичной обработкой – от 50 до 60% (рис. 3). Сравнительно низкие показатели чопперов в 9 и 11 слоях не говорят о каких-либо культурно-стадиальных изменениях, поскольку сам археологический материал не выходит за рамки технокомплекса чоппера и пика. Подобные низкие показатели чопперов встречаются на ряде памятников Олдувайского ущелья (например, ДК I) (Leakey, 1971. P. 39). Низкий показатель чопперов восполняется в них за счет многогранников, т.е. изделий, органически близких к чопперам. Так, например, в ДК I указанная категория составляет 20,8% изделий с вторичной обработкой (Leakey, 1971. P. 39), а в 11 слое Айникаб 1 – 4%. Среди изменений, происходящих в пределах слоев, отмечу снижение доли чопперов относительно общего состава находок от нижних слоев к верхним (рис. 2) и увеличение показателей двусторонних чопперов в этом же направлении (рис. 4). В коллекции стоянки Айникаб 1 нами выделено 15 типов чопперов

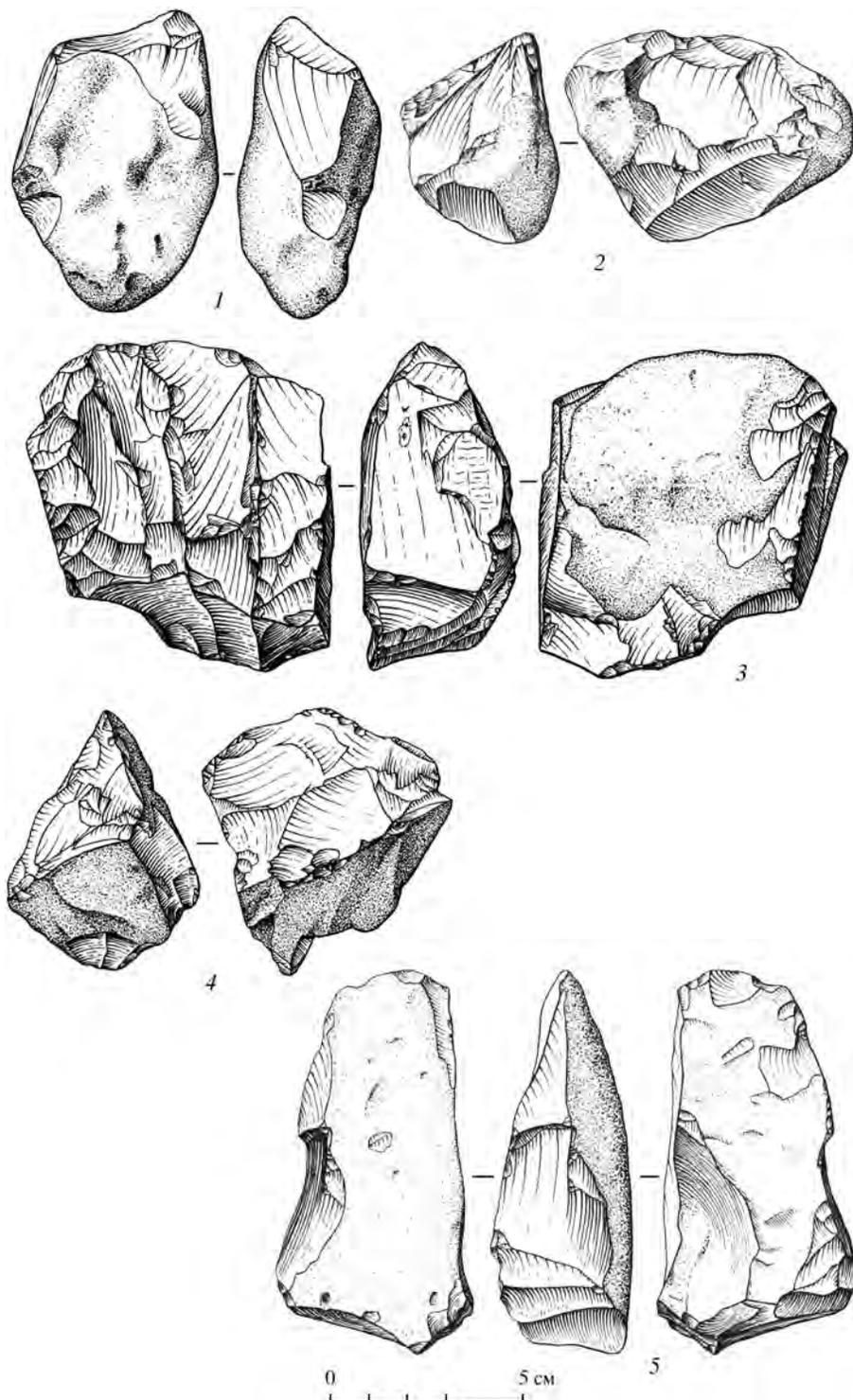

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Айникаб 1. Чопперы односторонние: 1, 3 – с прямым узким лезвием; 2 – с дугообразным узким лезвием; 4 – с дугообразным широким лезвием; 5 – с долотовидным лезвием.

(рис. 5; 6; 7, 1, 2). В основу классификации были положены в первую очередь форма и размеры лезвия, а затем – способ оформления рабочей части. Указанные критерии были предложены и успешно применены Х.А. Амирхановым на раннепалеоли-

тических материалах Аравийского полуострова (1991; 2006а. С. 36). Послойный типологический состав чопперов приведен в табл. 2.

Неотъемлемую часть каменной индустрии стоянки Айникаб 1 составляют такие категории ору-

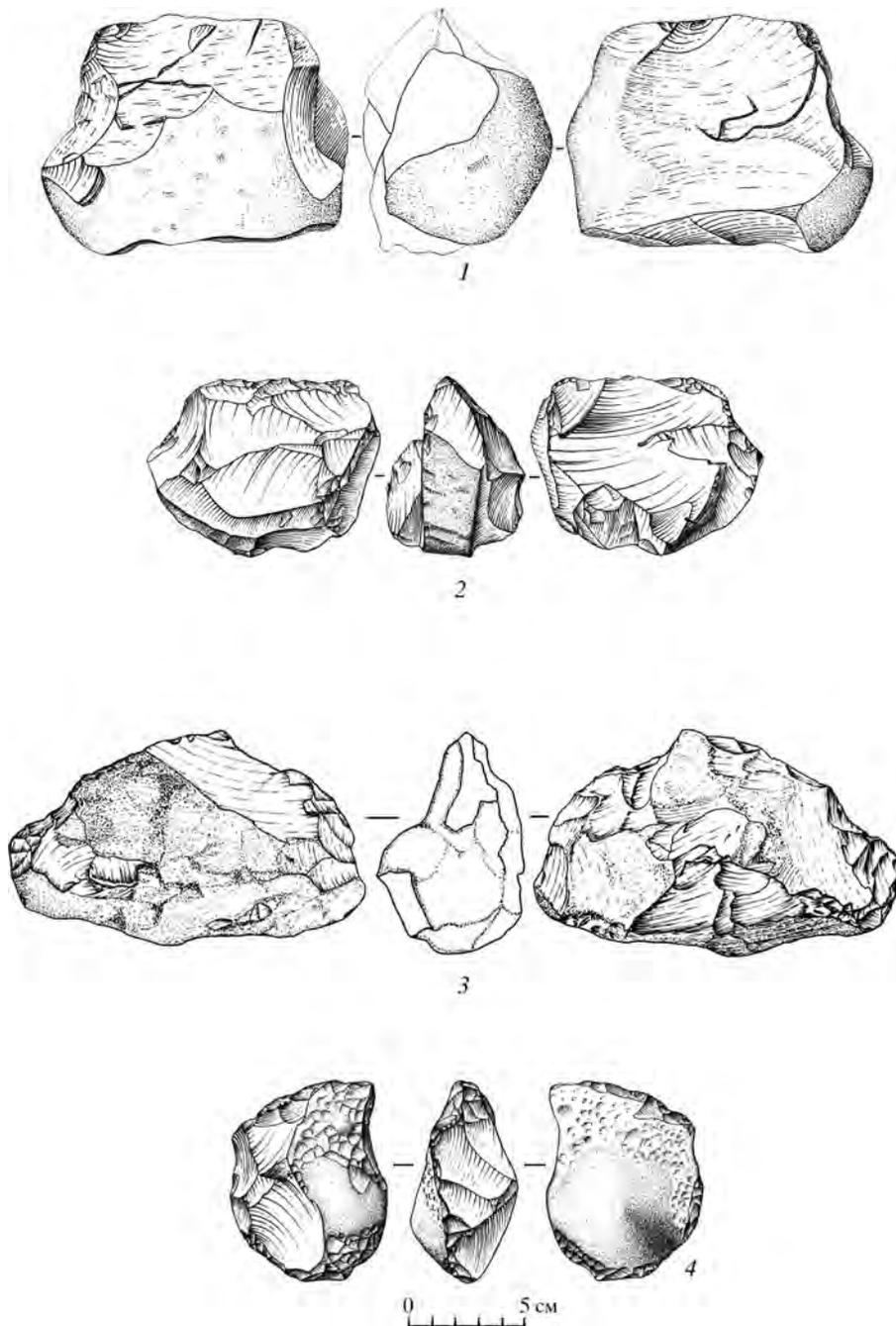

Рис. 6. Каменный инвентарь стоянки Айникаб 1. Чопперы двусторонние: 1 – с прямым узким лезвием; 2 – с прямым широким лезвием; 3 – с дугообразным широким лезвием; 4 – со скошенным узким лезвием.

дий, как пики и многогранники. Пики (рис. 7, 3) и близкие к ним формы составляют 8% изделий с вторичной обработкой. Как правило, они имеют подтреугольную форму в плане, сходящиеся края, которые формируют острый конец предмета. Оббивка краев не всегда достигает основания (пятки) и на большинстве имеющихся изделий не сформирована грань. Благодаря уплощению нижней части орудия они приобрели треугольное или плоско-выпуклое

сечение. Многогранники имеются в двух экземплярах. Являясь изделиями, органически близкими к чопперам, отличаются от них наличием нескольких оббитых граней.

Вторую по количеству группу орудий составляют скребла (9%) и скребки (16%). Первые имеются как на обломках, так и на отщепах (рис. 8, 1–3). Продольные скребла преобладают над поперечными.

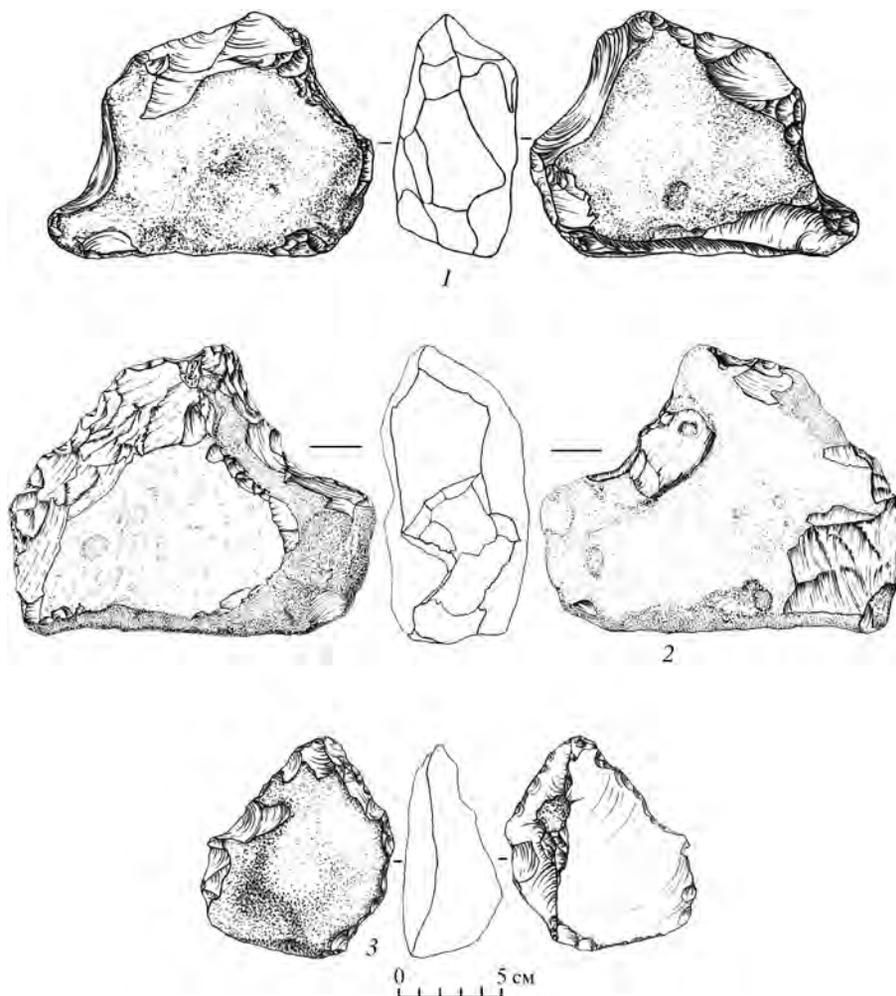

Рис. 7. Каменный инвентарь стоянки Айникаб 1. 1, 2 – чопперы двусторонние: 1 – со скошенным широким лезвием; 2 – со стрельчатым лезвием; 3 – пик.

В оформлении этой категории орудий преобладает средняя и мелкая многорядная односторонняя ретушь. Угол нанесения ретуши – от приостряющей до крутой. Среди скребков (рис. 8, 4, 7, 8) встречаются концевые, высокой формы, выемчатые скребки и микроскребки. Скребки на отщепках преобладают над скребками на обломках. В основном они концевые. Для скребков высокой формы и выемчатых заготовкой в основном служили обломки. В оформлении изделий преобладает краевая средняя и мелкая односторонняя ретушь.

Довольно выразительную категорию орудий составляют ножи (4%) (рис. 8, 5, 6). В каменном инвентаре стоянки представлены следующие типы ножей: с обушком на грани (2 экз.), с естественным обушком (2 экз.) и с ретушированным обушком (1 экз.). В большинстве случаев они изготовлены из отщепов. Сравнительно в меньшем количестве представлены острия (3%), выемчатые (3%) и ши-

повидные орудия (2%). В единственном экземпляре представлены отбойник (рис. 8, 9) и укороченный поперечнолезвийный частичный бифас (рис. 8, 10). Отбойник изготовлен из кварцевой уплощенной гальки овальной формы. Часть периметра имеет утолщенный массивный вид. Противоположный этому участку край – относительно тонкий. На его наиболее выступающей части выделяется участок со сплошной интенсивной забитостью. Поверхность интенсивной забитости имеет форму овала с размерами 1.7 см по продольной оси и 1.4 см по поперечной. На участках, примыкающих к этому пятну забитости, фиксируются также изолированные точки, представляющие собой конусы ударов. Данный предмет может уверенно интерпретироваться как твердый отбойник с четко выделенными утолщенной обушковой и относительно тонкой рабочими частями. Вес отбойника (313 г), а также сам характер забитости рабочего участка свидетель-

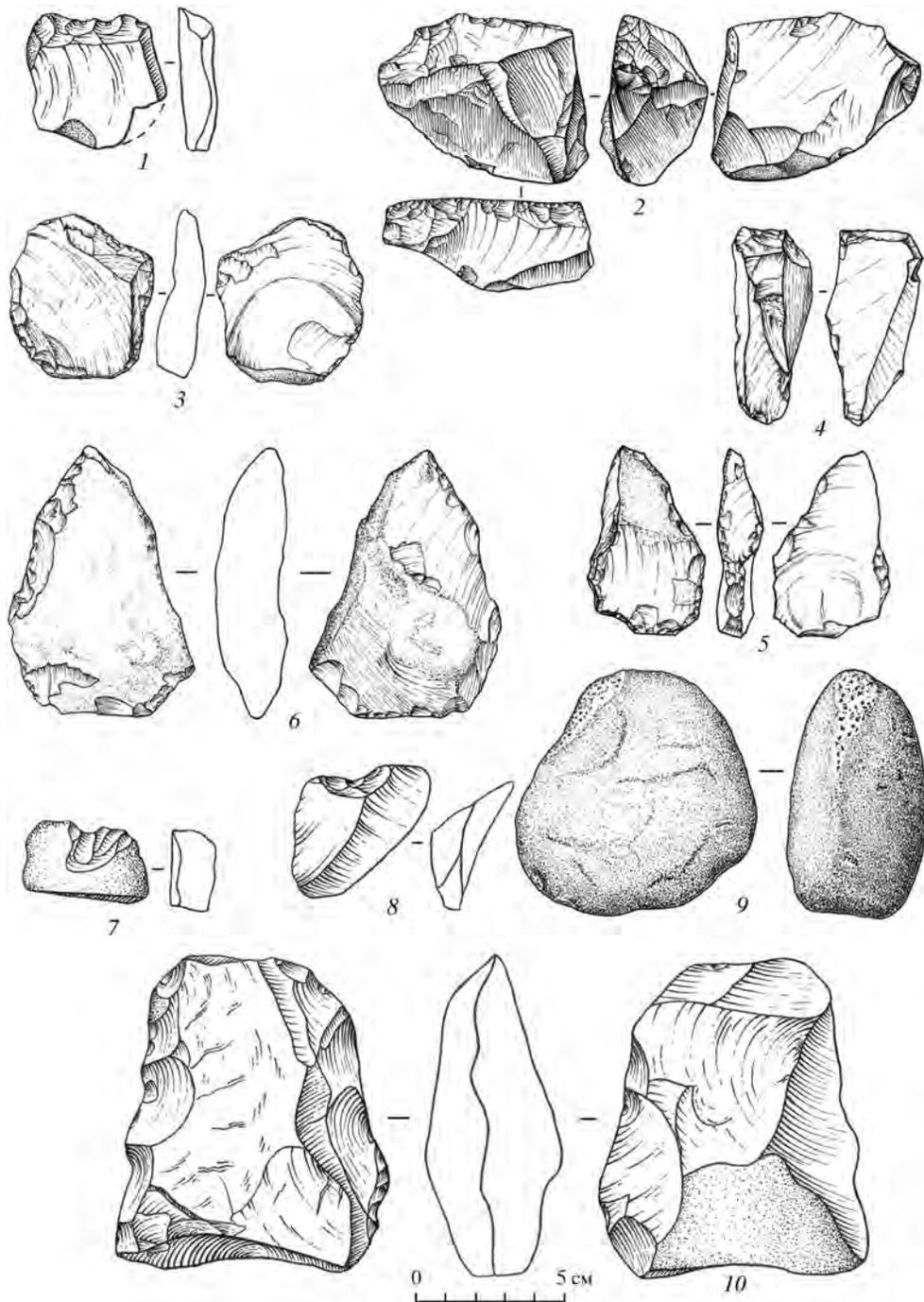

Рис. 8. Каменный инвентарь стоянки Айникаб 1. 1–3 – скребла; 4, 7, 8 – скребки; 5, 6 – ножи; 9 – отбойник; 10 – бифас.

ствуют о том, что орудие использовалось для получения некрупных сколов и, по всей вероятности, для оббивки при изготовлении орудий (например, чопперов и др.).

Среди изделий с вторичной обработкой отсутствуют такие характерные для памятников олдована орудия, как дискоиды.

Самую многочисленную группу составляют изделия, объединенные под общим названием отходы

производства (74%). В их состав входят обломки с единичными пробными сколами, собственно сами обломки и чешуйки оббивки.

Таким образом, Айникаб 1 – это многослойный памятник с последовательным развитием единой индустрии – индустрии олдована. Структура коллекции слоев, содержащих значительное количество находок (слои 9–13), соответствует остаткам стоянок базового типа. Для индустрии стоянки

характерны наличие всей технологической цепочки обработки камня от простого расщепления исходной породы до целенаправленного изготовления орудий, абсолютное преобладание орудий на обломках, использование различных видов сырья (кремь, окремненный известняк, известняк, кварцит) для их изготовления, преимущественное использование кремня (97%), типологическое разнообразие инвентаря. Изделия с вторичной обработкой составляют в слоях, содержащих значительное количество находок (слои 9–13), от 8 до 21%. Руководящей категорией индустрии является чоппер. Относительно всех находок они составляют от 4 до 12%, а относительно изделий с вторичной обработкой – от 50 до 60%. Среди других характерных черт следует отметить снижение доли чопперов относительно всех изделий от нижних слоев к верхним, примерно равную представленность односторонних и двусторонних чопперов в нижних слоях и увеличение двусторонних от нижних слоев к верхним, типологическое разнообразие чопперов. Неотъемлемую часть индустрии составляют пики, многогранники, ножи, скребловидные, шиповидные и выемчатые орудия. Совершенно отсутствуют диски. По всем статистико-типологическим показателям индустрия многослойной стоянки Айникаб 1 соответствует основным характеристикам классического олдована (Амирханов, 2008б. С. 30).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А.* Палеолит юга Аравии. М., 1991.
- Амирханов Х.А.* Каменный век Южной Аравии. М., 2006а.
- Амирханов Х.А.* Работы Северокавказской палеолитической экспедиции Института археологии РАН в Центральном Дагестане // Вестн. Института ИАЭ. 2006б. № 3.
- Амирханов Х.А.* В Центральном Дагестане открыты памятники раннего плейстоцена // Природа. 2007а. № 4.
- Амирханов Х.А.* Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М., 2007б.
- Амирханов Х.А.* Памятники олдована в Центральном Дагестане // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: Матер. междунар. науч. конф. Махачкала, 2007в.
- Амирханов Х.А.* Отчет об исследованиях раннепалеолитических памятников в Акушинском районе Республики Дагестан в 2007 г. // Архив ИА РАН. 2008а.
- Амирханов Х.А.* Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-1 в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 г.) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Матер. междунар. науч. конф. (Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д., 2008б.
- Амирханов Х.А., Магомедов Р.Г., Хангишиев Г.К.* Открытие стратифицированного памятника раннеплейстоценового времени в Центральном Дагестане // АО–2005. 2007.
- Амирханов Х.А., Селезнев А.Б.* Отчет о работах Северокавказской палеолитической экспедиции в 2006 г. // Архив ИА РАН. 2007.
- Амирханов Х.А., Трубихин В.М., Чепалыга А.Л.* Палеомагнитные данные к датировке многослойной стоянки раннего плейстоцена Айникаб-1 (Центральный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Матер. междунар. симпозиума (6–12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009.
- Деревянко А.П., Аношкин А.А., Зенин В.Н., Лецинский С.В.* Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. Новосибирск, 2009.
- Таймазов А.И.* Чопперы из коллекции Айникаб 1 // Древнейшие миграции человека в Евразии: Матер. междунар. симпозиума (6–12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009.
- Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С. и др.* Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Матер. междунар. науч. конф. (Краснодар–Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д., 2008.
- Щелинский В.Е., Кулаков С.А.* Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. 2007. № 3.
- Leakey M.D.* Olduvai Gorge. V. 3. Excavations in Bed I and II, 1960–1963. Cambridge, 1971.

ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2

© 2011 г. О.В. Лозовская

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(olozamostje@gmail.com)*

Ключевые слова: *каменный век, мезолит, неолит, торфяниковые стоянки, органические материалы, деревянные изделия, обработка древесины, стоянка Замостье 2, Волго-Окское междуречье.*

Wooden items are extremely rare finds at Stone Age dwelling sites. Only about 30 wooden items are known for the Paleolithic period. Mesolithic and Neolithic items have only been preserved in the humid conditions of peat-bog sites. In this regard, the collection of wooden artifacts from Zamosstje 2 (in the Moscow region) dwelling site, which has Late Mesolithic and Early Neolithic layers (6th – beginning of the 5th millennia BC), is undoubtedly of interest. The assemblage includes handles of polished axes and adzes, implements for hunting and fishing, fragments of crockery, objects of “art”, flattened points, and numerous details of unknown tools and constructions. Many of the items are unique and have no analogies in materials from synchronous sites. The surface of many of the artifacts is well-preserved, hence it became possible to undertake a selective technological analysis of the traces of treatment. The analysis revealed specific details of the treatment techniques for items from different layers, in particular, of the relief working of the surfaces with a stone adze, which is characteristic of the lower layer.

Свидетельства использования человеком древесины в качестве сырья фиксируются уже на орудиях олдувайской эпохи. В частности, следы от скобления и пиления сохранились на лезвиях трех отщепов стоянки Кооби-Фора (Кения) возрастом около 2 млн. лет (Keeley, Toth, 1981). Хорошей сохранности следы от рубки сухого дерева были обнаружены В.Е. Щелинским на крупном чоппере из доашельского слоя пещеры Аль-Гуза (Йемен) (Амирханов, 1991).

Древнейшие дошедшие до нас деревянные артефакты – три копья и метательная палка (?) из ашельского местонахождения Шенинген (Германия) и две колющие рогатины из Клектон-он-Си (Англия) и Леринген (Германия) – демонстрируют не только следы тщательной обработки поверхности, по всей видимости, строганием (Oakley et al., 1977), но и сложившиеся знания о рациональной форме деревянных изделий: все три метательных копья сделаны по одной баллистической схеме с центром тяжести в трети длины от острия (Thieme, 1996; 1997). В каменном инвентаре Клектон, в основном на простых отщепах, обнаружены следы не только от строгания, но и скобления, пиления, сверления и рубки-обтески дерева (Keeley, 1980). Три планки с короткими диагональными прорезями из нижнего слоя Шенинген могли служить для закрепления кремневых орудий (Thieme, 1997). Бесспорные признаки искусственной модификации – уплощения или заострения с помощью контролируемого

обжига – позволили выделить 12 деревянных артефактов в ашельском комплексе Каламбо Фоллз (Замбия), среди них орудия собирательства, метательные палки, ножевидные предметы и др. (Clark, 2001).

Эти уникальные находки возрастом 400–125 тыс. лет подтверждают, что уже в ашельскую эпоху люди накопили достаточный опыт в обработке и использовании древесины. О развитии деревообработки в среднем и позднем палеолите можно судить лишь по косвенным данным, поскольку ни одного изделия из дерева в Европе не сохранилось. Функциональные исследования, проведенные П. Андерсон-Жерфо для трех мустьерских стоянок Франции (Корбиак, Пеш де л’Азе I, IV), показали не только высокий процент орудий по дереву, но и появление своего рода специальных орудий для основных операций скобления и строгания – зубчатых орудий и скребел (Anderson-Gerfaud, 1990). Ей также удалось выявить микроследы от закрепления орудий в деревянных рукоятях. Близкие результаты получены В.Е. Щелинским для мустьерских памятников Кавказа (пещеры Таглар, Сакажиа, Монашеская) (Shchelinskij, 1993). Основными операциями также были резание-строгание и скобление, но использовались разные типы каменных орудий. По морфологии рабочих кромок автор реконструирует такие операции, как оскабливание стержневидных изделий типа копий или палок-копалок, выскабливание емкостей или широких пазов.

В позднем палеолите на использование древесины указывают не только данные трасологии. Например, деревянные копья из погребения детей в Сунгире реконструируются по вертикальному положению диска и распределению кремневых чешуек (Бадер, 1998). Кремневый микроинвентарь указывает на широкое использование рукоятей и основ для наборных лезвий. Единственная стоянка с остатками древесины находится в Израиле (Охало II) (Nadel et al., 2006), однако весь инвентарь включает семь мелких предметов с насечками и фрагмент коры, предположительно служивший подставкой для обработки мягких материалов; ни рукояток, ни фрагментов оружия в ней не найдено.

Распространение лесов в начале голоцена и качественные изменения в технологии обработки (появление шлифованных топоров) привели к новым возможностям использования древесины в хозяйстве. Колебания климата и заболачивание прибрежных территорий создали благоприятные условия для сохранности органических материалов. Однако это происходило не повсеместно. Стоянки мезолита с обработанной древесиной обнаружены только на севере Европы – в Дании, Южной Скандинавии, Англии и Северной Германии. Наиболее полно дерево представлено на озерных памятниках среднего и позднего неолита альпийского региона. Начиная с середины XIX в. в Швейцарии открыты сотни “свайных” поселений, разнообразный деревянный инвентарь которых давно стал базой для изучения не только форм и технологий изготовления орудий, но и культурных связей, традиций и инноваций, достижений в хозяйстве, особенно в области земледелия и скотоводства (Müller-Beck, 1965; Voruz, 1991 и др.).

В Восточной Европе торфяниковые памятники с хорошей сохранностью древесины редки. Лучше всего изделия из дерева представлены в поселениях среднего и позднего неолита Прибалтики (Сарнате, Звидзе, группа стоянок Швянтойи) и Ловатско-Двинского междуречья (Усвяты IV, Сертея II, Дубокрай и Наумово) (Ванкина, 1970; Колосова, Мазуркевич, 1998; Лозе, 1988; Микляев, 1971; Rimantienė, 1979; 1996). Немногочисленные находки этого периода известны также на стоянках Сахтыш I, Ивановское VII, Воймежное I (Волго-Окское междуречье), Репище IV (бассейн р. Мста) и Модлона (Вологодская обл.) (Алешинская и др., 1997; Гурина, Крайнов, 1996; Жилин и др., 2002; Зимина, 1993). Изделия раннего неолита найдены на стоянках Звидзе, Швянтойи 1В и 2В и в Замостье 2 (Лозе, 1988; Лозовская, 2008; Лозовский, Рамсеер, 1997).

Представление о составе и облике инвентаря эпохи мезолита Европейской России дают материалы трех стоянок: Веретье 1 (Восточное Прионежье) датируется первой половиной VII тыс. до н.э., торфяник Вис I (бассейн Печоры) (Буров, 1966; Ошибкина, 1997) и Замостье 2 – VI тыс. до н.э. Отдельные находки известны и на других памятниках, в основном, Волго-Окского междуречья – Замостье 5, Ивановское III и VII, Окаево 5, Становое 4, Озерки 17, Сахтыш 2а и 14 (Жилин, 2004; Кольцов, Жилин, 1999; Сидоров, Сорокин, 1997). Наиболее полно в литературе освещен богатый и интересный инвентарь Веретья 1, насчитывающий 372 изделия и отражающий разные стороны хозяйственной и духовной жизни древнего населения. Состав находок торфяника Вис I несколько необычен, поскольку представлен большой серией луков (31 экз.) уникальных для каменного века форм и размеров, в то же время стрелы и другие, обычные для поселений этого периода вещи, единичны (Буров, 1966; Буров, 1985; 1990). Многослойная стоянка Замостье 2 представляет интерес с точки зрения возможности проследить изменения в составе орудий и приемах обработки на протяжении тысячелетия при переходе от позднего мезолита к раннему неолиту.

Торфяниковая стоянка Замостье 2, разрезанная искусственным руслом р. Дубна (Московская обл.), содержит три основных культурных слоя – два слоя позднего мезолита (начало и конец VI тыс. до н.э.) и слой верхневолжской культуры раннего неолита (первая половина V тыс. до н.э.), переходные слои датируются рубежом VI–V тыс. до н.э. Благодаря влажным условиям залегания во всех слоях сохранились органические материалы (древесина, кора, скорлупа орехов, листья), хотя насыщенность остатками заметно уменьшается к верхним горизонтам. Остатков жилых конструкций не зафиксировано, возможно, это связано с прибрежной спецификой раскопанного участка поселения, в южной части раскопа были найдены две верши и система закола (Лозовский, 1997).

Ключевую роль в изучении деревянных артефактов играют условия сохранности древесины в слое и возможности ее дальнейшей консервации. Длительное пребывание во влажных отложениях без доступа воздуха сопровождается серией химических и физических изменений, которые ослабляют физико-механическую прочность стенок клеток и делают их проницаемыми. Клетки насыщаются водой до тех пор, пока не установится равновесие с окружающей средой; благодаря этой воде внутри клеток дерево сохраняет свою форму. В момент извлечения из слоя испарение воды лишает клетки несущей конструкции, что приводит к деформации

Деревянные изделия стоянки Замостье 2 по слоям

Артефакты	Неолит средний (лял)	Неолит ранний (ВБК)	Мезолит финальный	Мезолит поздний, верхний слой	Мезолит поздний, нижний слой	Подъемный материал	Всего
Угловые рукояти					2 + 1?		3
Муфты для топора					2 + 2?		4
Весла			1	1	3	1	6
Крючки		1					1
Поплавки				1	2		3
Элемент рыболовной снасти			1				1
Наконечники, древки стрел		3?		2	2 + 1?	2	10
Луки					2?		2
Уплощенные острия				3	1 + 4?	2	10
Заостренная деталь с “чешуйчатой” огранкой					1		1
Ложки и миски		5				1	6
Ковш				2			2
Плошки					2		2
Предметы искусства, поделки			1	4	4	1	10
Бревно со стрелой				1			1
Колья		4	4	23 + 1?	37	5	74
Массивные колья					2	2?	4
Вертикальные колья				2 + 2*	1 + 2*		7
Детали		1	3	3	18	6	31
Длинные детали					5		5
Вырезанные округлые палки С обрубленными концами					7		7
Щепки и щепки с обработкой		1	2		11	1	12
Щепки и щепки с обработкой					2	1	6
Обработанная кора				1	2		3
Предметы с обработкой	1		2		12	2	17
Палки с одним срезом					4		4
Предметы без следов обработки		1		4	21	4	30
Всего	1	16	14	50	153	28	262

* Фрагменты двух вертикальных колов учтены дважды.

или полному разрушению предмета. Все найденные в Замостье 2 предметы были в разной степени насыщены влагой и требовали немедленной консервации с заменой клеточной воды на отвердевающий раствор. Находки 1990 г. (30 предметов) обрабатывались в БТИ им. С.М. Кирова в Минске с помощью горячих (50% раствор сахара и молочная кислота) и холодных (50% раствор фенолоспиртов) ванн (7–10 циклов). Усушка древесины составила, по данным лаборатории, 4,6–6,1, 2,3–3,5 и 1,9–2,3% в разных направлениях. Подобное уменьшение размеров предметов (2–6 мм на 10 см) вызвало коробление и деформацию поверхности, что сделало

почти невозможным изучение следов обработки. Десять предметов 1991 г. были закреплены в Швейцарии (Lozovski, Ramseyer, 1995) в растворе ПЭГ, затем обезвожены в вакууме при –35 °С, после обработки вещи полностью сохранили свою форму. В 1997–2001 гг. консервация проводилась автором с помощью метода насыщения древесины сахаром, обработка начиналась почти сразу после извлечения артефактов из слоя. Это позволило сохранить большее число изделий (211 экз.) и обеспечить постоянный контроль над их размерами.

Коллекция сохранившихся деревянных изделий стоянки Замостье 2 в настоящий момент насчи-

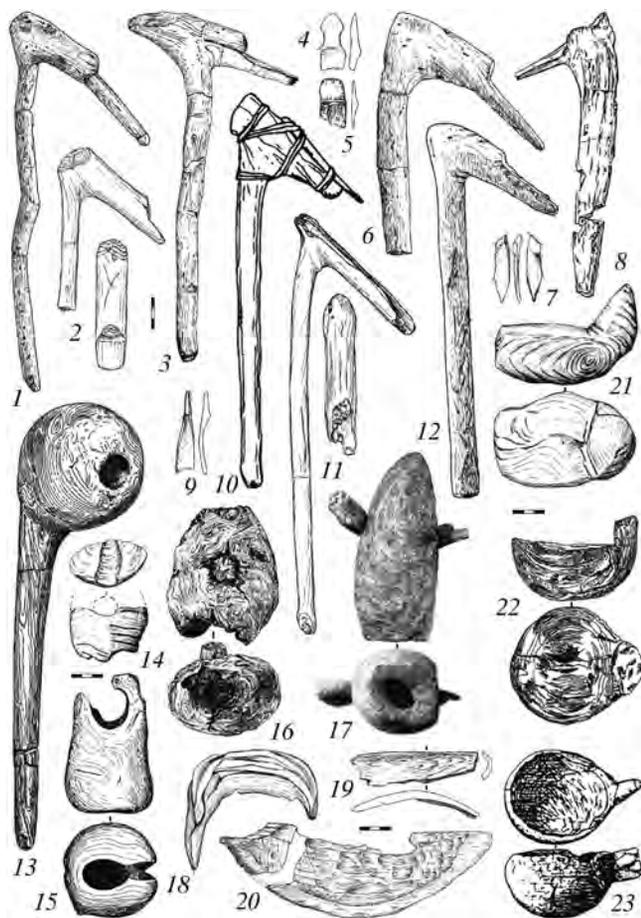

Рис. 1. Изделия из дерева. Рукояти и муфты (1–3, 6, 8, 10–17), посуда (4, 5, 7, 9, 18–23). Стоянки Драга (1, 6, 12), Замостье 2 (2, 4, 5, 7, 9, 11, 14, 15, 18–21), Веретье 1 (8, 13), Эгольцвиль 3 (3) и 4 (10), Фризак (16), Хоен Фихельн (17), Сахтыш 1 (22), Шален 3 (23) (по: Гурина, Крайнов, 1996; Ошибкина, 1997; Bosch, 2006; Gramsch, 1987; Müller-Beck, 1965; Schuldt, 1961; Voguz, 1991). Мезолит (2, 8, 11, 13–18, 20, 21), неолит (1, 3–7, 9, 10, 12, 19, 22, 23).

тывает 262 предмета, большинство из которых (217 экз.) датируется поздним мезолитом, 16 экз. относятся к верхневолжской культуре, 28 предметов не имеют четкой хронологической привязки (таблица). Рассмотрим наиболее выразительные с типологической точки зрения изделия, которые характеризуют деревянный инвентарь разных слоев памятника.

Рукояти топоров и тесел представлены двумя экземплярами угловых (коленчатых) рукоятей и двумя муфтами (Лозовская, 2008; Lozovski, Ramseyer, 1995). Все они найдены в нижнем мезолитическом слое. Угловые рукояти сделаны по одной модели и близки по пропорциям (диаметр ручки 1.7 см, угол 50–52°), но поперечная часть оформлена по-разному – у целой (рис. 1, 11) поверхность ровная на всем протяжении (15.5 × 3 см); по аналогии с

материалами альпийского неолита (Эгольцвиль 4 (рис. 1, 10), Гренг, Люшерц и др.) (Müller-Beck, 1965; Voguz, 1991) могла использоваться для привязывания удлиненного тесла или роговой муфты-переходника (последние в Замостье 2 не найдены). У второй место прикрепления лезвия оформлено в виде площадки 3 × 3 см на конце округлого в сечении фрагмента тонкого ствола, на поверхности косога уступа сохранилось полукруглое вдавление от обушка небольшого тесла (рис. 1, 2). Близкие формы известны, например, на поселениях Эгольцвиль 3 (рис. 1, 3) и Драга (рис. 1, 1, 6, 12). Среди мезолитических материалов близких аналогий нет. Известные экземпляры, включая рукоять из Веретья 1 (рис. 1, 8) и заготовку из Мёллегабет II (Skaarup, Grøn, 2004), достаточно индивидуальны и имеют более архаичный облик.

Две муфты (целая и фрагмент) представляют собой одну конструктивную форму, но различаются размерами (рис. 1, 14, 15). Они изготовлены из куска древесины с разнонаправленной структурой волокон и имеют два отверстия в поперечных направлениях – одно сквозное для продевания деревянной ручки (у целой диаметр 3.5 × 4 см), другое глухое для вставки лезвия (или дополнительной роговой муфты). Втулка – в одном случае овальная 4 × 5 см, глубиной 4.5 см, в другом – округлая 2 × 2 см, глубиной 3 см – могла служить для крепления как топора, так и тесла. Ближайшей аналогией является находка из нижнего мезолитического слоя VIII стоянки Замостье 5 (Сидоров, Сорокин, 1997), продолговатая форма втулки 6 × 2 см при глубине 6 см указывает на более плоскую и длинную форму вставляемого лезвия, а направление выреза – на функцию тесла. Очевидно, что этот тип муфт генетически связан с более ранними формами рукоятей с шаровидными муфтами из цельного куска древесины, выразительные образцы которых представлены на стоянке Веретье 1 (рис. 1, 13) (Ошибкина, 1997). Съёмные муфты, вероятно, появляются ближе к концу мезолита (например, муфты из Хоен Фихельн и Фризак; рис. 1, 16, 17) и доживают в отдельных регионах до конца неолита (целая муфта с ручкой и вставленным теслом из Воймежной I) (Алешинская и др., 1997). В неолите Швейцарии этот тип муфт неизвестен.

Характерной для эпохи мезолита категорией инвентаря являются *весла*. В Замостье 2 к ним отнесено шесть фрагментов (Лозовский, Рамсеер, 1997). Один фрагмент (57 × 9.5 × 0.6 см) представлен лопастью иволистной формы с округлой рукоятью диаметром 3.5–4 см (рис. 2, 22). Тип тонких узких весел хорошо известен в материалах неолита Прибалтики (Rimantienė, 1979; 1996), однако экзем-

пляр из Замостья 2 имеет более короткую лопасть и скругленный, чуть зауженный конец. У второго экземпляра края и конец лопасти обломаны, но ясно, что ширина была значительно больше, чем у первого, толщина – 0.5 см (рис. 2, 18). Оба происходят из нижнего мезолитического слоя. Третий предмет (финальный мезолит), толщиной до 1.2 см, является продольным фрагментом лопасти с плавно скругленным контуром (рис. 2, 23). К веслам отнесена и широкая 15.5 см, массивная 1.9 см лопасть с утолщенным двугранным в плане концом и двумя отверстиями в средней части (рис. 2, 27). Пятый предмет, тоже из нижнего слоя, представляет собой “лопасть” асимметричной пятиугольной формы 25 × 9 см с отломанной узкой рукоятью, толщина его 2 см; обе стороны слабовыпуклые (рис. 2, 19). Все эти предметы относятся к разным типам весел. Единственное хронологически близкое весло из Окаево 5 отличается наличием ребер жесткости в широкой части и бортиков по краям (Кольцов, Жилин, 1999), в инвентаре Веретья 1 весла отсутствуют.

Единственный *рыболовный крючок* (рис. 2, 24) найден в слое раннего неолита; представлен нижней частью с остатками бородки и отогнутым острием. Острие ровное, без зубцов, конец чуть приплюснут. Первоначальную форму восстановить трудно. *Поплавки* – один экземпляр из дерева и два из сосновой коры (Лозовский, Рамсеер, 1997) – яйцевидной формы, со смещенным к концу отверстием. Деревянный, с плоско-выпуклым сечением, на узком конце имеет два отверстия, размеры 14 × 6.5 см (рис. 2, 29). Целый поплавок из коры плоский – размеры 10 × 6.5 см, отверстие ближе к широкому концу (рис. 2, 25); оба из нижнего слоя мезолита. Третий фрагментирован, отверстие с узкого конца (рис. 2, 26). Поплавки представляют собой частые находки на поселениях мезолита и неолита, в том числе в Волго-Окском междуречье, однако они имеют иную форму (Жилин, 2004). Крупное массивное изделие 36 × 13 см удлиненно-грушевидной формы, с вырезанным овальным отверстием (3.5 × 1.5) (рис. 2, 20) могло служить одним из *элементов рыболовных приспособлений*. Относится оно к слою финального мезолита. Близкие аналогии отсутствуют.

Охотничье вооружение представлено четырьмя *наконечниками стрел* разных типов, фрагментом *древка стрелы* и *наконечником дротика*. В верхнем мезолитическом слое найдены фрагмент наконечника с маленьким ромбовидным пером 18 × 7 × 4 мм и расходящимися прямыми краями (рис. 2, 3) и стержневидный (5 × 6 мм) фрагмент насада с коническим концом, отделенным уступ-

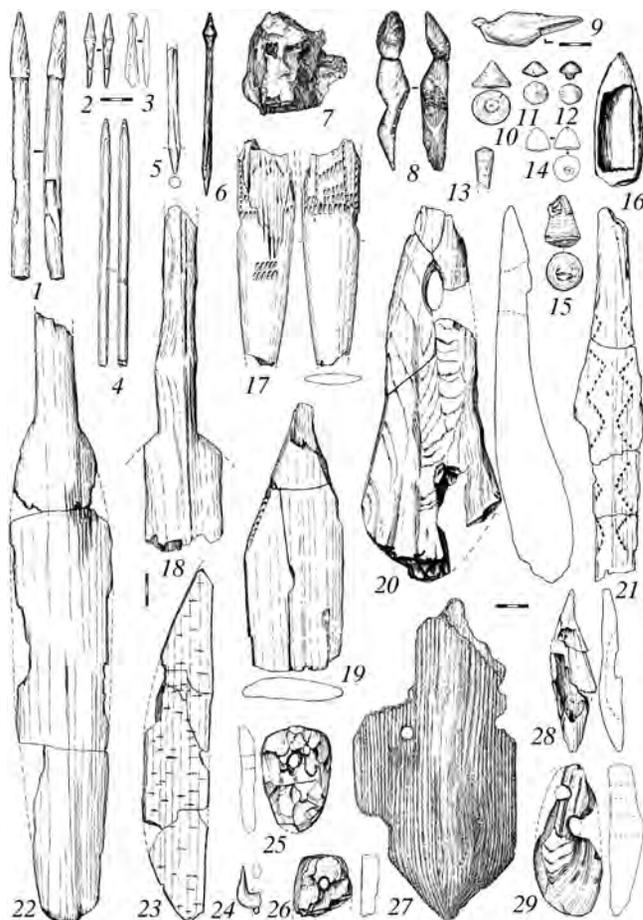

Рис. 2. Изделия из дерева и кости (12). Наконечники стрел (2–6, 13) и дротика (1), неутилитарные предметы (7–12, 14–17, 21, 28), весла (18, 19, 22, 23, 27), рыболовные принадлежности (20, 24–26, 29). Стоянка Замостье 2, кроме (6) Веретья 1 и (16) Финельц (по: Ошибкина, 1997; Gross, 1883). Мезолит (2–12, 15, 17–23, 25, 26, 28, 29), неолит (16, 24), пм (1, 13, 14, 27).

чиком (рис. 2, 5). Миниатюрный иглоподобный наконечник укороченных пропорций с удлиненным коническим острием и равномерно зауженным насадом, длина 7 см, диаметр 10 × 9 мм (рис. 2, 2) и древко стрелы – ровный вырезанный стержень 9 × 8 мм, один конец аккуратно заострен по периметру (рис. 2, 4) – происходят из нижнего слоя. Фрагменты наконечника стрелы с тупым концом (диаметр 1.7 см) (рис. 2, 13) и дротика с выделенным уступом массивным коническим острием (2 × 1.8 см) (рис. 2, 1) относятся к подъемному материалу (Лозовский, Рамсеер, 1997). Если стержневидный черешок является обычной формой насада, например, в Веретья 1 (рис. 2, 6), то аналогий уплощенному наконечнику с пером мы не находим в памятниках мезолита (за исключением изделий из кости). То же касается оригинальной формы наконечника дротика.

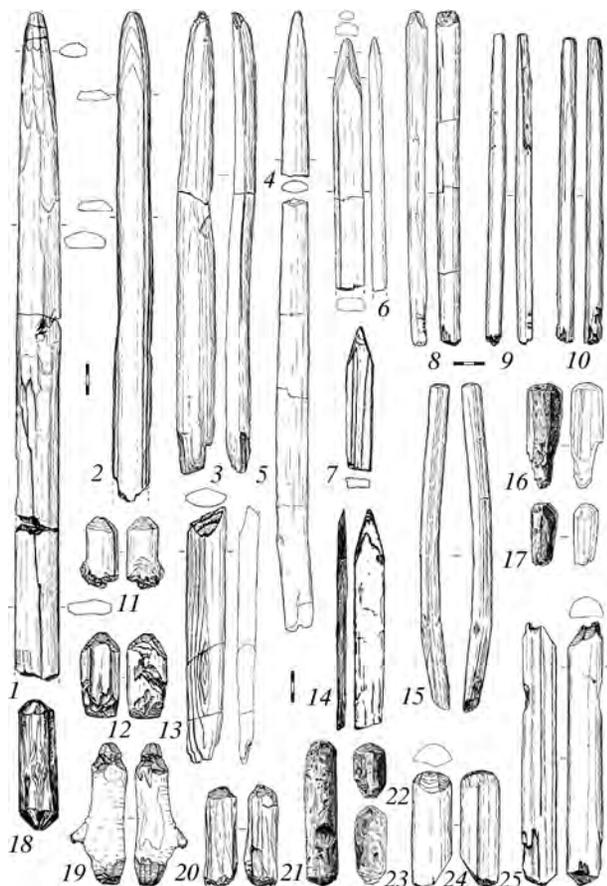

Рис. 3. Изделия из дерева. Уп্লощенные острия (1–7, 13, 14), вырезанные палки (8–10, 15) и изделия с обрубленными концами (11, 12, 16–25). Стоянки Замостье 2 (1–13, 15, 19, 20, 24, 25), Веретье 1 (14, 18), Драга (16, 17), Бургашизе (21–23) (по: Ошибкина, 1997; Bosch, 2006; Müller-Beck, 1965). Мезолит (1–15, 18–20, 24, 25), неолит (16, 17, 21–23).

Для слоев позднего мезолита характерны *уплощенные острия* – длинные узкие плашки из внешних колец крупного ствола с тщательно оформленным симметричным острием; формы острий различны. Самым выразительным является крупный экземпляр (66.5×4.4 см, толщина 1.7 см) из верхнего слоя: слабовыпуклые поверхности оструганы почти по всей длине, сужение к острию постепенное (рис. 3, 1). Второй чуть меньший (48.4×3.8 см, толщина 1 см) предмет из раскопок 1991 г. (высох естественным путем) имеет близкую форму острия (зона острия 7 см), кончик скруглен, верхняя сторона трехгранная (рис. 3, 2). У третьего (сечение 2.9×1.3 см) четко очерченное острие длиной 5.5 см с прямыми краями оформлено двумя наклонными гранями (рис. 3, 6). В нижнем слое к остриям отнесены изделия с сечением близких пропорций: два отличаются очень тщательной обработкой поверхности (рис. 3, 4, 5), один – двугранностью нижней стороны (рис. 3,

13), еще один излишне массивен (рис. 3, 3). Самую простую форму этих орудий представляет небольшой фрагмент с треугольным в плане острием, полученным четкими вертикальными срезами длиной 4 см (рис. 3, 7). Похожие изделия имеются в коллекции стоянки Веретье 1 (рис. 3, 14). Назначение их неясно.

Необычным является предмет длиной более 76 см, прямоугольного сечения (3.5×2.6 см), три стороны которого (в рукояточной части четыре) сплошь покрыты “чешуйчатыми” негативами срезов (размеры “чешуек” 1–2 см). Острый конец (около 7 см) заужен, кончик заострен с боковых граней. Рельефная регулярная обтеска больше не встречена ни на одном изделии стоянки, аналогии им неизвестны.

Деревянная посуда в Замостье 2 представлена в обломках, большая ее часть относится к раннеэолитическому слою. Это две миниатюрные *ложечки* с целой ручкой и частью углубления: у одной ручка короткая 3.2×1.5 см, с треугольным навершием, нижняя сторона двугранная (рис. 1, 4); у второй (Lozovski, Ramseyer, 1995) ручка другой квадратнотрапециевидной формы (2×2.5 см), нижняя сторона трехгранная, углубление отделено от ручки небольшой поперечной ступенькой; толщина стенок около 1.5 мм (рис. 1, 5). Два маленьких фрагмента плоских *мисок* не дают представления о форме целых изделий; толщина стенок в обоих случаях от 2 мм в центре до 5 мм у края, у одного представлен короткий участок скругленного края с утолщением в виде бугорка (рис. 1, 7), у второго сохранилась часть прямой ручки, отделенной от вогнутой части уступом (рис. 1, 9). Третий тип посуды – неглубокая (2.5 см) *миска* большого диаметра (не менее 30 см), от нее сохранилась часть изогнутой стенки толщиной 5 мм (рис. 1, 19). Фрагмент большого *блюда*, судя по рельефным следам обработки, может быть отнесен к мезолитическим слоям; форма, близкая овальной, толщина стенок 1.5 см (рис. 1, 20). В верхнем мезолитическом слое найдена заготовка небольшого ковша или чашки полусферической формы с выступом для оформления ручки ($13.5 \times 9 \times 6$ см) (рис. 1, 21) и, вероятно, фрагмент, другого ковша (рис. 1, 18) (Лозовский, Рамсеер, 1997). Посуда, в целом, хорошо представлена на поселениях неолита Западной и Восточной Европы. Однако миниатюрные ложечки, подобные найденным в Замостье 2, единичны. Близкие по форме и размерам ковши (чаши) известны как в среднем неолите Волго-Окского междуречья (Сахтыш 1, рис. 1, 22), так и на поселениях альпийского региона (Шален 3, рис. 1, 23; Фельдмайлен, Эгольцвиль 3, Финельц) (Baudais,

Dellatre, 1997; Voruz, 1991); среди мезолитических коллекций аналогии отсутствуют.

Предметы неутилитарного назначения (“предметы искусства” и поделки) встречены во всех слоях стоянки. В нижнем слое найдены три зооморфных скульптурных изображения – птички, змеи и кабана. Птичка (рис. 2, 9) сильно стилизована, у нее массивное туловище, маленькая головка и большой хвост, размеры после консервации 10 × 3 × 2.3 см (Лозовский, Рамсеер, 1997); фигурка змеи (рис. 2, 8) выполнена в утрированной манере – с помощью крупных срезов подчеркнут зигзагообразный контур: ромбовидно-овальная голова, ромбовидное туловище и асимметрично заостренный хвост, размеры 14.9 × 3 × 2.6 см. Морда кабана (рис. 2, 7), из куса древесины со свилеватой структурой волокон, очень схематична; образ зверя передан характерными признаками: глубоко посаженным глазом, высоким из-за шерсти лбом и небольшим прижатым ухом. С тыльной стороны тщательно выстругана плоская площадка. Аналогий этим изображениям, выполненным из дерева, нет, хотя зооморфные предметы имели широкое распространение в мезолите Восточной Европы. Известны, например, фигурки водоплавающих птиц из Веретья 1 и Ивановского VII, скульптурные навершия в виде головы лося из Ивановского III и Висского 1 торфяников (Жилин и др., 2002; Крайнов и др., 1995; Ошибкина, 1997; Burov, 1985). В том же слое обнаружена тонкая (0.5–1 см) фигурная пластина с орнаментом (рис. 2, 21); форма узкая веслообразная с выделенной рукоятью, одна сторона ровная, вторая с едва профилированным ребром в средней части. С обеих сторон по краям идут линии крупного зигзага, составленные из овальных или треугольных углублений; размеры 33 × 6.3 см. Другая пластина из верхнего мезолитического слоя; орнамент состоит из рядов прямоугольных нарезок, расположенных перпендикулярно краям, и сплошных линий из таких же насечек вдоль края; размеры 21 × 5 × 1 см (рис. 2, 9) (Лозовский, Рамсеер, 1997). Веслообразная плашка с орнаментом близких размеров (20 × 8 × 0.9 см) встречена также среди изделий Веретья 1 (Ошибкина, 1997).

Интересна серия из четырех конусовидных поделок (трех из верхнего мезолитического слоя). Три изделия идентичны (рис. 2, 10, 11, 14) – вырезаны из сердцевины ствола, нижняя сторона плоская, в центре небольшой бугорок или следы от его отламывания. Размеры чуть различаются – высота 2.5 см (диаметр 3.5 × 3.2 см), 2.2 см (2.5 × 2.3 см) и 1.5 см (2.4 × 2.2 см), у первого края конуса слабоогнутые, у второго прямые, у третьего выпуклые. Найден аналогичный предмет

из кости (рис. 2, 12). Назначение неизвестно. Четвертая поделка (рис. 2, 15) отличается размером (высота – 4.8 см, 3.4 × 3.2 см) и более сложной формой, широкий конец выпуклый, на узком – два симметричных выступа. К слою финального мезолита относится модель лодочки (рис. 2, 28) линзовидной формы с узкими заостренными концами, верх лодочки плоский, углубление овальное, глубиной до 2 см; стенки тонкие 3–4 мм. Миниатюрные модели лодочек (других форм) известны также в инвентаре Наумово и Финельц (Фенильц) (рис. 2, 16).

Наиболее многочисленной категорией являются колья (74 экз.), которые представляют собой прямые ветки с заостренным концом, все найдены в горизонтальном или наклонном положении и соотносены с вмещающими их слоями. Из вертикальных кольев, составляющих закол в южной части раскопа (Лозовский, 1997), ничего сохранить не удалось. Колья небольшого диаметра от 1.5 до 5.5 см (у более половины в интервале 2–3 см), у большинства конец обломан в древности и первоначальная длина неизвестна. Лишь у пяти кольев из нижнего слоя второй конец целый; их длина – 22, 30, 36.5, 50 и 68 см; у одного кола длиной 89 см (диаметр 4.5 см) схожие заострения на обоих концах. У четырех кольев из верхнего мезолитического слоя концы обгоревшие. Симметричные заострения редки, оформление острия проводилось либо по окружности, либо 2–3 плоскостями. Кора снята (кроме 7 экз.), сучки обрезаны на уровне поверхности или слегка выступают, в шести случаях поверхность подработана продольными срезами. Распределение горизонтальных кольев в слое не позволяет выявить каких-либо конструкций и объяснить их назначение. Сохранилось два фрагмента массивных кольев или заостренных концов столбов – один подокруглого сечения 9 × 7.6 см (рис. 4, 15), второй в сечении неровный 5–6-угольник, 11 × 9 см (рис. 4, 17); оба обработаны крупными желобчатыми снятиями.

Категория деталей (31 экз.) объединяет изделия разных форм и размеров, которые, очевидно, являлись частью составных орудий или конструкций. Например, вытянутая планка (рис. 4, 7) с зауженными концами и широким неглубоким поперечным пазом, общий размер 25.5 × 5 × 3 см (по: Лозовский, Рамсеер, 1997; это деталь лодки), или маленькая прямоугольная дощечка 7 × 2.7 × 1.2 см с полукруглой выемкой в центре тонкого скругленного края, концы обрублены (рис. 4–6); обе найдены в слое финального мезолита. Из слоев позднего мезолита происходят две плоские (1 см) треугольные детали: на одной (14 × 6 см) – диагональные вдавления

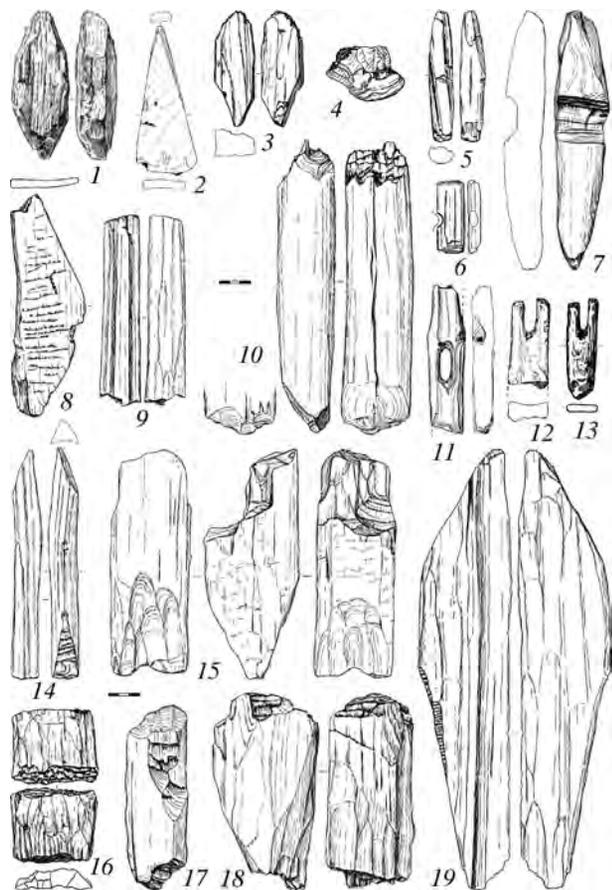

Рис. 4. Изделия из дерева. Детали (1–14, 16, 17, 19) и массивные кольца (15, 18). Стоянка Замостье 2, кроме (1) Бургашизе-Зюд и (13) Звидзе (по: Лозе, 1988; Müller-Beck, 1965). Мезолит, кроме (1, 13), неолит и (16) пм.

(рис. 4, 2), на другой (21.8×7 см) – серия грубых поперечных царапин (рис. 4, 8). Деталь из нижнего слоя с глубокой выемкой между двумя стержнями (рис. 4, 12) интерпретируется как обломок орудия для плетения сетей (Лозовский, Рамсеер, 1997), ее размеры $9 \times 3.9 \times 2$ см; похожий предмет в неолитическом слое Звидзе (рис. 4, 13) определяется как фрагмент челнока (Лозе, 1988). Однако найденный позже предмет с близкими пропорциями $14.6 \times 3.7 \times 2.3$ см (рис. 4, 11), ставит это предположение под сомнение; концы изделий обломаны. В нижнем слое можно выделить: короткую деталь с трапециевидным сечением (рис. 4, 3), один конец асимметрично заострен, другой грубо скруглен, $11.3 \times 4 \times 2.7$ см (см.: изделие из Бургашизе-Зюд, рис. 4, 1); изделие (рис. 4, 9) из ветки с продольной выемкой глубиной 3–6 мм и обработанной выпуклой стороной, $18.7 \times 4 \times 2$ см; удлиненный предмет (рис. 4, 14) с треугольным сечением и двумя скошенными в поперечных плоскостях концами, один оформлен вогнутым срезом, другой – поперечными вертикальными зарубками, $22.5 \times 3 \times 2.5$ см. Най-

ти параллели этим орудиям в литературе сложно, поскольку чаще всего они попадают в общий раздел деревянных поделок или изделий с обработкой. К деталям отнесен и продольный фрагмент ($43 \times 9 \times 2.7$ см) крупного изделия, поверхность обработана желобчатыми срезами, массивный (2 см) край имеет выпукло-вогнутую форму; возможно, это часть борта лодки (рис. 4, 19).

Длинные детали (пять экз.) и округлые палки (семь экз.) из расщепленной древесины имеют искусственно созданную поверхность. Последние (рис. 3, 8, 10, 15) обработаны особенно тщательно, сечения округлые или овальные, в одном случае высокий сегмент; диаметр колеблется от 1.5 до 2.4 см. В двух случаях оба конца скруглены (длина 30 и 33 см), в трех – один конец скруглен, второй обломан, в одном – конец срезан наискось. Все найдены в нижнем слое мезолита. Назначение неизвестно, некоторые из них могли служить прямыми рукоятками.

Изделия с обрубленными или притупленными концами обладают признаками законченного орудия. Это касается аккуратности оформления последовательными крутыми срезами одного или двух концов; верх короткого ограненного конуса либо сохраняет следы перелома, либо скруглен срезами. У десяти изделий сходный диаметр 3–4 см. Один предмет с двумя обрубленными концами оставлен в коре, сучок срезан на высоте 1 см (рис. 3, 19). Другой огранен по всей длине (рис. 3, 20), у третьего имеется продольное уплощение шириной 2.8 см с двумя канавками по краям (рис. 3, 12). Два предмета имеют полукруглое сечение, их длина 26 и 11.5 см (рис. 3, 24, 25). Все найдены в нижнем слое. Очевидно, что эта серия орудий имела определенное функциональное назначение. Похожие экземпляры есть на стоянке Веретье 1; в Бургашизе и Эгольцвиль 2 названы “затычками”, а в Драге – клиньями для обработки досок (рис. 3, 16–18, 21–23) (Bosch, 2006; Müller-Beck, 1965).

Типологический анализ деревянного инвентаря стоянки показал большое разнообразие форм и типов орудий внутри категорий. Удивляет низкий процент изделий, связанных с охотой и рыболовством (наконечников и древков стрел, луков, дротиков, копий, полное отсутствие гарпунов и зубчатых острий), столь частых на поселениях мезолита (Веретье 1, Вис I, Холмгард, Брабранд Со, Штеллмоор и др.). Единично представлены поплавки, нет выработанных типов весел. Это может указывать на культурную специфику и/или иной хозяйственный уклад поселений. В то же время наличие зооморфных скульптурных изображений и пластин с орнаментом сближает инвентарь нижних слоев

стоянки с кругом синхронных памятников севера Европейской России (Веретье 1, Вис I, Ивановское III и VII). Формы съёмных муфт и коленчатых рукоятей отражают, вероятно, определенный хронологический этап в развитии креплений рубящих орудий. Многие изделия уникальны и не имеют прямых аналогий в материалах других памятников. Разнообразные детали иллюстрируют способности древнего человека создавать орудия и приспособления для обеспечения своих нужд. Наконец, на материалах стоянки удалось выделить новый тип орудий – уплощенные острия, представленные выразительной и разнообразной серией. В целом, облик деревянного инвентаря стоянки отличается от всех известных на данный момент коллекций мезолита-неолита и, возможно, иллюстрирует конкретный узкий хронологический период конца мезолита – начала неолита.

Для изучения технологических следов на поверхности деревянных артефактов была проведена серия экспериментов с репликами кремневых и роговых орудий по дереву, выявленных в ходе выборочного трасологического анализа (Лозовская, Лозовский, 2003), в том числе роговых и каменных шлифованных тесел, двуручного струга, строгального ножа (пластина в рукоятке), пластин для подстругивания и ручных скребков. Были получены образцы следов и выявлены диагностические признаки от разных операций.

Сравнительный анализ деревянных артефактов с полученными эталонами (рис. 5; 6) и данные по морфологии древесины позволили сделать некоторые выводы о приемах изготовления орудий. Первичная фрагментация крупных стволов производилась за пределами раскопанной части поселений. Самый массивный предмет, дерево со стрелой, представляет собой $\frac{1}{4}$ часть расколотого крупного бревна ($57 \times 14 \times 9$ см). Все остальные вещи из расщепленной древесины имеют небольшие размеры. Число изделий из веток или тонких стволов (форма орудия определена заготовкой) достаточно велико. Это угловые рукояти, колья, изделия с обрубленными концами, часть наконечников и др. Обработка включала снятие коры (единичные орудия оставлены в коре намеренно) и срезание сучков, в частности, полная нивелировка рельефа строганием наблюдается на восьми кольях (на одном срезаны семь сучков); только в нижнем слое встречаются экземпляры, у которых сучки срезаны на высоте 0.8–1.5 см над поверхностью, на четырех предметах сучки просто обломаны. В редких случаях поверхность обстругана по всей длине (два кола и изделие с обрубленными концами). Признаки оскабливания

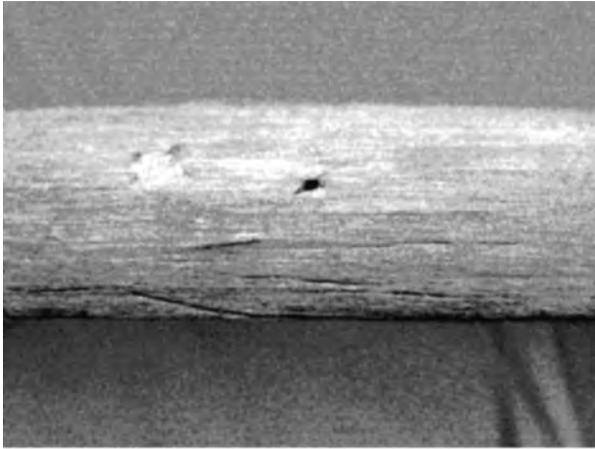
выпуклой поверхности сохранились лишь на одном изделии (рис. 5, 1).

Среди приемов заострения конца – односторонняя обтезка, дополненная короткими и тонкими снятиями с боков (занимает $\frac{1}{2}$ – $\frac{2}{3}$ окружности), является самой распространенной формой оформления асимметричного острия, в то время как многоразовая обработка по периметру (для получения симметричного конца) отсутствует на изделиях из нижнего слоя, для них характерна огранка последовательными удлиненными срезами: слабоогнутые (строгание), в нижнем слое – короткие, в среднем 2–5 см. В верхнем мезолитическом слое срезы длинные – до 8–12 см. Продольная фрагментация осуществлялась с помощью обтезки или наклонного надрубания по периметру с последующим переламыванием (контролируемый слом) – этот прием зафиксирован в основном в нижних слоях стоянки.

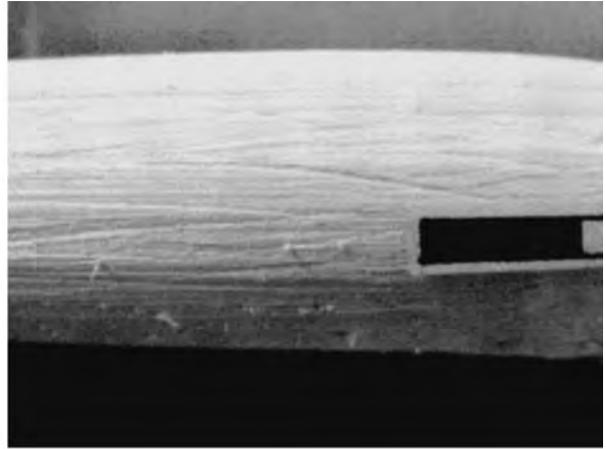
Основным способом формирования и отделки предметов из расщепленной древесины, включая фигурки животных (!), была обтезка. Все ясно читаемые срезы получены, по всем признакам, каменным теслом. Выделяется две разновидности срезов – слабоогнутые, с радиусом поперечной вогнутости более 5 см, и сильноогнутые, с радиусом 1.5–3.5 см (рис. 6, 1, 3) (всего изучено 43 среза для 18 орудий). Первые характерны для всех слоев, последние встречаются только в нижнем горизонте; в частности, у двух предметов (детали “борт лодки” и массивного кола) вся поверхность покрыта желобчатыми негативами радиусом 2–2.5 и 2.5–3 см. Эти наблюдения важны тем, что роговой и каменный инвентарь нижнего слоя (т.е. формы лезвий шлифованных тесел) не дает собственных поводов для таких заключений.

Формирование выпуклого рельефа удлиненных предметов происходило с помощью строгания. Четкие негативы срезов на поверхности уплощенного острия из верхнего слоя мезолита, возможно, связаны с использованием двуручного струга. Скобление наблюдается чаще в виде глубоких одиночных (скорее всего, вторичных) царапин на миниатюрных предметах хорошей сохранности (посуда, наконечники, конусовидные поделки), регулярные следы скобления при первичной отделке удалось проследить лишь в нескольких случаях (рис. 5, 3).

Следует отметить, что деревянный инвентарь возрастом более VII тыс. лет всегда является уникальным. Стоянка Замостье 2 отличается от синхронных мезолитических памятников Севера Европейской России не только составом инвентаря, но и типами представленных орудий. Выделяются как уникальные типы изделий, так и те, которые вписываются в общеевропейский контекст. Приводимые аналогии

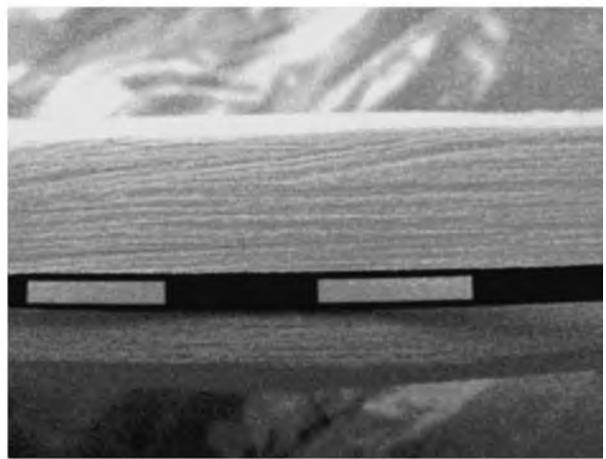
1

2

3

4

5

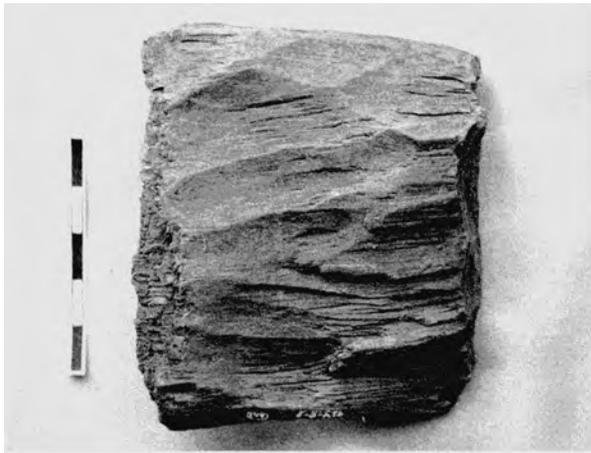

6

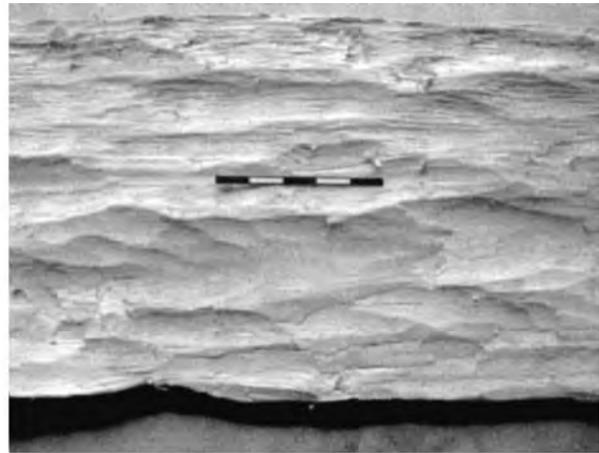
Рис. 5. Следы обработки на поверхности экспериментальных (2, 4, 6) и археологических (Замостье 2) (1, 3, 5) предметов. Скобление (1–4), строгание (5, 6).

не являются фактом заимствования или культурного влияния, а скорее отражают общие закономерности развития человеческих навыков и появления оптимальных форм орудий. Что касается духовной жизни

населения, бесспорным является общее для лесной зоны Восточной Европы бытование зооморфных фигур или украшение ими других предметов. В плане технологии удалось проследить изменения в при-

1

2

3

4

5

6

Рис. 6. Следы обработки на поверхности экспериментальных (2, 4, 6) и археологических (Замостье 2) (1, 3, 5) предметов. Обтеска каменным (1–5) и роговым теслом (6).

ритетном использовании некоторых приемов изготовления деревянных изделий, в частности, замену обтески поверхностей строганием. В функциональном аспекте назначение многих изделий, найденных

вне контекста использования, остается неясным, и потребуются еще большая работа для осознания в полной мере роли, которую играла древесина в жизни населения каменного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешинская А.С., Воронин К.В., Лаврушин Ю.А. и др.* Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное 1). М., 1997.
- Амирханов Х.А.* Палеолит юга Аравии. М., 1991.
- Бадер О.Н.* Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.
- Буров Г.М.* Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. 1966. № 1.
- Ванкина Л.В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
- Гурина Н.Н., Крайнов Д.А.* Льяловская культура // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Жилин М.Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004.
- Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В. и др.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М., 2002.
- Зимина М.П.* Каменный век бассейна реки Мсты. М., 1993.
- Колосова М.И., Мазуркевич А.Н.* Идентификация деревянных предметов по признакам анатомического строения древесины из неолитических торфяниковых памятников Ловатско-Двинского междуречья // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999.
- Крайнов Д.А., Костылева Е.А., Уткин А.В.* Скульптурное изображение головы лося с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995.
- Лозе И.А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Рига, 1988.
- Лозовская О.В.* Деревянные изделия стоянки Замостье 2 по материалам раскопок 1995–2000 гг. // Человек, адаптация, культура. М., 2008.
- Лозовская О.В., Лозовский В.М.* Типология и функция каменных изделий стоянки Замостье 2 (поздний мезолит – ранний неолит Русской равнины) // Археологические вести. № 10. СПб., 2003.
- Лозовский В.М.* Рыболовные сооружения на стоянке Замостье-2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.
- Лозовский В.М., Рамсеер Д.* Предметы из дерева стоянки Замостье-2 // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.
- Микляев А.М.* Неолитическое свайное поселение на Усвятом озере // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
- Ошибкина С.В.* Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
- Сидоров В.В., Сорокин А.Н.* Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.
- Anderson-Gerfaud P.* Aspects of Behaviour in the Middle Paleolithic: Functional Analysis of Stone Tools from Southwest France // The Human Revolution: Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. Edinburgh, 1990.
- Baudais D., Dellatre N.* Les objets en bois // Pétrequin P. Les sites littoraux néolithiques de Clairvaux-les-Lacs et de Chalais. T. III. V. 2. Paris, 1997.
- Bosch A.* Els objectes de fusta del poblament neolític de la Draga. Girona, 2006.
- Burov G.M.* Some Mesolithic Wooden Artifacts from the Site of Vis I in the European North East of the USSR // Mesolithic in Europe. Edinburgh, 1985.
- Burov G.M.* Die Holzgeräte des Siedlungsplatzes Vis I als Grundlage für die Periodisierung des Mesolithikums in Norden des Europäischen Teils der UdSSR // Contributions to the Mesolithic in Europe. Leuven, 1990.
- Clark J.D.* Kalambo Falls Prehistoric Site. V. III. Cambridge, 2001.
- Gramsch B.* Ausgrabungen auf dem mesolithischen Moorfundplatz bei Friesack, Bezirk Potsdam // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Bd. 21. Potsdam, 1987.
- Gross V.* Les Protohelvetes. Berlin, 1883.
- Keeley L.H.* Experimental determination of Stone tool uses: A microwear analysis. Chicago; L., 1980.
- Keeley L.H., Toth N.* Microwear polishes on early stone tools from Koobi-Fora. Kenya // Nature. 1981. № 293 (5832).
- Lozovski V.M., Ramseyer D.* Les objets en bois du site mésolithique de Zamostje 2 (Russie) // Archéo-Situla. 1995. № 25. 1998.
- Müller-Beck H.* Seeberg, Burgäschisee-Süd. Holzgeräte und Holzbearbeitung // Acta Bernensia. II. Bern, 1965.
- Nadel D., Grinberg U., Boaretto E., Werker E.* Wooden objects from Ohalo II, Jordan Valley, Israel // Jr. Human Evolution. 2006. № 50.
- Oakley K.P., Andrews P., Keeley L.H., Clark J.D.* A reappraisal of the Clacton spearpoint // PPS. 1977. № 43.
- Rimantienė R.* Šventoji. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1979.
- Rimantienė R.* Šventosios 6-oji gyvenvietė // Lietuvos Archeologija. № 14. Vilnius, 1996.
- Schuldt E.* Hohen Viecheln. Ein mittelsteinzeitliches Wohnplatz in Mecklenburg. Berlin, 1961.
- Shchelinskij V.E.* Outils pour travailler le bois et l'os au Paléolithique inférieur et moyen de la Plaine russe et du Caucase // Traces et fonction: les gestes retrouvés. V. 5. Liège, 1993.
- Skaarup J., Grøn O.* Møllegabet II. A submerged Mesolithic settlement in southern Denmark. Oxford, 2004 (BAR; Intern. ser. № 1328).
- Thieme H.* Altpaläolithische Wurfspeere aus Schöningen, Niedersachsen – ein Vorbericht // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1996. № 26.
- Thieme H.* Lower Palaeolithic hunting spears from Germany // Nature. 1997. № 385.
- Voruz J.-L.* Le Néolithique suisse. Bilan documentaire // Document du département d'anthropologie et d'écologie de l'Université de Genève. 1991. № 16.

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ПАЗАМИ В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2011 г. С.Н. Савченко

Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург
(sv-sav@yandex.ru)

Ключевые слова: мезолит Среднего Зауралья, типы костяных наконечников стрел с пазами, вкладышевые наконечники стрел, техника производства (изготовления) вкладышевых наконечников в Зауралье.

The bone arrowheads from the Middle Trans-Urals include arrowheads with slots for microblade inserts. There are about 140 specimens of such arrowheads. Items with slots are encountered in the following typological groups of bone arrowheads: bodkin-shaped, narrow and flat, one-winged and two-winged. Technical and traceological analysis allowed reconstructing the manufacturing technology. Composite arrowheads had appeared in the Middle Trans-Urals during the Early Mesolithic and continued to be in use until the Early Neolithic, undergoing changes and forming new types, including specifically Urals ones. Composite arrowheads have a wide range of analogies among the Mesolithic and Neolithic materials from the Eurasian forest zone. The nearest is tools from Mesolithic and Early Neolithic sites in Eastern Europe. The similarity in the types of composite arrowheads appears to reflect the contacts between the populations of the Urals and the forest zone of Eastern Europe during the Mesolithic and the Early Neolithic. Further study shall refine on the herein suggested scheme for the evolution of types of composite arrowheads in the Middle Trans-Urals, however, it is already clear that this category of weapons was evolving from the Early Mesolithic till the Early Neolithic, and reflecting local traditions as well as relations with neighboring regions.

Первые костяные наконечники стрел с пазами найдены в Среднем Зауралье при золотодобыче в конце XIX – начале XX в. на Шигирском торфянике. За последние десятилетия они обнаружены на ряде археологических памятников. Их количество составляет более 140 предметов, включая обломки. Большинство находок происходит из западной части рассматриваемой территории. Единичные находки получены на стоянках II Береговая из (II) раннеолитического (1 экз.) и (IV) среднего мезолитического (2 экз.) слоев и III Береговая (1 экз.) на Горбуновском торфянике и Шайтанское озеро I (1 экз.). Игловидный наконечник с пазом есть среди находок с Аятского озера в Национальном бюро древностей в Хельсинки, приобретенных в 1914 г. А. Тальгреном. Небольшие серии происходят из пещеры Гебауэра на р. Пышме (3 экз.), из мезолитических слоев стоянок Кокшаровско-Юрьинская I (7 экз.) и Кокшаровско-Юрьинская II (4 экз.) на Кокшаровском торфянике; значительная серия (51 обл. от 42 экз.) – из мезолитического слоя Лобвинской пещеры (рис. 1, 6, 7; 2, 5, 9, 10); 82 наконечника в Шигирской коллекции случайных находок в Свердловском областном краеведческом музее (СОКМ) (62 экз.), Государственном Эрмитаже (16 экз.), ГИМе (1 экз.) и Музее Человека в Париже (3 экз.).

Пазы служили для крепления в них микропластин-вкладышей. Наличие вкладышей часто меняло форму изделия. Игловидный наконечник с вкладышами на одном крае мог выглядеть как однокрылый, на двух – как двукрылый. Во избежание путаницы целесообразно сохранить за изделиями название типов костяных основ. Вкладышевые наконечники относятся к составным наконечникам колюще-режущего действия. У них морфологически выраженный колющий конец и одно или два лезвия. Все целые орудия длинные или средней длины, преобладают более 20 см. Такие орудия имеются в разных типологических группах наконечников. Они повторяют типы и варианты цельных наконечников, но дополнены пазами. Количество и расположение пазов использовано для выделения дополнительных подвариантов. Автор отказалась от цифр или букв для обозначения типов и вариантов, так как в региональных классификациях каждый исследователь вводит свои, и за наконечниками одного типа закрепляется несколько обозначений.

Типологическая группа игловидных наконечников стрел

Представлена тремя типами наконечников с пазами для вкладышей (47 экз., в том числе обломки):

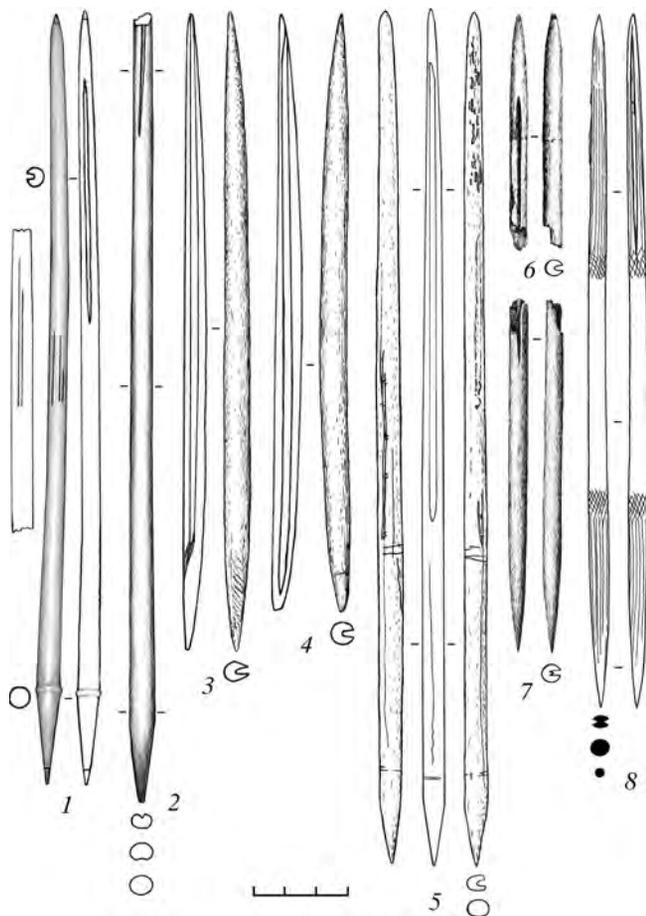

Рис. 1. Вкладышевые наконечники стрел игловидные массивные округлого поперечного сечения. Кость. 1, 8 – Гос. Эрмитаж; 2–5 – СОКМ; 6, 7 – по С.Е. Чаиркину и М.Г. Жилину.

Тип: Игловидные массивные наконечники круглого или округлого поперечного сечения (14 экз., в том числе обломки)

Максимальный диаметр 7 мм и более. Соотношение толщины и ширины в пределах 1:1–1:1.19. Острия конические, реже уплощенные, одно трехгранное (рис. 1, 6) (Лобвинская пещера), нередко обломаны. Насады короткие или средней длины, в двух случаях удлиненные. По форме насадов выделяются два варианта.

Вариант – с коническим насадом (девять экз., в том числе обломки). Три подварианта:

С одним коротким (1/2 и менее длины изделия) *пазом у острия* (2 экз.).

У целого наконечника (рис. 1, 1) паз начинается в 20 мм от острия. Сечение пазы V-образное, ширина – 1.5 мм, глубина – 2 мм. На переходе стержня в насад слабо выраженный рельефный пояс. У концов насада и острия тонкие кольцевые канавки. Гравированный орнамент и канавка на острие почти

стерты последующей тонкой шлифовкой. У второго орудия (рис. 1, 2) мелкий (1 × 0.5 мм) паз U-образного сечения прорезан не по краю, а на плоскости уплощенного острия. Паз не закончен, но орудие подверглось чистовой обработке и, вероятно, было использовано.

С одним длинным пазом (шесть экз.). Пазы от острия (рис. 1, 3) или на расстоянии от него (рис. 1, 4–6) и доходят до насада (рис. 1, 3), иногда заходя на него (рис. 1, 4), или завершаются на стержне в 60–88 мм от насада (рис. 1, 5, 7). Сечения пазов двух наконечников U-образное, одного – V-образное, одного – W-образное, одного – трапецевидное. Паз одного орудия в верхней части трапецевидный, ниже становится U-образным (рис. 1, 5). Параметры пазов: ширина – 2, глубина – 2–4 мм.

С двумя короткими пазами у острия (один экз.) (рис. 1, 8). Пазы разного V- и W-образного сечения начинаются в 3 мм от острия и завершаются

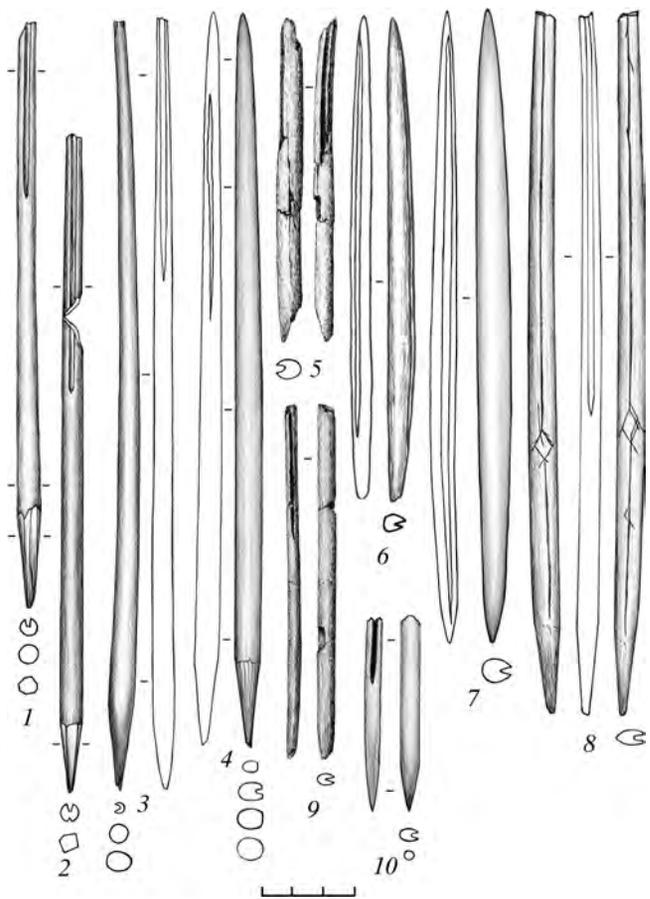

Рис. 2. Вкладышевые наконечники стрел. 1, 2 – игловидные массивные округлого поперечного сечения; 3–10 – игловидные массивные уплощенные. Кость. 1 – Гос. Эрмитаж; 2–4, 6, 8 – СОКМ; 7 – Национальное бюро древностей (Хельсинки); 5, 9, 10 – по С.Е. Чаиркину и М.Г. Жилину.

на стержне до середины орудия. Ширина пазов – 1,5 мм, глубина – 2 мм.

Вариант – с пирамидальным насадом (два экз.) имеет подварианты:

С коротким пазом у острия (рис. 2, 1). Переходный вариант от массивного игловидного к тонкому, диаметр 7 мм фиксируется только на переходе стержня в насад, затем резко уменьшается. Сечение паза U-образное, ширина и глубина – 2 мм.

С двумя короткими пазами у острия (рис. 2, 2). Один паз наконечника начинался от острия, второй – более короткий, узкий и мелкий – на значительном расстоянии от него. Он завершается на 5 мм раньше первого паза. Сечение пазов U-образное, параметры первого паза – 2×3 мм, второго – 1×1 мм.

Тип: Игловидные массивные уплощенные (31 экз., в том числе обломки)

Поперечное сечение наконечников овальное или подовальное, соотношение толщины и ширины в пределах 1:1.2–1:1.49. Острия уплощенно-конические, одно тонкое коническое (рис. 2, 3), нередко обломаны. Насадки короткие или средней длины, изредка удлиненные. По форме насадков выделяют три варианта.

Вариант – с коническим насадом (14 экз.) делится на три подварианта:

С коротким пазом у острия (2 экз.). Паз одного наконечника начинается в 25 мм от острия (рис. 2, 4), у второго конец тонкого конического острия обломан (переходный вариант от массивного игловидного с круглым сечением к игловидному уплощенному) (рис. 2, 3). Пазы мелкие, вероятно не закончены, но орудия подверглись чистовой обработке. Сечение паза первого наконечника трапециевидное, параметры паза 1×1 мм; сечение паза второго – W-образное, параметры – 2×1 мм.

С длинным пазом (11 экз., в том числе обломки). К данному подварианту относится большинство наконечников этого типа. Пазы U- и V-образного или трапециевидного сечения начинаются от острия или в 3–5 мм от него, завершаются на насаде (рис. 2, 6, 7) или в 23–70 мм от него (рис. 2, 5, 8–10). Параметры пазов: $1.5–2 \times 2–4$ мм.

С двумя асимметрично расположенными на краях пазами (рис. 3, 1). Один паз короткий от острия и чуть не доходит до середины изделия, другой – длинный, начинается выше середины орудия и завершается на насаде. Сечение пазов V-образное, параметры 2×3 мм.

Вариант – с пирамидальным насадом представлен орудием *подварианта – с длинным пазом*, не

доходящим до насада 58 мм (рис. 3, 2). Сечение паза V-образное, ширина 1 мм, глубина ≈ 2 мм. Паз заполнен клеящим веществом, верх его оплавлен, что говорит о нагревании, но вкладыши не вставлены.

Вариант – с клиновидным насадом (4 экз.) имеет два подварианта:

С длинным пазом (три экз.) У двух орудий острия утрачены. Целое орудие (рис. 3, 3) – переходный вариант от игловидного уплощенного к однокрылому без шипа. Перо слегка асимметрично, у конца паза едва заметный уступ (конец намеченного крыла). Пазы U- и V-образного сечения не доходят до насада 30–60 мм (рис. 3, 3, 5). Параметры пазов: ширина – 2 мм, глубина – 3 мм.

С двумя длинными пазами (один экз.). Острие наконечника обломано, пазы завершаются на одинаковом расстоянии в 55 мм от насада (рис. 3, 4). Поперечное сечение орудия близко к подпрямоугольному. Сечение пазов U-образное, параметры 2×2 мм. Наконечник в стадии переустановки вкладышей. Смола в пазах выровнена, но вкладыши не вставлены. В пазу в смоле обломок вкладыша, стоявшего ранее.

Тип: Игловидные тонкие круглого или округлого поперечного сечения

Максимальный диаметр менее 7 мм. Представлен двумя наконечниками Шигирской коллекции *варианта – с коническим насадом, подварианта – с одним длинным пазом* (рис. 3, 6, 7). Изделия с коническим острием и коротким коническим насадом. Наконечник (рис. 3, 6) средней длины с пазом от острия до конца насада. Паз U-образный, параметры 2×3 мм. Второй наконечник длинный (рис. 3, 7), паз начинается в 7 мм от острия и завершается в 47 мм от насада, сечение паза трапециевидное, параметры 2×4 мм.

Большинство наконечников относится к *типологической группе узких плоских наконечников стрел* (82 экз., большая часть – обломки). Соотношение толщины и ширины орудий в пределах 1:1.5–1:2. У большинства изделий насадки характерной для Урала клиновидной формы, у одного – пирамидальной (Шигирская коллекция), у трех неопределимых до типа обломков насадки уплощенно-конические (Лобвинская пещера, II Береговая раннеолитический слой). Выделяются типы:

Тип: Узкие плоские симметричные (11 экз., в том числе обломки)

Перо узкое (рис. 4, 1, 2) или расширенное (рис. 4, 3–6; 5, 1) овального, линзовидного, единично подромбического (рис. 4, 6) сечения. У большинства из-

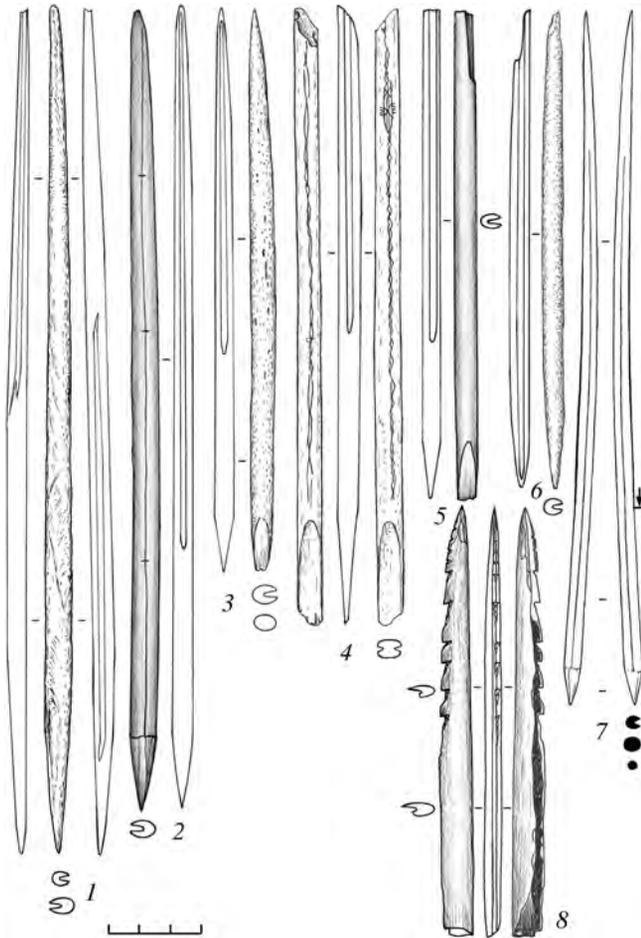

Рис. 3. Вкладыш-е наконечники стрел. 1–5 – игловидные массивные уплощенные; 6, 7 – игловидные тонкие округлого поперечного сечения; 8 – узкий плоский асимметричный. Кость. 1–6, 8 – СОКМ; 7 – Гос. Эрмитаж.

делий с расширенным пером выделяется стержень овального сечения (рис. 4, 3–6). Насады короткие или средней длины. По форме насада выделяются два варианта.

Вариант – с пирамидальным насадом (один экз.). *Подвариант – с длинным пазом* (рис. 4, 1). Переходный вариант от игловидного уплощенного к узкому плоскому симметричному. Перо узкое, паз U-образного сечения начинается в 7 мм от острия и заканчивается в 47 мм от насада, параметры паза 2×3 мм.

Вариант – с клиновидным насадом (шесть экз.) имеет два подварианта:

С длинным пазом (два экз.). Одно орудие средней длины с узким пером (рис. 4, 2). Паз U-образного сечения начинается в 2,5 мм от острия и завершается в 7 мм от насада, параметры паза

2×2 мм. До первого вкладыша паз заполнен темно-коричневым веществом, поверхность которого выровнена. Выступающий край вкладыша скошен мельчайшей полукрутой ретушью. Ниже на смоле в пазу отпечатки еще нескольких микропластин. Второе орудие длинное с расширенным пером (рис. 4, 4). Конец острия обломан. Паз U-образного сечения завершается на стержне в 59 мм от насада, параметры паза 2.5×3 мм.

С двумя длинными пазами (четыре экз.). Перо расширенное (рис. 4, 3, 5, 6; 5, 1). Пазы двух орудий начинаются на небольшом – 3 и 14 мм – расстоянии от острия, у двух – конец острия обломан. Пазы заканчиваются в 27–72 мм от насада, в двух случаях один паз на 3 и 4 мм длиннее другого (рис. 4, 5, 6). Сечение пазов U-, V-образное и трапециевидное. Параметры пазов: ширина 1.5–2, глубина 2–4 мм. У одного наконечника тонкой шлифовкой стерта кромка вкладыша (рис. 4, 5).

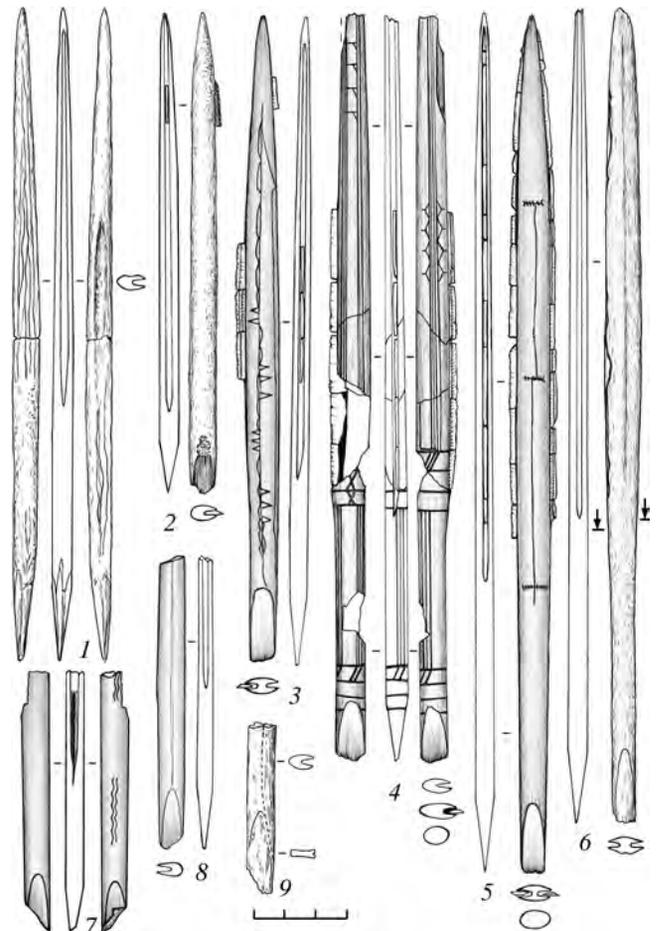

Рис. 4. Вкладыш-е наконечники стрел. 1–6 – узкие плоские симметричные; 7–9 – узкие плоские (обломки). Кость. 1–8 – СОКМ; 9 – по Ю.Б. Серикову.

Тип: Узкие плоские асимметричные
(26 экз., в том числе обломки)

К этому типу относится большинство узких плоских наконечников, в том числе, вероятно, неопределимых до типа обломков. Представлен только вариант – с клиновидным насадом. Преобладают изделия с узким пером (рис. 5, 2–5, 9; 6, 1–3), но встречаются с расширенным (рис. 5, 6–8; 6, 4–6). Поперечное сечение орудий линзовидное, овальное, каплевидное, иногда ромбическое и подтреугольное (рис. 6, 6). Край с пазом выпуклый, противоположный край тупой или прямой (рис. 5, 2–9; 6, 4, 5), или отчетливо вогнут (рис. 6, 1–3, 6), что придает острию асимметрию, в нижней половине наконечники симметричны. У орудий переходного варианта асимметрия прослеживается только на самом конце острия (рис. 5, 3, 4).

Подвариант – с коротким пазом у острия (один экз.). Перо узкое, тупой край прямой, U-образный паз начинается в 4 мм от острия и завер-

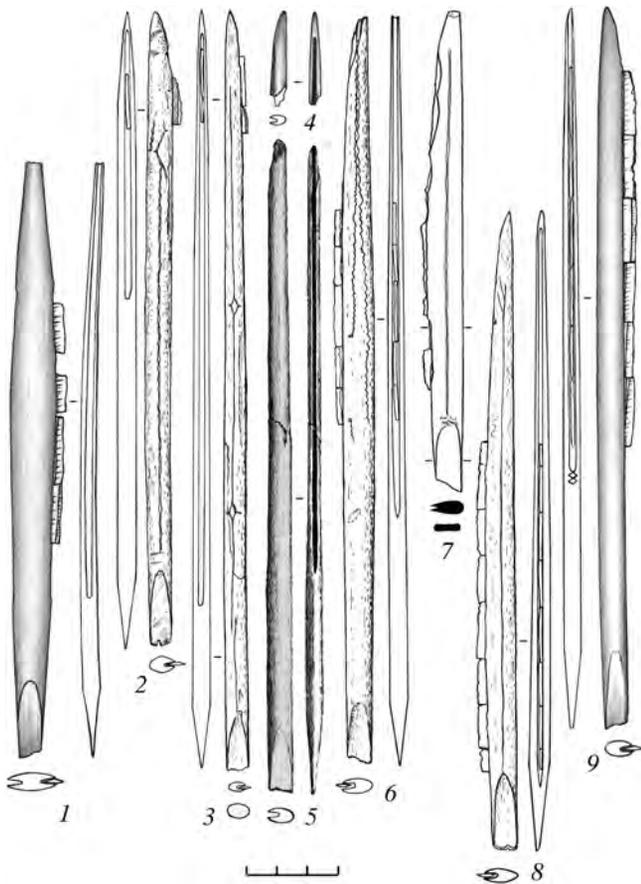

Рис. 5. Вкладышечные наконечники стрел. 1 – узкий плоский симметричный; 2–9 – узкие плоские асимметричные. Кость, кремль. 1, 7 – Гос. Эрмитаж; 2, 3, 6, 8 – СОКМ; 4, 5 – по С.Е. Чаиркину и М.Г. Жилину; 9 – Музей человека (Париж).

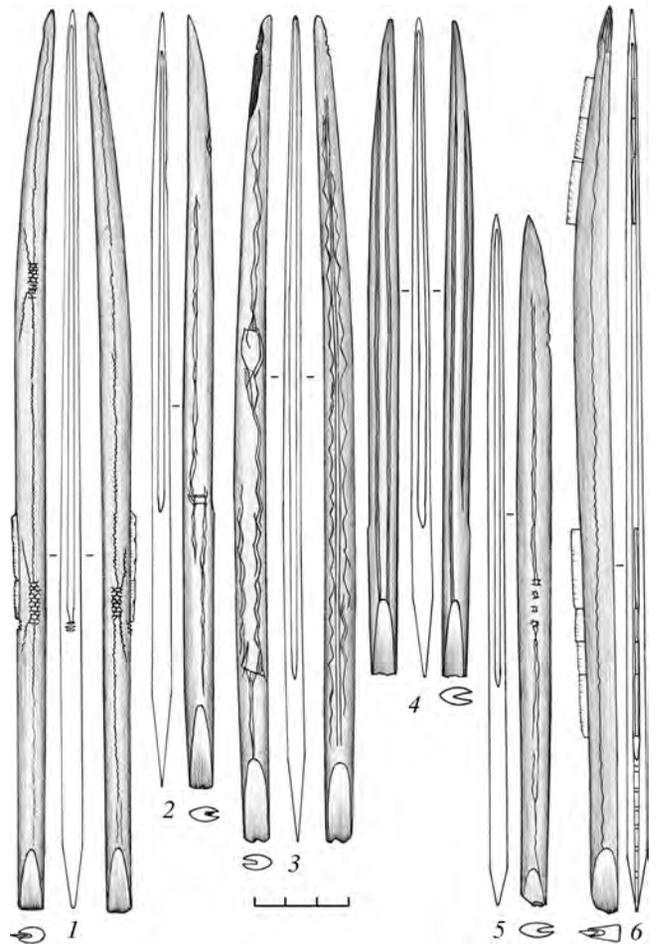

Рис. 6. Вкладышечные наконечники стрел узкие плоские асимметричные. Кость. 1–3, 5, 6 – СОКМ; 4 – ГИМ.

шается до середины орудия (рис. 5, 2). Параметры паза 2×2 мм. Край сохранившегося вкладыша скошен мелкой полукрутой ретушью.

Остальные орудия этого типа относятся к подварианту – с длинным пазом (рис. 5, 3–9; 6). Паза U-образного, в одном случае V-образного (рис. 6, 4) сечения начинаются иногда от острия, чаще в 3–13 мм от него, и завершаются в 15–70 мм от насада, в одном случае у насада (рис. 5, 8). Параметры пазов $2 \times 2-4$ мм.

Все известные на сегодняшний день наконечники с пазами для вкладышей типологической группы однокрыльких наконечников стрел происходят из Шигирской коллекции (17 экз.). Они подразделяются на два типа:

Тип: Однокрылькие без шипа на конце крыла
(восемь экз.)

Перо средней длины (примерно $1/2$ длины изделия), в одном случае короткое (рис. 7, 2) (менее $1/3$ длины изделия). Сечение пера овальное, единично

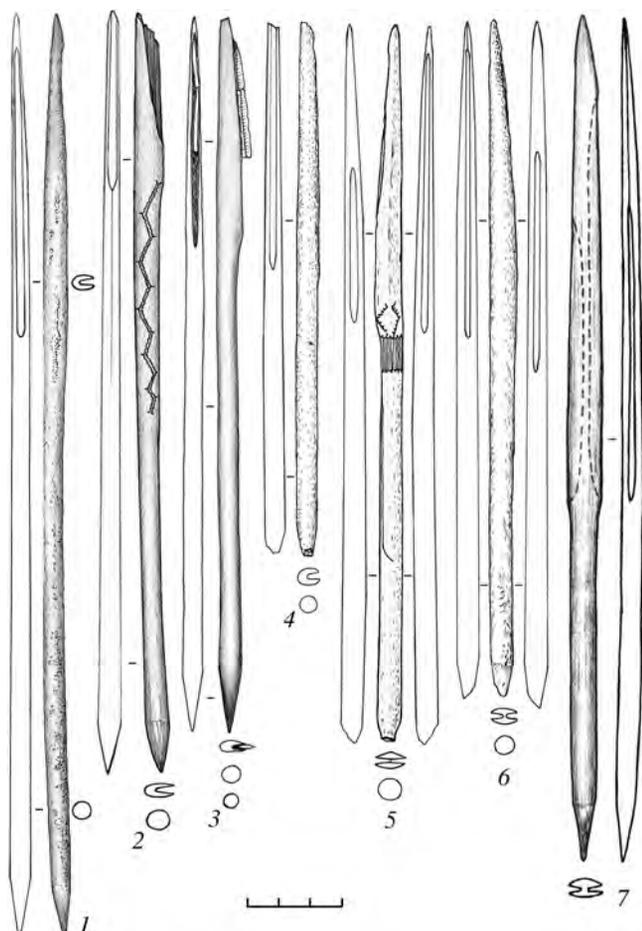

Рис. 7. Вкладышеские наконечники стрел. 1–6 – однокрылые без шипа на конце крыла; 7 – двухкрылый асимметричный без шипов. Кость, кремль. 1–6 – СОКМ; 7 – Гос. Эрмитаж.

подромбическое (рис. 7, 5). Край крыла либо плавно переходит в стержень (рис. 7, 1, 6), либо крыло завершается более или менее выраженным уступом (рис. 7, 2–5). Представлен один вариант – с коротким коническим насадом. Два подварианта:

С пазом вдоль края крыла (пять экз.). Одно орудие с коротким пером (рис. 7, 2). Острие обломано, широкий и глубокий паз трапециевидного сечения завершается с окончанием крыла. Параметры паза 3×5 мм. На орудиях с пером средней длины пазы U- и V-образного сечения начинаются на небольшом расстоянии от острия (рис. 7, 1), в одном случае – от острия, и завершаются или на конце крыла (рис. 7, 3), или на расстоянии 4–10 мм до его конца (рис. 7, 1, 4). Параметры пазов: $1.5\text{--}3 \times 2\text{--}4$ мм.

С пазом вдоль края крыла и коротким пазом на противоположном крае (три экз.) (рис. 7, 5, 6). Паз на крыле начинаются в 9–10 мм от острия и завершается с окончанием крыла или чуть раньше. Пазы на другом крае значительно короче, начинаются

в 40–46 мм от острия и заканчиваются чуть раньше паза на крыле или чуть позже. Сечение пазов одного наконечника U-образное (рис. 7, 6), другого – V-образное (рис. 7, 5), у третьего орудия один паз U-образный, другой – V-образный. Параметры пазов $1.5\text{--}2 \times 3\text{--}4$ мм, местами они прорезаны насквозь.

Тип: Однокрылые с шипом на конце крыла (девять экз.)

У большинства орудий перо средней длины (рис. 8, 1–4), у одного – короткое (рис. 8, 6), у двух – длинное (больше $1/2$ длины изделия) (рис. 8, 5). Сечение пера каплевидное или линзовидное. Выделяются два варианта.

Вариант – с коротким коническим насадом (пять экз.) имеет три подварианта:

С пазом вдоль края крыла (два экз.). Перо средней длины, шип длинный с нависающим концом или короткий (рис. 8, 4), стержень подквадратного и округлого сечения. Пазы V- и U-образного сечения начинаются или на небольшом расстоянии от острия, или в 24 мм от него и завершаются не доходя до конца крыла. Параметры пазов 2×2 и 3 мм. Особенность одного орудия – мелкие зубчики на ребре крыла от острия до начала паза, в пазу сохранились три вкладыша, конец последнего сломан под углом около 45° и выступает из паза, образуя дополнительный шип (рис. 8, 4).

С коротким пазом у острия на противоположном крылу крае (два экз.). Перо короткое (рис. 8, 6) и средней длины (рис. 8, 3) заканчивается длинным шипом с нависающим концом на конце крыла; стержень длинный округлого и овального сечения, ниже основания пера под шипом край стержня уплощен примерно на треть его длины. Пазы U-образного сечения от острия начинаются от острия и завершаются на стержне ниже пера. Параметры пазов 2 и 1.5×4 мм. Наконечники имеют индивидуальные черты. У орудия с коротким пером на ребре уплощенной части стержня продольным строганием нанесено по девять длинных ромбических нарезок (рис. 8, 6). Похожие нарезки, но более короткие и выполненные встречным строганием, есть на гранях нижнего конуса головки наконечника “шигирского типа” из Шигирской коллекции СОКМ. На стержне второго изделия, под уплощенным отрезком, имеется вертикальное ребро с 11 мелкими поперечными пропилами – “гребешок” (рис. 8, 3). Подобный гребешок есть на головке наконечника “шигирского типа” из коллекции СОКМ, а также на весловидном наконечнике из мезолитической стоянки Окаемово 5 в Верхнем Поволжье, но здесь

гребешок менее выражен, и насечки выполнены строгальным ножом (Жилин, 2001. С. 77).

С пазом вдоль края крыла и коротким пазом на противоположном крае (один экз.) (рис. 8, 2). Насад обломан, но судя по круглому сечению стержня, вероятно, был коническим. Перо средней длины с коротким шипом на конце крыла. Паз на крыле во всю длину крыла, у острия частично соструган (после слома?). Паз на другом крае длиннее, начинается от острия и заканчивается на 13 мм ниже крыла. Сечение пазов U-образное, параметры пазы на крыле – 3×3 мм, второго – 2×2 мм.

Вариант – с клиновидным насадом (четыре экз.) имеет два подварианта:

С пазом вдоль края крыла (два экз.). Перо средней длины с коротким шипом на конце крыла, стержень овального сечения, в одном случае уплощен со стороны крыла, насад короткий. Паз почти от острия до конца (рис. 8, 1) или чуть не доходит до конца крыла. Пазы трапециевидного сечения, параметры пазов 3×3 и 4 мм. У одного орудия сохранился последний вкладыш, угол его подправлен мельчайшей крутой ретушью на спинке и, вероятно, случайно стерт мелким абразивом (рис. 8, 1).

С длинным пазом на противоположном крылу крае (два экз.). Перо длинное линзовидного (рис. 8, 5) и подпрямоугольного сечения, шипы обломаны, но вероятно были длинными, стержни каплевидного с уплощенным краем со стороны крыла (рис. 8, 5) и подпрямоугольного сечения, насады средней длины. Острия обломаны, пазы длинные, завершаются на стержне в 68 и 24 мм от насада. У одного орудия (рис. 8, 5) паз U-образного сечения, параметры пазы – 2×3 мм, у второго – трапециевидный в сечении паз широкий 3 мм, но не глубокий 1.5 мм.

Типологическая группа двукрылых наконечников стрел

Представлена одним орудием из Шигирской коллекции Гос. Эрмитажа. Тип – двукрылые асимметричные без шипов, вариант – с коническим насадом, подвариант – с двумя короткими пазами на крыльях (рис. 7, 7). Изделие имеет длинное перо, стержень и короткий насад. Паз на более выпуклом крыле начинается в 25 мм от острия. Паз на втором крыле намного короче начинается в 63 мм от острия. Оба пазы заканчиваются у конца крыльев. Сечение пазов U-образное, параметры 1.5×4 мм.

Техника производства орудий устанавливается при анализе (выполнен совместно с М.Г. Жилиным) поверхности изделий под микроскопом. Для изготовления использовались диафизы трубчатых костей крупных животных. Кость продольно дели-

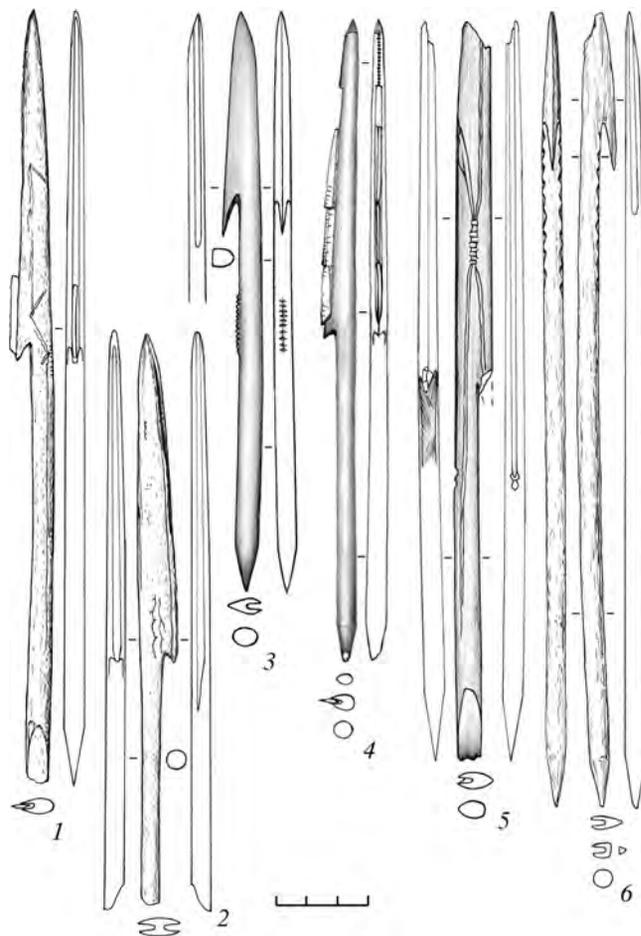

Рис. 8. Вкладышевые наконечники стрел однокрылые с шипом на крыле. Кость, кремний. 1, 2, 4–6 – СОКМ; 3 – Музей Человечка (Париж).

лась на пластины-заготовки, участки внутренней поверхности кости видны на отдельных орудиях (рис. 1, 5; 4, 1). Этот способ получения преформ широко применялся в каменном веке Севера Европы (Жилин, 2001). Выявленная “технологическая стратиграфия” – перекрывание следов одной операции следами следующих – позволила установить последовательность приемов обработки и реконструировать этапы изготовления орудий.

Основными приемами обработки преформ были скобление и строгание, иногда грубая абразивная обработка. Следы резца не отмечены; либо он не использовался, либо его следы сняты впоследствии. Сначала обработка выполнялась скобелем (следы есть на 29 изд.), затем продольным строганием (следы на 58 изд.) и (или) реже грубой шлифовкой (следы на 13 изд.). Иногда кость размягчалась, очевидно химическим путем, о чем говорят широкие длинные ровные срезы строгального ножа на нескольких орудиях. На многих изделиях следы всех или некоторых

стадий обработки сняты последующими операциями. Высокая эффективность всех формообразующих приемов была доказана экспериментально. Выяснилось, что один из приемов мог быть пропущен и заменен более интенсивным применением другого (Savchenko, 2007). Последовательность операций порой менялась. В одном случае после скобления шла грубая шлифовка, затем продольное строгание; в других – после прорезания паза (рис. 1, 5) или нанесения орнамента (рис. 2, 8) – грубая косая шлифовка, тонкая шлифовка и полировка; на двух изделиях после скобления – грубая шлифовка, следы строгания отсутствуют. Черновая обработка орудий из Лобвинской пещеры выполнена только скоблением, один предмет после чистового строгания обработан грубой шлифовкой (Чаиркин, Жилин, 2005).

После придания заготовке общей формы прорабатывались детали. У однокрылых с шипом на крыле шип либо вырезался наискось с двух сторон (рис. 8, б), либо выпиливался поперечно (рис. 8, 2) или наискось с двух сторон (рис. 8, 1). На узких плоских и некоторых игловидных, уплощенных продольным строганием, единично скоблением и строганием, на краях подготавливалась площадка паза – продольная плоскость шириной 2–3 мм, должной длины. На заготовке орудия из IV слоя II Береговой стоянки площадка была сделана, но паз не успели прорезать. Большинство пазов выполнены аккуратно, края их и следы резчика на дне и стенках пазов строго параллельны. Как показал эксперимент, вероятно сначала острым углом пластины движениями вперед намечалась линия паза, затем паз прорезался на нужную глубину (Savchenko, 2007). У одного узкого плоско-го конца пазов у насада отмечены тонкими поперечными пропилами (рис. 5, 1), у обломка другого конец паза отмечен сверлиной. Резчиками служили обломки пластин. Если кость размягчалась, лезвие резчика почти не выкрашивалось, и паз получался V-образным. Так как сечение пластинки-резчика из-за огранки асимметрично, то и сечение паза тоже было таким. V-образное сечение говорит о движении резчика в одном направлении. Если в процессе резания направление движения резчика менялось на противоположное, паз становился W-образным. На обломке уплощенного игловидного наконечника с Кокшаровско-Юрьинской I стоянки паз V-образный со ступенчатыми стенками. U-образные пазы прорезаны инструментом с затупившейся кромкой. Если кромка резчика оформлялась резцовым сколом паз был трапециевидным (Чаиркин, Жилин, 2005).

Нужно отметить разнообразие форм сечений пазов на уральских наконечниках. На игловидных округлого сечения, узких плоских и однокрылых преобладают пазы U-образные, далее следуют

V-образные и трапециевидные, W-образные пазы единичны. У всех узких плоских асимметричных наконечников, за исключением одного с V-образным пазом, пазы U-образные. На игловидных уплощенных трапециевидных, V- и U-образных пазов примерно поровну, но немного больше V-образных. Нет ни одного типа наконечников с пазами только одной формы. Имеются орудия с двумя пазами разного сечения: V- и W-образного (рис. 1, 8), V- и U-образного. Есть изделие с пазом, меняющим форму на своем протяжении, – трапециевидное сечение на U-образное, что, вероятно, связано с износом кромки резчика (рис. 1, 5). Имеются отдельные наконечники с мелким коротким, возможно, не завершенным пазом (рис. 1, 2; 2, 3, 4), которые несмотря на это подверглись дальнейшей чистовой обработке тонкой шлифовкой и полировкой и, очевидно, были использованы. Вкладыши, вероятно, в них не ставились.

Чистовая обработка велась строгальным ножом, но иногда, возможно местами, применялись скобление и абразивная обработка. Выравнивались края пазов, убирались неровности. Затем часть орудий использовалась. Но большинство изделий после этого обработано тонкой поперечной и (или) косой или хаотической шлифовкой и полировкой. Клиновидные насады наконечников оформлялись строганием в последнюю очередь. На их выпуклых краях видны следы тонкой шлифовки, убранные строганием на плоскостях. На многих орудиях – гравированный орнамент и (или) насечки, пропиленные или выполненные строгальным ножом. Гравировка делалась углом слома пластины или отщепы после чистового строгания перед тонкой шлифовкой и полировкой, что подтверждает сглаженность и заполировка краев линий. Чаще орнаментировали узкие плоские асимметричные и однокрылые наконечники с шипом на крыле. В орнамент орудия из Лобвинской пещеры втерта красная краска, вероятно, охра (Чаиркин, Жилин, 2005). Краска есть и на изделиях из пещеры Камень Дыроватый на Среднем Урале. Возможно, краска была и на орнаментированных орудиях из торфяников, но ее вымыло водой. С другой стороны, памятники в этих пещерах имели сакральное значение, и с этим могло быть связано окрашивание наконечников.

Вкладыши обычно монтировались в полностью готовую оправу. Но в двух случаях фиксируется стертость кромки вкладыша абразивом (рис. 4, 5; 8, 1), значит он уже стоял в оправе, когда ее шлифовали. В узких глубоких пазах вкладыши могли крепиться без клеящего вещества. Оправа распаривалась, кость при высыхании сжималась и плотно их удерживала (Чаиркин, Жилин, 2005). В пазах более 50 изделий, в основном шигирских находок, обнаружено клеящее вещество. У большинства орудий

(игловидных, большей части узких плоских и трех однокрылых) клеящая масса – темная матовая: от черного и коричневого до серого оттенков. В пазух отдельных узких плоских наконечников и большинства однокрылых клеящая масса – черная или темно-коричневая с блеском на изломе. Отличие клеящих масс может указывать на разные технологические традиции. Перед установкой вкладышей клеящую массу в оправе разогревали, о чем говорят ее оплавленная поверхность и неровности, возникшие при выдавливании вкладышем нагретой смолы из паза, отмеченные на отдельных орудиях. Такой способ крепления использовался в мезолите лесной зоны Восточной Европы (Жилин, 2001). Большинство вкладышей – медиальные фрагменты микропластин правильной огранки, полученных отжимным способом. Их ширина – 2,5–6 мм, преобладают 4–5 мм, толщина – 0,6–1,5 мм, чаще 1 мм. Длина вкладышей в оправе – 6–27 мм. Есть орудия с вкладышами из микропластин, снятых с одного нуклеуса. При монтаже небольшая часть пластин подверглась ретушированию для более точной подгонки, хотя в целом развитая отжимная техника позволяла получать вкладыши, не требующие доработки. Иногда мелкой полукрутой ретушью скошен край первого вкладыша у острия, для выравнивания выступающего из оправы угла пластины (рис. 4, 2, 5; 5, 2). В Лобвинской пещере из 81 микропластины обработано лишь 22: у одной крутой дорсальной ретушью обработан конец, у остальных – края (Чаиркин, Жилин, 2005). Вкладыши ставились спинкой в одну сторону. У наконечников с двумя пазами на одном крае они ставились спинкой вверх, на другом – спинкой вниз. На вкладышах встречаются повреждения, типичные для вставок метательного оружия, – краевая выкрошенность, на углах сколы, напоминающие резцовые.

Во всех случаях, когда можно определить, наконечники втыкались прямо, без вращения, в отличие от восточноевропейских, которые в полете вращались. Следы на остриях некоторых орудий свидетельствуют о попадании в мягкий слабо загрязненный материал (шкура зверя? мягкая болотная почва? и др.), иногда острие разбито при попадании в твердый материал (кость зверя? каменистый грунт? и др.). Все наконечники из Лобвинской пещеры разбиты на части при ударе с большой силой о стены пещеры, вероятно, при стрельбе в нее (Чаиркин, Жилин, 2005). В процессе использования наконечники ломались, теряли вкладыши. Об их замене, возможно неоднократно, говорят обломки предыдущих микропластин в клеящей массе в пазух наконечников. Некоторые орудия подправлены после повреждений. Чаще всего продольным строганием подправлялись или переоформлялись острия и насады. У однокрылого наконечника после слома шипа края скола заполиро-

ваны, очевидно, он использовался и после поломки (рис. 8, 5). Интересным примером переоформления является попытка переделки, возможно в более позднее время, но выполненная каменными орудиями, обломка узкого плоского асимметричного в наконечник с зубцами (рис. 3, 8). Строганием заточен слом острия и выровнен сколотый край паза. На втором целом крае паза поперечно выпилены зубцы. На одной плоскости скоблением намечен клиновидный насад.

Технология изготовления уральских наконечников имеет много общего с технологией изготовления подобных изделий из Восточной Европы. Особенностью является абразивная обработка, почти отсутствующая на восточноевропейских орудиях, что отражает специфику костяной индустрии Урала, где множество выходов абразивных пород. Грубая шлифовка здесь была одним из формообразующих приемов обработки кости. Тонкая шлифовка в основном применялась для чистовой обработки. Шипы на уральских однокрылых наконечниках или вырезались, или выпиливались, на восточноевропейских – или вырезались, или выстрогивались с подрезанием стружки (Жилин, 2001).

Вкладышевая техника на Урале известна с позднего палеолита. Костяной наконечник метательного орудия с двумя пазами найден на стоянке Талицкого (Гвоздовер, 1952), обломки вкладышевых кинжалов есть в гроте Бобылек (Волков и др., 2007). Для определения хронологии типов уральских вкладышевых наконечников важны данные о находках в датированных слоях памятников. Игловидные массивные наконечники стрел округлого сечения с двумя длинными пазами происходят со стоянки Сюнь II в Южном Приуралье, датируемой по пыльце поздним дриасом (Матюшин, 1976). Игловидные наконечники округлого сечения и уплощенные с длинным пазом найдены в мезолитическом слое Шайтанской пещеры в Северном Зауралье. В Среднем Зауралье игловидные округлого сечения наконечники (рис. 1, 6, 7) и уплощенные (рис. 2, 5, 9, 10) с одним пазом, узкие плоские асимметричные с одним пазом (рис. 5, 4, 5) и обломки узких плоских с двумя пазами есть в мезолитическом слое Лобвинской пещеры. По расколотым костям лося получена некалиброванная дата 9265 ± 255 (ИЭРЖ-92) ^{14}C л.н., по спорово-пыльцевому анализу слой отнесен к пребореалу – началу бореала (Чаиркин, Жилин, 2005). Обломки наконечников игловидных уплощенных и узких плоских с одним пазом (рис. 4, 9) получены из мезолитического слоя стоянки Кокшаровско-Юрьинская I, обломки узких плоских с одним пазом (рис. 4, 7, 8) – из мезолитического слоя Кокшаровско-Юрьинской II. Узкий плоский асимметричный наконечник с длинным пазом и заготовка такого же найдены в среднем

мезолитическом слое торфяниковой части II Береговой, датированном по спорово-пыльцевому анализу началом бореала, по радиоуглеродным датам – около 9000 л.н.; обломок узкого плоского с двумя пазами найден в раннеолитическом слое стоянки. Игловидные уплощенные, узкие плоские симметричные наконечники с двумя пазами и асимметричные с одним длинным пазом с прямым или вогнутым тупым краем с клиновидным насадом, однокрылые без шипа с пазом на крыле, двукрылый симметричный без шипов с двумя пазами, однокрылые с коротким или длинным шипом с пазом на крыле или на противоположном крае есть в мезолитическом слое пещеры Камень Дыроватый (Сериков, 2000).

В пазах и неровностях поверхности некоторых шигирских наконечников под микроскопом обнаружены частицы отложений, в которых орудия когда-то находились. Сопоставление с колонкой опорного разреза показало, что на игловидных округлого сечения (рис. 1, 4) и уплощенном, узком плоском симметричном (рис. 4, 6) и асимметричном изделиях (рис. 6, 3) выявлены лежащие в основании сизо-серые, выше розоватые известковистые сапропели, становящиеся белесыми при высыхании, датированные по пыльце пребореалом. Бореальные известковистые бежевые сапропели, светло-серые при высыхании – на игловидных массивных округлого сечения наконечниках (рис. 1, 3, 5) и уплощенных (рис. 2, 3, 8; 3, 2–4), игловидном тонком (рис. 3, 6), узких плоских симметричных (рис. 4, 3, 5) и асимметричных (рис. 5, 2; 6, 1, 5), однокрылых без шипа (рис. 7, 2, 4) и с шипом (рис. 8, 1, 4), двукрылом (рис. 7, 7). Оливковый сапропель атлантического периода – лишь на одном игловидном массивном округлого сечения с короткими пазами (рис. 2, 2). На массивном игловидном с коротким пазом наконечнике встречен торф (рис. 2, 1).

Все игловидные и узкие плоские симметричные с узким пером по конструктивным особенностям достаточно близки и могут восходить к одному прототипу. Игловидные уплощенные орудия могут рассматриваться как модификация игловидных с округлым сечением, а узкие плоские симметричные – как модификация игловидных уплощенных. В пользу этого говорит наличие переходных вариантов (рис. 2, 3; 4, 1). Однако не исключено и их независимое происхождение. По сравнению с ними узкие плоские симметричные с расширенным пером наконечники и узкие плоские асимметричные выглядят значительно более развитыми. Сложная их форма устойчиво повторяется. Возможно их происхождение от игловидных уплощенных или узких плоских симметричных с узким пером. Однокрылые наконечники без шипа могут рассматриваться как своеобразный тип, вероятно, развившийся из

игловидных с коротким пазом у острия. Переходные варианты (рис. 3, 3; 7, 4). Однокрылые с шипом являются принципиально иной разновидностью наконечников стрел, обладающих другим эффектом при попадании. Они довольно разнообразны как по форме, так по количеству и расположению пазов.

Вкладышевые наконечники распространены в финальном палеолите – раннем неолите лесной зоны Евразии. В Восточной Сибири они доживают до энеолита–ранней бронзы. В Западной Сибири известны лишь немногочисленные обломки таких наконечников на мезолитических памятниках бассейна р. Конда (Сериков, 1998). Массивные игловидные наконечники с одним и двумя длинными пазами есть в памятниках финального палеолита и мезолита от Западной Европы до Восточной Сибири (Жилин, 2001; Vdovin, Makarov, 1996). В Европе они более присущи раннему мезолиту, меньше – позднему. В Восточной Сибири игловидные уплощенные с двумя пазами с клиновидным или косо срезанным насадом, не типичным для Урала и Восточной Европы, имеются в материалах неолита (Питулько, 2001) и энеолита (Федосеева, 1980). Игловидные наконечники с коротким пазом у острия характерны для позднего мезолита (Гурина, 1956; Жилин, 2001), но единично встречены в бореале в Веретье 1 (Ошибкина, 2006). У таких раннеолитических орудий со стоянки Шалуниин Бык в Красноярском крае насад косо срезан (Vdovin, Makarov, 1996). Узкие плоские симметричные с длинными пазами и коническим или пирамидальным насадом есть в пребореальных и бореальных памятниках Восточной Европы (Жилин, 2001; Ошибкина, 2006) и в мезолите Прибайкалья (Окладников, 1950). Двукрылый асимметричный наконечник без шипов прямых аналогий не имеет, ему близки двукрылые симметричные с двумя пазами, единично встреченные в Камне Дыроватом и Веретье 1. Однокрылые с шипом на крыле, коротким пазом на противоположном крае и коническим насадом находят аналогии в мезолите – раннем неолите лесной зоны Восточной Европы (Жилин, 2001; Ошибкина, 2006; Крайнов, Хотинский, 1977; Лозовская, 2001). В отличие от уральских паз у них начинается не от острия, а на расстоянии 1.5–3 см. У более поздних наконечников этого типа шип длинный с нависающим концом, а перо короче. Два орудия с пазом вдоль края крыла и коротким пазом на противоположном крае встречены в слое пребореала и бореала Станового 4 на Верхней Волге (Жилин, 2001). Узкие плоские наконечники с клиновидным насадом симметричные с расширенным пером и асимметричные, однокрылые без шипа, однокрылые с шипом с пазом на крыле и однокрылые с шипом с длинным пером и длинным пазом на противоположном крылу крае

за пределами Урала до сих пор не известны и могут считаться специфическими уральскими типами.

Следовательно, появление вкладышевых наконечников в Среднем Зауралье можно отнести к мезолиту. Возникая в раннем мезолите, они бытуют до раннего неолита, меняясь и приобретая новые формы. Можно наметить схему развития типов таких наконечников в Среднем Зауралье. Наиболее ранними, появившимися в пребореале или раньше, являются игловидные массивные округлого сечения и уплощенные с длинными пазы и производные от них узкие плоские симметричные с узким пером с коническим или пирамидальным насадом. На их основе на рубеже пребореал – бореал (дата из Лобвинской пещеры) формируются местные типы – узкие плоские с клиновидным насадом симметричные с расширенным пером и асимметричные, а также однокрылые без шипа. Тогда же, вероятно, возникают вкладышевые наконечники однокрылые с шипом на крыле, являющиеся, видимо, модификацией цельных однокрылых, подобных найденным в Лобвинской пещере (Чаиркин, Жилин, 2005), которые здесь появляются раньше, чем в Восточной Европе. Узкие плоские наконечники с двумя длинными пазы, судя по находке из раннеолитического слоя торфяниковой части II Береговой стоянки, существовали до раннего неолита. Однокрылые наконечники, очевидно, бытовали в Зауралье в позднем мезолите, а может быть и в раннем неолите. Однокрылые с шипом на крыле с коротким пазом на противоположном крылу крае, возможно, отражают контакты уральского и восточноевропейского населения в бореале – начале атлантика. Не исключено проникновение групп населения из Восточной Европы в Зауралье и наоборот и в раннем мезолите. Путь мог идти по Чусовой через устье Камы. Об этом говорит сходство типов костяного вооружения и технологии его изготовления, орнаментов и изображений на уральских орудиях и мезолитических и раннеолитических наконечниках Верхней Волги. Дальнейшие исследования и датирование орудий AMS-методом скорректируют предложенную схему. Однако ясно, что эта категория вооружения прошла в Среднем Зауралье путь развития от раннего мезолита до раннего неолита, отражая местные традиции и связи с населением соседних регионов.

Автор благодарит сотрудника Гос. Эрмитажа И.В. Калинину, сотрудников ГИМа А.Е. Кравцова и Е.А. Кашину, профессора Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии Ю.Б. Серикова, сотрудника Нижнетагильского музея-заповедника “Горнозаводской Урал” А.А. Бунькову, зам. директора Института палеоантропологии (Париж) Марию-Антуанетту де Люмле,

сотрудника Музея Человека (Париж) Одиль Ромайн, директора Исторического музея г. Лахти (Финляндия) Ханну Такала, сотрудника Национального бюро древностей (Хельсинки) Пялви Пикаля-Ахо за возможность изучить материалы коллекций.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-01-94658 а/фр

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков Р.Б., Широков В.Н., Улитко А.И. Изделия из кости, бивня и рога с верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек // РА. 2007. № 4.
- Гвоздовец М.Д. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого // Уч. зап. МГУ. 1952. Т. 158.
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956 (МИА; № 47).
- Жилин М.Г. Костяная индустрия лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранне-неолитическая культура // СА. 1977. № 3.
- Лозовская О.В. Вкладышевые орудия стоянки Замостье 2 // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад, 2001.
- Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1950 (МИА; № 18).
- Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура веретье. М., 2006.
- Питутько В.В. Общие тенденции в развитии вкладышевых орудий // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад, 2001.
- Сериков Ю.Б. Мезолитические памятники на реке Конде // Археология Западной Сибири. Нижневартовск, 1998.
- Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
- Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.
- Чаиркин С.Е., Жилин М.Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
- Savchenko S. Technology of the manufacture of Mesolithic slotted arrowheads from Eastern Urals area // Abstracts 6th meeting of the Worked Bone Research Group. Nanterre, 2007.
- Vdovin A., Makarov N. Mesolithic age at early Neolithic age of Krasnoyarsk forest-steppe // Поздний палеолит и ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток, 1996.

КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ В СРЕДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ

© 2011 г. Ю.Е. Вострецов, Е.И. Гельман

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
(vost54@mail.ru)*

Ключевые слова: *Восточная Азия, Японское море, экология человека, приморская адаптация, Приморье, неолит – железный век.*

The article presents the results of our study of the cultural adaptation of the population of Primorye in the Middle Holocene (Early Neolithic – Early Iron Age). The data comes from a comprehensive study of such unique archaeological objects as shelly deposits at sites. The article reconstructs the life sustenance systems of different cultural groups in Primorye in the context of environmental changes in the maritime and continental zones, using a wide range of humanitarian and natural science methods. It traces the connections between the state of the environment and the specific cultural adaptation of settlements and the cultural area in general. The article reveals the environmental factors, such as climate warming or cooling, and transgression or regression of the sea level, which influence to this or that extent the emergence or disappearance of cultural adaptations in continental regions and on the coast. An important indicator of the state of cultural adaptations on the coasts of the Sea of Japan is the emergence and disappearance of sites with shelly deposits. In the context of continuity of the cultural evolution of the Primorye population, the article reconstructs the tendencies towards changes in the types of economic activity in connection with changes in the environment as the resource base for communities.

Все разнообразие археологических и этнографических исследований в экологической парадигме последнее время объединяется общим термином “поведенческая экология человека” (Evolutionary Ecology..., 1992; Behavioral ecology..., 2006), а применительно к древности иногда – “эволюционная археология” (Shennan, 2002). Это многоплановый и наиболее точный термин, интегрирующий изучение взаимодействия населения с природным окружением. Критический вопрос развития изучения адаптивного поведения древнего населения, кроме необходимости смены парадигмы, это получение на археологических памятниках качественной источниковой базы, содержащей сбалансированные коллекции артефактов и экофактов.

Уникальным видом археологических памятников для этих целей являются раковинные отложения или раковинные кучи, распространенные на многих морских побережьях в мире. Для районов с кислыми почвами это почти единственный вид отложений, где сохраняются экофакты благодаря раковинам, которые, разрушаясь, нейтрализуют кислую среду почвы. Обычно кроме артефактов и раковин моллюсков в раковинных кучах сохраняются остатки растений, кости наземных и морских млекопитающих, птиц, хитиновый покров насекомых, отолиты, кости и чешуя рыб, а также другие

разнообразные гидробионты. Самая древняя из известных авторам раковинных куч находится на юге Африки в пещере Бломбос (Blombos Cave). Датировка ее среднепалеолитических слоев укладывается в интервал 100–80 тыс. л.н., когда уровень моря был близок современному с превышением на +3–5 м (Henshiwood et al., 2001). Большой опыт изучения этих уникальных и информативных голоценовых отложений накоплен в Дании и Японии. Успешные исследования таких памятников проводились российскими учеными на юге Аравийского п-ва (Амирханов, Фогт, 2002). В европейской части России известны только раковинные отложения на раннеэнеолитических памятниках, расположенных у внутренних водоемов, таких как Днестр и нижний Дон (Долуханов и др., 2008). Наибольшее количество раковинных куч найдено на побережье Дальнего Востока России, в основном в бассейне Японского моря.

Цель данной статьи – показать возможности изучения памятников с раковинными отложениями и на их основе представить результаты реконструкции процессов культурной адаптации населения Приморья в среднем голоцене.

Раковины и их фрагменты хорошо различимы на дневной поверхности памятников и в культур-

ных отложениях как стратиграфически, так и планиграфически. Они накапливаются относительно быстро, в большинстве случаев в результате обработки собранных и отсортированных на берегу раковин моллюсков. Именно быстрота накопления культурных отложений за счет объема раковин и их дискретность дают возможность реконструировать краткосрочные события в пределах одного дня, сезона и года. Полученные данные позволяют реконструировать годичный хозяйственный цикл и на этой основе выявить тенденции адаптивных изменений у населения Приморья в среднем голоцене (Вострецов, 2008).

В бассейне Японского моря раковинные кучи распределены неравномерно. Около 100 куч известно на западном побережье Японских островов, около 120 – в заливе Петра Великого (Южное Приморье) и более 50 находятся на южном и восточном побережьях Корейского п-ва (Первые рыболовы..., 1998). Все они связаны с поселениями раннего неолита – раннего железного века, т.е. интервала, когда климат и уровень моря постепенно стали приближаться к современному состоянию. Во времени известные раковинные кучи также распространены неравномерно. Наибольшая их концентрация наблюдается в интервалах пиков малоамплитудных трансгрессий среднего голоцена (Короткий, Вострецов, 1998). Вероятно, более ранние раковинные кучи остались под водой ниже современного уровня моря, о чем свидетельствуют подводные исследования в Японии (Kobayashi, 2004).

Основные тенденции природных изменений в среднем голоцене Приморья

В течение изучаемого периода происходило ритмично-направленное изменение климата в сторону похолодания, сопровождавшееся колебаниями уровня моря и изменениями характера заозеренности территории (рис. 1). Оба процесса носили колебательный характер, в котором выделяется несколько фаз противоположных по тенденциям природных изменений. Например, на фазах потепления происходила трансгрессия моря, но регрессия континентальных водоемов, и наоборот. Эти природные изменения заставляли древнее население принимать какие-то новые адаптивные решения, менять свое жизнеобеспечивающее поведение.

Основная тенденция природно-геоморфологических изменений в прибрежных районах сводилась к постепенному, но нелинейному выравниванию береговой линии. Основная тенденция экологических изменений проявлялась в упрощении ландшафтной структуры акваторий, но вместе с тем в возрастании количества ландшафтно-фациальных единиц

на суше (появление низких морских и лагунных террас с луговой и болотной растительностью).

В малакофауне зал. Посыета и западной части зал. Петра Великого за последние 6000–2200 л.н. происходили следующие изменения (Вострецов и др., 2002. С. 37): а) шло обогащение видового состава моллюсков либо увеличение числа видов, главным образом за счет вселения субтропических, субтропическо-бореальных, и даже арктическо-бореальных видов; б) наряду с этим происходило отмирание некоторых видов, исключительно тропического происхождения, таких как *Meretrix lusoria*, *Anadara inaequalvis*; в) в то же время шел процесс уменьшения площади, занятой устричниками.

Тенденции в изменении агроклиматических ресурсов также носили нелинейный характер и зависели от климатической фазы. Так, на фазах похолодания и иссушения климата агроклиматические ресурсы континентальных районов понижались. Это происходило из-за повышения общей неустойчивости погодных условий, сопровождавшихся экстремальными засухами, наводнениями, расширением внутренних водоемов. Такие природные явления неизменно были сопряжены с заболачиванием долин, сокращением вегетационного периода, в то время как в прибрежных районах ресурсы земледелия в основном повышались. На фазах потепления климата наблюдается обратная картина: благодаря повышению общей устойчивости погодных условий и более продолжительному вегетационному периоду.

Если рассматривать природные изменения с точки зрения ресурсной базы древнего населения, то, на наш взгляд, изменения в береговой зоне значительно превосходили таковые в континентальной и даже опережали их (Короткий, Вострецов, 1998. С. 15). Это позволяет нам предполагать, что и социальные изменения в прибрежной зоне начинались раньше и были более значительны и, вероятно, более заметны археологически.

Ранее, рассматривая ландшафтно-климатические изменения в Приморье на протяжении среднего – рубежа позднего голоцена, мы выделили четыре крупных временных интервала, когда происходили миграции, изменения систем жизнеобеспечения, материальной культуры и культурных традиций населения (Вострецов, 2006). Все они связаны с похолоданиями климата и падениями уровня моря (рис. 1) и приходятся на рубежи 5400–5200 л.н., 4700–4300 л.н., 3600–3300 л.н. и 2500–2200 л.н. Палеогеографические события всех четырех интервалов развивались по сходному сценарию. Отличия заключались в различии исходных ситуаций и интенсивности изменений. При этом негативные

для человека природные изменения в береговой зоне происходили раньше и были ощутимее, чем в континентальной (Короткий, 1994; Короткий, Вострецов, 1998; Вострецов, 2006). Во всех случаях происходило формирование условий, способствовавших вытеснению избыточной части земледельцев из континентальной зоны в прибрежную, а в прибрежной зоне происходили разрушение систем жизнеобеспечения, ориентированных на эксплуатацию морских ресурсов, и депопуляция.

Процессы культурной адаптации населения региона можно рассмотреть как с точки зрения их дискретности, так и непрерывности. Дискретность адаптивных процессов проявляется в поведении отдельных культурных систем в условиях меняющейся природной обстановки, т.е. ресурсной базы сообщества, которая либо благоприятствует процветанию населения, либо приводит к его культурной и физической деградации. Непрерывность находит выражение в общих тенденциях изменений систем жизнеобеспечения в ответ на природные изменения.

*Культурная адаптация населения
рыболовов-охотников-собираателей
бойсманской культурной традиции*

Примерно 6500–5000 л.н., в период пика атлантической трансгрессии, предшествовавшей первому интервалу, на морском побережье от зал. Ольги на востоке Приморья до севера Корейского п-ва появляются памятники бойсманской культурной традиции как локально-хронологический вариант традиции гребенчатой керамики. Выделяются пять этапов формирования керамической традиции (Морева, 2005), которые в той или иной мере синхронизируются с природными изменениями. Так, на третьем этапе, который приходится на максимум благоприятных условий потепления и предшествует первому интервалу похолодания климата, у бойсманцев происходила интенсификация культурных контактов, достигающих Среднего и Нижнего Амура (Морева, 2005). Они оставили в бухте Бойсмана наиболее ранний из известных примеров приморской адаптации – поселение Бойсмана-1 (Вострецов, 1998). Система жизнеобеспечения населения памятника, исходя из критериев, предложенных Д. Еснером (Yesner, 1980), и подсчетов годового энергетического баланса по разным видам ресурсов в трех дискретных раковинных кучах, была ориентирована на использование лагунных и морских ресурсов (Вострецов, 1998). Культурные адаптации подобного типа распространяются в это время по всему бассейну Японского моря.

В конце атлантического периода голоцена в интервале 5400–5200 л.н. происходило небольшое похолодание климата и падение уровня моря (рис. 1). Эти события сопровождались заполнением лагун наносами, выравниванием береговой линии, деградацией лагуны и сужением ресурсной базы бойсманского населения. Результатом этих процессов становилась повсеместная нехватка доступных ресурсов. На поздней стадии третьего этапа, приходящегося на начало похолодания, наблюдаются следы кризиса жизнеобеспечения населения (Вострецов, 1998). Деградация лагуны отразилась на изменении видового состава добывавшихся бойсманцами моллюсков (переход от добычи лагунных видов к морским) и на интенсификации их сбора. По данным об охоте и рыболовстве также прослеживается частичная переориентация населения на морские виды вместо лагунных. Косвенные данные свидетельствуют об усилении конфликтности и обществе в этот период.

Тенденция ухудшения экологической ситуации в интервале похолодания характерна для всего ареала населения бойсманской культурной традиции и культурных адаптаций подобного типа в бассейне Японского моря. Это привело к резкому сужению ареала бойсманской культурной традиции на четвертом и пятом этапах до западного побережья зал. Петра Великого – самого продуктивного участка побережья.

*Культурная адаптация ранних земледельцев
зайсановской культурной традиции*

Культурная адаптация населения с традицией веревочной орнаментации керамики. Те же природные события, вероятно, инициировали продвижение ранних земледельцев в западные континентальные районы Приморья, свободные от бойсманского населения, после третьего этапа. Можно только отметить, что процесс перемещения представителей новой культурной традиции был длительным и начался где-то в начале климатического оптимума голоцена (7500 л.н.) в Северном Китае (Алкин, 2000). В Приморье наблюдается конечный этап этого процесса: появление и распространение групп населения с новой культурной традицией, которую мы назвали традицией веревочной орнаментации керамики в рамках зайсановской культурной традиции (Вострецов, 2005). Это население принесло с собой новую технологию обработки камня, использовало иные источники камня, новую керамическую традицию, новую систему расселения, сформировало также новую систему жизнеобеспечения, в которую вошло земледелие, т.е. новую культурную адаптацию (Вострецов и др., 2003). На поселении Кроу-

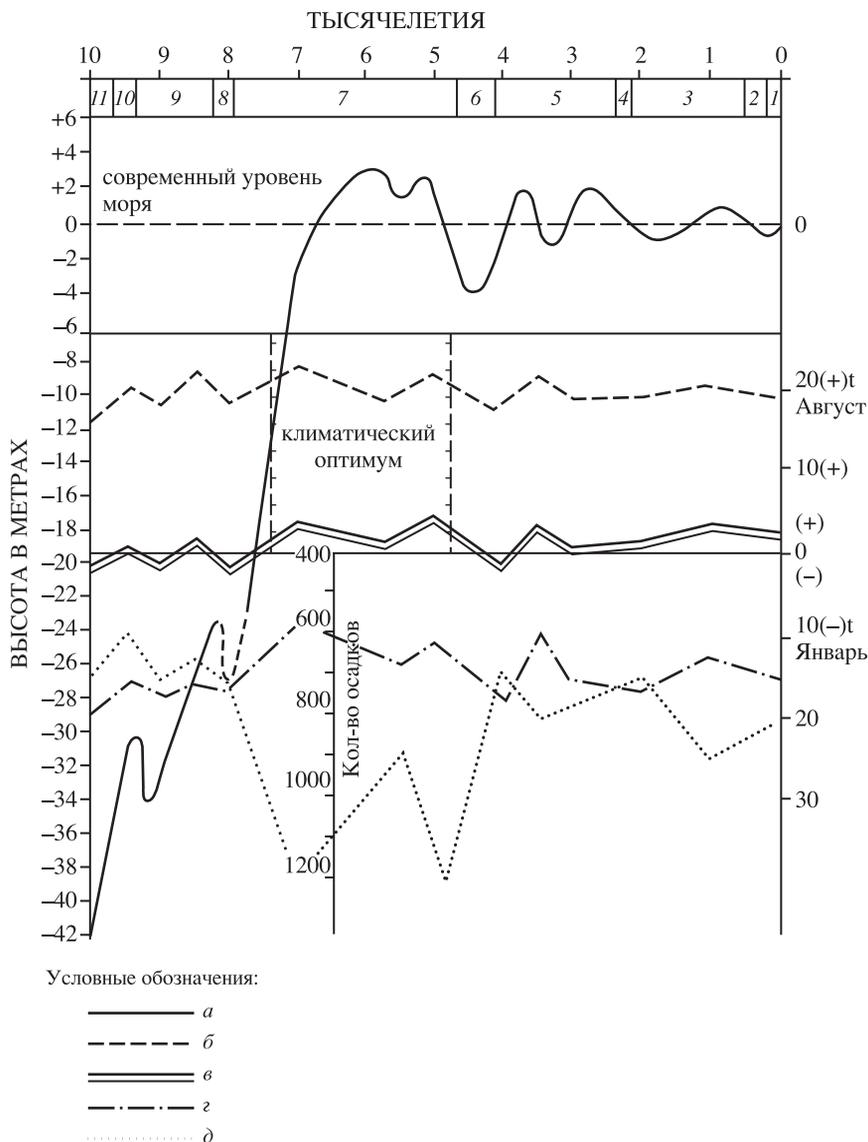

Рис. 1. Изменение климата, растительности и уровня Японского моря в голоцене Приморья (по: Короткий, Вострецов, 1998. С. 14. Рис. 1, 4). *a* – уровень моря; *b* – средняя температура августа; *c* – среднегодовая температура; *d* – средняя температура января; *e* – среднее количество осадков. 1–4 – сосново-дубовые леса с включениями березы и ольхи на отметке 2,4 тыс. л.н.; 5 – дубово-широколиственные леса с обильным включением березы; 6 – хвойно-широколиственные леса, дубово-березовые и березово-ольховые леса; 7 – полидоминантные широколиственные леса; 8 – березово-ильмовые леса с элементами холодолубивой растительности; 9 – березово-широколиственные леса; 10 – березово-ильмовые и березово-ольховые леса в ассоциации с ольхой и кустарниковой березой; 11 – березово-ильмовые и березово-ольховые леса с элементами лесотундры.

новка-1 (рис. 2) ранние земледельцы с традицией изготовления керамики с веревочным орнаментом жили более 500 лет (в интервале 5300–4600 л.н.). В стратиграфии памятника прослеживаются четыре этапа заселения носителями этой культурной традиции. Конец атлантического периода представлен отложениями первого горизонта обитания. Кроме культивации проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*), периллы (*Perilla sp.*) (Сергушева, 2007) и, предположительно, чумизы, они занимались охотой на копытных, рыбной ловлей, собиратель-

ством мелких речных улиток, маньчжурских орехов и желудей. Последние были буферным ресурсом углеводов в случае неурожая проса. Но место для поселения было выбрано на самых плодородных землях в Приморье, исходя именно из потребностей земледелия.

Ситуация, при которой две группы населения с земледельческой и рыболовецко-охотничье-собирательской адаптациями сосуществовали, каждая в своей зоне, продолжалась до конца теплого ат-

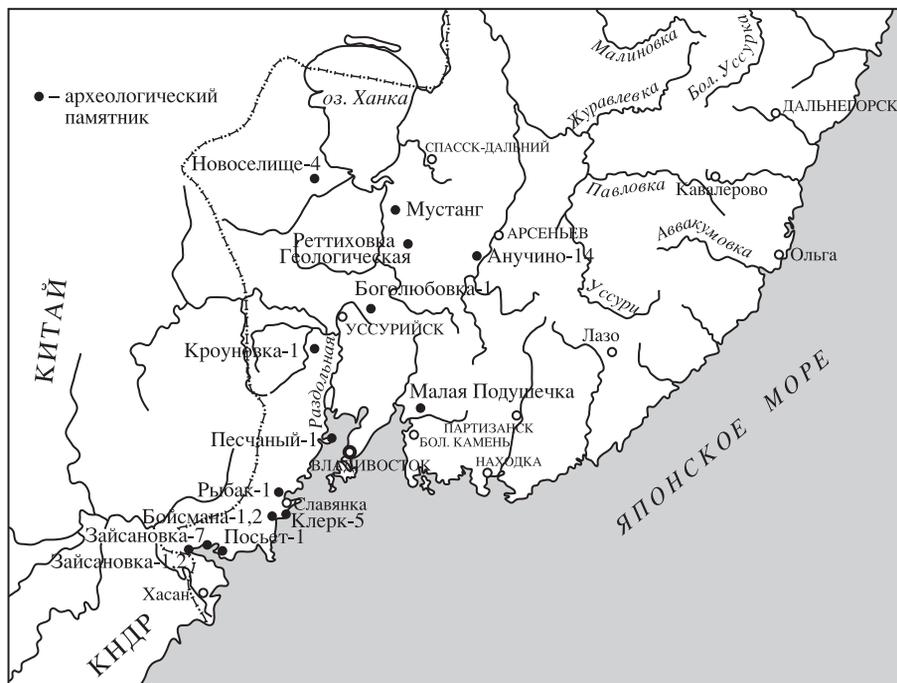

Рис. 2. Карта расположения памятников неолита – железного века Приморья.

лантического периода голоцена около 5000 л.н. С интервалом похолодания и последующего небольшого потепления совпадают третий и четвертый этапы эволюции бойсманской керамической традиции, причем в керамике этого периода есть признаки контактов с зайсановским населением (Морева, 2005). В начале следующего похолодания климата на рубеже атлантического периода в результате значительных ландшафтно-климатических изменений бойсманская культурная традиция исчезает около 4900–4800 л.н. (Вострецов, 2005).

На пике экологических изменений, связанных с похолоданием в интервале 4700–4300 л.н., ранние земледельцы с традицией изготовления керамики с веревочным орнаментом начинают расселяться на побережье зал. Петра Великого и Восточного Приморья, где оставляют памятники Рыбак-1, Бойсман-2, Клерк-5, Зайсановка-7, Посьет-1.

Около 4500 л.н., когда экологические изменения достигли своего пика, на песчаной косе, отделявшей бухту Экспедиции от палеолагуны р. Гладкой, существовало поселение Зайсановка-7 с огромной раковинной кучей (Вострецов и др., 2002). Судя по материальной культуре, обитатели поселения представляли собой результат смещения носителей затухающей линии эволюции традиции веревочной орнаментации керамики и земледельцев – выходцев из среднего течения р. Туманная (Туманган) (Гельман и др., 2003). Они сформировали новую

систему жизнеобеспечения, основанную как на земледелии, так и на эксплуатации морских ресурсов. На поселении обнаружено семь “ручных плугов”, терочки, жатвенные ножи, остатки гряд и отпечатки на керамике зерен проса обыкновенного (Вострецов и др., 2008). Население памятника вылавливало в течение всего года 26 видов рыб, преимущественно в море, собирало моллюсков, охотилось на наземных и морских млекопитающих, на перелетных птиц. Углеводная компонента диеты обеспечивалась собирательством желудей, маньчжурских орехов и лещины, диких яблок, черемухи, которые запасались до следующего урожая в хранилищных ямах. Кроме того, обитатели поселения Зайсановка-7 собирали малину, бархат амурский. Собирательство моллюсков, преимущественно устриц мелкого размера (7–8 см), свидетельствует о том, что сбор моллюсков осуществлялся быстро и в больших количествах из-за нехватки других ресурсов в условиях похолодания, сопряженного со значительным падением уровня моря (Вострецов и др., 2002). Надо отметить, что в переходный период от атлантика к суббореалу голоцена резко падает количество известных раковинных куч по всему бассейну Японского моря.

В конце пика похолодания на западном побережье зал. Петра Великого появляются другие мигранты-земледельцы из бассейна среднего течения Туманной. В результате их жизнедеятельности на

памятнике Клерк-5 сформировались отложения с небольшой раковинной кучей, залегающие прямо над отложениями с керамикой, аналогичной керамике из поселения Зайсановка-7. По предварительным данным обитатели этого поселка вылавливали в основном сетевой снастью 26 видов рыб в морском побережье и частично в палеолагуне¹. Пик рыболовства приходился на летне-осенний период. Кроме того, они занимались охотой на копытных и птиц, собирательством растений и моллюсков (преимущественно устриц) и, вероятно, земледелием.

В обоих случаях мы наблюдаем примеры симбиоза земледельческой и приморской адаптаций у раннеземледельческих групп населения, расселившихся в результате похолодания климата на морское побережье.

Культурные адаптации ранних земледельцев в первой половине суббореального периода голоцена. В суббореальном периоде, начало которого характеризуется потеплением климата и трансгрессией моря, в континентальных районах Приморья земледельческая адаптация продолжает существовать у более позднего зайсановского населения, представленного двумя основными культурными группами. Первая – гладковская и, вероятно, хасанская группы памятников на побережье зал. Петра Великого. Вторая оставила нам приханкайскую группу памятников (поселения Новоселище-4 (нижний слой), Кроуновка-1 (раскопки А.П. Окладникова), Ретиховка-геологическая, Мустанг-1, Боголюбовка-1, Анучино-14) в континентальных районах по обрамлению оз. Ханка.

Население гладковской группы сформировалось в результате расселения ранних земледельцев, близких клерковцам, из континентальных районов долины Туманной на морское побережье. С приходом нового населения 4000 л.н. на поселении Зайсановка-1 (Гельман, Вострецов, 2008), расположенного в 1.5 км от поселения Зайсановка-7 с аналогичной ландшафтной структурой зоны хозяйственного использования, произошли изменения в составе культивируемых злаков, технологии земледелия, обработке злаков, технологии рыболовства, использовании ресурсов камня, демографических параметрах по сравнению с их предшественниками на поселении Зайсановка-7. Они не оставили раковинных куч около жилища, но на его полу обнаружены отдельные раковины устриц. Аналогичное количество раковин устриц было обнаружено и в наземном жилище поселения Зайсановка-7. Возможно, подъем уровня моря не позволил сохраниться вероятным раковинным

отложениям на обрывистом рельефном мысу, на котором располагалось поселение Зайсановка-1. Кроме того, обитатели древнего поселения занимались охотой на млекопитающих, собирательством желудей и орехов (Сергушева, 2007). Роль присваивающих отраслей хозяйства осталась доминирующей. Обитатели Зайсановки-1 сформировали еще одну модель адаптации, основанную на интеграции земледельческой и приморской систем жизнеобеспечения, но в иных формах и соотношениях, чем их предшественники.

На пике потепления климата в континентальные районы в этот период времени с запада расселяется земледельческое население, оставившее памятники приханкайской группы в рамках зайсановской культурной традиции. На поселении Новоселище-4 обнаружено 482 зерновки культурного проса (Клюев и др., 2002). Для памятников этой группы характерно увеличение размеров жилищ (до 54 м²), а также количества и разнообразия земледельческих орудий, что вызвано возрастанием роли земледелия на благоприятной климатической фазе. Кроме того, население занималось собирательством желудей и орехов лещины, речным рыболовством, охотой. Во время, предшествующее следующему, третьему, похолоданию в интервале 3400–3200 л.н., приханкайская группа населения демонстрирует успешную адаптацию, обусловленную земледельческой практикой, что выражается в увеличении количества и размеров поселений, площади жилищ и увеличении свидетельств земледелия.

О культурной адаптации населения Приморья в эпоху бронзы очень мало свидетельств, так как нам неизвестны раковинные отложения этого времени. Возможно, их уничтожил подъем уровня моря, наступивший после третьего похолодания климата в интервале 3400–3200 л.н. Именно с этим похолоданием соотносится инфильтрация из Маньчжурии различных культурных групп населения, связываемых с эпохой бронзы, в континентальные и прибрежные районы Приморья, обусловивших культурное разнообразие этого времени (Вострецов, 2006).

Культурная адаптация населения янковской культуры раннего железного века. С наступлением раннего железного века синхронизируется направленное похолодание климата после рубежа 2800 л.н. В этот период три культурные группы населения эпохи палеометалла с различными адаптациями существовали на территории Южного Приморья. В районах по обрамлению оз. Ханка локализовались памятники, близкие уральской культуре. С рубежа 2400 л.н. в западной части их ареала появляются памятники, оставленные населением кроуновской

¹ Определения А.В. Санниковой

культуры. В прибрежных районах Южного Приморья обитало население, представленное тремя локальными вариантами янковской культуры.

Корни янковской культуры прослеживаются в материалах памятников зайсановской культурной традиции (Андреева и др., 1986). Ее ареал включает северную часть провинции Северная Хамгён (КНДР) и побережье зал. Петра Великого, где известны более 150 янковских памятников, примерно половина из которых содержит раковинные кучи. Некоторые из них достигают огромной площади и мощности отложений (Вострецов, Раков, 2000). В меньшей степени известны поздние янковские памятники на юго-восточном побережье Приморья, на которых не прослеживается раковинных куч.

Хронология этой культуры разработана слабо. Имеющиеся некалиброванные радиоуглеродные даты по углю помещаются в интервал от VIII в. до н.э. до рубежа эр. Палинологические данные свидетельствуют о том, что население янковской культуры продолжало существовать в Хасанском районе после III–II вв. до н.э., т.е. после резкого похолодания климата, сопряженного с падением уровня моря (рис. 1), когда большая часть ареала янковской культуры была занята населением кроуновской культуры. Это не противоречит летописным сведениям (Byington, 2007), а также анализу систем расселения обеих культур: население кроуновской культуры так и не заселило западную часть побережья зал. Петра Великого, характеризующегося высокой продуктивностью и устойчивостью морских и прибрежных ресурсов. Данные, проливающие свет на периодизацию янковской культуры, получены на поселении Песчаный-1. На основании стратиграфических наблюдений здесь выделяются несколько этапов заселения памятника. Сначала функционировали жилища, обитатели которых не собирали устриц; потом жилища, обитатели которых собирали их активно; затем жилища, где собирание устриц было прекращено. Такая картина истории заселения памятника Песчаный-1 населением янковской культуры согласуется с наблюдениями и по другим памятникам.

На наш взгляд, большая часть поселений янковской культуры с раковинными отложениями относится к среднему этапу ее существования, судя по имеющимся датам, к интервалу 2500–2300 л.н., и связываются также с началом резкого похолодания и малоамплитудной регрессии (рис. 1). На поселении в многослойных раковинных отложениях, в целом, отмечается уменьшение теплолюбивых, субтропических по происхождению видов двусторчатых моллюсков от нижних слоев к верхним (Вострецов, Раков, 2000).

Жизнеобеспечение населения янковской культуры было ранее реконструировано на основании различных источников другими исследователями (Андреева и др., 1986; Ключев, Яншина, 2000). Поэтому мы остановимся только на тех новых аспектах, которые важны для нашего исследования. Собираемость моллюсков была ориентирована в основном на устриц (90%). Второстепенные виды и прилов варьировали в широком диапазоне от слоя к слою на каждом памятнике в зависимости от биогеографических условий (Вострецов, Раков, 2000).

В рыболовстве на поселениях янковской культуры наблюдается расширение видового состава рыб до 49, преимущественно, морских видов, что было обусловлено выравниванием линии побережья в интервале от 6500 до 3000 л.н. и развитием техники и технологии морского промысла у древнего населения. Другим толчком к расширению спектра рыболовства и усложнению орудийного комплекса было заметное увеличение плотности и численности населения на побережье по сравнению с предыдущим временем. Эта тенденция по-разному проявляется на памятниках Амурского залива. Например, на поселении Зайсановка-2, расположенном в устье р. Гладкая, и на синхронном поселении Песчаный-1, расположенном на п-ве в условиях открытого побережья, состав объектов рыболовства значительно различался. Однако укладываются они в общую тенденцию изменений в рыболовстве (Санникова и др., 2007).

Материалы, полученные на синхронных памятниках финального неолита в Японии, подтверждают, что так же, как и в Приморье, там происходила постепенная переориентация промысла рыб на виды, обитавшие у открытых морских побережий. На этот период приходится и пик разнообразия морского орудийного комплекса. В то же время в янковской культуре наблюдается значительное падение интереса населения к морскому зверобойному промыслу по сравнению с бойманской культурой. Форма поворотных гарпунов не претерпела существенных изменений, оставаясь такой же архаичной, как и в бойманское время. Уменьшение роли морского зверобойного промысла в этот период было обусловлено исчезновением фаций, удобных для отдыха и размножения ластоногих.

Охота на наземных млекопитающих не теряет своего значения в янковское время (Роули-Конви, Вострецов, 2009). Об этом свидетельствуют неизменность объектов добычи начиная с неолита и орудийный комплекс. Количественные различия в орудиях, связанных с охотой, на разных памятниках янковской культуры объясняются экологической спецификой районов, окружавших поселения.

Значение охоты на конкретных поселениях коррелируется и с ролью животноводства – разведением свиней и собак (Андреева и др., 1986).

Таким образом, система жизнеобеспечения населения янковской культуры базировалась на широкой эксплуатации морских ресурсов. В то же время культивация проса и ячменя играла определенную роль у населения, обитавшего на небольшом удалении от побережья (Малая Подушечка) или на тех участках побережий, где влияние моря было не таким выраженным. Численность и плотность населения янковской культуры достигла максимума в прибрежной зоне (Андреева, Клюев, 1987). По сравнению с кроуновским янковское население имело большую социальную сложность. В целом суббореальный период голоцена характеризуется появлением и постепенным возрастанием роли культурных растений в благоприятных зонах наряду с параллельным развитием рыболовства-охоты-собираательства, продолжавших доминировать на большей части бассейна Японского моря. В его прибрежных районах в конце этого периода (финальный неолит в Японии) достигают кульминационного момента технологии, ориентированные на эксплуатацию морских ресурсов в разнообразных экосистемах. К этому времени относится максимальное количество памятников с раковинными кучами.

Рассматривая адаптивные процессы населения региона на протяжении среднего голоцена с точки зрения непрерывности процесса культурной эволюции, мы можем очертить общие тенденции изменений систем жизнеобеспечения в ответ на природные изменения. Основными показателями для этого являются эксплуатация древним населением морских ресурсов (морское собирательство, рыболовство, охота на морских млекопитающих), охота на наземных млекопитающих, освоение земледелия.

1. Изменения в эксплуатации морских ресурсов:

Главным объектом *морского собирательства* на протяжении среднего голоцена оставались устрицы, в то время как второстепенные виды и прилов варьировали. Это связано скорее не с предпочтениями различных культурных групп населения, а с изменениями ресурсной базы морского собирательства, обусловленными перестройкой климата и структуры морских ландшафтов. Количество второстепенных объектов вылова увеличивается от бойсманской культуры к янковской, особенно за счет холодолюбивых видов. Население кроуновской культуры не оставило нам свидетельств собирательства моллюсков. Активизация морского собирательства приходится на периоды пиков

трансгрессий и начала регрессий (рис. 1). Аналогичная ситуация наблюдается по всему бассейну Японского моря (Набу, 2004).

Характер *рыболовства* изменялся от лагунного типа у бойсманского населения (18 видов) до открытого морского у зайсановского (26 видов) и янковского (49 видов). Наиболее драматические (качественные) изменения происходили после бойсманского периода, они коррелируют с похолоданием климата и падением уровня моря в конце атлантического периода (в начале второго интервала похолодания). Дальнейшие изменения в рыболовстве носили более плавный, количественный характер. В янковское время мы наблюдаем признаки интенсификации рыболовства за счет применения новых технологий, вызванных увеличением численности населения и давлением на ресурсы. Аналогичные тенденции прослеживаются в этот же период в рыболовстве на Японских островах (Набу, 2004).

В *охоте на морских млекопитающих* прослеживается заметный спад от бойсманского периода к янковскому. Причем переломный момент произошел в начале второго интервала (похолодания) и был обусловлен исчезновением удобных для охоты береговых фаций. Использование других технологий в этом виде деятельности резко понижало эффективность и соответственно привлекательность эксплуатации этого ресурса. Аналогичную адаптивную реакцию различных групп населения на ландшафтные изменения побережья, приводившую к деградации морской охоты, мы встречаем не только в бассейне Японского моря, но и в других районах Тихого океана.

2. *Охота на наземных млекопитающих* была, по-видимому, относительно стабильной на протяжении среднего голоцена. Это объясняется определенной стабильностью ее ресурсной базы, сезонностью и наибольшей ценностью мяса наземных животных как источника белка и других нутриентов.

3. Принятие *земледелия* в приморской зоне Восточной Азии проходило в условиях сильной конкуренции с эффективными собирательскими технологиями эксплуатации богатых и разнообразных растительных ресурсов. Собирательство дикорастущих растений долгое время оставалось более предпочтительным для населения, чем занятие земледелием, и сосуществовало наряду с ним как альтернативный компонент системы жизнеобеспечения. Проникновение земледелия в регион представляло собой многоступенчатый процесс, в котором на сегодняшний день можно выделить два этапа.

Начало обоих этапов соотносится с изменением экологической ситуации в период около 5400 и 2300 л.н. Похолодание климата и падение уровня моря приводили к деградации морских систем жизнеобеспечения и депопуляции прибрежных районов. Это создавало условия для проникновения новых групп населения, иных культурных традиций и систем жизнеобеспечения. В начале первого этапа на ранней фазе появления населения с зайсановской культурной традицией роль земледелия не была значительной с точки зрения энергетического вклада, но уже определяла большую часть образа жизни.

Только со второго этапа (около 2300 л.н.) земледелие начинает доминировать в системах жизнеобеспечения у населения большей части бассейна Японского моря (Вострецов, 2005). В его южной части расселяются рисоводы-земледельцы (культура яёй), а население северо-западной части бассейна – выращивает пшеницу, ячмень и просо (кроуновская культура). С этого рубежа почти полностью исчезают раковинные кучи. Известны только единичные в южной части бассейна Японского моря.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН 2009–2011 гг. “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алкин С.В.* Две проблемы ранней эволюции неолитических культур Северо-Восточного Китая // Общество и государство в Китае: 30-я науч. конф. М., 2000.
- Амирханов Х.А., Фогт Б.* Аль-Набва 2 – поселение древних рыболовов и собирателей моллюсков на побережье Аденовского залива (Республика Йемен) // РА. 2002. № 2.
- Андреева Ж.В., Жуциховская И.С., Кононенко Н.А.* Янковская культура. М., 1986.
- Андреева Ж.В., Клюев Н.А.* Поселение железного века Анучино-1 (по материалам раскопок 1986 г.) // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. Препринт. Владивосток, 1987.
- Вострецов Ю.Е.* Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения бухты Бойсмана в неолите // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998.
- Вострецов Ю.Е.* Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Вострецов Ю.Е.* “Поворотные моменты” в культурной эволюции древнего населения Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27).
- Вострецов Ю.Е.* Три метода исследований раковинных отложений // Зап. ИИМК РАН. № 3. СПб., 2008.
- Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото М. и др.* Новый керамический комплекс неолитического поселения Кроуновка-1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Матер. Междунар. конф. “Из века в век”, посв. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточ. археол. экспедиции. Новосибирск, 2003.
- Вострецов Ю.Е., Короткий А.М., Беседнов Л.Н. и др.* Изменение систем жизнеобеспечения у населения устья р. Гладкой и залива Посыета в среднем голоцене // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002.
- Вострецов Ю.Е., Короткий А.М., Елифанова А.В. и др.* Система жизнеобеспечения на поселении Зайсановка-7: модель адаптации ранних земледельцев к условиям жизни на побережье Приморья // Культурный обмен между странами Северо-Восточной Азии и российским Дальним Востоком: Матер. 16-й Междунар. конф. Ассоциации культур Северо-Восточной Азии. Владивосток, 2008.
- Вострецов Ю.Е., Раков В.А.* Стратиграфия и малакофауна поселения янковской культуры Зайсановка-2 // Вперед... в прошлое. К 70-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток, 2000.
- Гельман Е.И., Вострецов Ю.Е.* Орнамент керамики поселения Зайсановка-1 // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: Матер. Междунар. археолог. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.П. Окладникова. Владивосток, 2008.
- Гельман Е.И., Исакова Т.В., Вострецов Ю.Е.* Керамический комплекс неолитического поселения Зайсановка-7 // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (матер. XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): Третья междунар. науч. конф. “Россия и Китай на дальневосточных рубежах”. Благовещенск, 2003.
- Долуханов П.М., Дэвисон К., Сарсон Г. и др.* Неолитизация Восточной Европы. Радиоуглеродная хронология и моделирование // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. I. М., 2008.
- Клюев Н.А., Сергушева Е.А., Верховская Н.Б.* Земледелие в финальном неолите Приморья (по материалам поселения Новоселище-4) // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 4. Благовещенск, 2002.
- Клюев Н.А., Янишина О.В.* Поселение Анучино-1 в Приморье и проблемы выделения анучинской археологической культуры // Вперед ... в прошлое. К 70-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток, 2000.

- Короткий А.М.* Колебания уровня моря и ландшафты прибрежной зоны (этапы и тенденции) // Вестн. ДВО РАН. 1994. № 3.
- Короткий А.М., Вострецов Ю.Е.* Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998.
- Морева О.Л.* Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005.
- Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998.
- Роули-Конви П., Вострецов Ю.Е.* Хозяйственная деятельность носителей янковской археологической культуры Приморья в свете остеологических данных // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38).
- Санникова А.В., Беседнов Л.А., Вострецов Ю.Е.* Стратиграфия поселения Песчаный-1 и динамика рыболовства населения янковской культуры (ранний железный век) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007.
- Сергушева Е.А.* Раннее земледелие в Приморье // Вестн. ДВО РАН. 2007. № 3.
- Behavioral ecology and the transition to agriculture / Eds D.J. Kennet, B. Winterhalder. Berkeley; Los Angeles; L., 2006.
- Byington M.E.* Control or Conquer? // Jr. Northeast Asian History. 2007. V. 4. № 1.
- Evolutionary ecology and human behavior. N.Y., 1992.
- Habu J.* Ancient Jomon of Japan // Case studies in early societies. Cambridge, 2004.
- Henshiwood C.S., Sealy J.C., Yates R. et al.* Blombos Cave, Southern Cape, South Africa. Preliminary Report on the 1992–1999 Excavations of the Middle Stone Age Levels // Jr. Archaeolog. Science. 2001. № 28.
- Kobayashi T.* Jomon reflections. Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. Oxford, 2004.
- Yesner D.R.* Maritime hunter-gatherers: ecology and prehistory // Current Anthropology. 1980. № 21 (6).
- Shennan S.* Archaeology and evolutionary ecology // World Archaeology. 2002. V. 34. № 1.

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА СОЮГ БУЛАГ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

© 2011 г. Б. Лионне*, К. Алмамедов**, Л. Буке*, А. Курсье*,
Б. Джелилов**, Ф. Хусейнов**, С. Лут*, З. Махарадзе**, С. Рейнард*

*CNRS, Париж

**Институт археологии и этнологии, Баку
(abbasov@arch.ab.az)

Ключевые слова: *поздний энеолит, погребальные камеры под курганом, вторичные захоронения, украшения: кольца, бусы – серебро, золото, камень. Кинжал, шило – медно-бронзовый сплав.*

Kurgans dating to the beginning of the 4th millennium B.C. were recently excavated at Soyuq Bulaq in western Azerbaijan. It shows that this type of burial construction in Transcaucasia started more than a thousand year earlier than previously accepted. Relations with different regions, especially the Urmia area and Northern Mesopotamia ("pre-Uruk expansion" or Late Chalcolithic 2–3) have been pointed out. One of the kurgans was especially rich in material. Questions are raised about the ritual with probable secondary burials.

В 2005 г. в Азербайджане, на трассе трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), был обнаружен и исследован раскопками курганный некрополь позднеэнеолитического периода – Союг Булаг. Было раскопано около 20 курганов. В 7 км западнее курганный группы находится одновременное им небольшое поселение Бюек Кесик (рис. 1), также исследованное раскопками М. Хусейнова, Ф. Гулиева, В. Квачидзе, Н. Мусейбли и Т. Ахундова. Результаты этих работ были недавно частично представлены Т. Ахундовым (Akhundov, 2007) и опубликованы Н. Мусейбли (Museibli, 2007).

Позднее, в 2006 г. еще девять курганов были раскопаны азербайджанско-французской экспедицией, финансировавшейся Министерством иностранных дел Франции, под руководством Т. Ахундова (Институт археологии и этнологии, Баку) и Б. Лионне (CNRS, Париж). Цель этой статьи – представить результаты этих раскопок¹. В отдельной части Б. Лионне предлагает свои предварительные интерпретации обнаруженного материала (см. также: Lyonnet, 2009).

Расположение памятника. Могильник Союг Булаг (Акстафинский р-н Азербайджана) расположен на древней аллювиальной террасе, на левом берегу р. Кура, неподалеку от границы с Грузией. В результате современной ирригации часть участка в настоящее время культивируется, в противном

случае она была бы очень сухой, покрытой только степной растительностью, и использовалась бы в основном как пастбище, за исключением мест по берегам самой р. Кура, покрытых припойменными лесами. В отличие от правого берега Куры, где видно множество теллей эпохи неолита, относящихся к шулавери-шомутепинской культуре, расположенных вдоль пересыхающих русел небольших рек, текущих с Малого Кавказа, на левом берегу Куры отсутствуют как русла сезонных рек, так и следы антропогенных холмов (тепе). Это, вероятно, объясняет, почему здесь раньше не проводились исследования² и почему отмеченный курганный могильник был обнаружен только недавно.

Некрополь почти не виден издали, потому что курганные насыпи имеют небольшие размеры. Только наличие выходов из вымоستок речной гальки, образующей прямоугольники, окруженные кольцевыми галечными вымоستками (кромлехами), указывает на существование искусственных конструкций. Многие из них были потревожены недавно проведенной вспашкой и работами вдоль трубопровода БТД. Тем не менее, был составлен предварительный план всего могильника.

Описание памятника. Все курганы имеют одинаковое устройство. Для них характерна централь-

¹ По просьбе Т. Ахундова, его фамилия была исключена из списка авторов данной статьи (*Прим. ред.*).

² Исследователь эпохи неолита и энеолита Азербайджана И. Нариманов провел несколько археологических разведок на правом берегу Куры (1987).

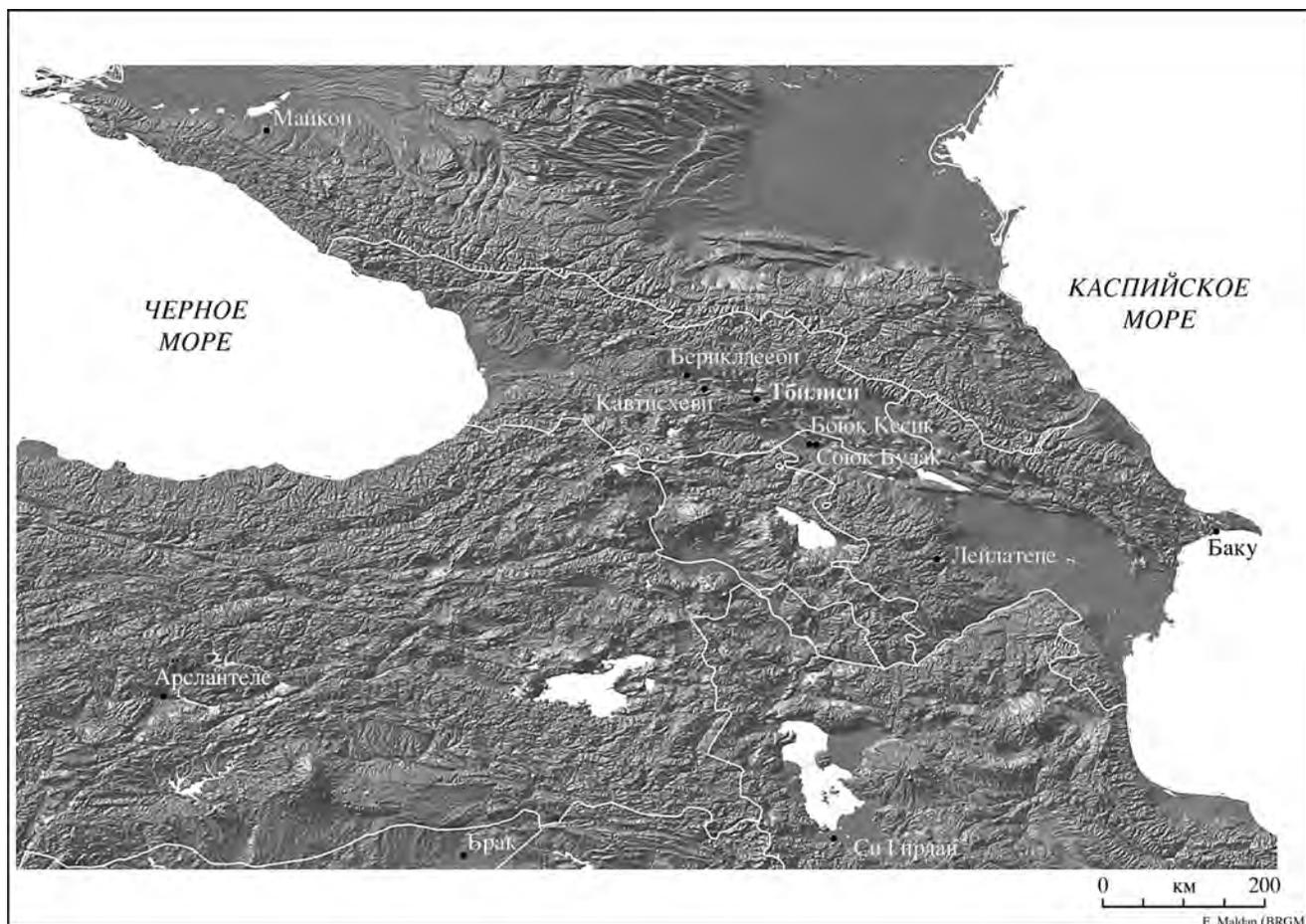

Рис. 1. Местонахождение памятников Союг Булаг и Бююк Кесик в Азербайджане.

ная прямоугольная конструкция-ограда, сложенная из крупной речной гальки. Она несколько возвышается над окружающей ее кольцевой вымосткой (кромлех), также сложенной из галечника. Углы прямоугольной конструкции ориентированы по сторонам света. В зависимости от размеров кургана наблюдаются различия как в диаметре кромлеха (от 4 до 15 м), так и в размерах центральной прямоугольной конструкции (ограды) (от 1 до 3.50 м), и в ширине стен (от 0.35 до 1 м). Кладка стен центральной прямоугольной конструкции, вероятно, имела первоначальную высоту 30–50 см и выделялась визуально, в отличие от кольца кромлеха. Камни были положены на глиняном растворе. На некоторых курганах между центральной конструкцией и кольцевой вымосткой было добавлено покрытие из мелкого гравия.

Конструкция курганов различается наличием или отсутствием погребальной ямы, или камеры, впущенной в террасу.

Курганы с погребальной ямой (камерой), заглубленной в террасу. Только курганы 1, 3С и 4

имеют в центре заглубленную погребальную яму-камеру глубиной от 1 до 1.5 м. К этому следует добавить небольшую яму, обнаруженную под кольцевой вымосткой кургана 1, и обнаруженную за пределами центральной конструкции в кургане 6 – вероятно, также изначально покрытую галькой кольцевой вымостки, уже разрушенной к моменту наших раскопок. Так как эти погребальные конструкции отличаются друг от друга, равно как и находки, обнаруженные в них, они будут описаны отдельно.

Курган 1. Был выбран для исследования из-за своих больших размеров (диаметр приблизительно 15 м) и его положения между двумя недавно вспаханymi полями, что влекло за собой риск его разрушения. Он имеет сложное устройство (рис. 2) и содержит богатые находки.

Центральная конструкция в виде прямоугольной ограды была построена над аналогично ориентированной погребальной ямой глубиной 1.5, шириной 2.5 и длиной 3.5 м. Яма прорезала иловые отложе-

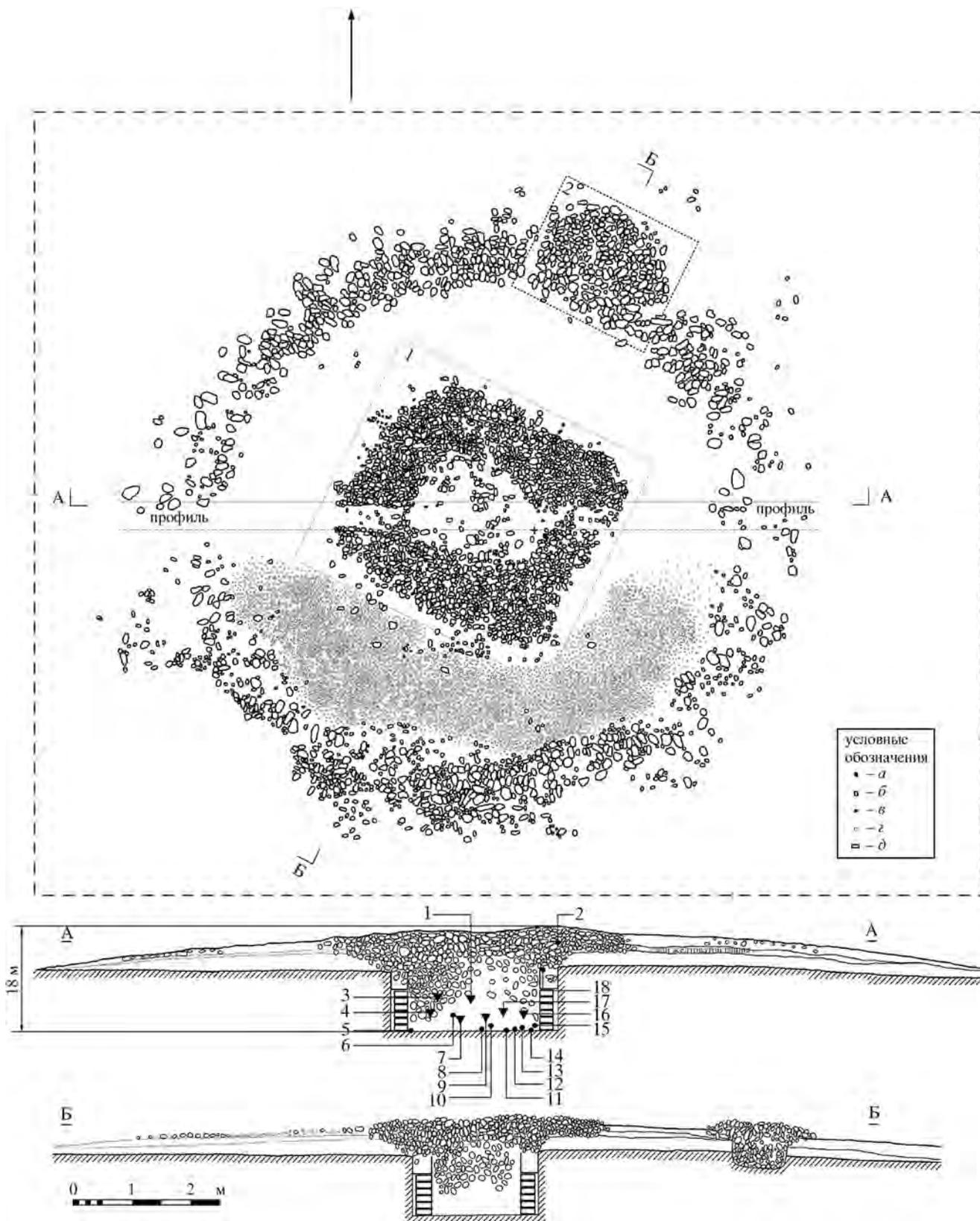

Рис. 2. План и разрез кургана 1 Союг Булаг. Условные обозначения: а – подпочвенные камни; б – камни; в – керамика; г – галька; д – сырцовые кирпичи. Цифрами на профиле обозначены: 1 – кости руки; 2 – сосуд; 3 – нижняя челюсть; 4 – череп; 5 – обсидиан; 6 – сердечковидные и каменные бусины; 7 – зубы; 8 – золотая бусина; 9 – длинные кости; 10 – лазуритовая бусина; 11 – пастовая бусина; 12 – золотая бусина; 13 – уголь; 14 – кинжал и скипетр; 15 – необоженное дерево; 16 – фаланга пальца; 17 – ребра; 18 – керамический фрагмент культуры “сион”.

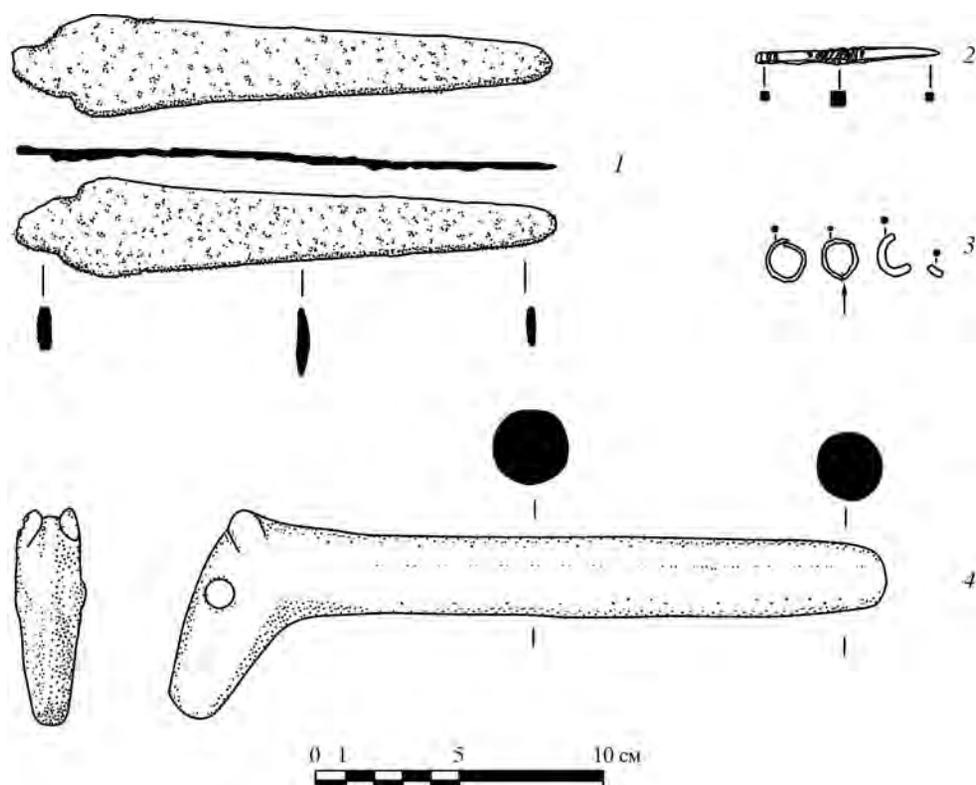

Рис. 3. Находки из курганов Союг Булаг: 1, 4 – курган 1; 2, 3 – курган 4. 1 – кинжал; 2 – шило; 3 – три кольца; 4 – скипетр с головой лошади. 1, 2 – медь; 3 – серебряный сплав; 4 – камень.

ния верха террасы и затем внизу аллювиальный галечный слой.

Основание стены погребальной ямы обрамляла кладка из шести венцов сырцового кирпича высотой примерно 60 см. Она, возможно, имела подпорные функции для сохранения от падения гальки, или была цистообразной конструкцией. Желтый раствор глины толщиной 1 см использовался для соединения кирпичной кладки размерами 40–50 × 25 × 9 см. В верхней части ямы, над кирпичами, на уровне слоя иловых отложений зафиксировано покрытие из мелкого гравия, смешанного с глиной.

Благодаря двум просевшим в камеру слоям галечной вымостки, видимым в стратиграфическом разрезе, можно предположить горизонтальное деление ямы на два уровня, возможно первоначально разделенных промежуточным деревянным перекрытием, расположенным над верхней частью кирпичной стены. Возможны две реконструкции:

1. Было два галечных покрытия. Верхнее из них покоилось на деревянном настиле (на крыше камеры), который был, скорее всего, первоначально расположен на нижнем уровне центральной конструкции-ограды. Это означало, что центральная конструкция-ограда была либо оставлена открытой,

либо была закрыта только легкой крышей. Нижнее же покрытие располагалось на промежуточном деревянном настиле.

2. Было только одно галечное покрытие на нижнем уровне прямоугольной конструкции-ограды, которая, как и выше, считается здесь либо открытой, либо закрытой легкой крышей, но разрушение которой произошло в два этапа: в начале с верхнего уровня непосредственно на промежуточное деревянное перекрытие, а затем – после разрушения последнего.

Никаких следов ни деревянного настила, ни деревянной крыши в предполагаемых местах обнаружено не было, но фрагменты необожженного дерева были найдены выше дна ямы. Они могут быть либо остатками перекрытия, расположенного над кирпичной стеной, или пола, который мог выстилать дно ямы. В то же время нельзя исключить их возможное использование в качестве конструкций, использованных для подвешивания циновок или других органических материалов (войлок, шерсть, ковер?), обрамлявших яму, которые естественно не сохранились. Возможность того, что эти деревянные фрагменты являются частью перекрытия камеры (т.е. полом верхней ограды), исключена,

Рис. 4. Кинжал и скипетр (справа) и самые нижние кости человека (слева) в момент их обнаружения в кургане I Союз Булаг.

поскольку этот верхний пол из-за своего положения должен был быть полностью разрушен.

На дне ямы (в пределах кирпичной стены) не обнаружено ни скелета, ни человеческих костей *in situ*, но вдоль юго-восточной стены был найден “медный” кинжал длиной 19 см с короткой рукояткой (рис. 3, 1) вместе с каменным скипетром длиной 25 см с головой лошади (рис. 3, 4). Оба предмета, вероятно, находятся в их исходном (*in situ*) положении (рис. 4) и, следовательно, не являются упавшими в яму с верхнего уровня погребальной конструкции.

Все обнаруженные человеческие кости смешаны с нижним слоем гальки, провалившейся внутрь ямы (рис. 4). Они, по всей вероятности, принадлежат взрослому человеку³. Из-за их наклонного положения можно предположить, что они, скорее всего, первоначально находились непосредственно на промежуточном перекрытии. Скелет представлен почти полным набором костей, но из-за их плохой сохранности пока не удалось определить пол этого

человека. Некоторые длинные кости были обнаружены ниже остальных, но они принадлежали одному и тому же индивиду. Их положение, вероятно, связано с разрушением перекрытия камеры.

В просеянном грунте, взятом со среднего уровня заполнения ямы, было обнаружено большое количество бусин (150 экз.), сделанных из золота, серебряного сплава, лазурита, сердолика, белой “пасты” (возможно, это обожженный стеатит) и других неопределенных камней. Бусины имеют разнообразную форму (биконические, плоские кольца, кольца, бочкообразные, трубчатые) (рис. 5). Дополнительно четырнадцать бусин были обнаружены на дне или в нижнем слое заполнения ямы. Их очень маленькие размеры дают возможность предположить, что они не были обнаружены *in situ*, а скорее связаны со слоем промежуточного уровня и оказались здесь после обрушения в результате инфильтрации.

В могильной яме было обнаружено несколько керамических фрагментов. Один сосуд был, вероятно, изначально целым, но с внутренней стороны у основания булыжной стены верхней ограды была найдена только его часть. Это лепной горшок с резко отогнутым, воронковидным горлом и обломанным венчиком. Тесто его содержит растительные примеси, черепок желтого цвета с серооливковой сердцевиной (рис. 6). Он был, вероятно, положен туда с ритуальными целями, после того, как яма была перекрыта. Внутри камеры, на верхнем уровне кирпичной стены, также были обнаружены два очень маленьких красноватых черепка: один из них имел с обеих сторон декор в виде прочерченных гребенкой узоров и примесь в тесте из обсидиановой крошки (рис. 7).

Наконец, вдоль стен ямы было обнаружено несколько обсидиановых фрагментов.

Помимо основной могильной ямы в северной части, под обводным кольцом из галечной вымостки, была расчищена еще одна могильная яма (рис. 2). В этой части кольцо галечной вымостки заметно шире. Под слоем гальки была обнаружена небольшая яма (1.20 × 1 м), полностью заполненная плотными уложенными большими булыжниками.

В могильной яме не было обнаружено скелета, но было найдено 90 бусин, из которых 89 – в форме плоских колец, сделанных из раковин, и одна пронизка из неизвестного черного камня.

Курган 3С. Курган был выбран для исследования из-за своих больших размеров. К моменту начала раскопок его поверхность была частично повреждена. После расчистки оказалось, что курган 3С состоял из четырех примыкающих друг к другу курганообразных конструкций разных размеров. Только курган 3С, который имел обводную кольцеобразную вымостку диаметром около 7 м, содержал под небольшой центральной подквадратной конструкцией-оградой

³ Анализ части костей из наших раскопок производился Ж. Бендесу-Сармиенто, которому авторы выражают глубокую благодарность.

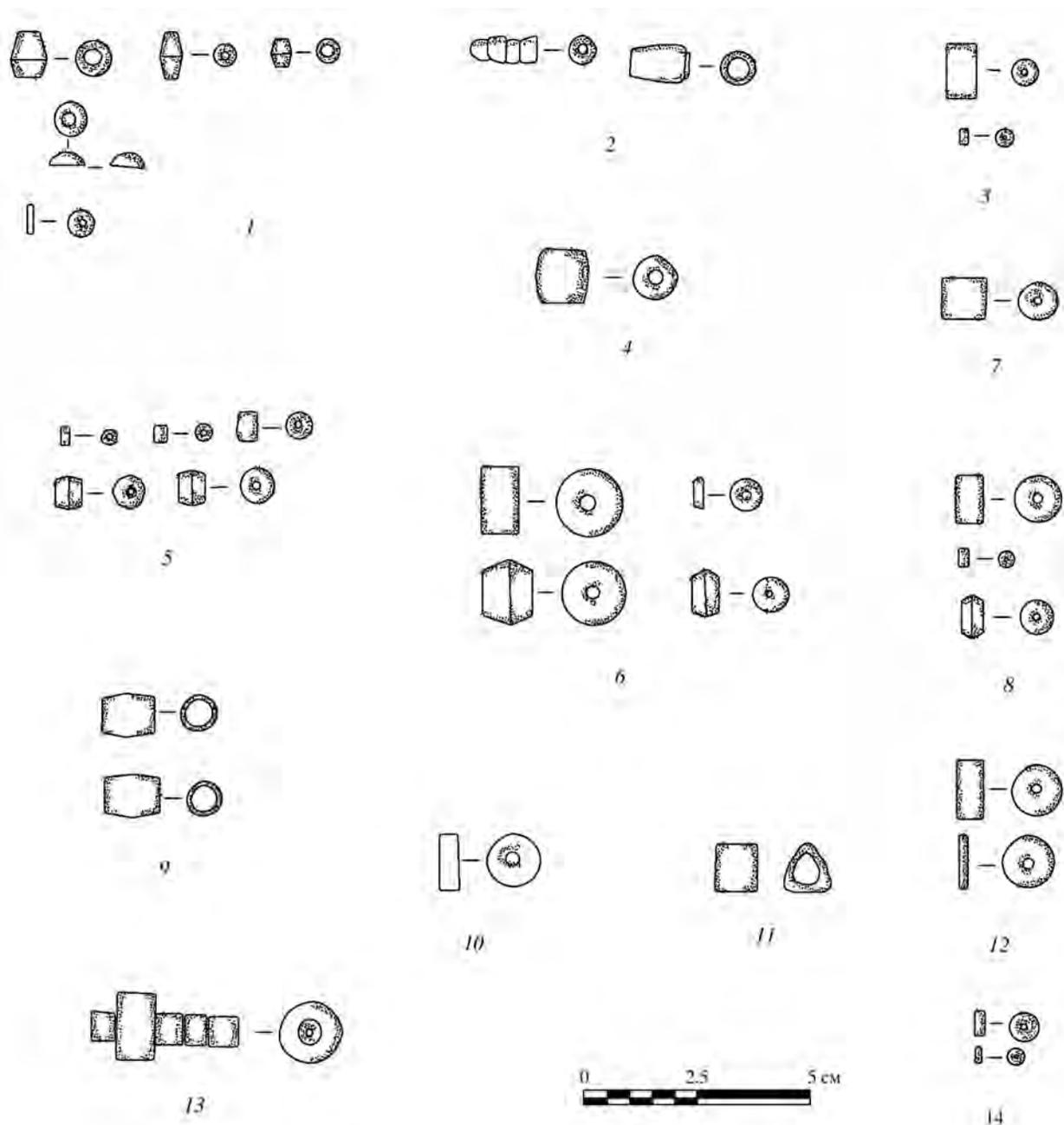

Рис. 5. Формы и материал некоторых бусин из кургана 1 Союг Булаг. 1 – золото; 2 – обожженный стеатит с серебряным сплавом; 3 – обожженный стеатит; 4 – лазурит; 5 – серебряный сплав; 6 – сердолик; 7 – стеатит; 8 – темно-коричневый камень; 9 – серебряный сплав (Ag-Cu-Au); 10 – раковина; 11 – кость; 12 – коричневый камень; 13 – серия бусин из серебряного сплава, сердолика и трехкратного серебряного сплава; 14 – камень.

(размерами приблизительно 1×1 м) небольшую яму (размерами 0.80×0.65 м и глубиной 0.60 м), вырытую в галечном слое аллювиальной террасы.

В погребальной яме была обнаружена верхняя часть скелета, принадлежавшего, возможно, молодому или взрослому человеку: череп, верхняя часть позвоночника, правая рука и кисть – все в анатомическом порядке. Не было найдено никаких погребальных приношений, за исключением обсиданового фрагмента около нижней челюсти и пяти

фрагментов от лепных керамических сосудов. Два из них были желтого цвета и имели в изломе серую сердцевину и растительные примеси в тесте, а три – оранжевый цвет поверхности, серую сердцевину и были изготовлены из хорошо отмученного теста с минеральными примесями.

Курган 4. Этот курган был сильно поврежден современной распашкой. Обводное кольцо галечной вымостки (кромлех) было разрушено, сохранилась только часть центральной конструкции-ограды. Яма

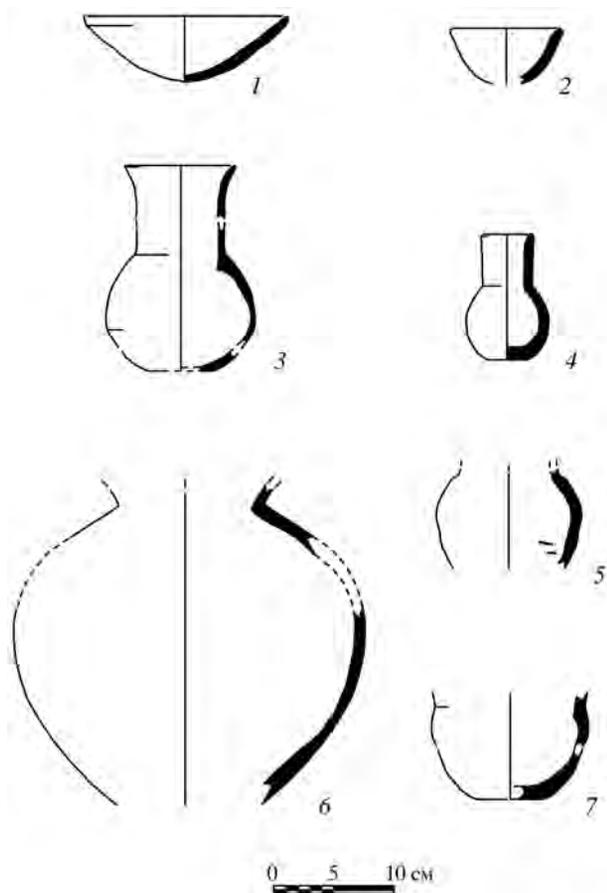

Рис. 6. Сосуды из курганов Союг Булаг. 1, 3, 5, 7 – курган 6; 2 – курган 2; 4 – курган 4; 6 – курган 1.

размерами 2.03×1.10 – 1.27 м была вырыта на глубину 1.20 м ниже центральной конструкции. Хотя яма там не доходила до слоя гальки аллювиальной террасы и была вырыта в слое верхних иловых отложений, она была окружена стеной из сырцового кирпича размерами $50 \times 25 \times 9$ см в пять рядов. В яме зафиксирован один слой завала из крупного галечника. Он прослежен от верхней части могильной ямы и заканчивался примерно на уровне верхней части кирпичной стены. Дно ямы прослеживалось только исходя из расположения находок и основания обводной стены из сырцовых кирпичей.

В яме практически не было найдено костных останков. Было обнаружено только несколько человеческих зубов взрослого человека на уровне основания кирпичной кладки вместе с древесным углем, а также фрагмент деревянного столба. Кроме того, были обнаружены мелкие фрагменты обожженных костей, которые, однако, нельзя точно определить, принадлежат ли они человеку или животному.

Погребальный инвентарь включает один небольшой целый лепной плоскодонный сосуд с высоким вертикальным горлом, расположенным под углом к

тулову сосуда. Для теста сосуда характерны минеральные примеси, но также здесь были отмечены растительные добавки. Цвет внешней поверхности желтоватый, за исключением красного пятна, обусловленного неравномерным обжигом (рис. 6, 4). Сосуд был найден у основания северо-восточной кирпичной стены. В разных участках камеры были обнаружены еще десять фрагментов от разных лепных сосудов. Они имеют минеральные или растительные примеси, либо обе добавки в тесте одновременно. Какие-либо особые свойства для них, за исключением одного фрагмента, не отмечены. Отмеченный фрагмент имеет красноватый черепок, содержит растительную примесь в тесте. Он имеет на поверхности прочерченную линию и гончарный знак в виде “кофейного зерна” (рис. 7). Недалеко от северо-восточной стены были также обнаружены “медное” шило (рис. 3, 2) и три кольца, сделанные из серебряного сплава (рис. 3, 3).

Курган 6. Этот курган был также частично разрушен. От внешней кольцевой выкладки сохранилось только несколько переотложенных булыжников, тогда как центральная конструкция-ограда размерами 4.25×3.10 м сохранилась неплохо. Центральной ямы там не было, но в 2.5 м к северу от ограды была обнаружена небольшая яма размерами 1.30×0.75 м. Она была заполнена булыжниками, расположенными особым образом, напоминающим очертания человеческого тела (рис. 8), но не содержала никакого материала. Ее форма и положение напоминают второе (дополнительное) захоронение, расчищенное под обводной выкладкой кургана 1.

Курганы без погребальной камеры или ямы, заглубленной в террасу. Этот тип сооружений характерен для большинства раскопанных курганов: 2, 3А, 3В, 3Д, 5 и 6. По внешнему виду они ничем не отличаются от описанных выше: также имеют различные размеры, диаметр внешней обводной выкладки и размеры центральной конструкции-ограды. Их отличие в том, что в процессе раскопок под центральной конструкцией не было обнаружено ни ямы, ни погребальной камеры.

В этих курганах обнаружено немного находок. В основном это глиняная посуда, которая, вероятно, использовалась во время погребального обряда. Все обнаруженные лепные сосуды маленьких или средних размеров. В набор этой посуды входят:

небольшая чаша с минеральными примесями в тесте. Вероятно изначально сосуд имел черную лощеную поверхность (рис. 6, 2). Эта чаша была найдена под камнями небольшой ограды кургана 2;

чаша с выпуклым дном и прямыми коническими стенками. В тесте этой чаши отмечены минеральные примеси (рис. 6, 1); тулово маленького горшка, который имел слегка залощенную поверхность серовато-

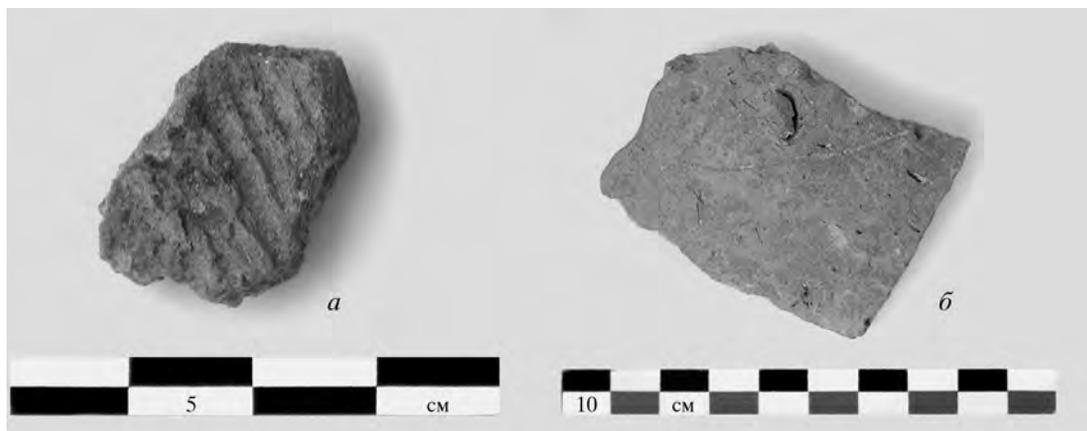

Рис. 7. Фрагмент керамического сосуда, обнаруженного на уровне кирпичной стены в кургане 1 (а), и керамический черепок со знаком гончара из кургана 4 (б) Союг Булаг.

черного цвета. В тесте этого сосуда были отмечены минеральные и растительные примеси;

маленький глиняный сосуд с резко отогнутым от тулова вертикальным горлом и слегка отогнутым венчиком, и тулово другого сосуда той же формы. Для их теста характерны минеральные и растительные добавки, черепок в изломе оранжевого цвета с серой сердцевинкой. Их поверхность сильно повреждена, так что определить цвет внешней поверхности не представляется возможным (рис. 6, 3, 7). Все эти сосуды были обнаружены в пределах центральной конструкции-ограды кургана 6. Рядом с ними в интерьере этой же конструкции был найден диафизарный фрагмент кости, но его плохая сохранность не

позволяет определить его принадлежность человеку или животному.

В насыпи центральной конструкции-ограды кургана, 5 было обнаружено 13 бусин, из которых 11 сделаны из неопределенного камня, одна из кости и одна, вероятно, из черного стеатита (табл. 1).

Датировка. Судя по керамике, найденной в курганах, они датируются эпохой позднего энеолита – временем, когда были установлены тесные связи между Кавказом и Северной Месопотамией (Поздний Халколит 2–3) (Le cultures du Caucase..., 2007). Аналогичный материал был обнаружен в Азербайджане на поселениях Лейлатепе и Бююк Кесик

Рис. 8. Второе (дополнительное) захоронение из кургана 6 Союг Булаг.

Таблица 1. Союг Булаг: место находки, форма и материал бусин из курганов

Курган	Форма	Материал								
		золото	серебряный сплав	сердолик	белая паста / обожженный стеатит	черный стеатит	лазурит	неизвестный камень	раковина	кость
1, основное погребение	Биконическая	16	8	11						
	Кольцо		12	6	20			25		
	Плоское кольцо	6								
	Бочонковидная		10				1			
	Цилиндрическая		3		45			1		
1, выпускное погребение	Сложная	1								
	Плоское кольцо								89	
4	Трубочка							1		
5	Крупное кольцо		3							
	Трубочка					1				
	Кольцо							11		
	Трубочка с треугольным сечением									1

Таблица 2. Союг Булаг: химический состав сплава кинжала из кургана 1

Комплекс	Тип находки	Состав (вес, %)																
		O	Na	Mg	Al	Si	S	Cl	Ca	Cu	As	Ag	Br	Au	Ni	Fe	Ti	F
К. 1	Кинжал	10.4			0.77	0.23		15.8	0.3	72.2	1.29							
К. 1	Кинжал	15.8			0.53	0.13		22.7	0.22	62.7								
К. 1	Кинжал	10.9			0.42	0.05		18.3	0.14	68.7	1.51							
К. 1	Кинжал	11.7			0.61	17.5			0.19	68.6	1.42							
К. 1	Кинжал	13.2			0.65	18			0.34	65.8	2.1							

(Akhundov, 2007. P. 95–121), в Грузии на поселении Бериклдееби и в недавно исследованном кургане в Кавтисхеви (Maharadze, 2007. P. 123–131), а также на Северном Кавказе на поселениях майкопской фазы майкопской культуры (Lyonnet, 2007a; b).

Два калиброванных анализа ^{14}C подтверждают эти данные: курган 1 (UB-7609) – 3951–3759 гг. до н.э. (2 σ) и курган 4 (UB-7613) – 3768–3644 гг. до н.э. (2 σ) и 3710–3652 гг. до н.э. (1 σ).

Анализ металла. Анализ металла шила и кольца из кургана 4, кинжала и бус из кургана 1 был сделан в архео-металлургических лабораториях г. Бохум

(анализ проводился А. Курсье под руководством проф. А. Хауптмана) и Баку (анализ делался руководителем лаборатории А. Гасановой). Более подробно эти анализы и результаты описаны в работе (Courcier et al., в печати). Они показали, что шило (табл. 5) и кинжал (табл. 2) были сделаны из мышьяковистой меди. В составе металла шила также отмечен никель, но в очень низком процентном содержании. Бусины (табл. 3) сделаны либо из золотосодержащего серебряного сплава (Ag-Au(+Cu)), как кольца (табл. 4)⁴, или

⁴Этот вид особого “сплава” также фиксируется в Т. Гавра в погребении 109 (Tobler, 1950. P. 88. Note 30).

Таблица 3. Союг Булаг: примеры химического состава серебряного сплава бусин из кургана 1*

Комплекс	Тип находки	Состав (вес, %)															
		O	Na	Mg	Al	Si	S	Cl	Ca	Cu	As	Ag	Br	Au	Ni	Fe	Ti
К. 1	Бусина 1	13.7	0.16	0.28		3.28	0.67	6.57	13.5		40.2	21.6					
К. 1	Бусина 1	7.17		0.25		2.47	0.17	6.81	8.29		49.3	25.3					
К. 1	Бусина 1	11.1		0.33		1.32	0.39	5.71	18.3		39.4	23.5					
К. 1	Бусина 1	7.39				2.44		7.04	8.3	0.41	49.1	25.3					
К. 1	Бусина 2					1.93		7.59	5.86		46	24	5.86				
К. 1	Бусина 2	5.63				1.99		7.81	1.99		51.4	25.8	5.38				
К. 1	Бусина 2	5.52				0.66		7.7	1.78		46.4	16.6	21.4				
К. 1	Бусина 2	2.17				2.55		2.05	0.27	5.5	19.2	8.26	60				
К. 1	Бусина 2	0.72				0.34		6.75		0.6	56	30.5					
К. 1	Бусина 2	0.18				0.31		6.54		0.04	57.2	30.8					
К. 1	Бусина 2	3.08				1.35		8.26		2.77	50.2	16	18.3				
К. 1	Бусина 2	18.9				1.78		1.27	33.8	5.31	9.56	0.74	28.7				
К. 1	Бусина 2	8.27				1.48		6.88	10.1	0.87	43.3	22.4	6.71				
К. 1	Бусина 2	10.9				1.89		8.6		2.74	46.4	14.8	14.7				
К. 1	Бусина 3	17.3				1.02		4.23	33.2	2	29.8	11.7					
К. 1	Бусина 3	15.9				2.21		5.33	26.4		34.2	15.2					
К. 1	Бусина 4					1.6		7.26	4.45		48.2	20.2	14				
К. 1	Бусина 4	3.22				0.75		6.17	2.02		48	11.2	27.9				
К. 1	Бусина 4	4.63				1.33		7.72	4.55		52.7	17	11.7		0.44		
К. 1	Бусина 4	8.27				2.51		6.5	6.38		42.9	15.6	17.3		0.21		
К. 1	Бусина 4	4.2				0.75		6.91	4.08		45.4	15.5	9.51		0.54		
К. 1	Бусина 5	19.2				13.6		5.8	2.73		32.8	18.1					
К. 1	Бусина 5	20.8				16.2		5.59	1.78		30.9	16.4					
К. 1	Бусина 5	21.9							36.3		21		21				
К. 1	Бусина 6	15.5				1.67		5.86	24.1		34.5	15.1	2.37				
К. 1	Бусина 6	5.55				1.36		10.1	1.08		57.4	23.5	0.47				
К. 1	Бусина 6	20.2				0.74		2.98	31.5	1.58	22.6	4.13	15.3				
К. 1	Бусина 6	21.7		0.24	1.04	1.71		2.19	36.3	3.96	17.7		15.5				
К. 1	Бусина 6	2.73				1.87		8.65	0.16		58.1	28.2					
К. 1	Бусина 6	18.7				1.85		2.26	31.3	3.77	21.5	5.36	15.3				
К. 1	Бусина 6	16.4				1.41		3.35	30.5	2.7	29.5	8.95	10.9				
К. 1	Бусина 6	2.56				1.5		9.42	0.24		59.2	27					

* Высокий процент содержания брома (Br) объясняется почвенным загрязнением.

Таблица 4. Союг Булаг: химический состав колец из кургана 4*

Ком-плекс	Тип находки	Состав (вес, %)																
		O	Na	Mg	Al	Si	S	Cl	Ca	Cu	As	Ag	Br	Au	Ni	Fe	Ti	F
К. 4	Кольцо 1	1.85			1.13	2.61		0.99	2.04	2.66		83.2		5.54				
К. 4	Кольцо 1				0.9	3.52		0.57		2.69		87.9		4.49				
К. 4	Кольцо 1	10.1				2.84		3.87	13.7	2.06	0.13	51.9	10.6	4.77				
К. 4	Кольцо 1	0.87				3.38		0.7	0.18	2.53		88	0.23	4.15				
К. 4	Кольцо 2	10.1				1.12		7.17	8.66			42.8	26.4	3.77				
К. 4	Кольцо 2	2.79				0.6		9.14	1.53	0.58		56.2	28.6	0.54				
К. 4	Кольцо 2	19.1				2.11		3.32	20.9	5.15		17.4	9.36	21.7				1.02

* Высокий процент содержания брома (Br) объясняется почвенным загрязнением.

Таблица 5. Союг Булаг: химический состав шила из кургана 4

Ком-плекс	Тип находки	Состав (вес, %)																
		O	Na	Mg	Al	Si	S	Cl	Ca	Cu	As	Ag	Br	Au	Ni	Fe	Ti	F
К. 4	Шило	3.95				0.44		0.24		92.3	1.2		0.32		1.51			
К. 4	Шило	4.07			0.52	0.53	0.14	0.75		91.9	0.72				1.39			
К. 4	Шило	3.18			0.61	0.34				95.9								
К. 4	Шило	4.2			0.54	0.44		2		90	2.83							
К. 4	Шило	6.19			0.48	0.49	0.11	0.27		79.3	6.79				6.38			
К. 4	Шило	4.14			0.35	0.26		2.89	0.26	88.9	2.36				0.79			

серебряного сплава (Ag-Cu). Металлографический анализ серебряных бусин показал сложное изготовление тонких металлических пластин, сделанных методом скручивания и многократной холодной проковки вокруг центрального ядра.

Пока не ясно, является ли “сплав” (мышьяковистая медь, золотосодержащее серебро и серебряные примеси) природным или искусственной лигатурой. Некоторые залежи руды в Азербайджане (например в 50 км от Союг Булага) имеют такие же смешанные составы, так что эти предметы могли бы быть сделаны из природных руд. Также известно, что повторное использование материалов может обусловить появление в составе металла неожиданных элементов или увеличение процентного содержания некоторых из них. Следовательно, это не может служить доказательством того, что данная примесь является искусственной лигатурой.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ⁵

Внешние связи. Большая часть находок из курганов свидетельствует о связях с более или менее отдаленными районами. Это касается, как было сказано выше, керамических изделий, большинство из

которых демонстрирует признаки, характерные для сосудов Северной Месопотамии первой половины IV тыс. до н.э. Здесь следует подчеркнуть, что они не были завезены из Месопотамии, а только повторили их форму, технологию изготовления, характер примеси, либо имели на сосудах похожие гончарные знаки (Lyonnnet, 2007b. P. 132–161). Чаша из кургана 2, вероятно, первоначально покрытая черным ангобом, также очевидно является инородной для местной культуры этого времени (см. ниже), но происхождение этой черной посуды, которая только появляется в то время и обычно считается предшественником куро-араксской керамики, пока неизвестно. Некоторые черно-серые глиняные сосуды фиксируются в поселениях Лейлатепе и Бериклдееби. Вероятно, такая же чаша была найдена в таком же положении (под слоем камней ниже поверхности) в кургане IV Си Гирдан (Muscarella, 1971. Fig. 27), хотя фотография не позволяет определить ее точную форму.

Уникальная бусина из лазурита впервые была обнаружена в этот период *in situ* на Кавказе. На Северном Кавказе одна бусина из лазурита из Старомышастовского клада была обнаружена случайно в конце XIX в.; считается, что она взята из разоренного кургана, относящегося к майкопской культуре (Мунчаев, 1975. С. 225). Однако не все элементы, составляющие этот клад, являются однородными,

⁵ В данном разделе дается в основном интерпретация Б. Лионне, с которой могут быть не согласны некоторые соавторы.

и возникают некоторые сомнения относительно его происхождения. В Тепе Гавра в Северной Месопотамии могилы, содержащие иногда много бус из лазурита, бирюзы, белой пасты, сплава золота и серебра и т.д., были обнаружены на уровнях IX–XIII и датируются периодом VII–XI. Однако определить их точную дату почти невозможно, так как дневная поверхность, из которой они были впущены, не идентифицирована (ср.: Tobler, 1950. P. 51–97; Forest, 1983. P. 19–110; Rothman, 2001). Можно также сравнивать богатство и варианты происхождения инвентаря из кургана 1 в Союг Булаге с материалами из кургана в Саразме (Таджикистан) периода I. Он датирован тем же временем (около 3500 до н.э.) и отнесен к афанасьевской культуре, где большое количество бусин из лазурита, золота, серебра, сердолика и нагретого стеатита было обнаружено вместе с серебряной вазой, “бронзовой” бритвой и двумя браслетами из раковин из Индийского океана (Исаков, 1992. С. 64–75).

Найденная в наших раскопках лазуритовая бусина могла происходить только из Бадахшана в Афганистане. Путь, которым она попала сюда, неизвестен, и он, конечно, не прямой. Возможен путь через степи к северу от Каспийского моря или к югу от него через северный Иран. Именно в северном Иране и, особенно около оз. Урмия еще одно свидетельство контактов выражается в очень большой схожести стилей между каменным скипетром с головой лошади в кургане 1 Союг Булага со скипетром с головой хищника из семейства кошачьих в кургане III в Си Гирдан (Muscarella, 1969. P. 5–25). Этот курган также содержал богатый инвентарь из бус, серебра и “бронзы”. Большинство бусин из обеих могил также схожи по форме и материалу. Это является еще одним доказательством более ранней даты курганной группы Си Гирдан, чем предполагалось сначала, и которую ее автор сам пересмотрел (о спорах и о новой дате Си Гирдан см.: Muscarella, 2003). Это также подтверждает реальность связей между майкопской культурой и Закавказьем в то время. Именно конструктивное сходство погребений майкопской культуры и Си Гирдан привело О. Мускареллу к мысли изменить предложенную ранее датировку. Были также выдвинуты предположения о других связях между майкопской культурой и Закавказьем благодаря схожести керамического материала (Lyonnnet, 2007b).

Источником обсидиана, обнаруженного в погребениях Союг Булага, являются горы Малого Кавказа, расположенные неподалеку. Для обсидиана, обнаруженного в кургане 3С, это месторождение Гутенсар; для обсидиана, обнаруженного в курга-

не 6, – месторождение Паравани 2⁶. Что касается других камней или раковин, использованных для изготовления бус, точное их происхождение пока не установлено.

Пока не установлено, были ли обнаруженные металлические предметы, включая металлические бусины, изготовлены на месте или нет, но мы знаем, что на Малом Кавказе, на довольно небольшом расстоянии от Союг Булага, есть месторождения руды, содержащие все элементы, выявленные в составе анализированных предметов (см.: Cougcier et al., в печати). Следует отметить, что металлические предметы, обнаруженные в Си Гирдан, имели другой состав⁷.

Свидетельства местной культуры (см.: Muscarella, 2003). Помимо металлических предметов (возможно изготовленных на месте), свидетельства местной культуры среди находок в курганах Союг Булага исключительно слабые и основываются на маленьком керамическом фрагменте, связанном с “культурой сиони”.

Эта культура, которая следует за шулавериншомутепинской неолитической культурой, была сначала выделена в Восточной Грузии, недалеко от некрополя Союг Булаг (Кигурадзе, 2000; Kiguradze, Sagona, 2003. P. 38–94). В начале IV тыс. до н.э. она составляла местный субстрат, на который наложились северо-месопотамские влияния в керамическом материале, природа которых пока не ясна. Как в Лейлатепе, так и в Бююк Кесике вместе с керамическим материалом, характерным для позднего халколита Месопотамии, обнаружено некоторое количество сосудов типа “сиони”, с насечками над венчиком и прочерченной гребешковым орнаментом поверхностью, иногда с примесями в тесте дробленого обсидиана (Akhundov, 2007. P. 95–121). Распространенная в основном в Закавказье и Восточной Анатолии (Maggo, 2007. P. 77–94), эта культура оказала заметное влияние и на Северный Кавказ (Lyonnet, 2007b. P. 132–161). Еще одна характерная форма ее керамики – мангал – жаровня с отверстиями, равномерно распределенными под венчиком, использование которой продолжается в куро-араксский период, хотя отверстия начинают в этот период исчезать.

Помимо керамики, об этой культуре пока еще известно немного. Ее поселения небольшие и недолговременные, с невыразительной архитектурой. Предполагается, что население состояло в основ-

⁶ Анализ сделан Б. Гратуз (CNRS/ IRAMAT), которому приносим благодарность.

⁷ Информация приведена О. Мускарелла, которому выражаем благодарность.

ном из полуседлых скотоводов. Открытие Союг Булага впервые позволяет соотнести эту культуру с курганами. Оно также отодвигает более чем на 1000 лет дату появления этого обычая захоронения в Закавказье, поскольку до настоящего времени считалось, что появление курганов в Закавказье связано с беденской и майкопской культурой и произошло около середины III тыс. до н.э. (Джапаридзе, 2003; Kohl, 2007. P. 113).

Очевидные различия в богатстве погребального инвентаря раскопанных курганов показывают, что мы имеем дело с иерархическим обществом. Курган 1 с его многочисленными бусинами, сделанными с большим мастерством из драгоценных металлов и полудрагоценных камней, с кинжалом и таким символом власти, как скипетр, наверняка принадлежал погребению человека, имевшего высокий статус.

Форма этого скипетра с головой лошади вместе с необычайно широким распространением сионской культуры, как было указано выше, ставит вопрос о domestикации лошади в этом регионе (см., например: Levine, 1999).

Ритуал захоронения. Помимо артефактов наиболее интересной особенностью раскопанных курганов является ритуал захоронения. Он отличается от современной им майкопской культуры и кажется ближе к курганам Си Гирдан (Muscarella, 2003). За исключением внешних признаков, конструкция камеры и ее ориентация также напоминают многие могилы из сырцового кирпича из Тепе Гавры (Tobler, 1950. P. 70).

Малочисленность здесь человеческих костей удивительна и обусловила возможность разных объяснений авторами раскопок. Некоторые из них (Т. Ахундов) считают, что это объясняется кислотностью и соленостью почвы. Другие (Б. Лионне) полагают, что наличие только нескольких небольших костей в кургане 4 или правой части верхней половины тела в кургане 3С в противовес почти полному набору костей, обнаруженных на промежуточном уровне кургана 1, не очень согласуется с этим объяснением. Далее следует также учесть наличие погребальной ямы в некоторых курганах и ее отсутствие в других. Наконец надо отметить такую же скудость человеческих костей в погребениях курганов Си Гирдан (Lyonnet, 2009. P. 1–28).

В совокупности эти соображения приводят к еще одной возможной интерпретации – присутствию ритуала вторичного захоронения, где одни части туловища хоронились в нескольких курганах, возможно, после того, как они сначала лежали на открытом воздухе. Соответственно, в кургане 1 могло ничего не остаться от захоронения на дне

ямы останков человека с кинжалом и скипетром (мужчина?), тогда как почти целый скелет с многочисленными бусами, обнаруженный на промежуточном уровне могильной ямы, мог принадлежать человеку, принесенному в жертву (женщина?). В кургане 4 присутствие древесного угля и крошечных фрагментов сожженных костей могло быть следствием кремации. К сожалению, невозможно определить принадлежность этих костей человеку или животному.

Ритуал вторичного захоронения уже известен в это время. Например он описан в некрополе Суза А (Lyonnet, 2009. P. 1–28), датируемом несколько более ранним временем, чем наши курганы. Но, к сожалению, информация об этом некрополе, раскопанном давно, недостаточна для полного понимания того, какой ритуал там имел место. Возможность ритуального оставления тела покойного на открытом воздухе характерна для обширной географической области. Она могла бы быть ключом к пониманию ситуации урукского периода в Месопотамии, когда почти не известны могильники (Lyonnet, 2009). Недавнее открытие ингумаций множества разрозненных человеческих костей в непосредственной близости от Телля Брак (McMahon et al., 2007. P. 145–171), также как и находка печати с изображением возможной сцены терзания птицей тела человека из поселения Хамукар (К. Райхель, доклад на 6-м Международном конгрессе по древней археологии Ближнего Востока, Рим, май 2008 г.) подтверждают, кажется, эту точку зрения.

Наконец, человеческие жертвоприношения были уже зафиксированы в кавказском регионе. Это, вероятно, имело место в Майкопском кургане, где два человека почти без какого-либо погребального инвентаря были захоронены в камерах, отделенных от основного погребения с богатым инвентарем (Веселовский, 2002. С. 44–48), и были отмечены для несколько более позднего периода в Арслантепе в слое VI B1 (Frangipane et al., 2001. P. 105–139).

В заключение следует еще раз подчеркнуть значение сделанных открытий. Сейчас первое появление курганного обряда в Закавказье удревнено на тысячу лет, чем это было известно ранее. С этим связано появление целого ряда вопросов, касающихся образа жизни местного населения Закавказья в начале IV тыс. до н.э., их контактов с другими группами, наличием у них металлургии и, возможно, domestикации лошади. Возникновение нового погребального ритуала под курганными насыпями требует дополнительных исследований. Целый набор глубоких изменений и инноваций, появившихся, по-видимому, в течение V тыс. до н.э., возможно, мог быть связан со значительными

климатическими изменениями, что привело к запустению всех неолитических поселений шулаверипшомутепинской культуры. Мы надеемся, что дальнейшие исследования в этом регионе дадут ответы на некоторые из поднятых вопросов и подтвердят часть наших предположений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веселовский Н.И.* Отчет Н.И. Веселовского о раскопках Майкопского кургана в 1897 г. // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 2002.
- Джанагирдзе О.М.* У истоков истории Грузии. Тбилиси, 2003 (на груз. яз. с рус. и нем. резюме).
- Исаков А.* Богатое женское погребение из Саразма (Таджикистан) // Археологические вести. Вып. 1. СПб., 1992.
- Кигурадзе Т.* Археологические памятники с Сиони-Марнеульского района (итоги работ 1974–1979 гг.). Тбилиси, 2000 (на груз. яз., с рус. резюме).
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Нариманов И.Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (Эпоха энеолита, VI–IV тыс. до н.э.). Баку, 1987.
- Akhundov T.* Sites de migrants venus du Proche-Orient en Transcaucasie // Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007.
- Courcier A., Gasanova A., Hauptmann A.* Ancient metallurgy in the Caucasus during the Chalcolithic and Early Bronze Age: recent results from excavations in Western Azerbaijan // Metalla. В печати.
- Forest J.-D.* Les pratiques funéraires en Mésopotamie, du cinquième millénaire au début du troisième. Etude de cas. Paris, 1983.
- Frangipane M., Di Nocera G., Hauptmann A. et al.* New Symbols of a New Power in a “Royal” Tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // Paléorient. 2001. № 27/2.
- Kiguradze T., Sagona A.* On the Origins of the Kura-Araxes Cultural Complex // Archaeology in the Borderlands. Investigations in Caucasian and Beyond. Los Angeles, 2003 (Cotsen Institute of Archaeology; Monograph 47).
- Kohl P.L.* The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge, 2007.
- Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient / B. Lyonnet.* CNRS éditions/ERC. Paris. 2007.
- Levine M.* The Origins of Horse Husbandry on the Eurasian Steppe // Levine M., Rassamakin Y., Kislenko A., Tatarintseva N. Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge, 1999 (McDonald Institute Monographs).
- Lyonnet B.* Introduction // Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007a.
- Lyonnet B.* La culture de Maïkop, la Transcaucasie, l’Anatolie orientale et le Proche-Orient : relations et chronologie // Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007b.
- Lyonnet B.* Périphérie de la Mésopotamie à la période d’Uruk (4e millénaire): le cas des régions du Caucase // Centre et Périphérie. Approches nouvelles des Orientalistes, Maisonneuve. Paris, 2009.
- McMahon A., Oates J., Al-Quntar S. et al.* Excavations at Tell Brak 2006–2007 // Iraq. 2007. № 69.
- Makharadze Z.* Nouvelles données sur le Chalcolithique en Géorgie orientale // Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007.
- Marro C.* Upper-Mesopotamia and Transcaucasia in the Late Chalcolithic Period (4000–3500 BC) // Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007.
- Muscarella O.* The Tumuli at Sé Girdan. A Preliminary Report // Metropolitan Museum Jr. 1969. № 2.
- Muscarella O.* The Tumuli at Sé Girdan: Second Report // Metropolitan Museum Jr. 1971. № 4.
- Muscarella O.W.* The Chronology and Culture of Sé Girdan: Phase III // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. V. 9. 2003. № 1, 2.
- Museibli N.* Böyük Kesik. Eneolit dövrü yaşayış məskəni. Beyuk Kesik, Chalcolithic Settlement. Baku, 2007.
- Rothman M.* The Tigris Piedmont, Eastern Jezira, and Highland Western Iran in the Fourth Millennium B.C. // Uruk Mesopotamia and Its Neighbors. Cross-Cultural Interactions in the Era of State Formation. Santa Fe, 2001 (School of American Research Advanced Seminar Ser.).
- Tobler A.J.* Excavations at Tepe Gawra. Joint Expedition of the Baghdad School and the University Museum to Mesopotamia. V. II. Levels IX–XX. University Museum. Philadelphia, 1950.

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИМПОРТНЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ТЕРРИТОРИЮ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В “САВРОМАТСКУЮ” И РАННЕСАРМАТСКУЮ ЭПОХИ (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

© 2011 г. Е.В. Игуменшева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(igumeelena@yandex.ru)

Ключевые слова: импортные изделия, Южное Приуралье, пути проникновения, торговые связи, “скифский торговый путь”, военно-политические контакты, дипломатические дары, военная добыча, “ольвийские” зеркала, круговая керамика, “зеркала-погремушки”.

Imported items are the only testimony of contacts between the nomads of the South Urals and their settled farmer neighbors. There are several opinions about how such items found their way into the nomad milieu of the South Urals. Some scholars support the view that all the items which were not of local manufacture testify to the existence of regular trade contacts between the nomads and their neighbors. Others are of the opinion that the items are war trophies or political gifts to the nomad leaders. Assemblages with imported items are relatively few, hence we cannot speak about steady trade relations between the nomads of the South Urals and their settled farmer neighbors. At the same time the existence of trade exchange between the nomads and the farmers cannot be denied. That is why we should be careful in our interpretations of how the various categories of imported items found their way to the nomads, since the existence of particular types of contacts depended to a large degree on the political situation in neighboring regions.

Импортные изделия – одна из наиболее ярких категорий находок в погребениях кочевников. Они свидетельствуют о разнообразных контактах кочевников с их оседлыми соседями. От последних они получали изделия, которые не могли быть произведенными в условиях кочевого хозяйства.

Но несмотря на большой интерес исследователей к этой категории инвентаря, в литературе не всегда можно найти четкое определение понятия “импорт” или критерии выделения импортных предметов. В данной работе под импортом понимаются предметы, не свойственные культуре кочевников, которые априорно не могли быть произведены в условиях кочевого хозяйства и, следовательно, ввозились из районов с развитым ремесленным производством. Синонимом слову импорт в используемом нами контексте служат словосочетания “привозные вещи” или “вещи неместного производства”.

В литературе не сложилось и единого устойчивого мнения о способе проникновения подобных вещей в среду кочевников Южного Приуралья. Долгое время все предметы неместного производства считались результатом торговли оседлого населения, в первую очередь Средней Азии, с кочевниками Южного Урала. Но по мере увеличения числа

изделий неместного производства эта точка зрения претерпевала изменения. В настоящее время различные исследователи по-разному отвечают на вопрос о путях проникновения подобных вещей.

Импортные предметы, найденные в погребениях кочевников Южного Приуралья, условно можно разделить на две категории – “южные”, имеющие среднеазиатское или иранское происхождение, и “западные”, попавшие в Южное Приуралье из ремесленных центров Северного Причерноморья и Кавказа.

Что касается “западных” изделий, то в первую очередь это так называемые ольвийские зеркала. Впервые поставил вопрос о способе проникновения этих предметов к кочевникам Южного Урала Б.Н. Граков. Он считал, что все известные находки “ольвийских” зеркал на территории “савроматов” являются следствием их торговых контактов с Ольвией. Основываясь на немногочисленных находках и на сообщении Геродота, давшего в IV книге своей “Истории” описание пути, шедшего от Ольвии на северо-восток вплоть до “подножия высоких гор” (Her., IV, 20–24), исследователь попытался реконструировать возможный маршрут этого торгового пути, соединяющего Северное Причерноморье с

Поволжьем и Южным Приуральем. По его мнению, он шел от Ольвии, пересекал Дон, затем по Волге на север и доходил до южных отрогов Уральских гор где-то в районе Орска. При этом маршрут не был единым, а имел ответвления как на юг, так и на север (Граков, 1947. С. 35, 36).

В настоящее время точка зрения Б.Н. Гракова на характер распространения рассматриваемых зеркал поддерживается большинством исследователей и получила в литературе дальнейшее развитие. В определении торгового (обменного) характера распространения ольвийских зеркал единодушно большинство исследователей, занимавшихся этой проблемой (Граков, 1947; Иессен, 1952; Смирнов, 1964; Членова, 1983). Но в то же время нет единства в вопросах, которые касаются маршрута “скифского торгового пути”, его начального и конечного пунктов, хронологии, возможных участников торгового обмена и его эквивалентов. Но большая часть работ, посвященных этим темам, не затрагивает непосредственно территории Южного Урала.

Проблеме “скифского торгового пути” и изделиям, попадавшим по нему на территорию “савроматов”, уделил внимание в своей работе “Савроматы” и К.Ф. Смирнов. Кроме ольвийских зеркал он указал еще на ряд изделий, которые могли стать предметом торговли на этом пути, – это зеркало “кульбинского типа” из урочища Башкирское стойло и, возможно, роговой зооморфный псалий из Рысайкино (Смирнов, 1964. С. 159, 259).

Также К.Ф. Смирнов попытался реконструировать предполагаемый маршрут этого торгового пути. “Из Ольвии он шел в лесостепные области Скифии через Средний Дон... Скифы могли переплываться через Волгу где-то в районе Саратова и вдоль заволжских рек попадали на Бузулук и далее на Урал” (Смирнов, 1964. С. 259). Кроме данного пути исследователь выделял еще один возможный путь проникновения импортных вещей западного производства и в первую очередь именно ольвийских зеркал к “савроматам” – в результате прямого контакта в районе Дона или Северского Донца, где соприкасались кочевья “царских скифов” и “савроматов” (Смирнов, 1964. С. 260).

“Скифскому торговому пути” посвящена и работа Н.Л. Членовой. Разделяя точку зрения Б.Н. Гракова о возможности существования этого торгового пути еще в бронзовом веке, она нанесла на карту памятники этой эпохи, что позволило ей выделить несколько приблизительных маршрутов более позднего торгового пути, по которому на Южное Приуралье и попали ольвийские зеркала (Членова, 1983. С. 52).

В последнее время появились работы, в которых оспаривается торговый характер пути, описанного Геродотом. Так, Т.М. Кузнецова считает, что ольвийские зеркала в действительности маркировали не торговые пути, а пути в землю “священных людей” – аргиппеев и исседонов (Her., IV, 23–25). При этом сами зеркала интерпретируются в качестве священных сосудов – патер, связанных с культами Аполлона и Диониса (Кузнецова, 1991. С. 81 и сл.).

Таким образом, главным доказательством реального существования “скифского торгового пути” считаются находки так называемых “ольвийских” зеркал в погребениях кочевников Южного Приуралья “савроматского” времени. В литературе нет единой точки зрения на место производства этих зеркал, но совершенно очевидно, что в Южное Приуралье они попадали в результате связей кочевников с их западными соседями.

Гораздо меньше исследователей привлекали связи кочевников Южного Приуралья с территорией Северного Кавказа. Первым, кто обратил внимание на возможные связи “савроматов” с населением Северного Кавказа, был К.Ф. Смирнов. Еще в работе 1964 г. он объяснял появление ряда вещей северокавказского облика в пределах “савроматской” культуры не только результатом непосредственного проникновения кочевников в предкавказские степи, но и традиционным обменом материальными ценностями между населением Северного Кавказа и степей Поволжья (Смирнов, 1964. С. 260). К сожалению, в работе не приводятся вещи северокавказского производства, найденные непосредственно на территории Южного Приуралья, но позднее, в работе, посвященной мечам так называемого синдо-меотского типа, он указывает на ряд подобных мечей, имеющих, по его мнению, северокавказское происхождение, а также несколько местных подражаний им. Появление этих образцов К.Ф. Смирнов считал следствием тесных контактов ранних сарматов степей Дона, Поволжья и Приуралья с северокавказским населением, прежде всего с меотами Прикубанья, установившихся уже в IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1982. С. 43).

Анализу импортных изделий с территории Южного Урала, имеющих северокавказское происхождение, посвящена и статья Д.Н. Мещерякова и Л.Т. Яблонского. Они соглашаются с мнением К.Ф. Смирнова, что мечи и кинжалы с коротким овальным или брусковидным навершием имеют многочисленные аналогии на Северном Кавказе и могут быть признаны импортными изделиями (Мещеряков, Яблонский, 2007. С. 360). По материалам Южного Приуралья они датируют подобные кинжалы в пределах конца V – IV в. до н.э. Также авто-

ры выделяют такую категорию изделий кавказского происхождения, как керамика. К северокавказским по происхождению они отнесли некоторые сероглиняные круговые сосуды с лощеной поверхностью (Мещеряков, Яблонский, 2007. С. 361). В то же время пути и способы проникновения кавказских вещей на Южный Урал исследователями не рассматриваются.

Но больше всего исследователей привлекают связи кочевого населения Южного Урала с его южными соседями – Средней Азией, а через нее и с Ахеменидским Ираном. Такой интерес объясняется географической близостью южноуральского региона к оазисам Средней Азии и довольно значительным количеством изделий среднеазиатского и переднеазиатского производства в погребениях кочевников Южного Урала.

Первым, кто обратил внимание на тесную связь Южного Урала с Ираном, был М.И. Ростовцев. По его мнению, все ценные предметы: печати, блюда, ожерелья, подвески, найденные на указанной территории, имеют иранское происхождение и были ввезены именно оттуда (Ростовцев, 1918. С. 80).

Более подробно вопрос о предметах иранского производства освещается в работе А.А. Иессена. Автор дал тщательное описание изделий ахеменидского производства, известных на тот момент на территории Приуралья, не сомневаясь в том, что все они попали на Южный Урал в результате торговых связей кочевников. Также им была предпринята попытка на основании сравнительной характеристики определить центр и время их производства, а также возможные пути их проникновения на Южный Урал. В частности, А.А. Иессен, анализируя распространение изделий иранского производства на территории Приуралья, пришел к выводу, что в ахеменидское время они могли проникать на означенную территорию по двум основным путям – одному, направляющемуся через Кавказ и Предкавказье на Волгу, и другому, ведущему через Среднюю Азию на Южный Урал. Но он считал преждевременным ставить вопрос о хронологическом приоритете того или иного из этих путей (Иессен, 1952. С. 228).

К проблеме южных связей кочевников Южного Урала обращался и К.Ф. Смирнов в своей монографии “Савроматы”. В этой работе подчеркивались военно-политические и экономические связи кочевников Южного Урала и Хорезма, особенно начиная с IV–III в. до н.э. Именно Хорезм К.Ф. Смирнов считает наиболее вероятным посредником в распространении изделий переднеазиатского производства у кочевников южноуральского региона (Смирнов, 1964. С. 281).

Статья Т.В. Савельевой и К.Ф. Смирнова основное внимание уделяет импортным предметам ближневосточного и египетского производства, обнаруженным в Южном Приуралье. Не отрицая существование торговых контактов кочевников Южного Урала со среднеазиатским регионом, исследователи отказывают им в приоритете, когда дело касается дорогих предметов. По их мнению, взаимоотношения ранних кочевников Южного Урала с ближневосточными странами, в особенности в ахеменидский период, носили более сложный характер, чем просто торговые связи. Выделяя такие предметы, как халцедоновая ахеменидская печать, серебряные блюда из Прохоровки и особенно алебастровый сосуд с именем царя Артаксеркса, изготовленный в царских мастерских Египта, они считали их либо предметами трофейными, либо, скорее, дарственными (Савельева, Смирнов, 1972. С. 120, 121).

Кроме работ, посвященных контактам кочевников Южного Урала с соседними регионами в целом, существует ряд работ, анализирующих отдельные категории импортных изделий. В первую очередь это касается наиболее редких и дорогих предметов.

Уже давно в сфере внимания исследователей находятся серебряные фиалы из первого прохоровского кургана. Первые опубликованные сведения о них ограничиваются воспроизведением снимков, помещенных в работе М.И. Ростовцева, и опубликованного там же письма академика П.К. Коковцева, посвященного надписям на них. В этом письме они определяются как арамейские “с чисто персидским контекстом” и датируются от IV (по общему характеру письма) до III и даже II в. до н.э. (по первой букве в имени *Atromithr*) (Ростовцев, 1918. С. 82, 83). Вопросы происхождения прохоровских фиал касаются и А.А. Иессен. Они были отнесены им к поздним дериватам фиал ахеменидского времени, производство которых датируется рубежом IV – III в. до н.э. (Иессен, 1952. С. 217, 218).

В.И. Мордвинцевой было доказано, что фиалы из Прохоровки использовались в качестве фаларов – блях-распределителей наплечных ремней (1996. С. 155). Об этом свидетельствуют три пары отверстий, к которым в древности крепились скобы. Вопрос о месте превращения прохоровских фиал в фалары не имеет, по мнению автора, однозначного решения. Блюда могли быть переделаны как самими кочевниками, так и попасть к ним уже в качестве фаларов, и тогда родиной распределителей наплечных ремней конской сбруи могли быть Иран или Бактрия (Мордвинцева, 1996. С. 159).

В последнее время в сферу внимания исследователей попала проблема датировки пуансонных надпи-

сей на прохоровских фиалах. В.А. Лившиц, относя надписи на сосудах к парфянскому языку, датировал их сравнительно поздно – от рубежа II – I в. до н.э. до I в. н.э. (Лившиц, Зуев, 2004. С.10). С подобным взглядом на хронологию надписей на прохоровских сосудах не согласны А.С. Балахванцев и Л.Т. Яблонский. Они считают, что доступного в настоящее время материала недостаточно, чтобы датировать надписи с необходимой точностью, но в целом ни языковые, ни палеографические особенности не препятствуют их отнесению к последней четверти IV – III в. до н.э. (Балахванцев, Яблонский, 2009. С. 99).

Существуют различные точки зрения по поводу возможного способа проникновения этих изделий на Южный Урал. Часть исследователей, ссылаясь на наличие в Южном Приуралье других чаш ахеменидского производства, отстаивает их попадание в результате торговых взаимодействий кочевников с их земледельческими соседями (Иессен, 1952. С. 226). Другие доказывают, что они были либо военными трофеями, либо дарами вождям кочевников. При этом их главным доказательством является политическая ситуация, сложившаяся в Средней Азии во время походов Александра Македонского и после его смерти, которая могла способствовать присутствию кочевников Южного Урала в среднеазиатском регионе в качестве реальной политической силы и повлечь появление прохоровских фиал в качестве военной добычи (Васильев, Савельев, 1993. С. 14).

Большой интерес исследователей вызывают и металлические сосуды предположительно ахеменидского производства. Анализ вещей из разрушенного погребения у с. Долинного, содержащего наряду с другими изделиями и серебряный ритон, посвящена статья М.Г. Мошковой. Признавая существование торговых связей кочевников Южного Урала с Ахеменидским Ираном, автор в то же время отмечает, что “вряд ли предметами торговых операций были такие вещи, как ахеменидские ритоны, гривны, печати” (Мошкова, 1981. С. 182, 183).

Раскопки последних лет, в результате которых в поле зрения исследователей попали новые изделия неместного происхождения, способствовали появлению ряда работ, освещающих восточные контакты кочевников Южного Урала.

А.С. Балахванцев и Л.Т. Яблонский в ряде совместных работ анализируют такие предметы импортного происхождения, как серебряная чаша македонского типа из кургана Б Прохоровского могильника (Балахванцев, Яблонский, 2006), ахеменидская эмаль из кургана 15 Филипповки (Балахванцев, Яблонский, 2007), серебряная амфора из “царского” кургана 4 Филипповского могильни-

ка (Балахванцев, Яблонский, 2008). В них авторы оспаривают, в частности, возможность существования торговых контактов кочевников Южного Урала с Ахеменидским Ираном и видят причину появления драгоценных импортных изделий в установлении тесных военно-политических контактов между местными кочевниками и Ахеменидами (Балахванцев, Яблонский, 2008. С. 36, 37).

Анализу сосудов из драгоценных металлов из Прохоровских и Филипповских курганов посвящена и работа М.Ю. Трейстера. В ней автор определяет большинство сосудов из Филипповских курганов как изделия малоазийских и (или) фракийских мастерских середины V – первой половины IV в. до н.э. (Трейстер, 2008. С. 164). Возвращаясь к проблеме прохоровских фиал-фаларов, М.Ю. Трейстер считает, что они имеют различное время и место изготовления. Так, фалар, хранящийся в Алматы, он определяет как изделие “международного ахеменидского стиля”, распространенное на территории Ахеменидских сатрапий во второй половине V в. до н.э. Тогда как второй фалар относится, по его мнению, к изделиям на “ахеменидскую тему”, изготовленным в Александрийской мастерской (Трейстер, 2008. С. 158).

В последнее время в круг интересов исследователей попали так называемые восточные музыкальные зеркала или зеркала-погремушки, найденные на территории Южного Урала (Мечетсай), Алтая (Пазырык, Рогозиха-1, Локоть-4) и Сибири (Быстровка). На тыльной стороне зеркала из могильника Мечетсай, состоящего из двух половинок, в плоском поле между двумя кольцевыми валиками был помещен рисунок религиозного характера, выполненный тонкой гравировкой (Смирнов, 1975. С. 141, 142). К.Ф. Смирновым в свое время была высказана точка зрения, что это зеркало несет в себе традиции переднеазиатского искусства Ахеменидской эпохи и могло быть изготовлено в Иране или Мидии, где на него и был нанесен рисунок. В частности, он видит близкие аналогии изображению на зеркале из Мечетсай в древностях Луристана и Саккызском кладе (Смирнов, 1968. С. 121).

После введения в научный оборот рогозихинского и локтевского зеркал была дана развернутая аргументация “восточного” или индийского их происхождения (Васильков, 2002; Уманский и др., 2005). Все исследователи локализуют производство этих зеркал в Индии и соседних с ней областях Бактрии. Необходимо отметить, что большинство исследований последнего времени касаются зеркал с Алтая, но близость зеркала из Мечетсай алтайским находкам позволяет предположить, что они были

изготовлены на одной территории или даже в одной мастерской.

Я.В. Васильков, интерпретируя изображение слона на зеркале из Рогозики как “чудесного царского слона”, описанного в средневековом трактате, и опираясь на близкий химический состав всех четырех зеркал, делает вывод об их индийском происхождении (2002. С. 29, 30).

Необходимо отметить, что выявление места производства указанных зеркал осложняется тем, что ни на Ближнем Востоке, ни в Индии, ни в Бактрии не найдено пока “зеркал-погремушек”. Это позволило некоторым исследователям предположить, что подобные зеркала целенаправленно изготавливались для саков и более северных кочевников (Уманский и др., 2005. С. 35).

Ярким маркером существования торговых контактов между кочевниками Южного Урала и их земледельческими соседями является круговая керамика. В условиях кочевого скотоводства не было возможности изготовления керамики при помощи гончарного круга. Следовательно, подобная посуда должна была ввозиться из районов с развитым ремесленным производством, главным образом, из земледельческих оазисов Средней Азии. При этом по данной теме до сих пор отсутствуют специальные и обобщающие работы, касающиеся не только вопросов происхождения или хронологии гончарной керамики, но и хотя бы ее первичной статистической оценки и классификации. Первым шагом в этом направлении стала статья В.Н. Васильева, посвященная выючным флягам, предназначенным для транспортировки различных жидкостей. Он анализирует шесть фляг из погребений кочевников Южного Урала, разделив их на два типа по внешнему виду. К первому типу он относит фляги с двояковыпуклым профилем и ручками-ушками с продольным отверстием, расположенными на плечиках, или со следами от них. Второй тип представлен сосудами с резким уплощением одной стороны и ручками-ушками продольного сечения на плечах. Он считает, что фляги первого типа имеют иранское или ирано-бактрийское происхождение и датируются последними десятилетиями IV в. до н.э. Второй же тип фляг, распространенный с рубежа IV – III в. до н.э. и на протяжении всего III в. до н.э., отражает контакты кочевников Южного Урала с областями Северной Парфии и Хорезма (Васильев, 2006. С. 58–62).

До сих пор остается практически не изученной такая категория импортных вещей, как бусы – самая распространенная и многочисленная категория привозных изделий, появившихся на Южном Урале в результате, скорее всего, торговых взаимодей-

ствий. Их изготовление требовало достаточно высокого уровня развития ремесла, и производиться в хозяйстве кочевников они не могли, за исключением, вероятно, отдельных примитивных образцов из кости и мела. Поэтому практически все бусы, обнаруженные на Южном Урале, могут считаться привезенными из различных ремесленных центров Средиземноморья, Малой Азии и Индии, что делает их весьма ценным источником при реконструкции торговых связей кочевников.

Единственная работа, посвященная изучению бус Южного Урала, – статья О.В. Аникеевой, в которой рассмотрены каменные бусы из Прохоровского и Филипповского могильников. По технологическим характеристикам выделены четыре группы бус, каждая из которых имела свой центр производства (мастерскую). Автором были сделаны и предположения о регионах, из которых в те времена поступали минералы для изготовления каменных бус, – это, главным образом, территория Персии и Аравии, но производиться данные изделия могли и на территории Кавказа и Индии (Аникеева, 2008. С. 26, 27).

Таким образом, степень исследованности разнообразных связей кочевников Южного Урала с соседними оседлоземледельческими районами, а также импортных изделий как следствия подобных контактов, является неравномерной. Исследователей издавна привлекают наиболее яркие и дорогие изделия как переднеазиатского производства, так и попавшие на Урал в результате связей кочевников с их западными соседями. В последнее время ситуация немного изменилась – в круг интересов исследователей попала, в частности, круговая керамика и отдельные виды бус. Раскопки последних лет вызвали новую волну интереса к проблеме импортных изделий на территории Южного Урала. Но, несмотря на это, до сих пор нет работ, посвященных анализу всех разнообразных импортных изделий на территории Южного Урала вне зависимости от места их производства, способа и путей их доставки. Не существует и единого мнения о способах проникновения отдельных категорий импортных изделий на территорию Южного Урала. Нередко одни и те же предметы различными исследователями трактуются то как предметы торговли, то как дипломатические дары или военная добыча.

Прежде чем ответить на вопрос о способах проникновения импортных предметов на территорию Южного Урала, необходимо определить основные категории привозных вещей и их количество, а также количество погребений, из которых они происходят. Импортные изделия в памятниках Южного Приуралья VI–I вв. до н.э. представлены в

настоящее время 163 экземплярами¹. Большинство из этих предметов обнаружены в 95 погребальных комплексах. В шести случаях импортные вещи происходят из насыпи курганов, которые могут быть трактованы как тризны. Еще в двух случаях вещи неместного производства происходят из случайных находок с территории расселения южноуральских кочевников: это псалий, найденный у с. Рысайкино, и комплекс бронзовых вещей с р. Куганак.

Относительная немногочисленность комплексов, в которых встречены импортные изделия (95 погребений из 1062 проанализированных нами), не позволяет сделать вывод о существовании устойчивых торговых связей кочевников Южного Урала с их оседлоземледельческими соседями. Но в то же время нельзя полностью отрицать наличие торгового обмена между кочевниками и земледельцами, так как первые очень нуждались в ремесленной и земледельческой продукции, а военные набеги не могли полностью удовлетворить все потребности кочевников. Именно поэтому к определению способа проникновения тех или иных категорий импортных изделий надо подходить осторожно, так как существование тех или иных видов контактов во многом зависело от сложившейся в соседних регионах политической ситуации, а также от культурной ситуации в самом Южном Приуралье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О.В.* Каменные бусы из Филипповского и Прохоровского могильников // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Матер. Междунар. науч. конф. "Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий". 21–25 апреля 2008 г. Оренбург, 2008.
- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Серебряная чаша из Прохоровки // РА. 2006. № 1.
- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // РА. 2007. № 1.
- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Серебряная амфора из Филипповки // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Матер. Междунар. науч. конф. "Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий". 21–25 апреля 2008 г. Оренбург, 2008.
- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Еще раз к вопросу о датировке надписей из Прохоровки // ВДИ. 2009. № 2.
- Васильев В.Н.* К хронологии вьючных флаг ранних кочевников Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.
- Васильев В.Н., Савельев Н.С.* Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа, 1993.
- Васильков Я.В.* Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб., 2002.
- Граков Б.Н.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. Т. 1. Київ, 1947.
- Иессен А.А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. 1952. Т. XVI.
- Кузнецова Т.М.* Этюды по скифской истории. М., 1991.
- Лившиц В.А., Зуев В.Ю.* О датировке парфянских надписей на фиалах из кургана 1 у деревни Прохоровка // ВДИ. 2004. № 2.
- Мецераков Д.В., Яблонский Л.Т.* О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.
- Мордвинцева В.И.* О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана // РА. 1996. № 2.
- Мошкова М.Г.* Комплекс находок с ритонном из Уральской области // СА. 1981. № 4.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 1918. № 37.
- Савельева Т.В., Смирнов К.Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Смирнов К.Ф.* Бронзовое зеркало из Мечетая // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975.
- Смирнов К.Ф.* О мечях синдо-меотского типа // КСИА. 1982. № 162.
- Трейстер М.Ю.* Произведения торевтики ахеменидского стиля и на "ахеменидскую тему" в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Матер. Междунар. науч. конф. "Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий". 21–25 апреля 2008 г. Оренбург, 2008.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.* Могильник скифского времени Рогозиха 1 на левобережье Оки. Барнаул, 2005.
- Членова Н.Л.* Предыстория "торгового пути Геродота" (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1.

¹ Статистическому обзору импортных изделий на территории Южного Приуралья указанного периода будет посвящена отдельная статья.

ЛЕПНЫЕ КУВШИНЫ V–IV вв. до н.э. ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

© 2011 г. К.Ю. Пеляшенко*, Д.С. Гречко**

*“Слобожанская археологическая служба”, Харьков (peyashenko@mail.ru)

**Институт археологии НАН Украины, Киев

Ключевые слова: *Днепро-Донская лесостепь, кувшин, лепная посуда, скифское время, типология.*

The article is devoted to the innovations in the ceramics tradition that appeared in the 5th c. BC on the territory of the Dnieper-Don forest-steppe. In the second half of the 6th – the beginning of the 5th cc. BC significant changes occurred in the pottery assemblage of the population of the Scythian forest-steppe, especially in the production of table and household vessels. A completely new category of hand-made ware appeared, i.e. jars. In this context, the following issues appear to be the most relevant: origin of the form, function of the ware, and territorial and chronological differentiations. The authors are of the opinion that the new form appeared under the influence of an external tradition, that of classical antiquity; however, the true reasons lie in the change of economic priorities that influenced the diet. In the 5th–4th cc. BC jars replaced some categories of table and household vessels and became part of the regular household utensils.

Важное значение при изучении этнокультурной истории и хозяйства древних народов имеет анализ керамических изделий. Объектом нашего исследования является одна из категорий местной лепной керамики – кувшины. Керамический комплекс населения данного региона отличался разнообразием форм и непостоянством гончарных традиций. Особенно ярко эволюция форм во времени прослеживается на примере столовой и тарной посуды. Если в кухонной керамике намечены лишь хронологические изменения в пропорциях формы горшка, то в столовой и тарной посуде в V в. до н.э. отмечается смена практически всех форм.

При комплексном рассмотрении кувшинов скифского времени возникает ряд вопросов: о происхождении и причине появления качественно новой формы в традиционном керамическом комплексе, о функциональном назначении разных по форме и размерам сосудов, выделении территориально-хронологических отличий и причинах их появления. Кроме того, рассматривая данную категорию посуды, на наш взгляд, вначале необходимо дать более точное определение термина, так как в литературе намечалась определенная путаница в названии этих сосудов. Все эти вопросы являются задачами данного исследования.

Специального освещения в литературе эта тема до сих пор не получила. Ряд исследователей памятников Среднего Дона обращали внимание на некоторые вопросы, связанные в основном с про-

исхождением кувшинов, поскольку они являются основной формой местной посуды в погребениях.

П.Д. Либеров, анализируя лепную керамику памятников Лесостепного Подонья, определяет время появления кувшинов V–IV вв. до н.э., указывая на ближайшие аналогии им среди вазообразных сосудов предскифского и раннескифского времени. Однако исследователь сомневался в их хронологической преемственности (Либеров, 1965. С. 19). Кувшин, найденный в кургане № 3 (1927 г.) группы Частых курганов, вслед за А. Городцовым (1947. С. 19), считал подражанием античной посуде.

А.И. Пузикова выделяет кувшины в отдельный тип и очерчивает их ареал за пределами Среднего Дона (1969. С. 57). Исследователь придерживается мнения о местном происхождении формы, генетически связанной с вазами из погребений предскифского времени, оговаривая, что ручки на сосудах появились в результате влияния античной традиции (Пузикова, 1969. С. 62).

Позднее А.И. Пузикова несколько изменяет свое мнение, утверждая, что “форма кувшина возникла под влиянием проникновения в Лесостепь греческих амфор, что произошло только в конце 5 – начале 4 в. до н.э.” (1996. С. 209).

Не исключает преемственности кувшинов от предскифских “ваз” А.П. Медведев в то же время отмечая другой аспект появления кувшинов: “Широкое использование в курганных погребениях различных кувшинообразных высокогорлых сосудов,

видимо, косвенно отражает важную роль жидкой, в первую очередь молочной пищи в рационе питания этого населения” (1999. С. 114).

В.Д. Березуцкий подвергает сомнению связь позднескифских кувшинов с предскифскими и раннескифскими формами, аргументируя это тем, что “Хронологический разрыв между двумя группами памятников, отсутствие прямой преемственности в развитии двух культур – предскифского и скифского времени оставляют этот вопрос лишь на уровне теоретической возможности. Вероятнее всего, создание ваз без ручек и с ручками представителями среднедонской культуры – это действительно раздражение, но не предскифским вазам, а, что более вероятно, античным образцам на варварский манер” (Березуцкий, 2006. С. 146).

Точно так же, как нет единого мнения относительно происхождения рассматриваемых сосудов, нет единого термина, который определяет эту категорию посуды. Ряд исследователей называет узкогорлые сосуды больших размеров “вазами” (Медведев, 1999. С. 114; Березуцкий, 2006. С. 146). Другие разделяют их по морфологическим признакам, обозначая сосуд, имеющий ручку, – “кувшин”, а сосуд без ручки – “ваза” или “вазообразный сосуд” (Пузикова, 1969. С. 62; Либеров, 1965. С. 19). Часть авторов объединяет сосуды под общим названием “кувшин” (Шрамко, 1983. С. 84, 85; Петренко, 1967. С. 21) либо “кувшинообразный сосуд” (Ковпаненко и др., 1989. С. 105). Относительно сосудов средних и малых размеров, то практически все исследователи определяют их как “кувшин”.

Если обратиться к толковым словарям русского языка, то все они дают примерно одинаковые определения термина “кувшин”: “глиняный, стеклянный или металлический сосуд, сравнительно высокий, бочковатый, с пережабиною под горлом, с ручкою и носиком” (Даль, 1955. С. 210), “высокий округлый сосуд с горлышком и ручкой” (Ожегов, Шведова, 2007. С. 312), “глиняный высокий сосуд, суживающийся сверху, с ручкой” (Толковый словарь..., 1935. С. 1539), “высокий суживающийся сверху сосуд с ручкой и носиком” (Новый толково-словообразовательный словарь..., 2000). Схожую трактовку находим в “Словнику-довіднику з археології”: “Посудина для рідини. Має видовжені пропорції та одну або дві ручки” (1996. С. 54).

Таким образом, из выше приведенных толкований можно заключить, что необходимыми условиями для признания сосуда кувшином являются высотный показатель, выделенное горло, наличие ручки, и, в некоторых словарях, наличие носика для слива. Однако если обратиться к этнографическим источникам, то не все перечисленные показатели

будут обязательными для определения данного термина.

Так, О. Пошивайло в “Словаре народной гончарной терминологии Левобережной Украины” дает широкий спектр названий различных видов кувшинов, их функциональное назначение и описание морфологических особенностей. Под общим названием “гличик” (рус. – кувшин) объединяются термины: “гладушик”, “гладун”, “глячок”, “зливушник”, “кушин”, “питун”, “стоянець”, “тиква” и др. (Пошивайло, 1993. С. 123–158). Общим для всех видов является узкое выделенное горло и значительный высотный показатель. Наличие ручки и носика для слива необязательно. Например, “гладушик” – кувшин без ручки для хранения молока или воды (Пошивайло, 1993. С. 127). Значительно варьируется и объем сосудов – от 0.5 до 5–6 л (Пошивайло, 1993. С. 165). Отличаются вышеперечисленные виды кувшинов и функциональным назначением: для хранения молочных продуктов, воды, крепких напитков, для приготовления молочных продуктов, для разливания жидкостей. Большие формы, как правило, использовались для хранения и приготовления, а малые – для подачи на стол и разливания.

Таким образом, на основании этнографических параллелей можно сделать два заключения: общими для сосудов, имеющих название “кувшин”, являются значительный высотный показатель формы, узкое выделенное горло (необязательны наличие ручки и носика для слива, что противоречит современному толкованию термина); различные виды кувшинов использовались для хранения, приготовления и разливания жидкостей (вода, молочные продукты, крепкие напитки). Внутренние отличия в использовании сосуда, как правило, были обусловлены размерами и деталями формы.

Представленный в данной работе обобщающий анализ группы кувшинов скифского времени Днепро-Донской лесостепи основан на методе построения типологических рядов. В процессе исследования была предпринята попытка классификации сосудов с помощью математических данных согласно “Программе статистической обработки керамики” В.Ф. Генинга (1973. С. 114–136). Из восьми указателей формы три (высотногогорловинный, профилировки шейки и выпуклости плечика) показали значительные отличия в категориях размеров. Однако графики, составленные на основе полученных данных, показывают сплошную линию переходных форм и не позволяют выделить типы. Другие указатели (высотный, широтногорловинный, высоты тулова, высоты плеча, ширины дна) дают незначительные отличия в категориях размеров, за исключением одиночных “выпадов”.

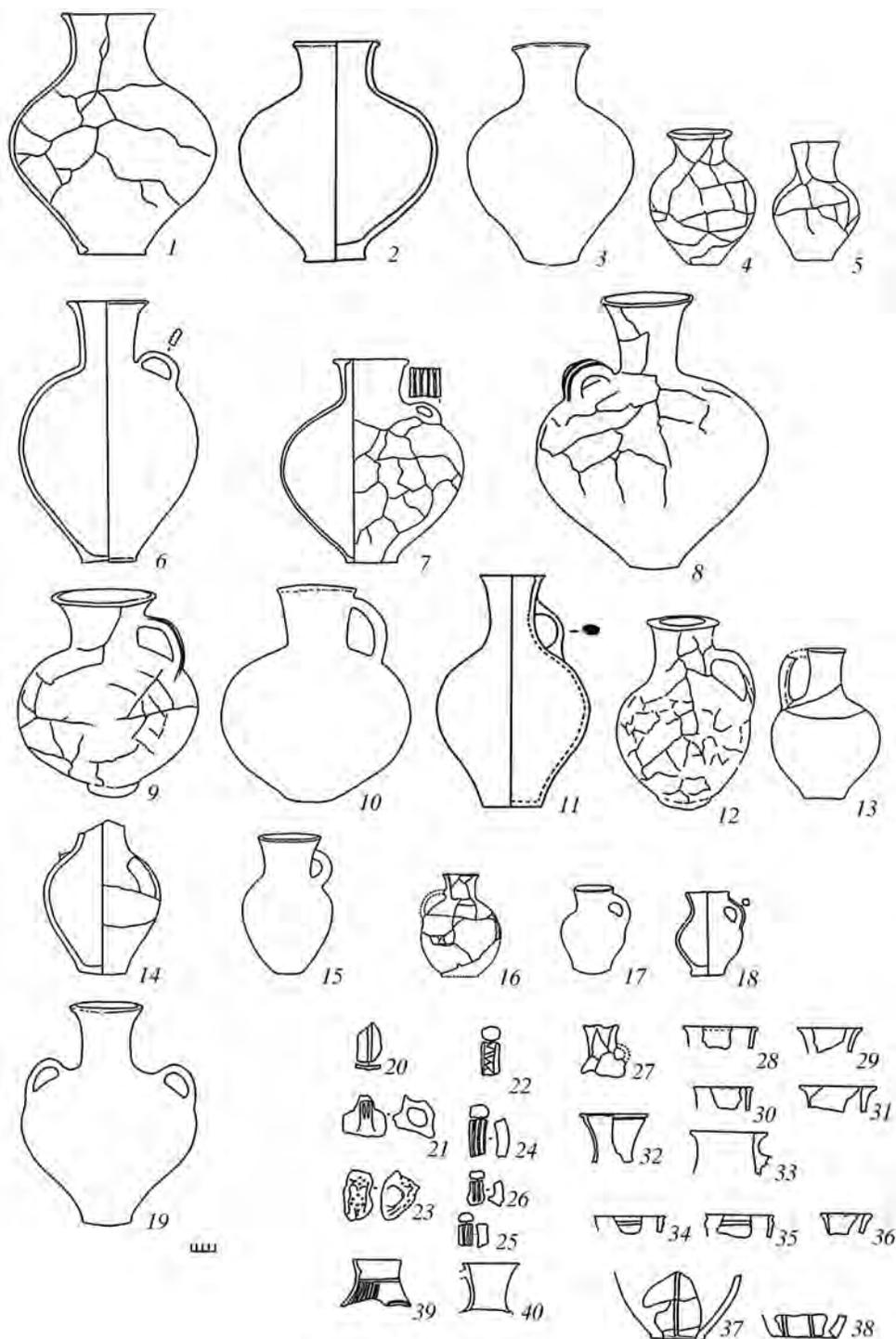

Рис. 1. Кувшины IV в. до н.э. из памятников бассейна Среднего Дона: 1 – хут. Дубовой, кург. 7; 2 – Колбино 1, кург. 10; 3 – Дуровка, кург. 9; 4, 5, 13 – Терновое, кург. 5; 6 – Горки-1, кург. 13; 7 – Ближнее Стояново, кург. 8; 8 – Русская Тростянка, кург. 5; 9 – Русская Тростянка, кург. 1; 10 – Частые курганы, кург. 9; 11 – Колбино 1, кург. 40; 12 – Русская Тростянка, кург. 14; 15, 17 – гор. Русская Тростянка; 14, 23–26, 28, 30, 31, 33, 35, 36 – гор. Кировское; 14, 20, 39, 40 – гор. Мостищенское; 18 – гор. Семилукское; 19 – Частые курганы, кург. 3; 21, 27 – гор. Круглое; 22, 32, 34, 37 – гор. Волошино; 29, 38 – гор. Большое Сторожевое (1, 7 – по В.Д. Березуцкому; 2, 11 – по А.А. Шевченко; 3, 8, 9, 12, 14, 15, 17, 21–38 – по А.И. Пузиковой; 4, 5, 13 – по В.И. Гуляеву, Е.И. Савченко; 10 – по С.Н. Замятину; 16, 20, 39, 40 – по А.Т. Синюку, В.Д. Березуцкому; 18 – по А.Д. Пряшину, Ю.Д. Разуваеву; 19 – по П.Д. Либерову).

Таким образом, попытка математической классификации кувшинов показывает несостоятельность выделения типов по морфологическим признакам, но позволяет обозначить общие признаки для всех сосудов. Термином “кувшин” в работе мы будем обозначать высокий сосуд с узким и высоким горлом, округлым либо слегка вытянутым туловом, переходящим в средней ширины дно.

При составлении выборки учитывались, прежде всего, целые формы, найденные при раскопках поселенческих структур и могильников, а также определяемые части форм, широко представленные в поселенческом материале. Всего в работе учтено 46 археологически целых сосуда из памятников скифского времени междуречья Днепра и Дона: Дон (18 экз.), Северский Донец (10 экз.), Ворскла (15 экз.), Сула (один экз.), Псел (один экз.), Приднепровская террасовая лесостепь (один экз.).

Кувшины разделены на отделы по наличию или отсутствию ручки. Внутри отдела типы выделены по количеству ручек, деление на варианты принято по способу крепления и форме ручки. Внутри типов объединены сосуды больших (высотой 32–48 см и объемом 6–30 л), средних (высотой 20–26 см и объемом 1.5–3 л) и малых (высотой 10–16 см и объемом 0.3–0.7 л) размеров.

Отдел 1 – кувшины без ручек. Всего известно 18 сосудов: 10 больших, 7 средних и 1 малых размеров. Найдены они на Среднем Дону: в кург. 9 у с. Дуровка (Пузикова, 2001. Рис. 28, 1) (рис. 1, 3), в кург. 10 могильника Колбино 1 (Шевченко, 2009. Рис. 13, 27) (рис. 1, 2), в кург. 7 у хут. Дубовой (Березуцкий, 2006. Рис. 4, 1) (рис. 1, 1), два сосуда в кург. 5 у с. Терновое (Гуляев, 2002. Рис. 4, 25, 27) (рис. 1, 4, 5); на Северском Донце: в кург. 7 Старомерчанского мог. (Бандуровский, 1999. Рис. 15) (рис. 2, 1), в кург. 1 у с. Протопоповка (Бородулин, 1976. Рис. 3, 2) (рис. 2, 2), в кург. 27 Песочинского мог. (Бабенко, 2005. Рис. 37, 1) (рис. 2, 3), в насыпи кург. 2 у с. Островерховка (Шрамко, 1956. Табл. 3, 8) (рис. 2, 4); в бассейне р. Ворскла: в погр. 1 кург. 6 у с. Купьеваха (Бойко, Берестнев, 2001. Рис. 4, 1) (рис. 3, 1), два сосуда в яме 7 (2001 г.) ур. Лисовой Кут (Гейко, 2002. Рис. 1; 2) (рис. 3, 2, 3), в кург. 1 у с. Опошня (Коваленко, Луговий, 2006. Рис. 2, 11) (рис. 3, 5), два сосуда на Восточном укреплении Бельского городища (Шрамко, 1983. Рис. 9, 4, 6) (рис. 3, 4, 6); в Посулье: в яме 2 (1957 г.) Басовского городища (Іллінська, 1965. Рис. 16, 5) (рис. 4, 1); на Пеле: Кнышовское городище (Ильинская, 1957. Рис. 6, 8) (рис. 4, 2); в Приднепровской Террасовой Лесостепи: в кург. у с. Келеберда (Фиалко, 1994. Рис. 21) (рис. 4, 3).

Наиболее ранние из них известны в бассейне р. Ворскла: кувшин из ямы 49 раскопа 26 (1977 г.) на Восточном укреплении Бельского городища (рис. 3, 4) датируется фрагментами хиосской амфоры первой половиной V в. до н.э.; два сосуда из ямы 7 у ур. Лисовой Кут на Бельском городище датируются первой половиной – серединой V в. до н.э. (рис. 3, 2, 3). В бассейне Северского Донца кувшин V в. до н.э. был найден в кург. 1 у с. Протопоповка (рис. 2, 2). Остальные сосуды относятся к концу V – IV в. до н.э. (рис. 5).

Орнаментация встречена только на одном кувшине, происходящем с Басовского городища, – налепной валик в основании шейки, расчлененный косыми насечками, от которого спускаются гирлянды в виде полукруглых фестонов из налепного валика, поверхность которых также украшена насечками (рис. 4, 1).

Отдел 2 – в отдел объединены кувшины, имеющие одну или две ручки. Внутри выделено два типа.

Тип 1 – сосуды с одной ручкой (22 археологически целых формы). По способу крепления ручки можно выделить кувшины с петлевидной ручкой, которая крепилась на плече, и сосуды с креплением ручки от плеча к горлу. Кроме того, они разнятся формой сечения самой ручки (рис. 5).

Вариант 1 – сосуды с петлевидной ручкой, овальной (плоской) в сечении. Такой способ крепления ручки видимо был характерен только для тарных сосудов, так как все известные формы (11 сосудов) имеют большие размеры (высотой 32–48 см).

Известны они на Среднем Дону: в кург. 8 у с. Ближнее Стояново (Березуцкий, 1996. Рис. 6, 1) (рис. 1, 7), в кург. 13 мог. Горки-1 (Гуляев, Савченко, 2004. Рис. 10, 7) (рис. 1, 6), в кург. 5 мог. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 7, 6) (рис. 1, 8); на Северском Донце: в кург. 14 мог. у с. Черемушная (Буйнов и др., 2005. Рис. 3, 1) (рис. 2, 8), три кувшина найдены в яме 5 (1990 г.) на Циркуновском городище (Буйнов и др., 2006. Табл. 30, 2; 34, 1; 35, 1) (рис. 2, 5–7); в бассейне р. Ворскла: в яме 7 (2001 г.) ур. Лисовой Кут (Гейко, 2002. Рис. 5) (рис. 3, 7), два сосуда в яме 116 раскопа 2 (1980 г.) поселения у с. Лихачевка (Моруженко, 1980. Табл. 29, 2; 30, 1) (рис. 3, 8, 9), в раскопе 29 (1980 г.) на Восточном укреплении Бельского городища (Шрамко, 1987. Рис. 50, 8) (рис. 3, 10). Отдельные находки петлевидных ручек известны также на городищах бассейна р. Сулы и Псла (Іллінська, 1965. Рис. 16, 6; Ильинская, 1957. Рис. 6, 9) (рис. 4, 5, 11–13), что свидетельствует о бытовании форм в этих регионах.

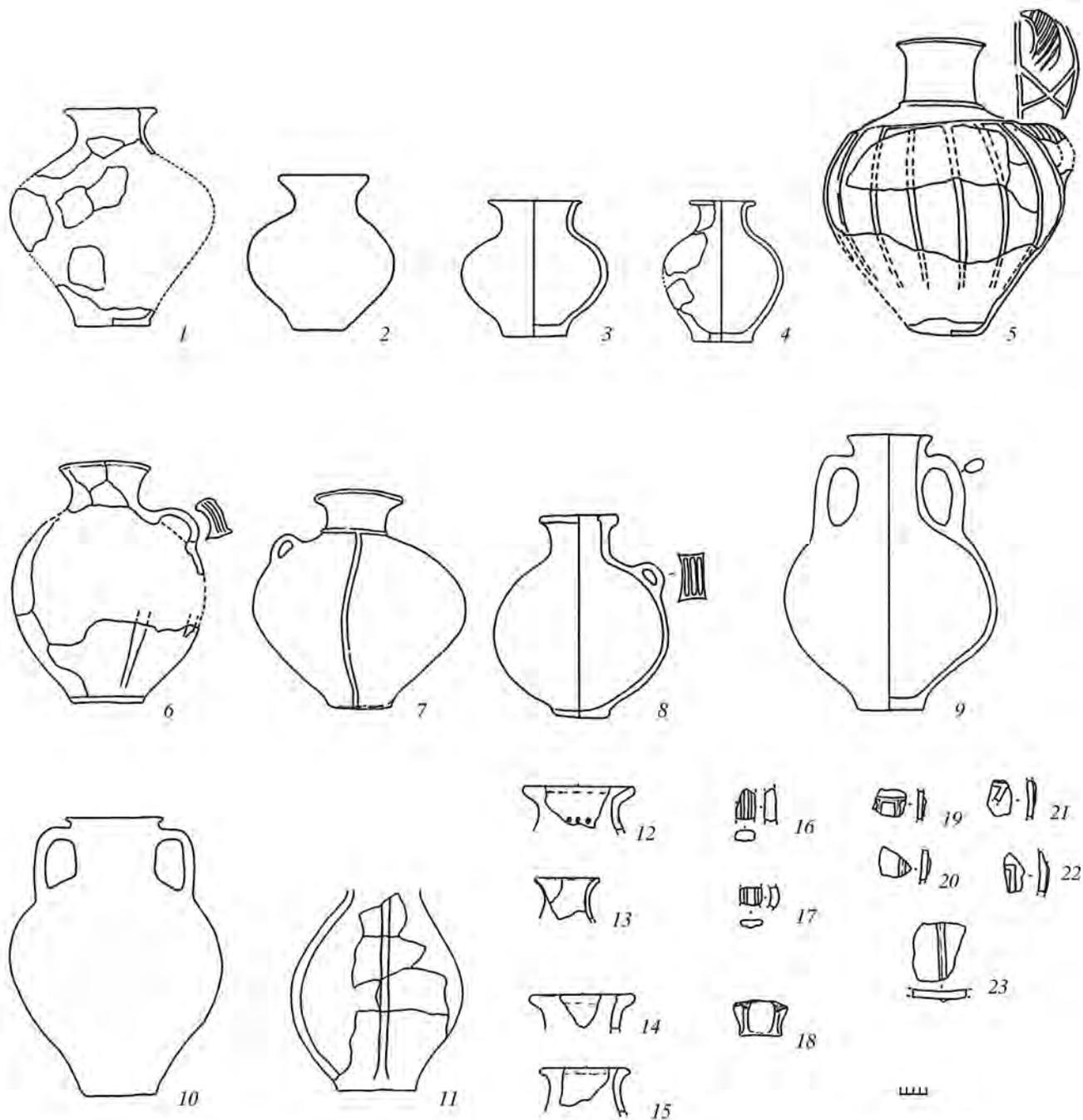

Рис. 2. Кувшины V–IV вв. до н.э. из памятников бассейна Северского Донца: 1 – Старый Мерчик, кург. 7; 2 – Протопоповка, кург. 1; 3 – Песочин, кург. 27; 4 – Островерховка, кург. 2; 5–7, 11 – гор. Циркуны; 8 – Черемушная, кург. 14; 9 – Песочин, кург. 10; 10 – Протопоповка, кург. 3; 12–23 – гор. у хут. Городище (1 – по А.В. Бандуровскому; 2, 10 – рис. по фото; 3, 9 – по Л.И. Бабенко; 4 – по Б.А. Шрамко; 8 – по Ю.В. Буйнову).

Наиболее ранние сосуды известны в бассейне р. Ворскла: кувшин из ямы 7 в ур. Лисовой Кут на Бельском городище, которая датируется первой половиной – серединой V в. до н.э. (рис. 3, 7). Видимо к первой половине – середине V в. до н.э. следует отнести два сосуда из ямы 116 раскопа 2 (1980 г.)

поселения у с. Лихачевка (рис. 3, 8, 9) (по общей датировке раскопа). Остальные сосуды относятся к концу V – IV в. до н.э.

Все известные кувшины этого варианта имеют орнамент на ручке в виде 2–4 продольных борозд-каннелюр. Лишь одна ручка была ложновитой

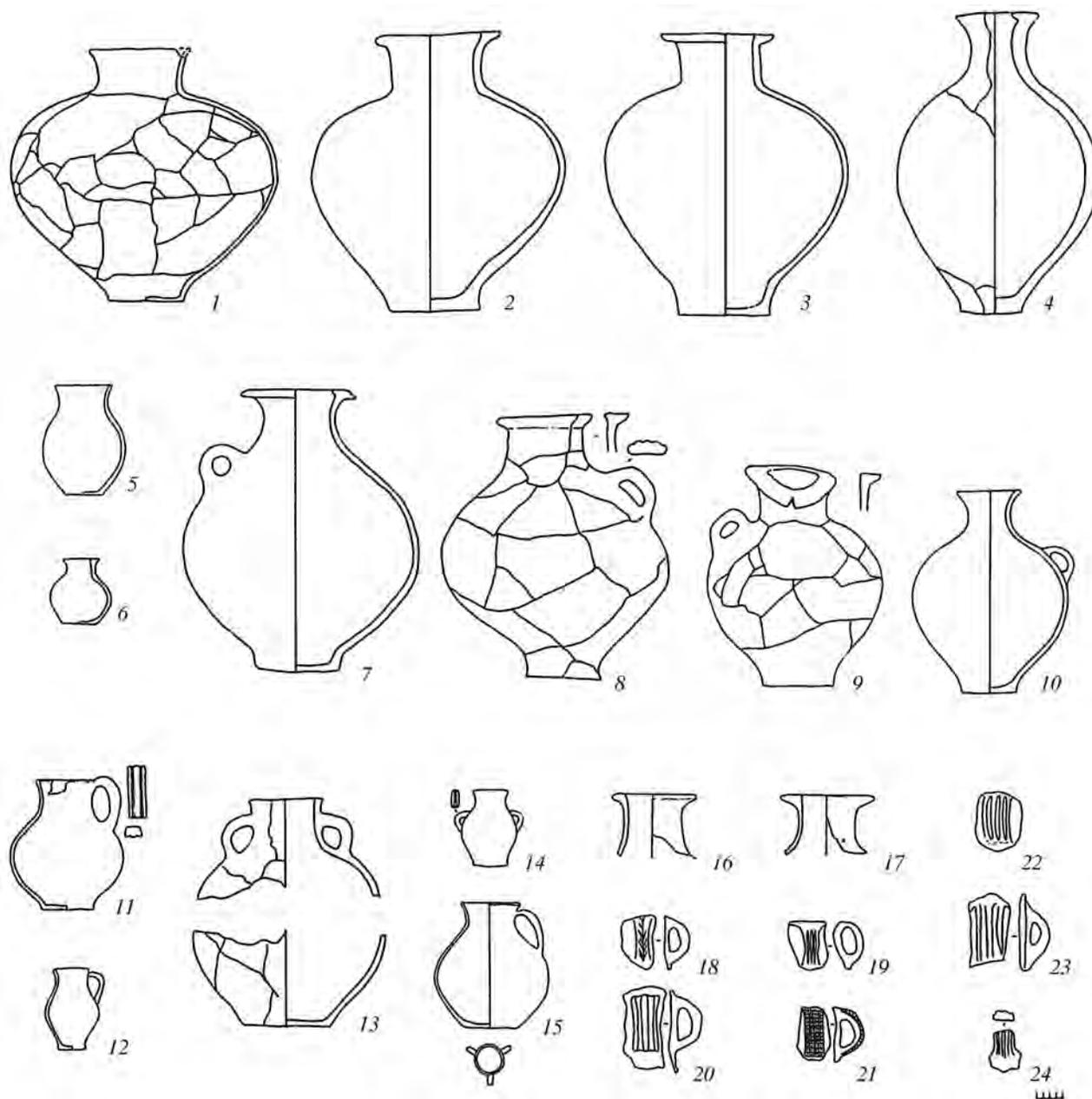

Рис. 3. Кувшины V–IV вв. до н.э. из памятников бассейна Ворсклы: 1 – Купьеваха, кург. 6, п. 1; 2, 3, 7 – поселение в ур. Лисовой Кут; 4, 6, 10, 12, 14, 18–21 – Бельское городище, Восточное укрепление; 5 – Опошня, кург. 1, п. 1; 8, 9, 16, 17, 22 – поселение Лихачевка; 11 – Олефирщина, кург. 16; 13 – Перещепино 2, кург. 14; 15, 23, 24 – поселение Царина могила (1 – по Ю.Н. Бойко, С.И. Берестневу; 2, 3, 7 – по А.В. Гейко; 4, 6, 10, 12, 14, 18–21 – по Б.А. Шрамко; 5 – по О.В. Коваленко, Р.С. Луговому; 8, 9, 16, 17, 22 – по А.А. Моруженко; 11 – по И.Н. Кулатовой, Л.Н. Луговой, А.Б. Супруненко; 13 – по В.Ю. Мурзину, Р. Ролле, В. Херц, С.В. Махортых, В.П. Белозору; 15, 23, 24 – по В.Ю. Мурзину, Р. Ролле, В. Херц, С.А. Скорому, С.В. Махортых, В.П. Белозору).

(рис. 2, 5). Три сосуда из ямы 5 (1990 г.) на Циркуновском городище украшены гладкими налепными валиками на тулове и шейке (рис. 2, 5–7).

Вариант 2 – одноручные кувшины с креплением ручки (округлой либо подпрямоугольной в сечении) к тулову от плеча к шейке. Всего известно 11 археологически целых формы: четыре больших, три средних и четыре малых размеров.

Большинство происходят с памятников бассейна Среднего Дона: кург. 1 мог. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 4а) (рис. 1, 9), кург. 9 (раскопки С.Н. Замятина: 1946. Рис. 25) мог. Частые курганы (рис. 1, 10), кург. 40 мог. Колбино 1 (Шевченко, 2009. Рис. 47, 1) (рис. 1, 11), кург. 14 мог. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 21, 3) (рис. 1, 15), кург. 5 у с. Терновое (Гуляев, 2002.

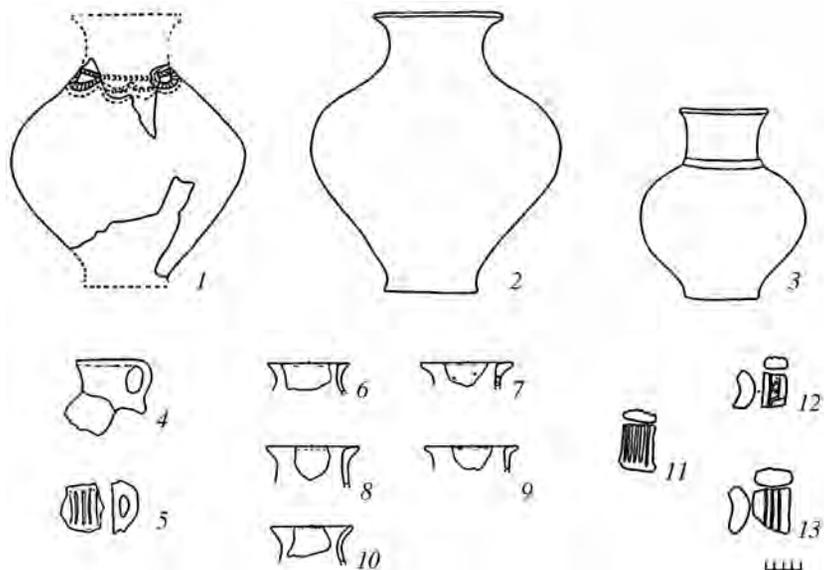

Рис. 4. Кувшины V–IV вв. до н.э. из памятников бассейна Сулы, Псла и Приднепровской террасовой лесостепи: 1, 4–10 – гор. Басовское (1, 4, 5 – по В.А. Ильинской); 2, 11–13 – гор. Кнышовское (2, 11 – по В.А. Ильинской; 12, 13 – по П.Я. Гавришу); 3 – Келеберда (по Е.Е. Фиалко) (1, 2, 4, 5, 11 – по В.А. Ильинской; 3 – по Е.Е. Фиалко; 12, 13 – по П.Я. Гавришу).

Рис. 5, 25) (рис. 1, 13), два кувшина из городища Русская Тростянка (Пузикова, 1969. Рис. 14, 20, 21) (рис. 1, 15, 17), Мостищенское городище (Синюк, Березуцкий, 2001. Рис. 97, 1) (рис. 1, 16), погр. 1 на Семилукском городище (Пряхин, Разуваев, 1995. Рис. 7, 1) (рис. 1, 18). Два сосуда найдено в бассейне р. Ворскла: кург. 16 у с. Олефирщина (Кулатова и др., 1993. Рис. 21) (рис. 3, 11), Восточное укрепление Бельского городища (Шрамко, 1983. Рис. 9, 2) (рис. 3, 12). Так же верхняя часть формы происходит из Басовского городища (Іллінська, 1965. Рис. 15, 1) (рис. 4, 4).

Кувшины данного варианта появляются только в конце V в. до н.э. (рис. 5).

Только три сосуда имеют орнамент на ручке в виде двух продольных борозд-каннелюр: кург. 1 у с. Русская Тростянка, Семилукское городище и кург. 16 у с. Олефирщина (рис. 1, 9, 18; 3, 11).

Тип 2 – двуручные кувшины (пять археологически целых форм). Как и в типе 1 они делятся на варианты по способу крепления ручки (рис. 5).

Вариант 1 – с двумя петлевидными ручками (овальными или плоскими в сечении). Всего известно два сосуда: на Среднем Дону в кург. 3 (1927 г.) мог. Частые курганы – большой тарный сосуд (Городцов, 1947. Рис. 9) (рис. 1, 19); маленький кувшинчик (возможно миниатюрная модель большого сосуда) высотой 12 см происходит из раскопок Восточного укрепления Бельского городища (Шрамко, 1983. Рис. 9, 5) (рис. 3, 14). Ручки

обоих кувшинов орнаментированы продольными бороздами-каннелюрами.

Вариант 2 – двуручные кувшины, с креплением ручек (округлых в сечении) от плеча к тулову. Известно три археологически целых формы, имеющих большие размеры. Два сосуда найдены в погребениях северскодонецкой группы памятников: в кург. 3 мог. у с. Протопоповка (Бородулин, 1976. Рис. 9, 1) (рис. 2, 10), в погр. 1 кург. 10 Песочинского мог. (Бабенко, 2005. Рис. 22, 5) (рис. 2, 9). Один кувшин происходит из кург. 14 мог. Перещепино-2 (Мурзин и др., 1998. Рис. 17) в бассейне р. Ворскла (рис. 3, 13). Важно отметить, что два сосуда найдены в погребениях, датирующихся V в. до н.э. (кург. 3 у с. Протопоповка и кург. 14 Перещепино-2). Подобные двуручные кувшины известны среди материалов памятников Киево-Черкасского региона (кург. 382 и 383 у с. Грушевка и кург. в ур. Галушино) и так же относятся к первой половине – середине V в. до н.э. (Ковпаненко и др., 1989. Рис. 22, 7, 10; Петренко, 1967. Табл. 7, 3). Сосуды данного варианта не имеют орнаментации.

К единичным экземплярам следует отнести кувшин с тремя ручками, найденный в яме 3 зольника 3 поселения Царина могила на Бельском городище (Мурзин и др., 2001. Рис. 30) (рис. 3, 15).

Если говорить об орнаментации в целом, то рассматриваемые сосуды украшались редко и скудно. В основном различным количеством каннелюр украшались ручки (рис. 1, 21, 24–26; 2, 16, 17; 3, 19, 20, 22–24; 4, 5, 11–13). Стоит отметить, что

	Отдел 2			
	Тип 1		Тип 2	
	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 1	Вариант 2
первая-третья четверти V в. до н.э.				
конец V – IV в. до н.э.				

Рис. 5. Типо-хронологическая таблица распространения кувшинов V–IV вв. до н.э. Днепро-Донской лесостепи.

подобный способ орнамента в абсолютном большинстве встречается лишь на одноручных кувшинах (тип 1, вариант 1) (рис. 5). Наиболее древние изделия, украшенные подобным образом, найдены на поселениях в бассейне Ворсклы (Лихачевка, Лисовый Кут) и датируются V в. до н.э. Отсутствие других аналогий позволяет нам предположить, что именно здесь этот вид декора и появляется. Встречаются подобные кувшины в равной степени как среди погребального инвентаря, так и в материалах поселений и городищ. Важно отметить, что территория распространения орнаментации ручек каннелюрами ограничена Днепровским Левобережьем и Доно-Донецкой Лесостепью. Западнее Днепра подобный вид декора распространения не получил.

Иногда кувшины орнаментировались наlepными валиками. Целый комплекс таких сосудов обнаружен в яме № 5 на Циркуновском городище, которая датируется второй половиной IV в. до н.э. (рис. 2, 5–7). Кувшин № 1 орнаментирован двумя кольцевыми валиками у основания горловины сосуда и на плечиках. От нижнего отходят гладкие вертикальные валики через все тулово сосуда. Кувшин имеет одну ручку, орнаментированную косыми каннелюрами, имитирующими скрученный глиняный жгут. Под основанием ручки – крест из наlepных валиков (рис. 2, 5). Второй археологически целый кувшин отличается значительно большей приплюснутостью. Резко выраженная горловина отделена от плечиков гладким кольцевым валиком. По тулову сосуда от горловины до дна идут вниз четыре гладких валика трапецевидного или полукруглого сечения, постепенно переходящие в дно. Кувшин имеет одну ручку, через которую проходит гладкий валик, доходящий до кольцевого валика на шейке (рис. 2, 7). При исследовании Циркуновского городища были найдены фрагменты еще нескольких подобных кувшинов. Фрагменты керамики, украшенной вертикальными наlepными валиками, кроме Циркуновского городища найдены при раскопках городища в ур. Городище на Харьковщине (Либеров, 1962. С. 60; Пеляшенко, 2006. С. 209. Рис. 1, 20, 21) (рис. 2, 18–23), а также на поселениях Среднего Дона: городища Большое Сторожевое и Волошино (Пузикова, 1969. Рис. 9, 11, 12) (рис. 1, 37, 38). Полных аналогий циркуновским кувшинам нет. Орнамент в виде вертикальных наlepных валиков находит аналогии на Среднем и Нижнем Дону, а также на Кубани, где сосуды с подобным декором в большинстве случаев датируются второй половиной IV в. до н.э. (Марченко, 1972. С. 126, 133; Пряхин, Разуваев, 1995. С. 53.

Рис. 7, 8, 9; Смирнов, 1951. С. 152, 153). Вероятно, мы имеем дело со смешением керамических традиций, которое произошло в результате покорения какой-то части северскодонецкого населения сирматами и, возможно, меотами в последней трети IV в. до н.э.

Рассмотрение всей известной серии целых кувшинов позволяет сделать ряд заключений относительно их функционального назначения. Значительные различия в размерах (в объеме) указывают, прежде всего, на разное утилитарное использование. Сосуды больших пропорций, высотой 32–48 см и объемом 6–30 л, скорее всего, использовались как тарные, для хранения и разливания жидкости в более мелкую по объему посуду. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что все кувшины с маленькой петлевидной ручкой имеют большие размеры. Такой тип ручки наиболее удобен не для поднятия полного сосуда, а для поддерживания при наклоне при переливании жидкости.

Большинство же кувшинов среднего размера, высотой 20–26 см и объемом 1.5–3 л, имели ручку с креплением от плеча к горлу либо были без ручки, что соответствует традиционному пониманию столового сосуда. Кувшины малых размеров, высотой 10–16 см и объемом 0.3–0.7 л, могли так же использоваться для питья или зачерпывания, а возможно и в ритуальных целях.

Подтверждение их многофункциональности находим в этнографических источниках: у оседлого населения Средней Азии основная функция большого кувшина (“куза”) – хранение и ношение воды; сосуды средних размеров использовались для питья, варки, умывания, хранения молока и масла; маленькие кувшинчики применяли для зачерпывания воды из “хумов” (корчаг для хранения воды) (Пещерева, 1959. С. 48–77).

Использовались кувшины и в погребальном обряде (особенно широко на Среднем Дону). В большинстве случаев большой тарный сосуд там, где удастся зафиксировать положение погребенного и инвентаря *in situ*, располагался у ног погребенного (Купьеваха, кург. 6; Старый Мерчик, кург. 7; Дуровка, кург. 9; Черемушная, кург. 14; Частые курганы, кург. 9; Песочин, кург. 10, погр. 1) (Бойко, Берестнев, 2001. С. 6, 7; Бандуровский, 1999. С. 23, 24; Пузикова, 2001. С. 190; Буйнов и др., 2005. С. 11; Замятин, 1946. С. 34, 35; Бабенко, 2005. С. 23).

Находки лепных кувшинов в погребениях в основном характеризуют погребальный инвен-

тарь захоронений воинов, которым по статусу не было положено античной и металлической столовой посуды. Лишь иногда они находились в наборах с амфорой или бронзовым котлом. Это говорит о том, что лепные кувшины маркируют захоронения средней и высшей прослоек свободных общинников. Аналогичная ситуация отмечена Е.П. Бунятян в Степи, где лепная посуда характерна для модели 2, которая характеризует погребения рядовых общинников (1985. С. 81, 82).

Нами также отмечены некоторые территориальные отличия внутри рассматриваемого региона – Днепро-Донской Лесостепи. Отличается в основном серия кувшинов, происходящих из Среднего Дона (рис. 1). Сосуды имеют высокое горло с широким раструбом, в то время как для остальных памятников характерны сосуды с более низким и цилиндрическим либо дуговидным горлом. Почти все кувшины с креплением ручки от плеча к шейке (отдел 2, тип 1, вариант 2) происходят из памятников Среднего Дона, за исключением двух сосудов, найденных на Ворскле. Большинство среднедонских кувшинов не имеет утолщения по краю венчика, в то время как на сосудах, происходящих из междуречья Днепра и Северского Донца, это один из характерных признаков, видимо, генетически связанных с хронологически предшествующими корчагами.

Изменение форм тарной посуды на протяжении скифского времени свидетельствует не только об эволюции гончарных традиций под воздействием инокультурного влияния, но и отражает динамику социально-экономических процессов в древних обществах. Лепная посуда относится к предметам быта, неразрывно связанным с пищей, рацион которой в древних обществах во многом определяется способом ведения хозяйства. Подтверждением этому может быть ряд археологических и этнографических параллелей. Кувшины не представлены в керамическом комплексе культур эпохи бронзы восточноевропейской Лесостепи (Берестнев, 2001. С. 76–117; Березанская, 1982. С. 68–90). Появление подобных сосудов отмечается в финальном бронзовом веке, когда “земледельческо-скотоводческое хозяйство и оседлый быт племен поздней бронзы сменяются скотоводческим хозяйством и кочевым образом жизни” (Гаврилюк, 1979. С. 25).

В Северном Причерноморье впервые кувшины без ручек встречаются в погребениях белозерской культуры (Ванчугов, Субботин, 1989. С. 60, 61) (рис. 6, 1–3). Их количество увеличивается в

захоронениях черногоровской и новочеркасской групп памятников начала раннего железного века (Махортых, 2005. С. 75, 109) (рис. 6, 4–15). Появляются кувшины с одной ручкой. В погребениях раннескифского времени кувшины массово встречены лишь в Предкавказье (Нартан, Ново-заведенное) (Батчаев, 1985. С. 20–44; Петренко и др., 2006. С. 404, 405) (рис. 6, 16–19). В Лесостепи в это время в качестве погребального инвентаря предпочитали использовать иные формы сосудов (корчаги, черпаки, кубки, миски, амфоры), хотя единичные случаи находок кувшинообразных сосудов все же известны (Буйнов, 1990. С. 140, 141).

Традиция эта прерывается в первой половине V в. до н.э. вместе с массовым, по сравнению со второй половиной VI в. до н.э., появлением дружинных захоронений на Ворскле и Северском Донце. Первой половиной – серединой V в. до н.э. датируются кувшины из ямы 7 (2001) ур. Лисовой Кут на Бельском городище (Гейко, 2002. Рис. 1; 2, 5), ямы 49 раскопа 26 Восточного укрепления Бельского городища (Шрамко, 1983. Рис. 9, 6), кург. 14 мог. Перещепино-2 (Мурзин и др., 1998. Рис. 17), кург. 1 и 3 мог. Протопоповка (Бородулин, 1976. С. 3–6). К середине V в. до н.э. сложились основные формы кувшинов. Двуручные сосуды являются наиболее ранними (отдел 2, тип 2, вариант 2), аналогии им происходят из погребений Киево-Черкасского региона и датируются так же V в. до н.э. (Ковпаненко и др., 1989. С. 105). Эти кувшины, видимо, являются местными подражаниями античным амфорам. Кроме того, в V в. до н.э. известны сосуды без ручек (отдел 1) и с петлевидной ручкой (отдел 2, тип 1, вариант 1). Однако наибольшее распространение кувшины получают в конце V – IV в. до н.э. В это время на памятниках Днепро-Донского Лесостепного Левобережья полностью исчезают из набора тарной и столовой посуды корчаги и черпаки, и на смену им приходят кувшины и кружки.

Вопрос о происхождении кувшинов V–IV вв. до н.э. восточноевропейской Лесостепи не находит однозначного ответа. Непрерывную линию их эволюции на протяжении раннего железного века проследить не удается. В значительной степени это обусловлено таким же непостоянством этнической ситуации в регионе. Периоды запустения сменялись активным использованием данной территории различными группами ираноязычных кочевников или полукочевых племен. Отсутствие прямых синхронных аналогий позволяет нам предполагать местную линию развития кувшина, сложившуюся на основе бытующих форм, и, в значительной мере,

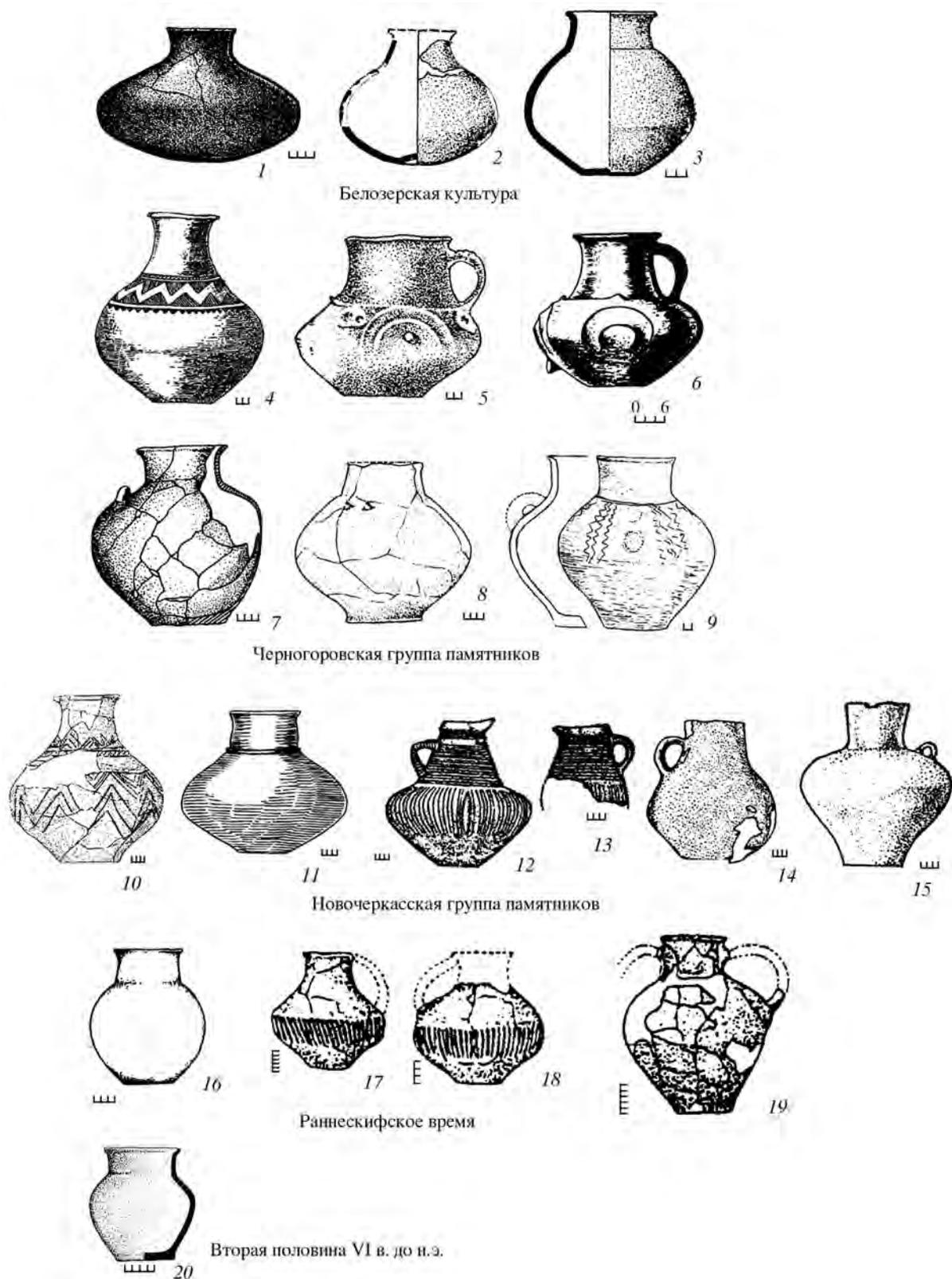

Рис. 6. Кувшины XI–VI вв. до н.э.: 1 – Казаклия; 2, 3 – Васильевка; 4 – Высокая Могила, п. 5; 5 – Рошканы, к. 3, п. 4; 6 – Селиште; 7 – Ленинское, кург. 2, п. 1; 8 – Зимогорье, кург. 2, п. 1; 9 – Провалье, кург. 8, п. 1; 10 – Балки, кург. 1, п. 1; 11 – Высокая Могила, кург. 2; 12, 13 – Рыбасово, кург. 6, п. 1; 14 – Александрия, кург. 2, п. 7; 15 – Звонецкое, кург. 2, п. 10; 16 – Малая Рогозянка-1, кург. 1, п. 3; 17 – Константиновск-на-Дону; 18 – Великая Знаменка, кург. 5, п. 1; 19 – Октябрьское, кург. 6, п. 5; 20 – Купьеваха, кург. 20, п. 4 (1, 4–15 – по С.В. Махоргыху; 2, 3 – по В.П. Ванчугову, Л.В. Субботину; 16 – по А.В. Бандуровскому, Ю.В. Буйнову; 17 – по В.Я. Кияшко, В.А. Кореняко; 18 – по Ю.А. Рассмакину, В.В. Отрошенко; 19 – по О.Р. Дубовской; 20 – по Ю.Н. Бойко, С.И. Берестневу).

под влиянием античной столовой и тарной керамической посуды, которая массово импортировалась в регион в V–IV вв. до н.э.

Таким образом, есть основания предполагать, что изменения наборов местной лепной посуды связаны с увеличением роли скотоводства у местного населения и, возможно, с определенными изменениями этнического состава полукочевой верхушки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко Л.И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.
- Бандуровский А.В.* Отчет о работе Мерчанской археологической экспедиции в Харьковской обл. за 1999 г. Харьков, 1999 // НА ИА НАНУ. 1999/114.
- Батчаев В.М.* Курганы скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на ново-стройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.
- Березанская С.С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
- Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени у с. Ближнее Стояново // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж, 1996.
- Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2004 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.
- Берестнев С.И.* Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков, 2001.
- Бойко Ю.Н., Берестнев С.И.* Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.
- Бородулин В.Г.* Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 1976 г. Харьков, 1977 // НА ИА НАНУ. 1976/52.
- Буйнов Ю.В.* Охранные раскопки курганов скифского периода на Харьковщине // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990.
- Буйнов Ю.В., Бандуровский А.В., Окатенко В.Н.* Исследование курганов скифской эпохи в Харьковской области // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005.
- Буйнов Ю.В., Никитин А.Е., Гречко Д.С.* Отчет о раскопках Циркуновского городища в 1990 г. // НА ИА НАНУ. 2006.
- Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев, 1985.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В.* Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев, 1989.
- Гаврилюк Н.А.* Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.
- Гейко А.В.* Набір тарного посуду скіфської доби з Більського городища // АЛЛУ. 2002. № 1.
- Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1.
- Городцов В.А.* Раскопки “Частых курганов” близ Воронежа в 1927 г. // СА. 1947. Т. 9.
- Гуляев В.И.* “Амазонки” на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004 (Тр. Донской (Потуданской) археолог. экспедиции ИА РАН, 2001–2003).
- Даль В.Г.* Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 2. М., 1955.
- Замятин С.Н.* Скифский могильник “Частые курганы” под Воронежем // СА. 1946. Т. 8.
- Ильинская В.А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. 1957. Т. 27.
- Іллінська В.А.* Басівське городище // Археологія. 1965. Т. 17.
- Коваленко О.В., Луговий Р.С.* Курган V ст. до н.э. поблизу селища Опішня Полтавської області // АЛЛУ. 2006. № 2.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989.
- Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б.* Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. М.; Полтава, 1993.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962 (МИА; № 113).
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965 (САИ; Вып. Д1-31).
- Марченко К.К.* Лепная керамика V–III вв. до н.э. у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону // СА. 1972. № 1.
- Махортых С.В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999.
- Моруженко А.А.* Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого Госуниверситета о работах в 1980 г. Донецк, 1980 // НА ИА НАНУ. 1980/98.

- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В. и др.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1997 г. Киев, 1998.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В. и др.* Исследования совместной Украинско-немецкой археологической экспедиции в 2000 г. Киев, 2001.
- Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. М., 2000.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2007.
- Пеляшенко К.Ю.* Лепная керамика скифского времени городища в урочище Городище на Харьковщине // Археологическое изучение Центральной России: Тез. докл. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М., 1967 (САИ; Вып. Д1-4).
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.* Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. М., 2006.
- Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959 (Тр. ИЭ; Нов. сер. Т. 42).
- Пошивайло О.* Ілюстрований словник народної гончарської термінології Лівобережної України: Гетьманщина. Опішне, 1993.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.* Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.
- Пузикова А.И.* Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151.
- Пузикова А.И.* Городища скифского времени Среднего Подонья и Курского Посеймья // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Словник-довідник з археології. Київ, 1996.
- Смирнов К.Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. 1951. № 37.
- Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. Т. 1. М., 1935.
- Фиалко Е.Е.* Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. Киев, 1994.
- Шевченко А.А.* Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино 1 на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2009 (Тр. Донской археолог. экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.).
- Шрамко Б.А.* Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівка // АП. 1956. Т. 6.
- Шрамко Б.А.* Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // АСГЭ. 1983. Вып. 23.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МОГИЛЬНИКА КЫРЫК-ОБА II

© 2011 г. С.Ю. Гуцалов

Орский гуманитарно-технологический институт
(stepewolf_59@mail.ru)

Ключевые слова: Южное Приуралье, Кырык-Оба, древние кочевники, погребальный обряд, конская узда, архитектура.

The article publishes the materials from the recently excavated kurgans of the Kyryk-Oba II cemetery in Western Kazakhstan, end of the 6th – first half of the 5th cc. BC. The burials, which are those of nomad nobles, have a complex structure and reflect different ritual traditions. We may assume that in the end of the 6th – middle of the 5th cc. BC the area was the center of the camping-ground for the nomads of the South Urals.

Конец VI – первая половина V в. до н.э. – время распространения в южноуральских степях культуры древних кочевников, появившейся “в готовом сложившемся виде” (Железчиков, 1986. С. 59, 60). В процессах становления культур, в том числе кочевых, решающая роль принадлежит элите общества (Щедровицкий, 1995). В этой связи надо отметить, что в вышеназванное время основной массив крупных погребальных памятников номадов Южного Урала располагался к югу от излучины р. Урал, в нижнем течении до впадения в него р. Орь на востоке. Среди них выделяются “царские курганы” Кырык-Оба¹, расположенные на обширной равнине левого берега р. Урал в 20 км к югу от его русла. В 5 км к северу от последних находится могильник Кырык-Оба II, функционировавший в первой половине V в. до н.э. и, судя по материалам, принадлежавший кочевой знати Южного Приуралья. Данный некрополь состоял из более чем 30 земляных курганов, растянувшихся цепочкой с запада на восток на расстояние до 3 км. Отличительная его черта – многокультурность составляющих, что как нигде на территории Южного Приуралья проявилось в различных типах наземных погребальных конструкций, погребальных камер, особенностях вещевого инвентаря и пр. (Гуцалов, 2010). Этот материал столь ярок, что есть смысл дать информацию и о других исследованных курганах, чтобы четче обозначить этнокультурную специфику данного памятника².

Курган 2 располагался к северу от автотрассы “Уральск – Аксай” на западной периферии могиль-

ника. Диаметр кургана составлял 34 м с севера на юг и 38 м – с запада на восток. Высота насыпи – 1.95 м. В 2001 г. курган раскапывался отрядом ИА МОН РК при помощи землеройной техники (Курманкулов и др., 2002). Поскольку юго-восточная пола кургана граничила с лесополосой, то раскоп был ориентирован по оси ЮВ–СЗ (рис. 1, 1). Далее с некоторыми сокращениями приводится описание погребальной конструкции согласно первичной публикации: “После снятия земляной насыпи выявилась конструкция кургана. В центре находилась большая прямоугольная могильная яма, ориентированная длинной осью с севера на юг (северная стена – 3.9 м; южная стена – 4 м; западная стена – 5.1 м; восточная стена – 5.6 м. С северо-восточной стороны могильной ямы прослеживаются следы деревянной рамы, обрамлявшей погребение. В самой яме обнаружены остатки рухнувшего бревенчатого перекрытия. Площадь вокруг ямы и перекрытие были застланы толстым слоем коры и веток толщиной 10–25 см. Погребение было окружено кольцевым глиняным валиком высотой 30–40 см, шириной от 100 до 180 см, на расстоянии 4.5 м от краев. Валик был насыпан на уровне древней дневной поверхности, после захоронения могильная яма и валик были накрыты ветками и корой и засыпаны землей [...]. Сохранившийся древесный слой до 25 см, спрессованный насыпью, указывает на большое количество использованного материала [...].

Само погребение было неоднократно ограблено, остатки деревянной конструкции найдены только в северо-восточном углу, по всей вероятности представлявшей бревенчатую раму. Глубина могильной ямы – 1 м от уровня древней дневной поверхности [...]. Первое ограбление совершено еще до падения деревянного перекрытия, кости и череп погребен-

¹ Крупнейший из них достигает 18 м в высоту.

² Автор выражает искреннюю признательность всем сотрудникам ЗКОЦИА, возглавляемого М.Н. Сдыковым, своей деятельностью способствовавших успешным раскопкам могильника Кырык-Оба II.

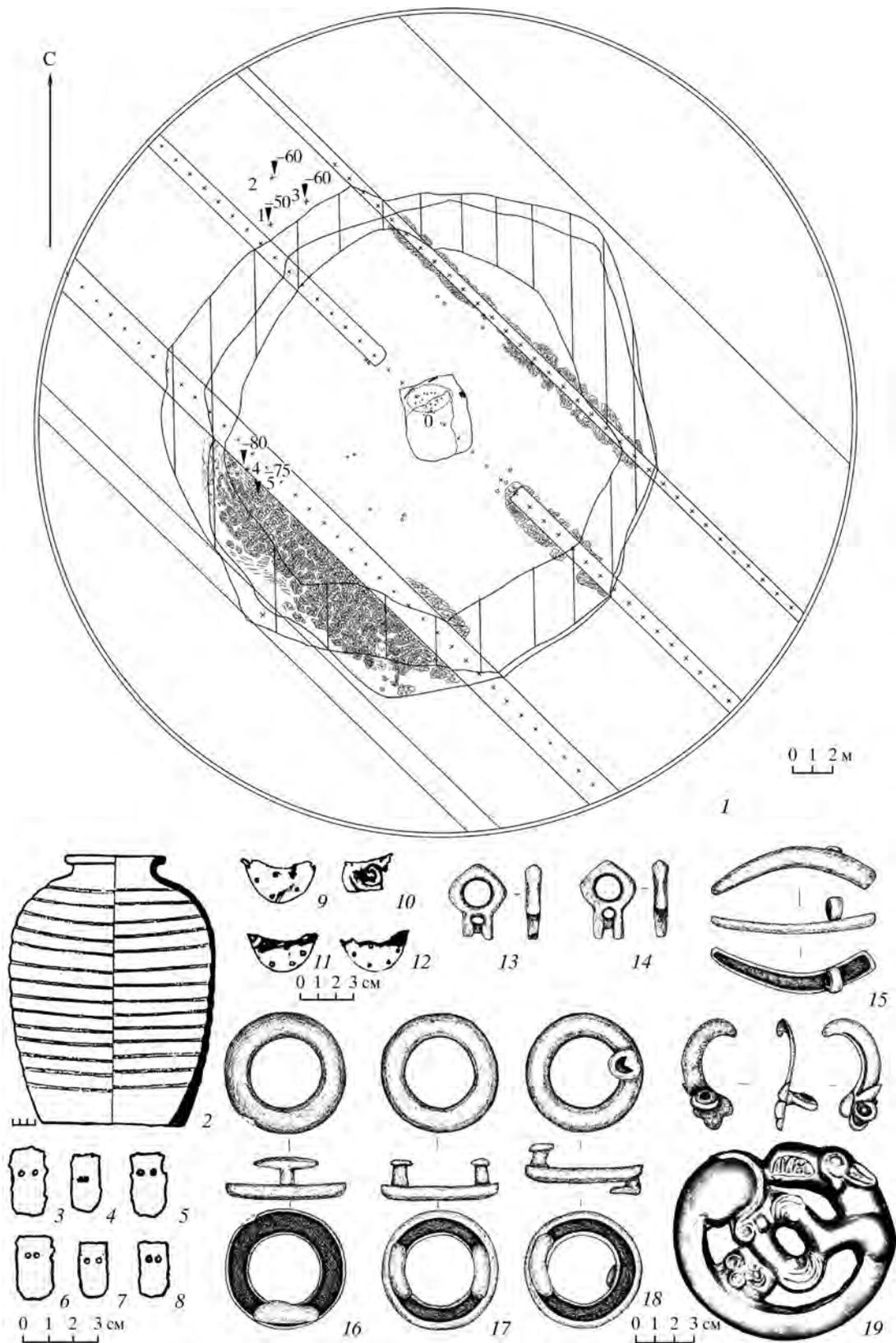

Рис. 1. Могильник Кырык-Оба II, курган 2. 1 – план раскопа; 2 – гончарный сосуд (по: Курманкулов и др., 2002); 3–8 – панцирные пластины (по: Курманкулов и др., 2002); 9–12 – нашивные бляшки (по: Курманкулов и др., 2002); 13–19 – предметы конской узды (19 – по: Курманкулов и др., 2002). 2 – глина; 3–8 – железо; 9–12 – золото; 13–19 – бронза.

ного найдены у восточной стены могильной ямы. Длинные трубчатые кости сложены грабителями вдоль стены, череп установлен сверху, вследствие чего совершенно невозможно установить ориентацию тела погребенного по сторонам света. Останки принадлежали молодому человеку в возрасте около 18–25 лет [...].

В погребении найдены разрозненные кости овцы. ... нижняя челюсть небольшого хищника, вероятно корсака или собаки.

В сопровождающий инвентарь входили: керамический сосуд, разбитый при ограблении; небольшие железные пластинки от доспеха, найденные в заполнении и на дне могильной ямы; три фрагмента обкладок из золотой фольги, прибываемых к основанию мелкими золотыми гвоздиками; потерянные грабителями три бронзовые подпружные бляхи в виде свернувшегося волка, найденные в 10 см от поверхности, у западной полы насыпи.

Сосуд усеченно-яйцевидной формы, тулово значительно вытянуто по вертикали, с плавно выведенными плечиками, переходящими в короткую горловину. Высота – 36 см, диаметр тулова – 27, венчика – 13 см. Дно “приставное”, уплощенное, почти полностью утрачено. Тесто плотное, с примесью шамота, обжиг сильный, черепок в изломе красный. Сосуд сформирован на круге медленного вращения. Поверхность выровнена, но не заглажена. Внешняя поверхность и горловина внутри были покрыты светло-красным ангобом (рис. 1, 2). [...]

...Железные нашивные бляшки прямоугольной формы (ок. 70 шт.) со скругленным нижним краем, относящиеся к чешуйчатому доспеху (рис. 1, 3–8). По размерам делятся на два типа: крупные нагрудные (2.6–1.4 см) и более мелкие (2.2–1.2 см), от обшивки рукавов. В верхней части бляшек пробиты по два отверстия для нашивания к кожаному подкладу. Чешуйки располагались горизонтальными рядами, перекрывая одна другую. В свою очередь верхний ряд частично перекрывал нижний.

При сносе насыпи у западной полы найдены три бронзовые бляхи, крепившиеся на подпружных ремнях конской седельной сбруи, изображающие свернувшегося в кольцо волка [...]. Овальная бронзовая бляха, изображающая в низком барельефе волка в профиль. Сильное, неестественно вытянутое тело хищника плавно изогнуто по овалу. Нос соприкасается с длинным хвостом, огибающим круп животного, конец спирально загнут. Центр композиции образуют лапы. Одна передняя и одна задняя ноги поджаты и заканчиваются тремя длинными изогнутыми пальцами или когтями. Пальцы передней ноги касаются с коленным сги-

бом с задней, а лапа задней – с коленным сгибом с передней. Коленный сгиб задней ноги обозначен округлой выпуклостью. Округлым рельефом выделены лопатка и грудная клетка, бедро. Шея животного мощная, широкая относительно узкого туловища. Голова довольно крупная, с большой мордой. Зрачок миндалевидной формы с выделенной слезницей, образованной углубленной линией. Зрачок оконтурен валиком с плавным рельефом. Листовидное ухо прижато к голове. Хищный оскал пасти подчеркнут изображением трех острых клыков и двух коренных зубов. В бляху между задней ногой и брюхом животного изображение орлиного грифона, развернутого головой в сторону, противоположную направлению головы волка (рис. 1, 19).

Все три бляхи идентичны по размерам (102 × 113 мм, высота 14 мм), различаясь лишь креплением припаянного грибовидного штыря: в первом случае штырь укреплен с лицевой стороны, на тыльной стороне напротив первого укреплен второй; на другой бляхе штырь укреплен с тыльной стороны; в третьем случае два штыря расположены с тыльной стороны” (Курманкулов и др., 2002. С. 87–89).

Очевидно, что при раскопках этого кургана в 2001 г. были допущены определенные методические недочеты, заключающиеся в том, что значительная часть кургана оказалась нетронутой раскопщиками, – бульдозерные траншеи (всего три) захватили не более половины кургана (рис. 1, 1). Кроме того, на вскрытой части объекта до материка грунт был выбран только в центре раскопа, на периферии же кургана вскрытие почвы было остановлено выше дневной поверхности. Учитывая, что по материалам публикации неясными оказались форма и структура подкурганной деревянной конструкции, было принято решение продолжить исследование кургана.

В ходе раскопок 2004 г. старый раскоп был выведен на один горизонтальный уровень (до материка); затем проведена зачистка его и бровок с дальнейшей фиксацией выявленных элементов погребального обряда. Кроме того, была разбита дополнительная траншея шириной 3.75 м и длиной 30 м (рис. 1, 1) на южной периферии с целью определения планиграфических и стратиграфических особенностей этой части кургана.

В кургане были сделаны следующие находки:

1 – комплект конской узды, состоящий из трех больших круглых подпружных блях, двух пряжек лировидной формы и двух распределительных пряжек в виде головок грифонов (рис. 1, 13–18) – на западной периферии кургана, в 13.5 м от условного

центра, на уровне погребенной почвы, на глубине 50 см от поверхности кургана;

2,3 – кости лошади³ – рядом с комплектом узды на глубине 60 см от поверхности кургана;

4,5 – кости МРС (позвонок и ребро) – на настиле из коры в крайней с юга дополнительной траншее на глубине 75–80 см.

Удалось установить следующую *стратиграфию* кургана.

Верхний слой – гумус мощностью 10–15 см; к подошве его толщина составляла около 30 см. По бровкам фиксировались развалы кладки из кирпича-сырца размерами 20 × 35 см. Ниже – на погребенной почве – с обоих краев кургана наблюдался мощный вал (шириной от 4 до 6 м и высотой 0.2–0.4 м) из материковой глины в плане квадратной формы с закругленными углами. Следует отметить, что мощный слой глины как бы обтекал небольшой вал из гумуса шириной около 0.5 × 0.2 м. Глиняный вал имел 23.5 м в поперечнике (рис. 1, 1). Все пространство внутри вала было покрыто деревянными плахами, располагавшимися вокруг могилы в 6–7 слоев. Доски укладывались параллельно валу, а по углам кладка из горбыля образовывала тупой угол на стыках. К центру наблюдались доски большей толщины – до 2 см. Сверху они были накрыты корой. Причем кора местами укладывалась за внешнюю сторону глиняного вала.

Представляется, что зафиксированные наслоения представляют остатки сложной погребальной конструкции, основу которой составляла могильная яма, выкопанная по центру кургана. Над ямой была деревянная конструкция в виде шатра, опиравшаяся на столбы, присутствие которых фиксируется по столбовым ямкам диаметром около 30 см и глубиной 50 см от уровня погребенной почвы. Столбы группировались по 2–3 шт. и в удалении 3–4 м друг от друга. Наличие самана позволяет предположить, что по периферии погребальной площадки было возведено многогранное в плане сооружение из массивных сырцовых кирпичей.

Курган 12 располагался в центре могильника к югу от автотрассы, трапециевидной в плане формы диаметром 42 м и высотой около 1.45 м. На вершине наблюдалась воронка диаметром до 25 м и глубиной более 1 м (рис. 2, 1). Вокруг кургана прослежен кольцевой ров. В связи с тем, что объект находился в непосредственной близости от шоссе, снятие насыпи производилось бульдозером по направлению 3–В с оставлением семи бровок (рис. 2, 1).

³ Определения костей животных сделаны ст. преподавателем кафедры биологии ЗКГУ им. Махамбета А.А. Джубановым.

Над погребенной почвой в юго-западной полé кургана были обнаружены бронзовые (вероятно, отдельные предметы с примесью серебра) пронизи и псалии (рис. 2, 1–4; 3) от пяти комплектов конской упряжи (№ 2, 11 на рис. 2, 1).

В северной полé кургана обнаружен фрагмент полированной трубчатой кости. В южной – небольшой кусочек тонкого стекла синего цвета, м.б. фрагмент сосуда из “финикийского стекла”.

По бровкам к западу и востоку от центра наблюдался гумусированный грунт от грабительского подкопа. Дальше к периферии прослежены развалы кладки из кирпича-сырца размерами 20 × 35 см, среди которых встречались фрагменты деревянных жердей (некоторые были обуглены). На восточной периферии кургана в 1-й северной траншее за пределами вала фиксировалась прокаленная почва – следы ритуального костра. На погребенной почве был устроен вал из материковой глины шириной от 6 до 9 м и высотой 0.75–1 м, покрытый слоем гумуса параметрами 0.5 × 0.2 м. В плане вал был квадратной формы с закругленными углами (ориентирован углами по сторонам света) и имел 22–30 м в поперечнике (рис. 2, 1). На нем по периферии кургана фиксировались остатки тризны в виде лопаток КРС (рис. 2, 1, 3), ребер и бабки молодой лошади (рис. 2, 1, 4); лопаток и тазовых костей, бабки лошади (рис. 2, 1, 5–9). Еще одна лопатка лошади лежала на погребенной почве в северной полé (рис. 2, 1, 10).

Вся погребальная площадка была покрыта деревянными плахами, располагавшимися вокруг могилы в виде квадрата, – доски укладывались параллельно валу. Сверху они были накрыты корой. Плахи наблюдались до середины глиняного вала. Представляется, что зафиксированные наслоения являются остатками сложной погребальной конструкции, основу которой составляла могильная яма, выкопанная по центру кургана. У ее краев было воздвигнуто здание из массивных сырцовых кирпичей. Большая его часть впоследствии рухнула внутрь могильной ямы.

В центре кургана на погребенной почве на деревянном покрытии в 1 м к югу от могильной ямы лежали останки молодой лошади (№ 1). Сохранилась только половина скелета. Не исключено, что часть его сползла в могилу. Судя по останкам, лошадь лежала с подогнутыми ногами, головой на С.

Могильная яма имела форму квадрата с закругленными углами размерами 7.5 × 7.5 м. С юго-запада в яму шел небольшой ступенчатый дромос шириной до 1 м, длиной 2.6 м. Ступеньки располагались на глубине 0.2–0.9 и 1.2 м от уровня погребенной почвы. В северо-восточной стене в яму ве-

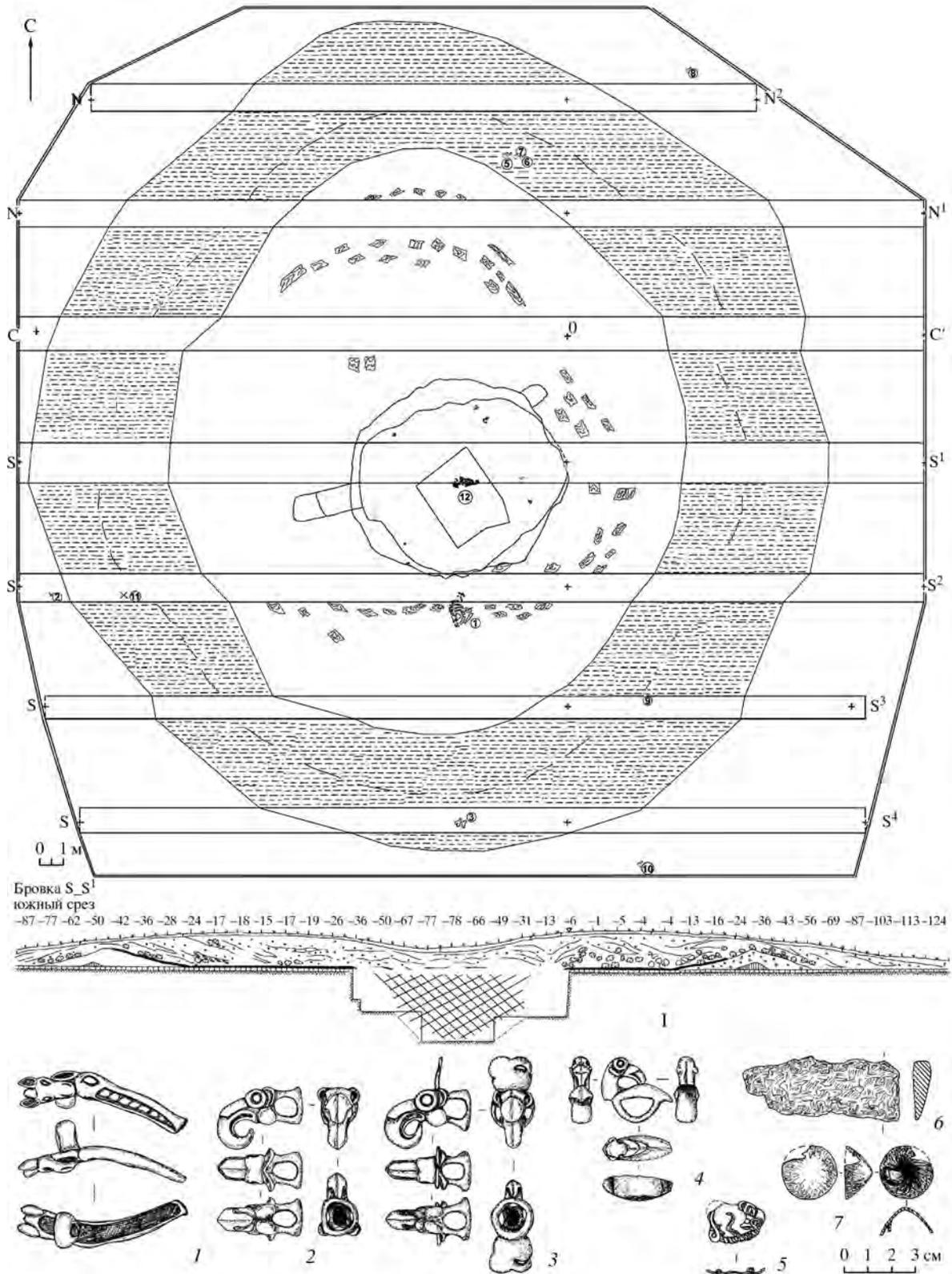

Рис. 2. Могилиник Кырык-Оба II, курган 12. I – план раскопа и разрез центральной бровки (вид с юга); 1–4 – уздечные пронызы из-под юго-западной половины кургана; 5 – нашивная бляшка; 6 – фрагмент ножа; 7 – умбон. 1–4 – бронза; 5 – золото; 6, 7 – железо.

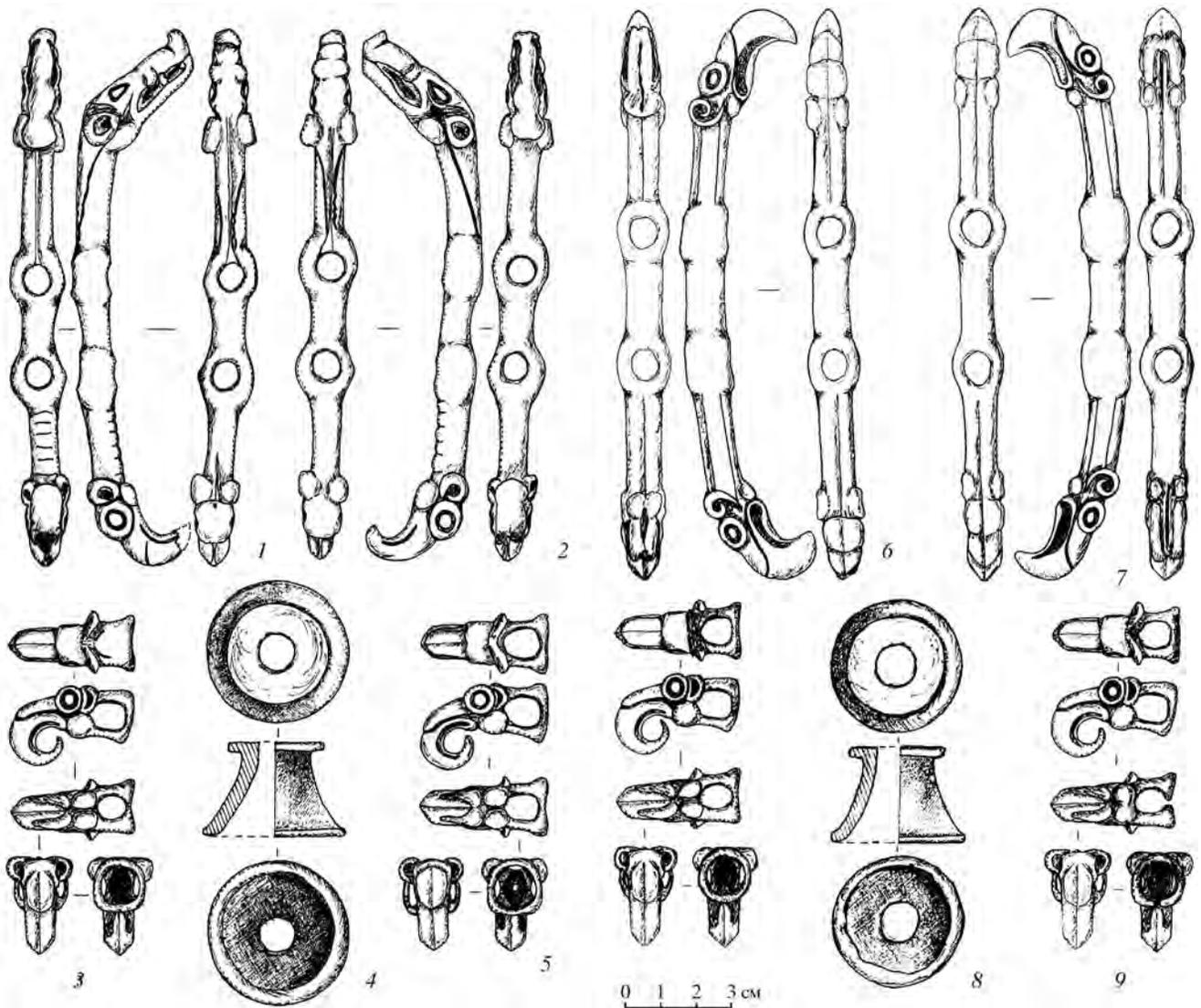

Рис. 3. Могильник Кырк-Оба II, курган 12. Уздечные наборы из-под юго-западной половины кургана. Все – бронза.

дет еще один вход квадратной формы (0.9×0.9 м) глубиной 0.9 м от уровня погребенной почвы. Судя по расположению и характеру данного входа, нельзя исключить, что он был грабительским. Стенки могильной ямы слегка сужаются ко дну.

В центре могилы на глубине 0.85 м от уровня погребенной почвы располагался скелет большой собаки (№ 12) (Джубанов, 2004). Она лежала вытянуто, головой на 3 с подогнутыми ногами. Животное явно было похоронено, что позволяет предполагать ритуальный характер находки. Характер положения скелета не исключает факта, что собака была погребена в качестве могильного стража.

Глубина ямы в непосредственной близости от стен – 1.7 м от уровня погребенной почвы, но через 1–1.5 м к центру яма конусообразно понижалась до глубины 2.9 м. Данный рельеф дна – безусловно

результат деятельности грабителей, почти полностью очистивших могилу от находок.

В ходе раскопа в могиле удалось найти следующие предметы: фрагмент железного ножа (рис. 2, 6) – на глубине 0.2 м от погребенной почвы по центру ямы; копыта, лопатки и тазовые кости лошади – в разных частях могилы на глубине от 0.1 до 0.75 м от уровня погребенной почвы; железный предмет конической формы (рис. 2, 7) – в заполнении могилы на глубине 0.3 м по центру ямы; золотая нашивная бляшка в виде большого животного кошачьей породы (рис. 2, 5) – в придонной части могилы по центру.

Курган 16 находился в центральной части могильника. Диаметр кургана – 29 м, высота – 1.2 м. По его центру – углубление диаметром до 10 м и глубиной до 0.5 м. Снятие насыпи производилось

бульдозером с оставлением семи бровок вдоль оси С–Ю (рис. 4, I).

При снятии грунта во всей центральной части кургана наблюдались слои сильно прокаленной почвы (рис. 4, I) и ниже их – угольный слой (сгоревшие плахи и жерди деревянной конструкции). Прокал имел мощность до 2.0 м. Пожар позволил зафиксировать по центру кургана развал сырцовых кирпичей. Внутреннее пространство этих развалин составляло 10–12 м, ширина руин – около 1.5 м. По периферии на погребенной почве располагался кольцевой вал диаметром 38 м, шириной до 4 м и высотой 0.5 м (рис. 4, I). В южной части вала был разрыв для входа в дромос к могильной яме, которая была выкопана по центру кургана. У ее краев прослежена стенка, сохранившаяся на высоту в 0.4–0.9 м из не менее чем четырех сырцовых кирпичей в кладке. Ширина ее около 1 м. Скорее всего это остатки погребального сооружения квадратной формы размерами 11 × 11 м. Конструкция оказалась сильно разрушенной, возможно, под влиянием сильнейшего пожара, в результате которого глина приобрела кирпично-красный цвет. Большая часть сооружения рухнула в могильную яму. Часть кирпичной кладки, не успев обгореть, обрушилась на внешнюю сторону к периферии кургана в сторону глиняного вала.

От стенок сооружения к валу наблюдались деревянные жерди и ветки, а ниже тростник, которые шли по направлению к центру и опирались на столбы, ямки от которых были по периметру могилы. Скорее всего, это были остатки сооружения шатрового типа. Жерди и ветки обуглились, а часть их превратилась в пепел (рис. 4, I).

У подошвы кургана на уровне погребенной почвы фиксировались остатки тризны – кости животных: ребра лошади (рис. 4, I, 1); скопление трубчатых и тазовых костей лошади (рис. 4, I, 2); кости ног в сочленении и отдельные позвонки лошади (рис. 4, I, 3); лопатки лошади (рис. 4, I, 5, 7, 8); фрагмент мелкой трубчатой кости (МРС?) (рис. 4, I, 6); фрагмент позвонка и сколотый фрагмент трубчатой кости лошади (рис. 4, I, 1 9); бабки лошади (рис. 4, I, 10, 11).

На юго-западной периферии кургана на уровне погребенной почвы был расчищен неполный комплект уздечки (рис. 4, I, 12): бронзовый двудырчатый псалий с окончаниями в виде ушастой лошади (рис. 5, I), бронзовые распределительные пронызи – очковидной, столбикообразной, конической и клювовидной форм (рис. 5, 3–5, 7–11), а также фрагмент железных удиц.

В 8 м к Ю от центра кургана, к 3 от дромоса на уровне погребенной почвы, рядом со столбовыми ямами было выявлено захоронение лошади (рис. 4, I, 13) с подогнутыми ногами, головой на С. Вероятно, лошадь в ходе обряда была привязана к столбу, так как скелет располагался у столбовых ям. Кости обгорели во время пожара и многие из них кальцинировались. В районе ребер было обнаружено массивное бронзовое подпружное кольцо круглой формы с двумя шпеньками (рис. 5, 6).

В центре погребальной площадки находилась могильная яма (рис. 4, I) прямоугольной формы с закругленными углами размерами 5.3 × 7.4 м, вытянутая по оси С–Ю с некоторым отклонением. От южной подошвы кургана к ней шел дромос длиной 13.9 м, шириной 0.9–0.95 м. Глубина дромоса 1.45–1.6 м с понижением посередине до 1.8 м. В южной части дромоса выявлены две деревянные плахи перекрытия, лежавшие поперек входа. В середине дромоса был обнаружен бронзовый псалий с окончанием в виде головки грифона (рис. 5, 2). Рядом с ним находились фрагменты черепа и ребро лошади. Эти находки лежали напротив скелета лошади, погребенной рядом с дромосом, и, вероятно, относились к ней.

Засыпь могильной ямы представляла собой мешанину (местами очень плотную) из гумусированной супеси черного цвета с значительным включением фрагментов обгоревшего дерева и прокаленной земли. Слой прокаленной земли плавно понижался к центру могилы. В заполнении ямы на разных уровнях и в разных местах встречались фрагменты костей человека и животных. Глубина могильной ямы – 2.55 м от уровня погребенной почвы. Стенки могилы постепенно сужались. Размеры ямы по дну 5.2 × 6.4 м. Могила оказалась ограбленной в древности. На дне обнаружены разрозненные остатки захоронения: по центру у западной стенки лежал раздавленный череп человека, затылком к югу; рядом с ним, чуть восточней – фрагменты трубчатых костей человека. Инвентарь погребения представлен железным заостренным предметом (шило?) (рис. 4, I, 5); железными пластинками (рис. 4, I, 6, 7); фрагментами лепного сосуда; золотыми оковками деревянных ритуальных сосудов (рис. 4, 1–4), ритуальной галькой и бронзовой пронызкой.

Курган 17 располагался в восточной половине могильника. Размеры кургана: диаметр 42 м и высота 1.65 м. Перед раскопками курган имел в плане яйцевидную форму, вершиной на север – следствие его сильного разрушения в предшествующие годы в ходе хозяйственной деятельности.

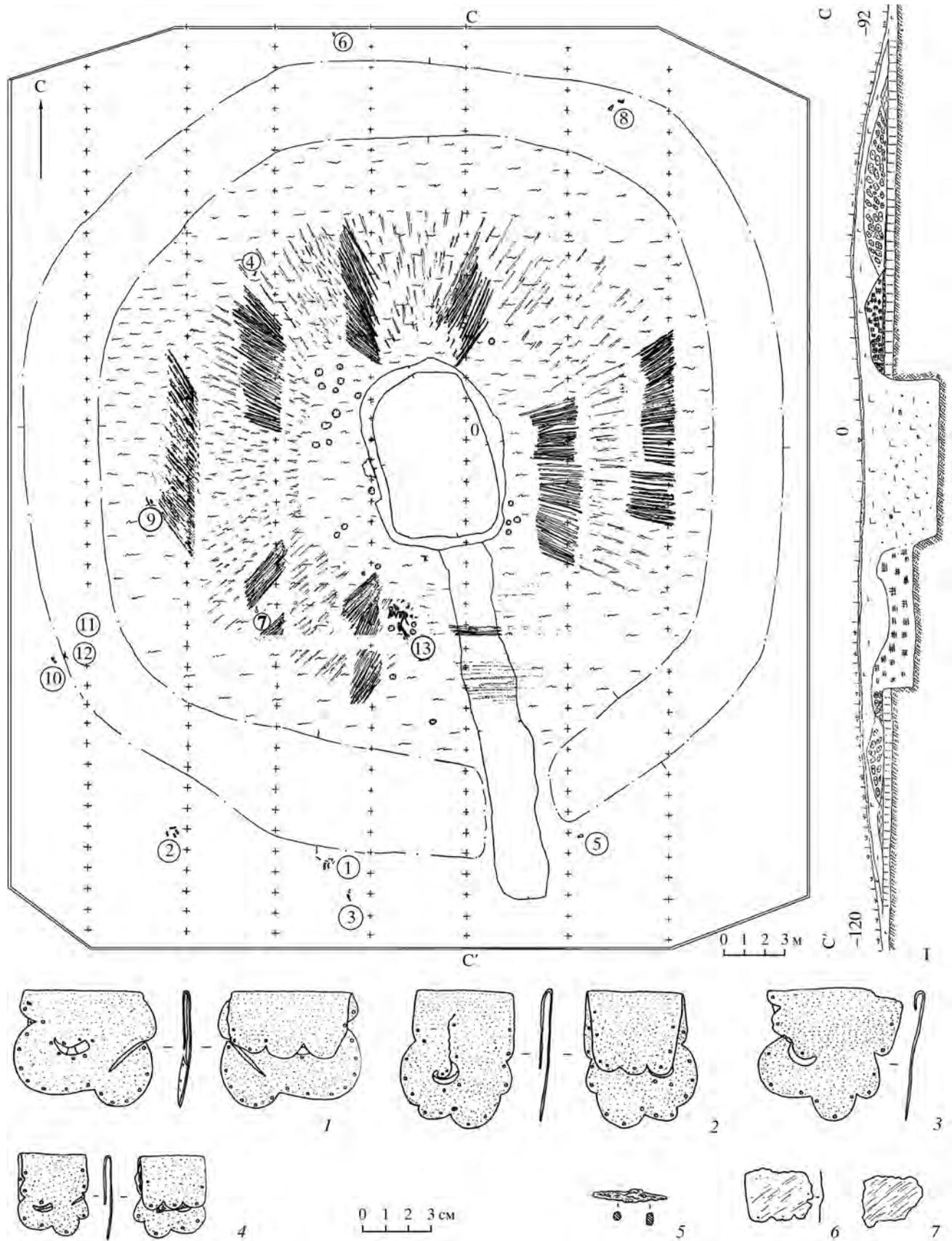

Рис. 4. Могилиник Кырык-Оба II, курган 16. I – план раскопа и разрез центральной бровки (вид с востока); 1–7 – инвентарь из могильной ямы: 1–4 – золото; 5–7 – железо.

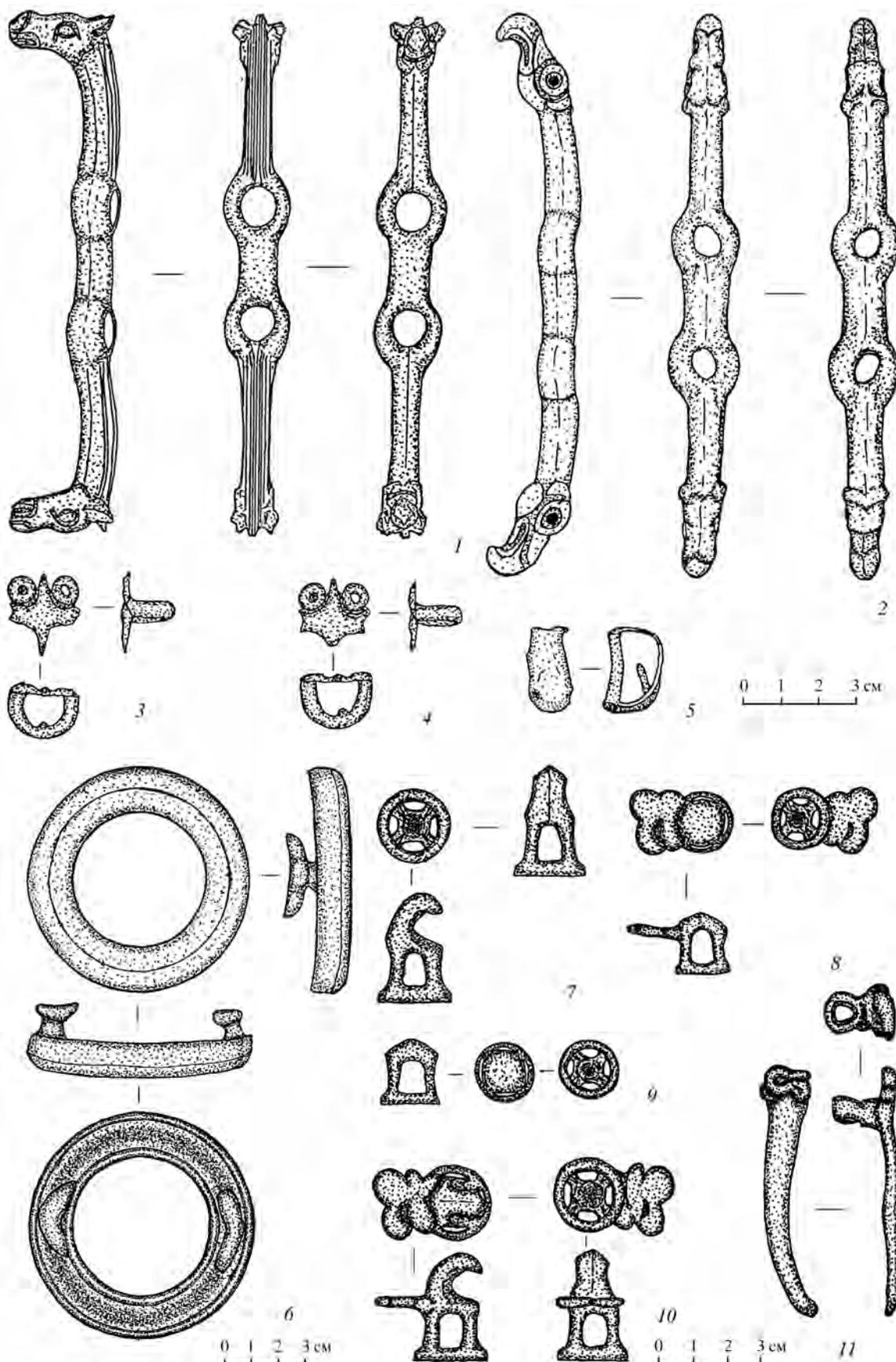

Рис. 5. Могильник Кырык-Оба II, курган 16. Уздечный набор из-под юго-западной половины кургана. Все – бронза.

По сведениям местных жителей в прошлом на месте кургана была построена кузница. В центре раскопа наблюдалась воронка диаметром до 10 м и глубиной около 2 м, превращенная механизаторами в свалку металлолома и строительного мусора. Вдоль северной периферии кургана была прорыта бульдозерная траншея, срезавшая значительную часть насыпи и поросшая молодыми тополями. Поэтому южный склон был более крутой, чем северный (рис. 6, I).

В ходе раскопок были разбиты две осевые бровки по сторонам света, проходящие через высшую точку кургана, и, соответственно, в 7 и 14 м к западу от условного центра – еще две дополнительные бровки меридионального направления. Ввиду того что в центре кургана располагалась воронка, условный центр был перенесен в южную часть кургана (рис. 6, I).

Под насыпью в южной полé были обнаружены трубчатые кости лошади (№ 1,6) и кости МРС (№ 2). В слое современного мусора найден скелет корсака (№ 3). Кроме того, на юго-западной периферии кургана в переотложенном состоянии были обнаружены два комплекта конской узды: четыре бронзовых двудырчатых псаля, концы которых оформлены в виде головок хищных птиц (рис. 7, 1, 4, 8, 10); бронзовые пронизи в виде головок хищных птиц (рис. 7, 7, 9), когтевидной (рис. 7, 2, 5), столбикообразной (рис. 7, 3) и клювовидной форм (рис. 7, 6).

На северо-восточной периферии кургана в погребенной почве выявлена круглая ямка диаметром 60 см и глубиной 40 см от уровня погребенной почвы, где находился череп лошади, ориентированный на север (рис. 6, II).

Ввиду разрушений, произведенных в новейшее время, архитектуру кургана весьма сложно восстановить: в южной половине кургана от вершины “насыпи” на глубину 0.75–1 м грунт был ровно подрезан и затем заполнен рыхлыми комками глины. Этот глинистый грунт неоднократно прорезался более поздними ямами, в заполнении которых преобладал строительный мусор. Кроме того, встречались норы землеройных животных. Остатки древнего кургана – темно-серая плотная супесь – наблюдались с глубины 0.5–0.7 м от поверхности кургана. На периферии на погребенной почве шел кольцевой вал из материковой глины шириной от 3.5 до 5.5 м и высотой 0.25–0.75 м. В плане он имел форму неправильного шестигранника с закругленными углами. Вал обтекал слой гумуса, параметры которого были в пределах 1.0–2.5 × 0.4 м. Внутри кольца фиксировался выкид из

могильной ямы (материковая глина по краю могилы протяженностью 3.5–5 м и толщиной 20–50 см). У края ямы также наблюдался слой прокаленной почвы радиусом до 4 м и толщиной до 20 см (рис. 6, I).

Возможно, наличие последнего слоя – результат сожжения деревянной курганной конструкции. Остатки ее зафиксированы в западной половине кургана, в виде круглых столбовых ямок диаметром 25–30 см и глубиной 20 см от уровня погребенной почвы, кольцом охватывавших могильную яму (рис. 6, I).

Под курганом по центру была выявлена яма круглой формы диаметром 10 м. На глубине 1.5 м вдоль стен шел уступ шириной 0.8–1 м. Затем могила конусообразно сужалась ко дну до 8 м в диаметре. Глубина ямы – 3.7 м от уровня погребенной почвы (рис. 6, I). Заполнение могилы состояло из строительного мусора, прокаленной глины, золы и гумусного слоя. Никаких находок в могиле сделано не было. Скорее всего погребение, разрушенное еще в древности, окончательно было расчищено в прошлом веке.

Помимо курганов больших размеров в 2004 г. в восточной половине могильника удалось обнаружить и раскопать три небольших кургана, материалы одного из них представлены ниже.

Курган 27 был сильно распахан, в силу чего его насыпь с трудом выделялась на местности. Диаметр – 8 м, высота – 0.1 м. Раскапывался вручную с оставлением двух осевых бровок (рис. 8, I). В различных частях насыпи на разной глубине были обнаружены фрагмент керамики (№ 1) (рис. 8, 53); альчик КРС (№ 2); трубчатые кости КРС (№ 3, 4, 6, 7) и челюсть КРС (№ 5).

На погребенной почве был прослежен глиняный вал мощностью от 15 до 25 см и шириной 1–2 м в 2 м от условного центра. Сверху его охватывал слой гумуса шириной около 0.7 м. Вал имел в плане “квадратную форму” (рис. 8, I). По внутренней кромке вала погребенную почву прорезал ровик шириной до 0.5 м и глубиной до 0.15 м (рис. 8, I).

Могильная яма прямоугольной формы выявлена по центру кургана. Длинной осью она ориентирована по линии 3-ЮЗ – В-СВ. Размеры на уровне древнего горизонта 2.7 × 3.9 м. В верхних слоях заполнения могилы встречались мелкие фрагменты дерева, зола и обожженная почва – свидетельства сгоревшего деревянного перекрытия, которое, судя по остаткам, сохранившимся у стенок, состояло из плах шириной 4–5 см, лежавших поперек ямы.

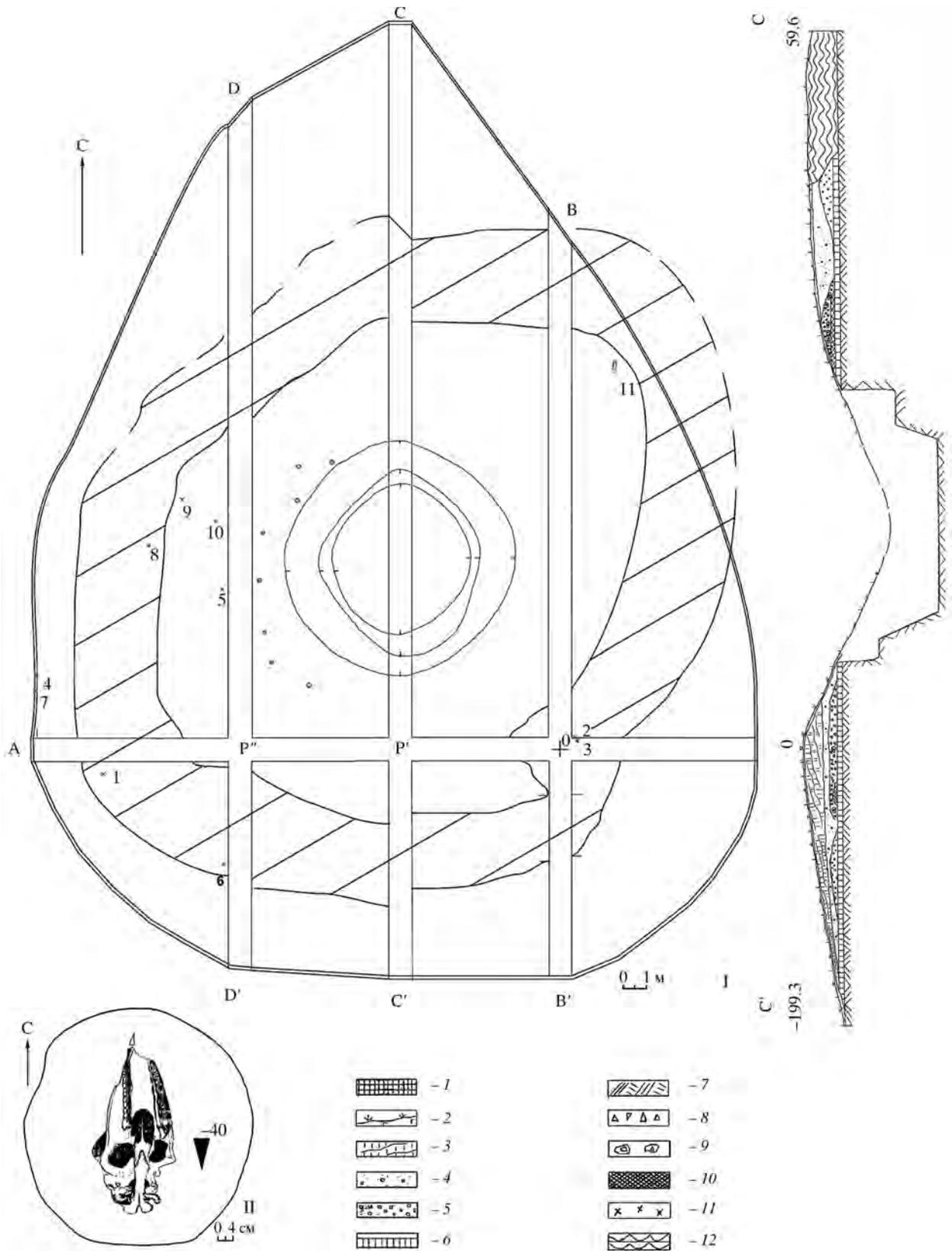

Рис. 6. Моги́льник Кырык-Оба II, курган 17. I – план раскопа и разрез центральной бровки (вид с востока); II – план захоронения черепа коня под северо-восточной полкой кургана. Условные обозначения: 1 – современный мусор; 2 – гумус; 3 – развал современной постройки; 4 – темный плотный суглинок; 5 – глиняный вал; 6 – погребенная почва; 7 – материк; 8 – прокал; 9 – прокаленный саман; 10 – горелое дерево; 11 – угольки; 12 – современное нарушение насыпи.

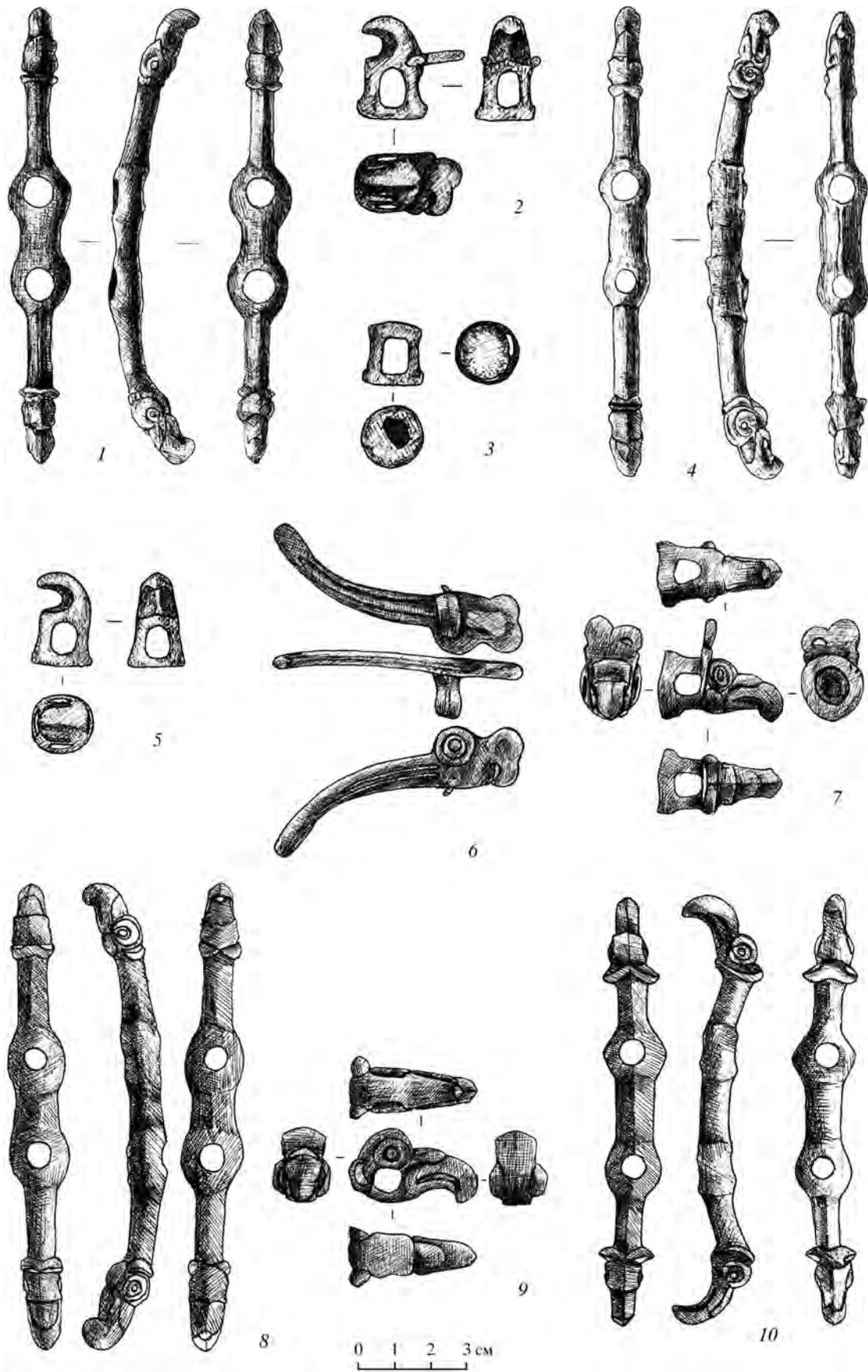

Рис. 7. Могильник Кырк-Оба II, курган 17. Узденные наборы из-под юго-западной полы кургана. Все – бронза.

С верхних слоев заполнения и до дна ямы встречались мелкие фрагменты костей человека, КРС и керамики. Стенки ямы постепенно сужались ко дну до размеров – 3.6 × 2.3 м на глубине 0.75 м от уровня погребенной почвы. Не исключено, что дно ямы было посыпано мелом – прослежены россыпи кальцитов.

Погребение оказалось разрушенным. В западной половине ямы находились в разрозненном состоянии кость КРС у северной стенки; разбитый лепной плоскодонный сосуд (рис. 8, 56) – в центре; фрагменты черепа и отдельные трубчатые кости человека и кости МРС – у южной стенки. В юго-восточном углу ямы в кучке лежали трубчатые кости человека и фрагмент керамики. В восточной половине ямы *in situ* зафиксированы человеческие останки – вытянутые кости ног: левой – полностью, а правой – только кости голени и стопы взрослого человека (рис. 8, 2). Судя по их положению, покойник лежал вытянуто на спине головой на Ю–ЮВ. В северном углу у самого края в ногах под наклоном острием вверх стояло копьё (конец наконечника торчал из могилы на уровне погребенной почвы). Наконечник железный с конической втулкой и лавролистным клинком (рис. 8, 55). Кроме того, покойного сопровождали бронзовые наконечники стрел (рис. 8, 3–51), лежавшие против правого колена и у фаланг правой руки против бедра; костяная ложечка (рис. 8, 52) и железный нож (рис. 8, 54).

Всего за период с 2001 по 2005 г. на могильнике было исследовано 15 погребально-поминальных объектов. Однородный в хронологическом плане материал относится к концу VI – середине V в. до н.э., о чем говорилось ранее. Следует обратить внимание на то, что только три кургана представляют собой усыпальницы рядовых кочевников, остальные же можно отнести к разряду захоронений знати (Мышкин, 1993. С. 7). Многие предметы материальной культуры это подчеркивают. К ним относятся остатки богатых одеяний, обшитых золотыми пластинками (курганы 2, 12), богатые украшения (гривны, серьги с подвесками) (курган 23) (Гуцалов, 2009). Однако в большей мере обращают на себя внимание деревянные ритуальные чаши, оббитые золотыми пластинками, которые достаточно часто встречаются у кочевников Восточной Европы в IV в. до н.э. (Кузнецова, 1988; Пшеничнюк, 2003; Королькова, 2003; Гуляев, 2006; Яблонский, Мещеряков, 2008 и др.). Следует обратить внимание на широкий характер распространения этой посуды у кочевников Южного Приуралья в конце VI – первой половине V в. до н.э. Хотя в поднепровских степях они в это вре-

мя встречаются (Волкобой и др., 1981. Рис. 8, 5; Ковалева, Мухопад, 1982. Рис. 4, 4). В Приуралье они зафиксированы еще в Покровке, Пятимарах и Бултуртинском могильнике (Смирнов, 1964. Рис. 16, 20–т; 24, 4; Сдыков и др., 2004). Показательна и находка парадного меча в кургане 18. Стоит сказать, что в раннескифское время среди кочевнических древностей Северного Кавказа и Северного Причерноморья таковые встречаются (Черненко, 1980). Однако затем там существует разрыв в их бытовании до IV в. до н.э. (Черненко, 1986. С. 139). Тем самым, в культуре кочевников Южного Урала наблюдается преемственность в развитии этого типа инвентаря. Данный факт тем более важен, что еще одним элементом воинского обихода кочевой элиты изучаемого региона стал оборонительный доспех (Смирнов, 1961. С. 75), типичный для Скифии рассматриваемого времени (Волкобой и др., 1979. Рис. 8, 1; Волкобой и др., 1981. Рис. 8, 2 и пр.).

В этой связи стоит подчеркнуть наличие одинакового набора вещей из элитных курганов как степного Поднепровья, так и Южного Приуралья, которые к тому же сопрягаются с очень сходными подкурганскими конструкциями и могильными камерами (Волкобой и др., 1979. Рис. 8, 7; Волкобой и др., 1981. Рис. 8, 1; Ковалева, Мухопад, 1979. Рис. 3, 1, 2; 1982. Рис. 1, 1).

Погребальные конструкции могильника Кырык-Оба II сложные. Благодаря воздействию на них огня, разводимого после проведения ритуальных церемоний, удалось установить, что здесь над могилами возводились глиняные сооружения квадратно-прямоугольной или многогранной форм размерами от 10 × 10 м и более. Стены шириной в 1 м, сохранившиеся на высоту до 1.5 м, выкладывались в четыре кирпича. Земляные сооружения дополнялись деревянными конструкциями шатрового или срубного типов, опиравшимися на глиняные валы, возведенные по периметру курганов или на опорные столбы по центру отдельных ям. Могилы квадратные, широкие прямоугольные с дромосом к югу, а также круглые. Обряд захоронения дополняет коллективное погребение на древней поверхности в кургане 18 с захоронениями стражников в равноудаленных от центра могилах и, возможно, детским жертвоприношением на восточной периферии погребальной площадки (Гуцалов, 2010). Возможно, характер жертвоприношения имело скопление черепов и отдельных костей четырех людей на вершине этого кургана. К типичным обрядовым признакам также относятся: одиночные захоронения взнузданных коней к югу от могил мордами на север; клады уздечек

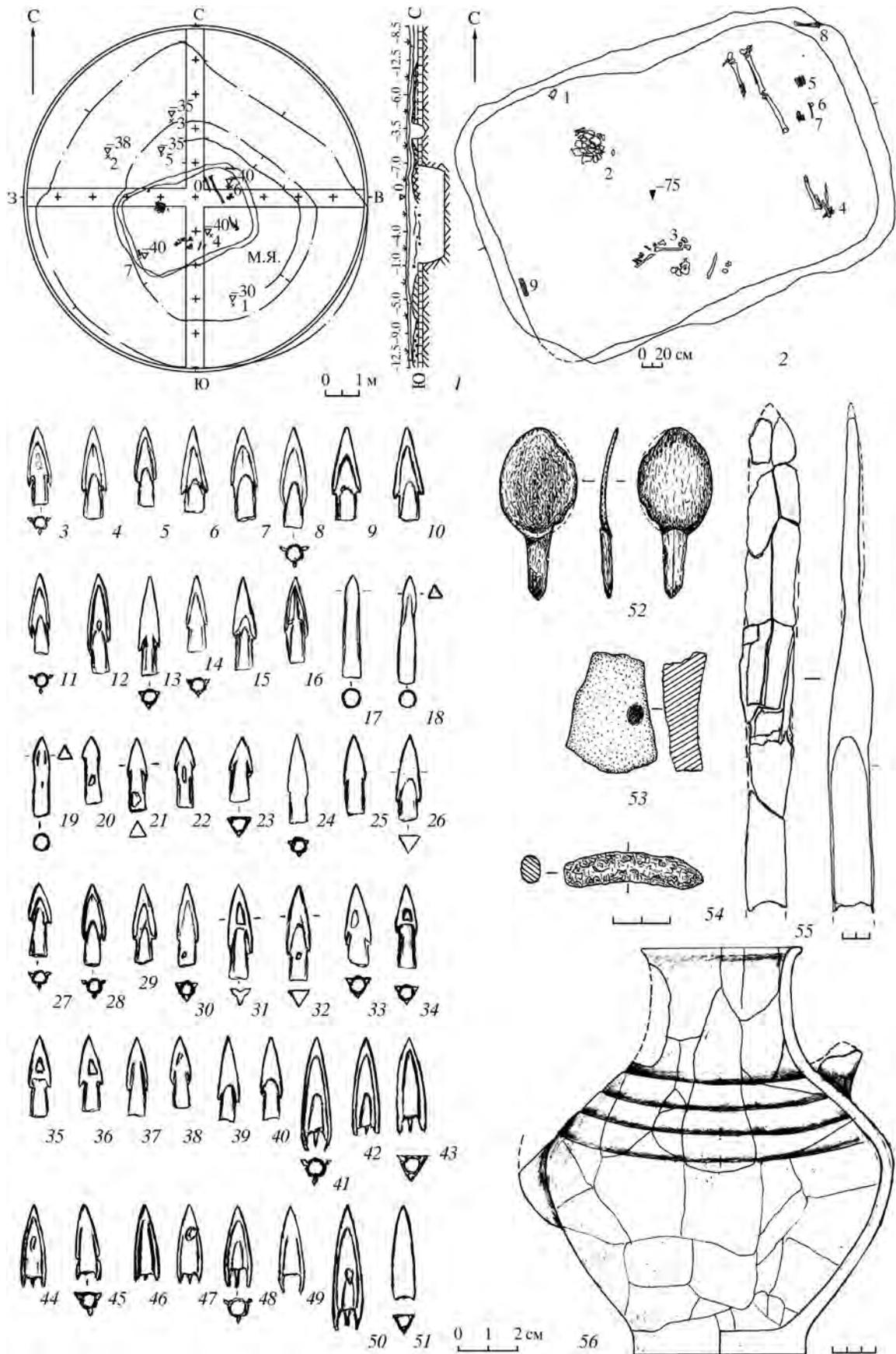

Рис. 8. Могильник Кырык-Оба II, курган 27. 1 – план кургана и разрез осевой бровки по линии С–Ю (вид с востока); 2 – план погребения; 3–56 – инвентарь из могилы. 3–51 – бронза; 52 – кость; 53, 56 – глина; 54, 55 – железо.

под южной или западной полами курганов; остатки тризн (кости лошадей и КРС, МРС, фрагменты сосудов) на периферии курганов. Кроме того, в могильнике раскопано “святилище” (Курманкулов и др., 2002)⁴.

Не менее значимым является открытие “рядового” захоронения в кургане 27. Сохранившиеся костные останки однозначно свидетельствуют о южном секторе ориентировки погребенного (рис. 8, 2). Этот момент принципиально важен, так как до последнего времени исследователи предпочитали говорить о западной ориентировке как присущей бедным представителям кочевников Южного Урала. При этом исследователи старались не обращать внимания на факты, противоречащие этой точке зрения. Здесь уместно будет вспомнить отношение к дате погребения в кургане 3 могильника Алебастрова гора (рубеж V – IV вв. до н.э.) (Смирнов, 1964. С. 59. Рис. 1) лишь на основании южной ориентировки погребенных. Тогда как есть смысл говорить о нескольких векторах влияния в момент формирования культуры номадов Южного Приуралья во второй половине VI в. до н.э. Кроме того, общий погребальный канон в данном случае был, скорее всего, единым как для бедных скотоводов, так и для знати. Разница была лишь в размерах сооружения и богатстве сопровождающего инвентаря. Размер сооружения, вероятнее всего, и сказался на наличии в кургане 27 настила как типа деревянной конструкции.

Помимо обряда этнокультурная особенность проявилась и в оригинальности уздечек. Типичные для конского убора южноуральских номадов, в то же время отдельные предметы почти в каждом из этих комплектов не имеют аналогов в скифских древностях Евразии. Уздечные наборы Кырык-Обы имеют аналогии во многих ареалах кочевых культур VI–V вв. до н.э. в степной части Евразии. Так, скажем, мотив головы хищной птицы на окончаниях многих псалиев и на многочисленных пронизях представляет наиболее ранние и широкие прототипы среди раннескифских древностей Предкавказья (Галанина, 1983. Рис. 8; 9) и лесостепного Поднепровья (Ильинская и др., 1980. Рис. 4; 36). Но более точные аналогии рассматриваемым комплексам встречаются там в V в. до н.э. (Мальшев, Равич, 2000. Рис. 1; Галанина, 1977. Табл. 17, 5; 26, 12; 28, 3, 4). В посульской группе памятников лесостепного Поднепровья широкое распространение получили бронзовые бляхи в виде свернувшегося в кольцо волка (Галанина, 1977. Табл. 13, 1, 4; 26, 20–23).

⁴ Повторным исследованием кургана 8 установлено, что здесь находилось два каменных антропоморфа, на которые во время раскопок 2001 г. не обратили внимания.

Этот мотив представлен также среди древностей конца VI – V в. до н.э. степной Скифии и Крыма (Мурзин, 1984. Рис. 22; 24). Значительное сходство отдельные элементы кырыкобинских уздечных наборов имеют с предметами из Хошеутовского комплекса в Нижнем Поволжье (Дворниченко, Очир-Горяева, 1997. Рис. 1). Безусловно, имеются и элементы, указывающие на связь с Алтаем и Южной Сибирью (Грязнов, 1947. Рис. 2; 4; Лузин, Тишкин, 1999. Рис. 4). О многочисленных параллелях из южноуральских погребений нет смысла говорить подробно – они здесь известны в значительной части курганов, содержавших предметы конской упряжи.

М.П. Грязнов факт обнаружения в кургане Аржан в одном комплексе сразу нескольких различных уздечек объяснил тем, что данные предметы принадлежали представителям племен, сопровождавших погребение “царя” (1980. С. 49, 50). Не исключено, что и в урочище Кырык-Оба похоронена родоплеменная знать, издавала сvezенная на место своего упокоения к могилам южноуральских владык. Подобное отношение к захоронениям “святых” до сих пор наблюдается у кочевников. Так, в Западном Казахстане пространство вокруг мавзолея XIV–XV вв. “Абат-Байтак” в верховьях р. Хобда в настоящий момент заполнено современными могилами, принадлежащими представителям разных казахских родов и племен. Особое отношение номадов к смерти и предопределило своеобразие такого памятника, как Кырык-Оба II. Тем самым, можно предположить, что в конце VI – середине V в. до н.э. центр кочевий южноуральских номадов находился в районе курганов Кырык-Оба.

Последняя яркая особенность этого памятника – широкое распространение фигуры волка среди различных предметов конской сбруи. Он представлен как на пронизях и окончаниях псалий, так и на нащечниках и крупных круглых распределительных бляхах-пряжках. Могильник представляет собой своеобразное средоточие образа этого зверя, не имеющего себе равных в пределах степей Южного Урала.

Исходя из характера захоронений исследуемого некрополя, можно предположить принадлежность большинства из них военным вождям и их дружине и тем самым связать находки рассматриваемых предметов с особыми идеологическими воззрениями воинского сословия Южного Приуралья. Можно констатировать, что в изучаемом некрополе в соседних курганах сосуществует несколько обрядовых традиций. Последний момент, вероятно, связан с характером формирования культуры приуральских кочевников, когда разные культурные стереотипы

могли быть привнесены из разных регионов. При этом немаловажную роль в процессах культурогенеза, скорее всего, сыграла воинская верхушка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н.* Скифский могильник “Славянка” у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск, 1979.
- Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н., Андросов А.В.* Могильник у с. Башмачка // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
- Галанина Л.К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). М., 1977 (САИ; Д1-33) (Сер. “Археология СССР”).
- Галанина Л.К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келлермесских курганов) // АСГЭ. 1983. № 24.
- Грязнов М.П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII.
- Грязнов М.П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Гуляев В.И.* Деревянные чаши с золотыми обкладками из курганов скифского времени на Среднем Дону // Древности скифской эпохи. М., 2006.
- Гуцалов С.Ю.* Восточные импорты в погребениях кочевников Западного Казахстана середины I тыс. до н.э. // ВДИ. 2009. № 2.
- Гуцалов С.Ю.* Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. 2010. № 2.
- Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А.* Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и скифы. Азов, 1997.
- Джубанов А.А.* Останки собаки из могильника Кырык-Оба // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2004.
- Железчиков Б.Ф.* Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Ковалева И.Ф., Мухонад С.Е.* Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
- Ковалева И.Ф., Мухонад С.Е.* Скифское погребение конца VI – V в. до н.э. у с. Александровка // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Королькова Е.Ф.* Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 2003. Вып. 36.
- Кузнецова Т.М.* Скифские ритуальные сосуды // КСИА. 1988. Вып. 194.
- Курманкулов Ж., Раймкулов Б., Ишангали С.* Исследование курганного отряда № 2 УКАЭ на могильнике Кырык-Оба 2 // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002.
- Лузин С.Ю., Тишкин А.А.* Курганный могильник Казенная Заимка-I // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.
- Мальшиев А.А., Равич И.Г.* О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях Новороссийска // МИАР. № 3. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2000.
- Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Мышкин В.Н.* Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. как исторический источник: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1993.
- Пишеничнюк А.Х.* Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. СПб., 2003.
- Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю.* Сокровища западноказахстанских скифов. Уральск, 2004.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА; № 101).
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Клермесс) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Черненко Е.В.* Скифия. Оружие // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986.
- Щедровицкий Г.П.* Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Избранные труды. М., 1995.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В.* Доисследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Матер. междунар. науч. конф. “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий”. Оренбург, 2008.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ВАЛЫ И СТЕНЫ X–XIII вв. ПО ЛЕТОПИСНЫМ ИСТОЧНИКАМ

© 2011 г. Ю.Ю. Моргунов

*Институт археологии РАН, Москва
(morgunovyu@mail.ru)*

Ключевые слова: летописные источники, валы, стены, крепостные оборонительные комплексы, этимология, топографические ориентиры, руины вертикальной стены.

Scholars interpret ancient earthen ramparts as foundations of fortress walls, independent protective barriers and ruins of town fortifications. That is why it is important to determine the real 10th–13th cc. view of the protective role of ramparts and walls. For this purpose, the author analyzes all mentions of fortifications in the earliest and best-studied chronicles. For the main part, contemporaries perceived earthen ramparts as topographic landmarks. It is symptomatic that there was no established terminology for describing the outer appearance of the ramparts, and that their protective role has not been stressed even in descriptions of assaults on towns or of symbolic dismantling of fortifications by the victor. On the other hand, chronicles offer detailed information about town and fortress walls, telling about their structure, height, defenses and ways of assault. Descriptions of fortified walls in the chronicles became a metaphoric symbol of power and might. The well-developed constructional and technical vocabulary shows that the protective functions of walls were of vital interest to contemporaries, whereas that was not the case for earthen ramparts. The connection between older and ruined earthen ramparts and new walls built over them can be explained by the fact that taller walls meant more protection. Archaeological studies reveal methods of strengthening the old ramparts and traces of repeated renewal of walls above them. It is also possible that a new tradition of fortification was developing, and earthen ramparts were being built intentionally.

Начиная с XVI–XVII вв. в письменных источниках появились подробные сведения о насыпке земляных валов, часто содержащих бревенчатый крепеж и внешние обкладки: это позволяло возводить на них бревенчатые и каменные стены. В Новое время схожие принципы также использовались при постройке полевых укреплений и крепостных сооружений. Поэтому в конце XIX – XX в. в ранее сложившиеся представления практиков и теоретиков позднего оборонительного зодчества органично “вписались” до сих пор недостаточно изученные защитные сооружения домонгольского периода (Фриде, 1924). С тех пор земляные валы считаются важнейшим элементом древней фортификации и основной приметой городищ – остатков укрепленных поселений и разнотипных крепостей. И за такими насыпями закрепилось условное наименование городских и крепостных валов.

Археологические исследования показали различия в их высоте и поперечном сечении, были изучены внутренние бревенчатые конструкции и дополнительные устройства: вымостки, креpidы, обкладки, обмазки и т.д. В силу этого в литературе сложилось двойственное представление о предназначении внутривальных сооружений. С одной стороны, их принимали за своеобразные каркасы,

препятствовавшие оплыванию насыпного грунта (Раппопорт, 1956. С. 107; Кучера, 1999. С. 70). С другой стороны, они могли служить своеобразным стилобатом для деревянных стен, выходявших из сердцевины насыпей и венчавших гребни валов (Довженок, 1950. С. 53).

Немаловажным оказалось и наблюдение о том, что на протяжении X–XIII вв. происходило увеличение защитной роли древо-земляных валов (Раппопорт, 1956. С. 152, 153). Это убеждало исследователей в их приоритетной значимости, что увеличивало вероятность их целенаправленной насыпки как самостоятельной защитной преграды (Раппопорт, 1956. С. 66, 72, 115; Кучера, 1986. С. 376, 379, 382, 383; 1999. С. 61).

В противовес этому часть исследователей не придавала валам самостоятельного защитного значения, а принимала их за развалы или осыпи разрушенных древо-земляных стен. Эта альтернативная гипотеза с разной уверенностью высказывалась относительно скифских и салтовских укреплений лесостепи (Моруженко, 1975. С. 138, 139; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 338; Афанасьев, 1987. С. 103, 104), роменских городищ летописных северян (Россинский, 1981. С. 105; Смиленко, Юренко,

1990. С. 264; Григорьев, 2000. С. 64, 65; Коваленко и др., 2004. С. 18, 19) и Изборского детинца середины X в. (Седов, 2002. С. 197). Руинами срубных стен воспринимались валы летописных городов Василева и Витичева, крепости Иван и посольского пограничного форпоста Сампсониев Остров (Рыбаков, 1965. С. 127, 129; Блажевич и др., 1984. С. 66; Моргунов, 2003. С. 51, 57–59).

Эта гипотеза опиралась на строительные и летописные аналогии, логические построения, а также поддерживалась инженерно-техническими соображениями (Борисевич, 1987. С. 181). Рассмотрим ее аргументацию.

В настоящее время площадки почти 60% городищ не превышают величины 0,5 га (Куза, 1985а. С. 40) и окружены валами высотой преимущественно 0,5–1,5 м со столь же неглубокими рвами (Моргунов, 1986. С. 113; 1990. С. 100–104). Даже с учетом их оплывания такие насыпи не могли служить самостоятельной и надежной защитой от атакующей пехоты. Применительно к эпохе огнестрельного оружия более существенной преградой считался ряд низких насыпных срубов-брустверов (Красовский, 1916. С. 93–95). Если же небольшие валы насыпались для формирования опоры стен, то рубка мощного каркаса и его плотная забутовка из-за ничтожного выигрыша в высоте размещения стен слишком трудоемки по сравнению с полученным оборонительным эффектом (Григорьев, 2000. С. 64).

Наименее целесообразна насыпка валов по краям высоких береговых склонов, поскольку последние являются более мощным аналогом внешних вальных откосов: такие валы встречаются повсеместно, следовательно, создание невысоких вальных склонов не являлось самоцелью. Впрочем, гипотеза об их защитной значимости имеет длительную предысторию.

По Б.А. Рыбакову, регулярно поливаемые водой глинистые склоны валов Звенигорода могли служить осажденным дополнительной защитой (1949. С. 131). П.А. Раппопорт напрямую связывал степень крутизны внешних вальных откосов с различной военной значимостью крепостей (1956. С. 107–109), и его мнение нашло отражение во многих обобщающих трудах по древнерусской фортификации (Куза, 1985б. С. 168, 169; Кучера, 1986. С. 379, 380; 1999. С. 70). А по Б.А. Тимошуку, намеренная присыпка откосов к “боевой” стороне вертикальных стен была существенной приметой региональной фортификационной школы (1982. С. 7, 9, 12, 40, 105 и т.д.).

Между тем представление о защитной значимости внешних вальных склонов в корне нелогично, поскольку близкие к вертикали стеновые сооружения обладают неизмеримо более высокими оборонительными качествами, чем преграды, снабженные диагональю земляной присыпки. Эта аксиома находит соответствие в летописных источниках, где неоднократно упоминались “приспы-приметы” – производное от выражения “приметать, присыпать” (Срезневский, 1895. С. 1430). По сути, это отвалы, присыпавшиеся нападающими к городским стенам для облегчения штурма: при осаде Владимира татары “внидоша по примету в город чрес стену” (ПСРЛ. Т. 1. С. 463, 517; см. также: ПСРЛ. Т. 2. С. 825; Поппэ, 1962. С. 62).

При осаде Корсуня в 988 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 109, 116) такая насыпь сооружалась из “персти” (праха, земли; Даль, 2000. С. 102), позже для них стали использовать дерево, плетни и даже солому; попутно ими засыпались и рвы. Подобное осадное устройство известно с римских времен: в руководстве Витрувия – это единственный применявшийся в фортификации земляной вал с внутренним бревенчатым каркасом (Марк Витрувий Поллион, 1936. С. 328).

Таковы наблюдения и умозаключения, внушающие сомнения в возможности целенаправленной насыпки древних валов. И все же эта любопытная гипотеза не оставила заметного следа в литературе, поскольку для оборонительного зодчества характерно стремление вознести укрепления на любое пригодное для этого возвышение. Известны и примеры намеренного возведения валов: к их числу относится конструктивно сложный вал киевского “города Ярослава” (Висоцкий, 1979. С. 34).

В этой связи возникает вопрос о том, как же оценивалась защитная роль древо-земляных валов в X–XIII вв.: не исключено, что это поможет точнее определить и соотношение валов со стенами в составе крепостного оборонительного комплекса. Поэтому имеет смысл вновь обратиться к летописным источникам, которые давно служат ключом для решения множества проблем военной истории (Раппопорт, 1956. С. 114, 116, 118, 119). До сих пор они привлекались к анализу схожей проблематики выборочно: считалось, что пунктирная информация летописей не сравнима со специальной литературой по фортификации, а терминология источников неоднозначна и далека от четко устоявшихся поздних образцов.

Действительно, под 980 г. лагерь войск Владимира Святославича описан неточно: “Володимер обрывся на Дорогожичи, межи Дорогожичем и Капичем, и есть ров и до сего дне” (ПСРЛ. Т. 1. С. 76).

Здесь употреблен глагол “обрыться” и отглагольное существительное “ров” (от “обров”¹?), поэтому неясно, шла ли в тексте речь об углубленном рве, насыпном вале или об их сочетании. Последнее толкование ближе к археологической оценке руин крепостных преград. Но поскольку известие было записано со слов очевидца, термином “ров” (в значении “рыть”: Фасмер, 1971. С. 487, 488), летописец мог обозначить и остатки более заметного на местности вала.

Непривычное для нас именование руин древних укреплений применялось и позже. Если сейчас “окопом” именуется траншея с земляным бруствером, то в актовых документах начала XVII в. можно встретить уточнение о размещении “селища Полу-князевского и кгрунта Полукняжеского в окопе албо в вале Полукнязском” (Стороженко, 1900. С. 25).

Чаще летописные сюжеты (с учетом текстовых вариантов) все же позволяют определить тип укреплений. Поэтому, опираясь на самые ранние и лучше изученные своды, методически важно привлечь эти сведения во всей их полноте. Ниже она обеспечивалась учетом материалов известного справочника А. Поппэ (1962), а для анализа использовались Повесть временных лет (далее: ПВЛ), Суздальская летопись по Академическому списку (ЛЛ), Ипатьевская (ИЛ) и Новгородская первая летописи (НПЛ); в отдельных случаях они дополнялись сведениями других источников.

Терминологические словари значение слова “вал” раскрывают через глагольную форму от действия “валить” (“навалить”) грунт для создания возвышения. Этимологическая основа “вала” имеет общеславянский характер: его корневое ядро и производные от него встречаются практически во всех юго-, западно- и восточнославянских языках. Считается, что термин был заимствован славянами из средневерхненемецкого “wal”; его аналогией является древнесаксонское “wal” и англосаксонское “weal”. В свою очередь этот лингвистический массив восходит к латинскому “vallum” – “защита, изгородь, частокол или насыпь с частоколом” и собирательному понятию “vallus” – “свая, столб, кол”. Но в более современной общеславянской и немецкой (“wall”) лексике термин обратился в “земляную насыпь”, в то время как в английском языке “wall” сохранил его более древнее значение – “стена” (Бурдон, Михельсон, 1917. С. 106; Словарь русского языка..., 1891. С. 333; Срезневский, 1893.

С. 225; Преображенский, 1959. С. 63; Дворецкий, Корольков, 1949. С. 910; Этимологический словарь..., 1968. С. 8; Черных, 1994. С. 132).

Связанные с этим понятием этимологические различия восходят к глубокой древности. Уже в VIII в. Беда Достопочтенный вносил ясность в терминологические тонкости, связанные с позабытым к тому времени именованием типов древней фортификации. Он уточнял, что Септимий Север в начале III в. отделил в Британии непокоренные земли “не стеной, как считают некоторые, а валом. Ибо стена строится из камня, вал же, которым укрепляется лагерь для отражения вражеской силы, делается из кусков дерна; из этих кусков, вырезанных из земли, возводится нечто вроде стены высоко над землей так, что впереди находится ров, из которого вынули дерн, а выше втыкаются колья из самого крепкого дерева” (Беда Достопочтенный, 1970. С. 211).

Видимо, изначально смысловая нагрузка “вала” и “стен” была более близкой. Ныне “вал” стал толковаться как “земляная насыпь грядой или гребнем, для укрепления и защиты места от неприятеля” (Даль, 2000. С. 162); как “насыпь, служащая укреплением” (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1975. С. 12); как “вал крепостной, оборонительное сооружение” (Кочин, 1937. С. 40); как “любая насыпь, гряда значительной длины” (Фасмер, 1964. С. 268).

Другим способом летописного именовании земляных валов являются термины “соп” или “приспа”. Как в примере “вал-наваливать”, они являются производными от глагола “сыпать=присыпать” (Кочин, 1937. С. 281, 334; Фасмер, 1971. С. 336, 717; Словарь русского языка XI–XVII вв., 1983. С. 260).

Порой аналогом “вала” служил термин “гребля (гробля)”, но его истолкование требует осторожности. В одних случаях это насыпи-“гребни” (Поппэ, 1962. С. 12; Словарь русского языка XI–XVII вв., 1977. С. 127): только валы могли быть “высокими” (ПСРЛ. Т. 2. С. 756) или “малыми” (ПСРЛ. Т. 1. С. 249; ПСРЛ. Т. 2. С. 825). В других сюжетах гребли подробно описаны как крепостные рвы с мостами (под 977 г.: ПСРЛ. Т. 1. С. 74, 75; под 1215 г.: Новгородская первая летопись..., 2000. С. 54, 253; Раппопорт, 1956. С. 114, 115; в современных славянских языках под греблей принято понимать насыпь или земляную плотину).

Интересующие нас летописные сведения неодинаковы по заложенной в сюжеты смысловой нагрузке, поэтому их можно условно разделить по понятийному признаку. В количественно преобладающую первую группу вошло 20 сюжетов, контекстно раскрывающих понимание валов как хо-

¹Как “обров” охарактеризован и промежуточный полевой лагерь в “Поучении” Владимира Мономаха: “и паки идохом Переяславлю, и стахом во оброве” (ПСРЛ. Т. 1. С. 248; Добродомов, Кучкин, 1979. С. 157; Словарь русского языка XI–XVII вв. 1987. С. 155).

рошо знакомых современникам топографических ориентиров.

Валы окрестностей Переяславля упоминались в двух сюжетах: один связан с половецким посольством 1095 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 227; Т. 2. С. 217, 218), другой посвящен борьбе за город Юрия Долгорукого (ПСРЛ. Т. 1. С. 322; Т. 2. С. 379, 381). Ни в одном случае вал не использовался в качестве оплота: в 1095 г. половцы разместились “межи валом” и позже туда отправилась княжеская гвардия для изъятия заложника и уничтожения кочевников. В 1149 г. войска делали остановку “межи валом” или устремлялись, “прошедше вал”, но полевой бой всегда происходил в ином месте. В обоих сюжетах упоминались городищенские валы скифского укрепления, возникшего в VI в до н.э. (Шрамко, 1967. С. 200, 201): они охватывали десятки километров и не могли служить защитой для половецкого отряда².

Ориентирами служили и древние “змиевые валы” округи летописного Треполя. В 1093 г. русские князья “минувше Треполь, проидоша вал. И се половци идяху противу, и стрелци пред ними. Нашим же, ставшим межи валом, поставиша стяги свои и поидоша стрелци из валу. И половци, пришедше к валови, поставиша стяги свои, и налегша первие на Святополка и взломиша полк его” (ПСРЛ. Т. 1. С. 220; Т. 2. С. 211). А в 1151 г. противники Юрия Долгорукого “исполчивше полкы своя, поидоша мимо Василев через Стугну и, пришедше к валови и не проходяче валу, ту и сташа полкы своими на ночь”. Но на битву князья вновь вывели войска за пределы валов: они “проидоша вал на чистое поле и поидоша битися, где же стояше Дюргии” (ПСРЛ. Т. 2. С. 434, 435).

Приведем ряд примеров аналогичного отношения к валам: в 1146 г. “приде Изяслав ко валови, идеже есть Надово озеро оу Шелвова борка, и ту ста полкы подле вал с сыном своим Мьстиславом” (ПСРЛ. Т. 2. С. 325). Под 1151 г. вал оказался в числе ориентиров на пути следования войск: “иде черес бор к Верневу, и отоле иде за вал и ста оу Бъзьянице” (ПСРЛ. Т. 2. С. 433). Мимо урочища, “идеже зовется вал половецкий”, проходили войска и в 1223 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 446, 504). Не связывались с нуждами обороны и валы в сюжете 1146 г.: “и поидоша Новгорододоу, и пришедше сташа оу переспы, и оттоуда идоша стрелци из товарь к городоу” (ПСРЛ. Т. 2. С. 331).

Порой сущность объекта определяется лишь с учетом топографии: согласно сюжету 1149 г., пехота бежала к городу по гребле (ПСРЛ. Т. 1. С. 324; Т. 2. С. 390). А, поскольку летописный Луцк размещался на надпойменной низине р. Стырь (Аулих, 1990. С. 122), она была преодолима только по насыпи. И лишь в отдельных примерах можно допустить, что валы использовались как естественные возвышения: в 1169 г. “Мьстислав же пришед ста по горе от бору, а пешци постави по валови” (ПСРЛ. Т. 2. С. 534).

Таким образом, при описании трассы передвижения войск или театра военных действий “ориентирные” упоминания валов использовались для уточнения местонахождения событий. Порой восприятие насыпей сходно с оценкой естественных складок местности, способных послужить временными преградами или для укрытия части сил, для безопасности ночлега, но для современников эта возможность не была определяющей.

В новгородском летописании шесть “ориентирных” упоминаний насыпей-гребель даны на фоне мирного течения событий. Так, в статье 1158 г. уточнялось, что после мора “нелзе бяше дойти до торгу сквозе город, ни по гребле, ни на поле выйти” (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 30, 217). А под 1181 г. указано, что в пожаре сгорели “дворове мнози по гребли [даж] и до Ручья” (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 226, 227). Несколько более поздний “Летописец новгородский церквам божиим” (1879) содержит пространные варианты сведений, известных по кратким сообщениям НПЛ. Это позволяет ввести во вторую группу еще четыре “ориентирные” записи о земляных валах.

Вторая группа объединила пять упоминаний, где валы прямо или косвенно связывались с крепостным оборонительным комплексом.

Согласно сюжету “Поучения Мономаха” об осаде Чернигова в 1094 г., Владимир Всеволодович отбивался от нападавших “о малу греблю, и не владуче им (войти. – Ю.М.) в острог” (ПСРЛ. Т. 1. С. 249). В 1114 г. произошла закладка Ладожской крепости “камениемъ на приспъ” (ПСРЛ. Т. 2. С. 277). Это подтверждается археологически: каменные стены действительно были построены поверх руин (осыпи) предшествующих укреплений, восходящих к концу IX – началу X в. (Кирпичников, 1984. С. 34).

В процессе осады Козельска в 1238 г. “татарове ж бьющесь, град прияти хотяще, разбившим стены града и възыдоша на вал. Козляне ж ножи резахуся с ними” (ПСРЛ. Т. 1. С. 522; ПСРЛ. Т. 2. С. 781). Это пример неоднозначной идентификации происхождения вала: не исключено, что татары взбирались

² Сюжет 1095 г. не вполне удачно приведен в “Словаре русского языка XI–XVII вв.” (1975. С. 12) как пример использования валов в качестве укреплений.

на осыпь разрушенных “пороками” стен. С другой стороны, камнеметные механизмы могли настолько сильно разрушить стены, что обнажилось их валообразное основание, подобное ладожской “приспе”.

Гребли-валы неоднократно упоминались и в ином контексте. В 1172 г., после захвата коалицией князей Михайлова, они: “город пожгоша и гроблю роскопаша” (ПСРЛ. Т. 2. С. 550). Близкая ситуация описана под 1241 г.: “грады их огневи предасть, и гребли их раскопа” (ПСРЛ. Т. 2. С. 792). В средневековье снос остатков крепостей являлся общепринятым символом завершения войны: “и нача раскопывати городъ, назнаменуя образъ побѣды” (ПСРЛ. Т. 2. С. 850; Словарь русского языка XI–XVII вв., 1997. С. 14).

Встречается и не вполне привычное толкование термина “вал”: в рассказе об осаде в 1219 г. города камских болгар Ошела³ это грунтовая засыпка промежутка между двумя параллельными панцирями: “за ним дво оплота, а межи ними вал сыпан”. Аналогично понят этот термин арабским автором X в. ибн Йа'кубом. Он писал, что выбрав удобное место, славяне “выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши его досками и сваями наподобие битой земли, покуда стена не дойдет до желанной высоты” (Розен, 1878. С. 48). Насколько можно доверять переводу, насыпной “вал-грунт” заключался в жесткий каркас для возведения древо-земляной стены. Вероятно, такое укрепление было привычным для иноземного восприятия: арабы не знали защитных свойств валов-насыпей, поэтому огораживали крепости стенами из камня или кирпича.

В русских источниках схожая интерпретация “вала” встречается и позднее: в Рогожском летописце под 1361 г. за рубкой каркаса следовало перемещение в него грунта-вала: “и на Великом Новеграде около города копали ров да, вал рубя, насыпали”; о его “засыпке” в тверские стены упомянуто под 1373 г. (1922. С. 72; Т. 11. С. 19). Впоследствии в подобных оборотах менее понятный “вал” заменялся на новый термин: “того же лета у града Тфери около валу рубиша кожух и землею насыпаша” (под 1387 г.: ПСРЛ. Т. 11. С. 93). Этот процесс зафиксирован в миниатюре Лицевого летописного свода (Арциховский, 1944. С. 72). В более поздних источниках эта техника постройки стен из насыпных городней описывалась неоднократно (Поссевино, 1983. С. 44;

Раппопорт, 1956. С. 123). В археологии подобные конструкции известны как “внутривалы”.

Единственное известие о намеренном возведении крепостных валов встречено в родословце “А се князи русьстии”, где указано, что Владимир Мономах “поставил град Володимерь Залешьский в Суждальской земле и осыпа его спом” (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 467). Этот сюжет под 990 и 988 гг. продублирован Воскресенской (1856. С. 313) и летописью Авраамки (1889. С. 39), где приоритет закладки города отдан Владимиру Святославичу, который не посещал этой части Руси. Хотя в ЛЛ город впервые упомянут под 1154 г. (1962. С. 346), его древнейшие культурные напластования сложились в XI в. (Куза, 1985в. С. 60), поэтому создавал город скорее Мономах. Источниковедчески родословец изучен недостаточно: еще Н.Н. Воронин отмечал содержащиеся в нем фактические неточности и многочисленные примеры путаницы (1961. С. 42). Таким образом, информация о насыпке владимирского вала полного доверия не заслуживает.

Начиная с XII в. в источниках появляются примеры альтернативной трактовки сущности земляных валов. Современник, немецкий миссионер Гельмольд, упоминал “вал разрушенного города” в рассказе о событиях 1130–1140-х годов (1963. С. 138). Из Тверской летописи под 1224 г. известно о городе, который был “обрыт под Гремячим колодезем на реце Где, иже и ныне тот *con stouit nyst*” (1863. С. 338). Позже сходные толкования стали более конкретными: в 1678 г. русский дипломат Н.Г. Спафарий записал, что “в левой стороне осыпь земляная вместо городка” (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1987. С. 173), а чешский путешественник Б. Таннер обрисовал валы как “большие следы разрушенных стен” (1891. С. 67). Это почти археологическая трактовка земляных валов как осыпей, руин крепостных стен.

Итоги анализа летописного использования “вальной” терминологии таковы: в подавляющем большинстве защитная роль земляных валов современниками не оценивалась, их принимали за топографические ориентиры. Столь же неопределенно отношение к ним в сюжетах, связанных с татарскими осадами и символическим срытием городских укреплений. Симптоматично и отсутствие устоявшейся терминологии, служившей для оценки их внешнего облика. По отношению же к “греблям-гроблям” допускалась семантическая неточность, приводящая к терминологической путанице.

Единственное свидетельство намеренной насыпки вала во Владимире вызывает сомнение, но в других примерах валы – это руины (осыпи) городских стен, таким же образом именовался грунт, необхо-

³ Об осаде кратко упомянуто в ЛЛ под 1219 г. (1962. С. 445), а полная версия рассказа сохранилась в статьях 1219 и 1220 гг. Воскресенской, Никоновской и Тверской летописей (1856. С. 174; 1965. С. 83; 1863. С. 330).

димый для забутовки стеновых городней. Эти валлообразные руины, подобно ладожским, могли использоваться в качестве фундаментов новых стен. Поэтому на 30 приведенных летописных выдержек приходится единственный (мемуарный) пример экстремального использования вала в оборонительных целях, когда Владимир Мономах отбивался от нападающих, опираясь “о малу греблю”.

Продолжая поиски действительно существовавших защитных преград, на другую сторону символических “весов” древних фортификационных воззрений отложим 36 летописных упоминаний о городских и крепостных стенах, также неодинаковых по их смысловой и понятийной нагрузке.

Среди них наиболее однозначны семь прямых упоминаний *городских стен*: в ИЛ стены “забральные” известны с 955 г. (2001. С. 50), а “стена градская” впервые упомянута в ПВЛ под 988 г. (1962. С. 109). О киевских стенах начала XI в. известно из саги об Эймунде (1978. С. 95), но наиболее часто они упоминались в описаниях обороны русских городов от татаро-монгольских войск. Так, при защите Киева в 1240 г. “возиидоша горожаны на избыть стены” и продолжили сопротивление. Позже Батый подошел к Колодяжину, но “не може разбити стены” (ПСРЛ. Т. 2. С. 786). На то, что стены являлись основным препятствием захвата города, указывает и вышеприведенный сюжет об осаде Козельска (ПСРЛ. Т. 1. С. 522). Косвенно это подтверждается и описанием штурма Владимира, где татары “внидоша по примету в город чрес стену” (ПСРЛ. Т. 1. С. 517).

Вторая группа, включающая 19 летописных известий, знакомит с приемами штурма и конструктивными особенностями укреплений. Отсюда известно, что трудности разрушения стен порой заставляли татар “лѣствици приставливати к городоу, и тако полѣзоша на городъ” (ПСРЛ. Т. 2. С. 852). В четырех случаях упоминались упрощавшие штурм приметы. Собственно крепостные стены состояли из взаимосвязанных срубов-городниц: “Римовичи же...возлѣзьше на заборолѣ, и тако Божиим соудомъ летѣста двѣ городници с людми” (ПСРЛ. Т. 2. С. 647, 648).

Множество сведений связано с заборолами. Термин “забрало” в древнерусском языке обозначал защиту, а “забральник” – защитника (Срезневский, 1893. С. 896, 897; Кочин, 1937. С. 117; Раппопорт, 1956. С. 124, 125; Поппэ, 1962. С. 20, 21). А заборолами именуется протянувшаяся поверх стен площадка, предназначенная для средоточия защитников крепости, их передвижения и несения караульно-дозорной службы (ПСРЛ. Т. 2. С. 878; Слово..., 1950. С. 27). Поэтому противник торопился сбить их “с

города” (ПСРЛ. Т. 2. С. 852). Их лицевые фасы обрамлялись бревенчатыми или дощатыми стенками: в одних случаях это невысокие парапеты и ливень стрел порой не позволял защитникам “выникнути из заборол” (ПСРЛ. Т. 2. С. 852). В более высоких брустверах проделывали бойницы: князь Мстислав “внезапу оударень бысть подъ пазуху стрѣлою на заборолѣхъ сквозѣ дску скважнею” (ПСРЛ. Т. 1. С. 272). Вероятно, такие оплоты продолжали вертикальную ось лицевого фаса стен и не выступали за их пределы.

В ИЛ под 1281 г. упомянута их усложненная конструкция: “стрѣлы ратьныхъ не дадяхоуть ни выникноути изъ заборол, и начаша *побадыватися копы*, и мнози язвени быша на городѣ ово от копии, ово от стрѣл” (2001. С. 886). Очевидно, защитников поражали копьями сквозь нижние бойницы (или промежутки между бревнами) настила, консольно вынесенного за внешние пределы стены. Подобный тип заборол использовался в XVI–XVII вв. и именовался “обламами” (Красовский, 1916. С. 101).

Порой сюжеты позволяют оценить высоту стен. Судя по летописным известиям 1097 и 1159 гг., через невысокие заборола горожане и смерды перескакивали наружу для продолжения битвы в полевых условиях или с целью побега из города (ПСРЛ. Т. 1. С. 272; Т. 2. С. 247; ПСРЛ. Т. 2. С. 497). В иных случаях (статья 1281 г. ИЛ) высота площадки заборол может быть сопоставлена с длиной копий нападавших.

Кроме стрел и копий, со стен на противника обрушивали заранее приготовленные орудия “невоенного” назначения. В трех случаях это были камни: “идоушоу же камению со забралъ, яко дѣждю силноу” (под 1229 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 755; под 1251: с. 819; под 1281: с. 886). В никоновской статье 1159 г. перечень подручных ударных средств более широк. Осажденные в Киеве дружинники говорили своему князю: “Можем бо брань творити с ними из града; все бо у нас оружие есть: и камень, и древа, и колья, и вар” (Патриаршая или..., 1965. С. 218).

Термин “город” в источниках нередко служил синонимом городских стен, чем, по сути, он и являлся в изначальном общем смысле (Раппопорт, 1956. С.116; Виноградова, 1965. С. 176, 177). Соответственно, и процесс строительства городов обобщенно передавался через устойчивые обороты “срубить город” или “(по)ставить город” (но никак не “насыпать”). Таких примеров множество (ПСРЛ. Т. 1. С. 229, 280, 291, 409, 412, и т.д.).

Но в *третьей группе* оставим лишь восемь примеров, где “город” является однозначным синонимом крепостных стен. Часть таких известий упо-

миналась выше в сюжетах о применении татарами осадных лестниц и практике сбивания “с города” заборол. Далее, при перенесении в Вышгород мощей Бориса и Глеба в 1115 г. жители “покрыли бяху град и забрала” (ПСРЛ. Т. 2. С. 281). В 1240 г., когда были разрушены внешние стены Киева, “граждане же создаша паки друугии град около святой Богородицы” (ПСРЛ. Т. 2. С. 785). А в Возвьягле в 1258 г. “граждане же видивши ратных мало со князем, смеяхоуся стояще на граде” (ПСРЛ. Т. 2. С. 839). Сюда относятся и татарские ограды: “придоша к Соудомирю и обстоупиша и со все стороне, и огородиша и около своим городом, и порок поставиша” (ПСРЛ. Т. 2. С. 852). Встречаются и переносные осмысления стен: на Калке князья возводили “город около себе в кольях” (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 63, 266). Еще более символичен этот термин в статье 1149 г.: “сташа новгородци на острове, а они противу ставше, начаша город чинити в лодьях” (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 28, 215).

В источниках имеются и упоминания о стенах небольших или временных укреплений, но сведения о них не полны и часто противоречивы.

Поэтому обзор завершается двумя примерами *четвертой группы*, показывающими, что образ стен вошел в летописание как символ мощи, прочности, доминирования. Сюда относится образец риторической метафоры, подчеркнувшей прочность кочевнического заслона, блокировавшего войска Игоря Святославича: “яко стѣнами силами огорожени бяхоу полкы половѣцскими” (ПСРЛ. Т. 2. С. 644). А под 1169 г. образная символика использована в ином контексте: “Берендееве же яша князя за повод и не даша им ехати, рекуще: не ездите вы наперед, – вы есте наш город, а мы поидем наперед” (ПСРЛ. Т. 1. С. 360). Здесь в переносный смысл афористичного оборота вложено представление о тактическом комплексе боевых сил приграничья: легкая федеративная конница всегда служила авангардом менее подвижных, но прочнее сопротивлявшихся нападению русских дружин.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что уже в домонгольский период истолкование термина “вал” сильно удалилось от его латинских и английских корней, где он соответствовал стене, защитной изгороди и насыпи с частоколом (древнейшие бревенчатые стены формировались двумя частокольными рядами с внутренней грунтовой забутовкой). От этого перечня былых интерпретаций к X–XIII вв. в подавляющем большинстве сохранилось обезличенное представление о земляных насыпях, и в меньшей степени с валами связывались осыпи разрушенных стен или их внутренняя забутовка. Не

исключено, что в этом заключается реальный путь контаминации термина “вал-стена” в “вал-насыпь” как осознания вала в качестве руин вертикальной стены. Возможно, именно такое смешение фортификационных понятий и пытался объяснить Беда Достопочтенный.

Летописная информация о защитных стенах неизмеримо более подробна и детализирована, нежели сведения о земляных валах. Применявшаяся в источниках развитая конструктивно-техническая лексика, обозначавшая вертикальные преграды и их элементы, убедительно показывает приоритетную значимость и жизненно важный интерес современников к защитным функциям стен, чего не наблюдается по отношению к валам.

Между тем, даже небольшой подъем новых укреплений над окружающей местностью значительно увеличивал их защитные качества. Видимо, этим объясняется стремление к использованию старых осыпей в качестве фундаментов при обновлении крепостных преград, как это было сделано в Ладоге в 1114 г. Очевидно, в основе такого симбиоза валов и стен лежит хронологический принцип: первоначальные укрепления возводились на горизонтальной поверхности, а после их разрушения руины становились стилобатом возобновленных укреплений. На существование многочисленных ремонтов, реконструкций и надстроек стен указывают археологические материалы: в недрах городищенских валов содержатся наслоения бревенчатых каркасов, каждый из которых сопровождается разновременным инвентарем.

Помимо этого, со временем могла появиться и фортификационная традиция намеренного возведения валов: вероятно, по этой причине был сооружен киевский вал “города Ярослава”. Поэтому нет ничего странного в том, что в позднем княжеском родословце появились ретроспективные сведения о намеренной насыпке вала вокруг Владимира Залесского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Аулик В.В.* Луцк // Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья. Киев, 1990.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной полосы бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
- Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. М., 1970.

- Блажевич Н.В., Горишний П.А., Кучера М.П., Орлов Р.С.* Междуречье Тетерева – Роси // Древнерусские поселения Среднего Поднепровья / Сост. М.П. Кучера, О.В. Сухобовов, С.А. Беляева и др. Киев, 1984.
- Борисевич Г.В.* Сооружения городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.
- Бурдон И.Ф., Михельсон А.А.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней. Изд. 12-е. М.; Пг., 1917.
- Виноградова В.Л.* Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”. Вып. 1. М.; Л., 1965.
- Висоцький С.О.* Вал Ярослава Мудрого в Києві // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ, 1979.
- Марк Витрувий Поллион.* Об архитектуре. М., 1936.
- Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М., 1961.
- Воскресенская летопись // ПСРЛ. 1856. Т. 7.
- Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963.
- Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
- Дворецкий И.Х., Корольков Д.Н.* Латинско-русский словарь. М., 1949.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 2000.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 2000.
- Добродомов И.Г., Кучкин В.А.* Этимология и старые географические объекты // ВГ. Сб. 110 (Топонимика на службе географии). М., 1979.
- Довженко В.Й.* Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 2001. Т. 2.
- Киртичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
- Коваленко В.П., Моця О.П., Ситий Ю.М.* Дослідження в Шестовиці в 2001–2002 рр. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ, 2004.
- Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937.
- Красовский М.* Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Пг., 1916.
- Куза А.В.* Укрепленные поселения // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985а (Археология СССР).
- Куза А.В.* Фортификация // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985б (Археология СССР).
- Куза А.В.* Древнерусские города // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985в (Археология СССР).
- Кучера М.П.* Городища // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1986.
- Кучера М.П.* Слов’яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. Київ, 1999.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
- Летописец новгородский церквам божим // Новгородские летописи. СПб., 1879.
- Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. 1889. Т. 16.
- Моргунов Ю.Ю.* Круглые городища Левобережья Днепра // СА. 1986. № 2.
- Моргунов Ю.Ю.* Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине. К 100-летию Полтавского краеведческого музея. Полтава, 1990.
- Моргунов Ю.Ю.* Сампсониев Остров: пограничная крепость на посольской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М., 2003.
- Моруженко А.А.* Оборонительные сооружения городищ Поворскля в скифскую эпоху // Скифский мир. Киев, 1975.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. 2000. Т. 3.
- Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1965. Т. 9, 10.
- Повесть временных лет // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
- Поппэ А.* Материалы для терминологического словаря древнерусского строительного дела X–XV вв. Вроцлав, 1962.
- Поссевино.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
- Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1959.
- Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. 1956. № 52.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. 1922. Т. 15. Вып. 1.
- Розен В.* Известия Ал-Бекри о славянах и их соседях // Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Т. 1. СПб., 1878.
- Россинский С.С.* Об оборонительных сооружениях на городищах днепровского Левобережья (VIII–X вв.) // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981.
- Рыбаков Б.А.* Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // Материалы и исследования по археологии Москвы. М.; Л., 1949 (МИА; № 12).
- Рыбаков Б.А.* Владимировы крепости на Стугне // КСИА. 1965. Вып. 100.
- Сага об Эймунде // Рыздзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.

- Седов В.В.* Некоторые результаты археологического изучения Изборска // Археологические статьи и материалы: Сб. участников ВОВ. М., 2002.
- Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1891.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997.
- Слово о полку Игореве. Т. 1. М.; Л., 1950.
- Смиленко А.Т., Юренко С.П.* Территория распространения, категории памятников, топография, планировка // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895.
- Стороженко А.В.* Очерки Переяславской старины. Киев, 1900.
- Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
- Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891.
- Тверская летопись // ПСРЛ. 1863. Т. 15.
- Тимоцук Б.О.* Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ, 1982.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971.
- Фриде М.А.* Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам // ИРАИМК. 1924. Т. 3.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1994.
- Шрамко Б.А.* Исследование лесостепной полосы СССР // АО–1966. 1967.
- Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский. Т. 1. Вып. 3. М., 1968.

ОПИСАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ НЕКРОПОЛЕЙ В РУКОПИСЯХ XVI–XVII вв.

© 2011 г. А.В. Сиренов

Санкт-Петербургский государственный университет
(sirenov@rambler.ru)

Ключевые слова: *источниковедение, некрополистика, археография, история Древней Руси, история Владимиро-Суздальской земли, история древнерусской культуры, эпоха Ивана Грозного, княжеский некрополь.*

The article is devoted to the description of necropoleis of the 11th–14th cc. in the Russian tradition in the 16th–17th cc. There are over ten descriptions of Old Russian necropoleis (in Moscow, Novgorod, Vladimir, Ryazan, Pskov, Nizhny Novgorod, Tver) in manuscripts of the 17th–18th cc. However, the author is of the opinion that the tradition began in the middle of the 16th c. The author connects it with the foreign policy of Ivan the Terrible.

Формирование великокняжеского некрополя – важная черта идеологии Московского царства. После строительства в 1508 г. нового здания Архангельского собора сложился комплекс княжеских погребений, ставший официальной усыпальницей представителей царствующего дома вплоть до петровских времен. При этом имело место весьма важное для нашей темы расположение гробниц по иерархическому принципу¹. Наряду с московским некрополем княжеские погребения древнерусского времени сохранились и в некоторых других городах: Новгороде, Владимире, Твери, Пскове, Нижнем Новгороде, Ярославле, Переславле-Залесском, Юрьеве-Польском, Кидекше под Суздалем (Сиренов, 2006. С. 399–414). Известно, что в XVII в. отношение к древним княжеским погребениям было подчеркнуто почтительным. В 1640 г. по указу царя Михаила Федоровича были изготовлены покровы на гробницы матери и брата Александра Невского в Георгиевский монастырь г. Владимира (Миловский, 1904. С. 157–160). В 1669 г. на помин души царицы Марии Ильиничны Милославской (ум. 3 марта 1669 г.) указом царя Алексея Михайловича были изготовлены покровы на древние гробницы тверского Спасо-Преображенского собора (Топычанов, 2003. С. 349–363). В 1677 г. местные власти освидетельствовали княжеские погребения в с. Кидекше под Суздалем. Об этом рассказывает в своем “Собрании о богоспасаемом граде Суздале”

суздальский историк XVIII в. Анания Федоров². Каменную гробницу осматривали суздальский воевода с представителями духовенства. Осмотр был подробно описан воеводой в письме к суздальскому архиепископу Стефану: “...на гробнице проламано, и я дерзнул со свещею в гробницу посмотреть, и в той гробнице лежат мощи, кости целы, а на мощах одежды с аршин, белою тафтою покрыто, а поверх лежит неведомо какая одежда, шитая золотом будто по банбереку, на ней же вышит золотом орел пластаной одноглавной, а от того, государь, орла пошло надвое шито золотом и серебром узорами... А по сказке тоя церкви... та де гробница проламана от разорения в древних годах... без свидетельства святыми отцами таким мощам быть нельзя” (Анания Федоров, 1855. С. 91). Причина такого внимания к княжескому погребению становится понятной из челобитной архиепископа царю: “... пожалуй меня, богомольца твоего, вели, государь, в Суждальском уезде пустой Кидекоцкий монастырь с вотчинами отдать в Суждальскую архиепископию и построить общежительство игумена, чтоб Ваше государское богомолитие в пустоте и в нестроении не было, и гробы благоверных великих князей в забвении без украшения и памяти их без воспоминания не были” (Анания Федоров, 1855. С. 94). Очевидно, что архиепископ хотел завладеть Борисоглебским монастырем, а древнее погребение его интересовало только как оправдание своих притязаний. Характерно, что невнимание и небрежение к древним княжеским погребениям суздальский епископ рассматривал в

¹ См. соответствующие статьи Никоновской летописи и Лицевого летописного свода (Летописный сборник, 1904. С. 6, 7; Беляев, Папин, 2008. С. 11).

² Источники сочинения Анании Федорова до настоящего времени остаются неизученными (Огурцов, 1996. С. 98–115).

качестве самого весомого аргумента при решении вопроса о включении Кидекоцкого монастыря в состав Суздальской епархии.

В рукописных сборниках XVII–XVIII вв. дошли до нас описания древних гробниц московского Архангельского собора, Новгорода, Владимира, Твери, Пскова, Нижнего Новгорода и Рязани. В них подробно и обстоятельно описывается расположение гробниц княжеского и епископского некрополя этих городов. В.Л. Янин, впервые обратившийся к описям древних гробниц как к источнику по истории древнерусского некрополя, предположил, что начало традиции описей следует относить к первой половине XVII в. и связывать с инициативой патриарха Филарета. На это предположение исследователя натолкнула датировка обеих привлеченных им к исследованию описей новгородских гробниц этим временем. К тому же вторая из описей была составлена лицами, близкими к Филарету, – бывшим протопопом московского Успенского собора Максимом по поручению царицы Евдокии Лукьяновны (Янин, 1988. С. 217).

Обратившись к материалу владимирских описей, можно отодвинуть начало традиции составления описей по крайней мере к середине XVI в. Владимирские описи, пожалуй, наиболее многочисленны. Княжеский и епископский некрополь Владимира описывался наиболее часто. Это неудивительно – по своим размерам он превосходит все другие некрополи, кроме московского. Княжеские захоронения во Владимире располагаются в четырех храмах. Гробницы князей и епископов находятся в кафедральном Успенском соборе, гробницы княгинь – в женском Княгинином монастыре. В мужском Рождественском монастыре кроме погребения Александра Невского числились и другие гробницы. Два погребения, якобы принадлежащие матери и брату Александра Невского, находятся в Георгиевской церкви (в XVI–XVIII вв. – монастырской). Архим. Леонид (Кавелин) опубликовал опись владимирских гробниц по рукописи Троице-Сергиева монастыря середины XVII в., принадлежавшей (до 1663 г.) известному троицкому книжнику Симону Азарьину (1885. С. 106–110; ныне: РГБ. Ф. 304 (Собр. Троице-Сергиева монастыря). Ед. хр. 810). А.А. Шилов в архивохранилищах Петербурга обнаружил несколько владимирских описей, которые в рукописях содержатся в комплексе с краткими выписками из Воскресенской летописи о владимирской истории XII–XIII в. и перечнем панихид владимирским князьям и епископам. Шилов издал весь этот комплекс, назвав его Летописцем владимирского Успенского собора (1910. С. 25, 35–68). Исследователь обратил внимание на то, что издан-

ные им описи гробниц отражают разные этапы в формировании владимирского княжеского некрополя. Так, одна опись числит гробницу князя Георгия Всеволодовича в Георгиевском приделе Успенского собора, а другая уже описывает мощи князя в позолоченной раке в центре храма. Перенесение мощей Георгия Всеволодовича состоялось 22 января 1645 г., следовательно одна опись отражает состояние некрополя до этой даты, а другая – после. Нам удалось обнаружить еще несколько описей владимирских гробниц, в том числе две описи, составленные явно ранее обнаруженных архим. Леонидом и А.А. Шиловым. Опись РНБ. Собр. ОЛДП. О–5, находящаяся в сборнике 40-х годов XVII в., во владимирском Рождественском монастыре кроме гробницы Александра Невского, фиксируемой всеми описями без исключения, описывает “в стене 3 гробницы, а памятухов им нет и писма, хто в них опочивает” (л. 194об.). Известно, что в 1930 г., когда уничтожали монастырский Рождественский собор, при разборке фундаментов на глубине 3 м были обнаружены четыре каменные саркофага с останками (Тимофеева, Маркова, 2009. С. 36). Вероятно, три из них и описаны в описи ОЛДП. О–5. Поскольку гробницы были анонимными, а по письменным источникам их атрибутировать затруднительно, можно думать, что они были закопаны в землю и вновь появились лишь при разрушении собора в советское время. Опись ОЛДП. О–5 не упоминает о гробнице жены Александра Невского Александры в Успенском соборе Княгинина монастыря. Троицкая опись, опубликованная архим. Леонидом, сообщает об этой гробнице следующее: “в другом каменном же гробе подле ее лежат мощи неведомо чьи” (л. 5). К тому же Троицкая опись не называет среди погребенных в Княгинином монастыре имени Анны, второй жены Всеволода III. Большинство описей числит ее в одном гробу с останками первой жены князя Всеволода Юрьевича – княгини Марии Шварновны. В Троицкой описи читаем: “да с нею же, великою княгинею Марьею, лежат другие мощи невелики, великой княгини Марии по плече” (л. 5об.), однако по имени княгиня не названа. В описи РГБ. Ф. 98 (Собр. Е.Е. Егорова). Ед. хр. 702, которая содержится в рукописи первой трети XVII в., встречаем другое чтение: “А с великою княгинею Мариною Шварловною лежали в одном гробе другия мощи невелики, великой княгине Марье Шварловне по плеча, а неведомо чьи” (л. 225об.). Следовательно, эти останки какое-то время не были кому-либо приписаны. Итак, на разных этапах существования древнерусского княжеского некрополя г. Владимира отдельные “безымянные” гробницы либо получили атрибуцию (две гробницы Княгинина монастыря), либо были убраны со все-

общего обозрения (три гробницы Рождественского монастыря). Когда же созданы наиболее ранние из владимирских описей? Обратим внимание на перечень панихид владимирским князьям и епископам, который встречается в рукописях в комплексе с описями гробниц. Этот текст начинается следующими словами: “По государеву указу цареву и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси указу...” (Доброхотов, 1849. С. 60). В перечне панихид указана княгиня Анна и не указана княгиня Александра. Следовательно, он был составлен между двумя этими атрибутами. Ссылка на указ царя Ивана Васильевича позволяет датировать перечень панихид временем 1547–1584 гг. В пользу датировки ранних владимирских гробниц XVI в. свидетельствует еще одна деталь. При описании гробниц Княгинина монастыря указывается, что гробницы княгинь были в ветхом состоянии, и мощи княгинь пришлось перекладывать в новые гробы: “в приделе Рождества Христова вшедши на правой стране вделан гроб в стене каменной, а в нем лежит великая княгини Евдокия в теле, а в котором гробу лежала, тот гроб разсыпался, и ис того гроба подняли ея 4 старьцы и положили в новом гробе в деревяном совсем целу, а покров на ней во гробу камка рудожелта, а круживо на ней шито золотом, а ожерелье у нея у сорочки тристяжное жемчужное с камением да з дробницами, а дробницы сребряны золочены” (РГБ. Ф. 98 (Собр. Е.Е. Егорова). Ед. хр. 702. Л. 224об.), “августа в 23 день обрели в другом пределе у Благовещения Пресвятыя Богородицы на правой стране вделан в стене гроб каменен, а в нем лежит великая княгини Мария Ш[в]ар[н]овна. А выняли ея из гроба три старьцы и положили ея в новом гробе деревяном совсем целу, а лежит в схиме. А тот старой гроб разсыпался” (РГБ. Ф. 98 (Собр. Е.Е. Егорова). Ед. хр. 702. Л. 225, 225об.). Княгинин монастырь, основанный в 1199 г. (Зверинский, 1892. С. 388), в XVI в. назывался новым, из чего можно заключить, что он долгое время был в запустении, и в XVI в. его восстановили. Ныне существующий собор датируется началом XVI в., к этому времени и следует относить возобновление монастыря. По-видимому, ветхие каменные гробницы были заменены новыми деревянными также в XVI в.

В нашем распоряжении есть и более надежный признак для датировки ранних владимирских описей. В Степенной книге, памятнике историографии начала 60-х годов XVI в., помещен текст описи гробниц Княгинина монастыря. Опись гробниц была включена уже в состав черновика Степенной книги, но в черновике ее текст по ошибке поместили не в нужном месте, затем вычеркнули и переписали вторично на нижнем поле. В таком виде, припиской на нижнем поле, опись гробниц была включена в

оба белых списка Степенной книги – Томский и Чудовский, создание которых было завершено между 15 февраля и 31 декабря 1563 г. Таким образом, опись в составе Степенной книги твердо датируется временем не позднее 1563 г. В этой описи встречаем упоминание и княгини Анны, и княгини Александры: “в приделе Христова Рождества от юга на правой стране положены быша великая княгини Александра да великаа княжна Евдокия. А на левой стране великаа княгини Василиса. А в приделе Благовещения от севера на правой стране великаа княгини инока Марфа Щварновна да великаа княгини Анна” (Степенная книга, 2007. С. 458, 459). Следовательно, к 60-м годам XVI в. оба указанные отождествления были уже сделаны. Таким образом, начало традиции описей древних гробниц нужно относить к более раннему времени.

Сравнивая между собой тексты разных описей, находим некоторую близость формуляра начала текста владимирской описи, положенной в основу Летописца Успенского собора, и новгородской описи 1626–1634 гг. Новгородская опись начинается следующими словами: “В Велицем Новеграде, в каменном граде, соборная церковь каменная София Премудрость Божия о 6-ти версех, болшая глава золочена; а празднуют Успения Пресвятей Богородицы; величество же ея, кроме папертей, от входных западных дверей до царских врат – 9 сажень, а от южных до северных дверей – 12 сажень” (Янин, 1988. С. 218). Начало владимирской описи такое: “В лета седмыя тысящи 666-го году во граде Владимире созда церковь каменну во имя Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения об едином версе благоверный великий князь Андрей Георгиевич Боголюбский; последи же приделано четыре главы, и бысть о пяти главах. По приделем та церковь от западных дверей до горняго места – семнадесять сажень с полусаженью, а поперег церкви – четыренадесять сажень без локти, сажень государева” (РГБ. Ф. 304 (Собр. Троице-Сергиевой лавры). Ед. хр. 810. Л. 1, 1об.). Как видим, обе описи начинаются с наименования главного храма некрополя: во владимирской описи это Успенский собор, в новгородской – Софийский. Далее следует описание количества глав на соборе. При составлении владимирской описи в этом месте пришлось сделать небольшой экскурс в историю, так как изначально Успенский собор имел одну главу, а впоследствии было пристроено еще четыре. Завершается вступительная часть указанием размера соборного храма: с запада на восток и с юга на север. В рукописном сборнике XVII в. (РНБ. Собр. СПбДА. Ед. хр. 289. Л. 121, 122) помещены выписки из описи владимирских гробниц. Эти выписки сделаны, по всей видимости, уже после написания рукописи и

являются, скорее, приписками на полях, поэтому точно датировать их написание не представляется возможным. Датировать их можно только по данным почерка, скорописи XVII в., второй половиной этого столетия. По тексту выписки близки к начальной части описи новгородских гробниц: “Ведение о святей соборней апостольстей Божия церкви Пречистыя славныя владычице наша Богородицы и приснодевы Марии владимирския, еже есть создана в славном и великом граде Владимире каменная, внутри града, величеством в долготу от предних дверей 17 сажен с полусаженью, а поперег – 14 сажен без локти, а столпов в ней каменных, на чем своды, а во церкви приделов. В той же соборней апостольстей церкви 18 гробниц, а во гробницах опочивают благоверные и великие князи, княгини с чады своими и митрополиты. В Володимере же в монастыре у Рожества пресвятыя Богородицы в большей церкви опочивает благоверный и великий князь Александр Ерославичь, во иноцех – Алексей”. Здесь с текстом новгородской описи совпадает указание на то, что соборная церковь каменная и что она построена внутри городских укреплений. Отмеченную явную близость в формуляре владимирских и новгородской описей нельзя объяснить влиянием одного текста на другой, что представляется маловероятным. Скорее всего, перед нами указание на общий формуляр описи древних гробниц.

Известна грамота Ивана Грозного клиру новгородского Софийского собора от 1556 г., где в числе прочего идет речь о панихидах по князьям, похороненным в Софийском соборе, – строителе Софийского собора Владимире Ярославиче, его матери Анне и Мстиславе Ростиславиче Храбром³. Можно думать, что подобный документ был направлен и в Успенский собор Владимира, – на него встречаем ссылку в перечне панихид⁴. В 1556–1557 гг. был составлен так называемый Царский синодик или, во всяком случае, его последняя редакция, которая дошла до нас (Каштанов, 2004. С. 394). Синодик содержит

несколько перечней княжеских имен. В первом перечне благоверными великими князьями названы только прямые предки Ивана Грозного. В связи с этим обратим внимание на владимирскую выписку из панихидных книг, где панихиды с ужинами предписывается служить только Всеволоду III и Ярославу Всеволодовичу (Доброхотов, 1849. С. 60), одни они из всех погребенных во Владимире князей были прямыми предками Ивана Грозного⁵. Третий перечень имен в Царском синодике озаглавлен “Благоверные великие княгини”. Он начинается с княгини Ольги, далее следуют жена Владимира Киевского царица “грекия” Анна, благоверная великая княгиня Феодосия и благоверная великая княгиня “инока” Василиса. Первую С.М. Каштанов правильно определил как жену Ярослава Всеволодовича, а вторую почему-то назвал предположительно женой Андрея Александровича, сына Александра Невского (Каштанов, 2004 С. 404). Этому противоречит наименование ее благоверной великой княгиней – так называли, как упоминалось выше, только прямых предков Грозного. Владимирские описи инокиней Василисой называют жену Александра Невского. Полагаем, что так она названа и в Царском синодике. Это в свою очередь позволяет предположить, что традиция описей была связана с составлением Царского синодика. Вернее, оба мероприятия можно рассматривать как звенья одной цепи, кампании по подтверждению царского титула Ивана Грозного, которая была развернута в 50-е годы XVI в. Мы не знаем, каким образом традиция описей продолжалась в более позднее время. Как упоминалось выше, описи подчас фиксируют состояние некрополя на первую половину, середину XVII в. Можно думать, что в XVII в. как исправлялись описи, составленные в XVI в., так и составлялись новые. Таким образом, по мере выявления и изучения описей древних гробниц появляется возможность на материале древнерусского некрополя реконструировать представления людей XVI–XVII вв. о прошлом, которые существенным образом повлияли и на наши представления о древнерусской истории.

Исследование осуществлено в рамках реализации ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 гг. (Государственный контракт № П2334 от 16.11.2009, научно-исследовательская работа по проблеме “Национальные герои России – исторические ориентиры Отечества: Александр Невский”).

³ Подлинник грамоты не сохранился, ее текст частично приведен архим. Макарием (Миролюбовым) по копии начала XIX в. (1860. С. 81, 82).

⁴ Единственная грамота Ивана Грозного владимирскому Успенскому собору (РНБ. Ф. 532 (Основное собрание актов и грамот). Оп. 1. Ед. хр. 134. 1550 г.) ни словом не упоминает о панихидах, но содержит позднейшую приписку, из которой следует, что поминовение Андрея Боголюбского должен оплачивать Боголюбровский монастырь. Убедительно объяснить происхождение этой приписки пока не представляется возможным (Сиренов, 2002. С. 27–34), однако можно предположить, что она сделана по аналогии с другим хранившимся в Успенском соборе документом, где шла речь именно о поминании владимирских князей.

⁵ Здесь мы не учитываем Александра Невского, который к тому времени был канонизирован, и панихиды ему не служились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анания Федоров.* Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // *Временник ОИДР.* 1855. Кн. 22.
- Беляев Л.А., Патин И.В.* Родовые некрополи Московского царства: Архангельский собор и боярская усыпальница в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре // К 500-летию Архангельского собора и колокольни Ивана Великого Московского Кремля: Тез. докл. юбилейной науч. конф. 28–30 октября 2008 г. М., 2008.
- Доброхотов В.* Памятники древности во Владимире Клязменском. Соборы кафедральный Успенский и бывший придворным великого князя Всеволода Дмитриевский. М., 1849.
- Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Ч. 2. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 гг. СПб., 1892.
- Каптанов С.М.* Царский синодик // *Россия и греческий мир в XVI в.* Т. 1. М., 2004.
- Леонид (Кавелин), архим.* Из сборника Троице-Сергиевой Лавры XVII в. за № 810 // *Владимирские епархиальные ведомости.* 1885. № 4. Часть неофициальная.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // *ПСРЛ.* 1904. Т. 13. Ч. 1.
- Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860.
- Миловский Н.М.* Древние гробницы Георгиевской церкви губ. г. Владимира (к статье М.А. Сперанского) // *Тр. Владимирской ученой архивной комиссии.* Кн. 6. Владимир, 1904.
- Огурцов В.Д.* “Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале” // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.).* М., 1996.
- Сиренов А.В.* О грамоте Ивана Грозного Успенскому собору г. Владимира // *Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей и сообщений.* Вып. 2. СПб., 2002.
- Сиренов А.В.* Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII в. // *История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей РНБ.* СПб., 2006.
- Степенная книга по древнейшим спискам / Н.Н. Покровский и Г.Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007.
- Тимофеева Т.П., Маркова Т.Е.* Город Владимир конца XIX – первой половины XX в. в фотографиях из собрания музея. Церковные интерьеры: Каталог. Владимир, 2009 (Владими́ро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник).
- Топычканов А.В.* Некрополь Тверского Спасо-Преображенского собора по описанию 1669 г. // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья.* Вып. 5. Тверь, 2003.
- Шилов А.А.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Вып. 1 // *ЛЗАК.* 1910. Вып. 22.
- Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БОГДАНОВКА (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

© 2011 г. В.Н. Широков*, Р.Б. Волков**, П.А. Косинцев***, Е.Г. Лаптева***

* *Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
(hvn-58@yandex.ru)*

** *Научно-производственный центр по охране*

и использованию памятников истории и культуры Свердловской области, Екатеринбург

*** *Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург*

Ключевые слова: *палеолит Южного Урала, стоянка, каменные изделия, фауна, палинологический анализ.*

Bogdanovka dwelling site is located in the steppe zone of the Trans-Urals peneplain, in the Kizil region of the Chelyabinsk oblast, on the left bank of the river Ural, 1.5 km downstream of Bogdanovka village. The occupation layer is about 0.2 m thick and lies horizontally in the top of the alluvial deposits of the flood-plain facies of the second terrace, and is overlaid by more than 7 m of loess loam deposits with two buried soils. The excavations revealed two accumulations of scales, numerous fragments of animal bones, primarily mammoth, charcoal, and stone items. The latter were manufactured mainly of jasper and flinty slate. The tools mostly include various side-scrapers and flakes with retouch, and one point. The industry can be characterized as typical Moustier with elements of Levallois flaking, items mainly unifacial. Taphonomic, faunistic and planigraphic data allows to characterize Bogdanovka as a regular seasonal (spring) dwelling-site near the location of raw materials. Stratigraphic and biostratigraphic information allows dating the site to the first half of Late Pleistocene (MIS-5a-b-4).

На Урале известны памятники различных хронологических подразделений палеолита. Количество ранне-среднепалеолитических местонахождений составляет около десятка. Большинство из них обнаружено в бассейне Камы, в пределах водохранилищ, разрушающих древние речные террасы (Павлов, 1996; 2002; 2008); есть информация о стоянках на Южном Урале (Бадер, Матюшин, 1973; Матюшин, 1992). Согласно новейшим представлениям, самые ранние памятники датируются в широких пределах среднего плейстоцена на основании находок частей скелета трогонтериевого мамонта, вместе с которыми найдены и каменные изделия архаичного облика (Павлов, 2009).

На современном этапе изучения палеолита Урала и Приуралья среди специалистов нет единых взглядов на хронологию, периодизацию и культурную принадлежность палеолитических стоянок Урала из-за ограниченности фактического материала.

Пещерные палеолитические памятники, многочисленные в западных предгорьях Урала, мало пригодны для решения этих проблем в силу немногочисленности полученных при раскопках ар-

тефактов. Коллекции с бечевников водохранилищ и участков литогенных ландшафтов (Деревянко и др., 2001) лишены археологического контекста, а материал в них часто “перемешан”. В случае со стоянкой Богдановка мы имеем хорошую возможность изучения тафономически “чистого” археологического комплекса.

Стоянка Богдановка обнаружена в 1988 г. В.Н. Широковым, Э.К. Касимовым и А.И. Варовым после сообщения В.Ф. Кернер о находках мамонтовой фауны близ эпонимного села. Памятник расположен в Кизильском районе Челябинской обл., на левом берегу р. Урал, в 150 км к югу от г. Магнитогорск и в 1.5 км ниже по течению от с. Богдановка (52°24' с.ш., 59°04' в.д.) (рис. 1, А).

В орографическом отношении территория относится к зауральскому пенеплену со средними высотными отметками 200 м над уровнем моря. Ландшафт степной. Ширина р. Урал у стоянки составляет около 50 м, долины – около 200–300 м. Оба ее борта выполнены породами основного или ультраосновного состава. Высота их над уровнем реки от приблизительно 25 до 40 м. Выше по те-

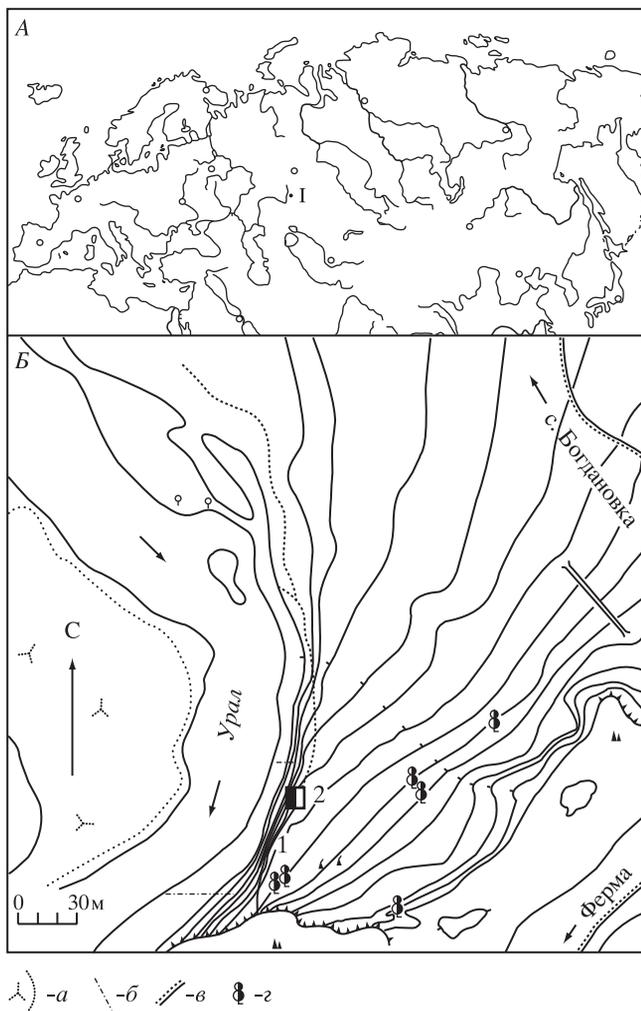

Рис. 1. Схема расположения (А) и топографический план (Б) стоянки Богдановка. А: 1 – стоянка Богдановка; Б: 1 – зачистка 1988 г.; 2 – раскоп 1989 г. (залита вскрытая часть). Условные обозначения: а – кустарник; б – граница распространения подъемного материала; в – грунтовая дорога; г – береза.

чению стоянки русло реки направлено с севера на юг, у стоянки поворачивает к западу, образуя крутую излучину. В этом месте вплотную к воде примыкает скальное обнажение левого борта долины. От скалы к реке с юга на север полого спускается делювиальный шлейф. Кромка его обрыва в южной части достигает высоты 14–18 м над рекой, на севере он плавно переходит в поверхность второй террасы, бровка которой находится на высоте 7.5–8 м над водой. Высота нижележащей террасы 4–4.5 м (рис. 1, Б).

В береговом обнажении под отложениями делювиального шлейфа выявлен костеносный горизонт, который прослеживается вдоль обрыва от скалы вверх по течению реки на протяжении 60 м. Под этим горизонтом на бечевнике обнаружены кости

мамонта, носорога, лошади и каменные изделия. При зачистке берегового обнажения выявлен связанный с ним культурный слой, представленный пылеватыми отложениями мощностью до 3–5 см, с включением угольков и каменных изделий. В 1989 г. проведены раскопки памятника (Широв, 1989; 1991; Широков и др., 2005).

Стратиграфия. Описание отложений приводит по восточной стенке раскопа (рис. 2).

1. Почвенный слой черного цвета мощностью до 0.8 м. Пронизан множеством корней растений. Структура пылеватая. Содержание обломочного материала незначительно. Отмечены отдельные ходы землероев. Залегает согласно дневной поверхности, без видимых нарушений.

2. Лёссовидный суглинок палевого цвета мощностью 0.4–0.8 м. Грунт макропористый, очень плотный, сцементирован щебнем и отдельными глыбами. Особенно заметна концентрация обломочного материала в основании слоя. В этой части он приобретает белесоватый оттенок за счет сильной карбонатизации. Карбонатной корочкой покрыты нижние и, отчасти, боковые поверхности камней. Обломочный материал залегает согласно, горизонтально или с наклоном в 5–10°. В отдельных местах наблюдается незначительное вспучивание щебня кверху.

3. Верхняя погребенная почва темно-серого цвета, в кровле имеет буроватый оттенок. Фиксируется не по всей длине профиля: в северной части, по линиям 15–17 она не прослеживается. Почва жирная на ощупь, комковатая. В южной части достигает мощности около 0.4 м. В центральной части профиля, по линиям 19–21 наблюдается увеличение мощности слоя до 1.2 м (падение слоя в западнину, глубиной около 1.2 м). Здесь отмечается наклонное и вертикальное залегание обломочного материала. В кровле слоя – существенное содержание обломочного материала. Присутствует также значительное число небольших, 0.2–0.3 см в диаметре, комочков красноватого цвета, вероятно, оксидов железа. Отмечены карбонатные стяжения, в южной части образующие прослойки. При высыхании слой приобретает фиолетовый оттенок.

3а. Прослойка бурого суглинка мощностью 15–25 см. Фиксируется только в южном секторе восточной стенки и в южном профиле. Залегает непосредственно под первой погребенной почвой. В основании – обломочный материал в виде щебнисто-глыбового горизонта толщиной до 0.3–0.4 м.

В северном секторе восточного профиля с глубины 1.4 м, что соответствует уровню первой погребенной почвы, и до глубины 3.1 м отмечается

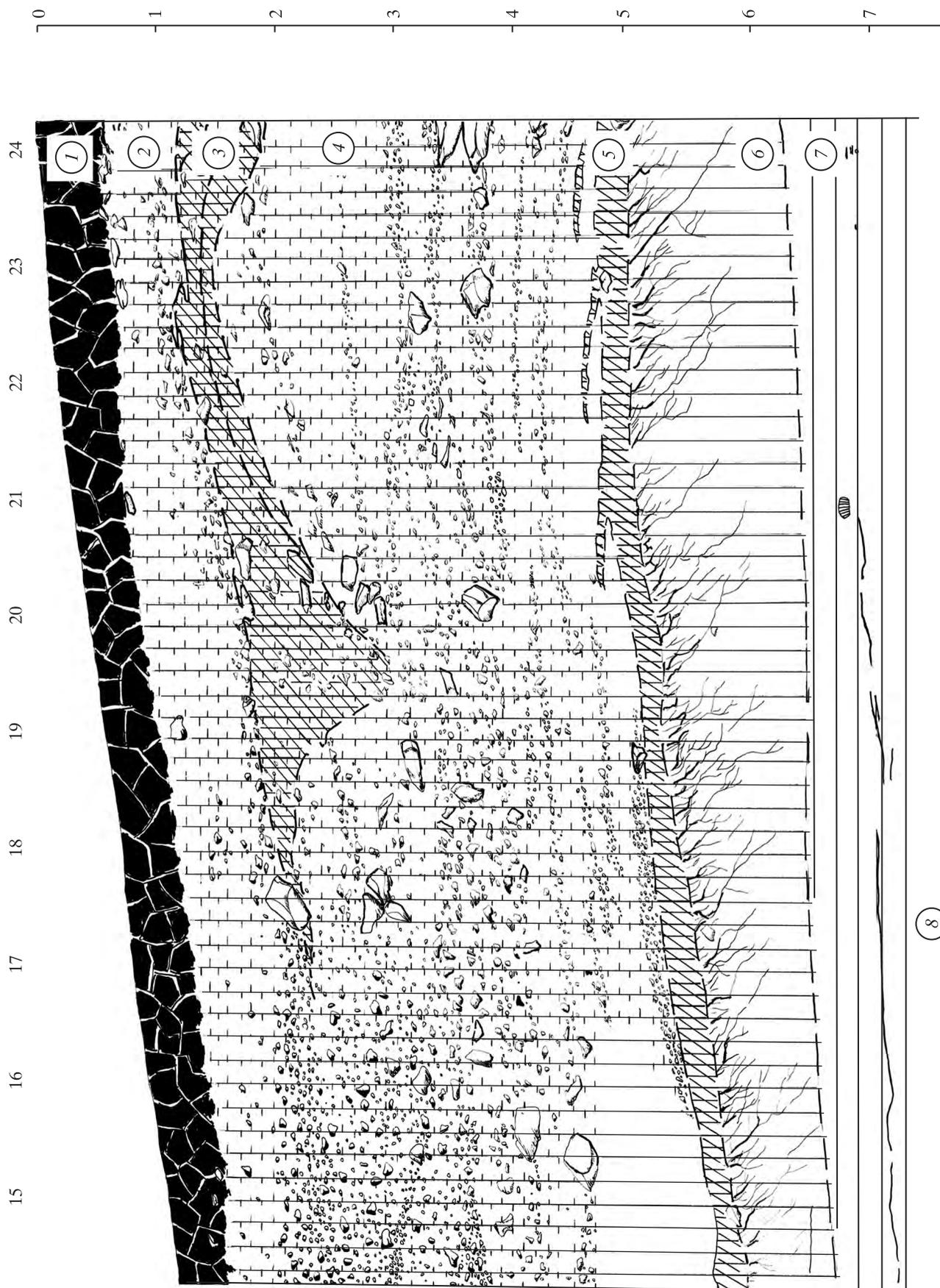

Рис. 2. Стратиграфия восточной стенки раскопа. Условные обозначения: 1 – современная почва; 2, 4, 6 – лёссовидный суглинок; 3 – верхняя погребенная почва; 5 – нижняя погребенная почва; 7 – пойменный аллювий; 8 – горизонт обитания.

8

брекчия из щебня и отдельных глыб с заполнением желто-коричневым суглинком. В верхней части обломочный материал залегает практически горизонтально, в нижней части наблюдается его падение с севера на юг.

4. Лёссовидный суглинок светлого желтовато-коричневого цвета, макропористый, пластичный, тонкодисперсный. Суглинок карбонатизирован, карбонатные стяжения в виде журавчиков залегают тонкими горизонтальными прослойками. Мощность слоя около 3–3.2 м. По всей толще фиксируются щебнистые и щебнисто-глыбовые горизонты толщиной от 0.1 до 0.4 м. В целом обломочный материал залегает субгоризонтальными слоями, в южном секторе профиля можно насчитать семь горизонтов. Имеются включения мельчайших частиц окислов марганца или сульфатов железа черного цвета.

5. Вторая, или нижняя, погребенная почва. Цвет буровато-коричневый, при высыхании серый. Мощность около 0.4 м. Наблюдается падение слоя с юга на север под углом 10°. Структура комковатая, отмечается карбонатизация. Кровля неровная, особенно в южной части профиля, видны “языки” напозания. Нижняя часть трещиноватая.

6. Лёссовидный суглинок серовато-желтого цвета мощностью 1.2–1.3 м. Наблюдается столбчатая отдельность, карбонатизация слоя и легкая прокрашенность мельчайшими частицами окислов марганца или сульфатов железа черного цвета. Осложнен множеством трещин, образующих сетчатую структуру, заполненную отложениями вышележащего слоя погребенной почвы. Толщина трещин от 0.2 до 3–4 см.

7. Аллювиальные отложения. Начинаются с глубины 6.75–6.85 от дневной поверхности. Наблюдается переслаивание песка светло-желтого цвета, с зеленоватым оттенком при высыхании, с прослойками оранжевато-коричневой супеси с включением глинистых линзочек и мелких галек. Судя по горизонтальной слоистости и отсортированности, аллювий представлен пойменной фацией. Наблюдается незначительное понижение уровня отложений с юга на север. Внутри слоя, в 0.5–0.7 м ниже кровли залегает прослойка буровато-коричневого цвета толщиной в среднем 1–2 см. На этом уровне сосредоточено основное количество костей и изделий из камня, что позволяет считать ее древней дневной поверхностью.

Описание раскопа. Раскоп длиной 10 и шириной от 3 до 6 м заложен в верхней по течению части распространения культурного слоя, вдоль бровки обрыва. Чтобы убедиться в отсутствии артефактов

в толще перекрывающих культурный слой отложений, они вскрывались лопатами. До уровня нижней части второй погребенной почвы не выявлено ни одного каменного изделия, только отдельные фоссилизованные кости.

Ниже второй погребенной почвы, в лёссовых отложениях слоя 6 на глубине 6.6 м от поверхности были встречены первые находки – несколько предметов из камня. С этой глубины раскопки проводились совками, ножами и шпателями вплоть до полной расчистки культурного слоя, депозированного в аллювии. Площадь раскопа (около 40 м²) была разбита на метровые квадраты. Все обнаруженные в процессе раскопок каменные изделия получили индивидуальные номера, вместе с костями и их фрагментами они заносились на план в масштабе 1:10 и нивелировались (рис. 3). У предметов из камня и фрагментов костей с продольной ориентацией замерялись угол наклона и азимут залегания.

Почти все каменные изделия и кости в культурном слое залежали горизонтально или с наклоном, редко превышающим 10°. Окатанные вещи крайне редки. Все кости, обнаруженные во время раскопок, сильно фоссилизованы и фрагментированы, целые единичны. Костные остатки приурочены преимущественно к центральному и южному участкам раскопа, где выявлены два крупных скопления с огромным количеством чешуек. Около северного находилось три или четыре зуба мамонта, один из которых преднамеренно сильно раздроблен. Вероятно, на исследованном участке стоянки находилось место разделки и утилизации туш животных и производства/подправки каменных орудий.

Незначительный разброс артефактов и костей по вертикали (около 0.2 м), отсутствие следов окатанности на них и наличие огромного числа чешуек свидетельствуют об отсутствии переотложения остатков и существенной деформации культурного слоя. Толщина слоя типична для таких сезонных стоянок Приуралья, как Островская (им. Талицко-го) (Щербакова, 1994) и Заозерье (Павлов, 2004).

Каменные изделия. Из раскопа и сбора материалов с поверхности получена коллекция из 1864 каменных предметов.

Категории каменного инвентаря стоянки Богдановка: гальки – 4 (0.2%); расколотые гальки со следами обработки – 5 (0.3%); нуклевидные формы – 5 (0.3%); отщепы, сколы – 460 (24.7%); чешуйки, осколки – 1350 (72.4%); орудия – 40 (2.1%); всего – 1864 (100%).

Макроопределение сырья выполнено д-ром геолого-минерал. наук О.К. Ивановым. Исходный материал представлен почти исключительно га-

Рис. 3. План раскопа 1989 г. Условные обозначения: 1 – каменные изделия; 2 – фрагменты костей; 3 – зубы мамонта; 4 – область распространения эмали зуба мамонта.

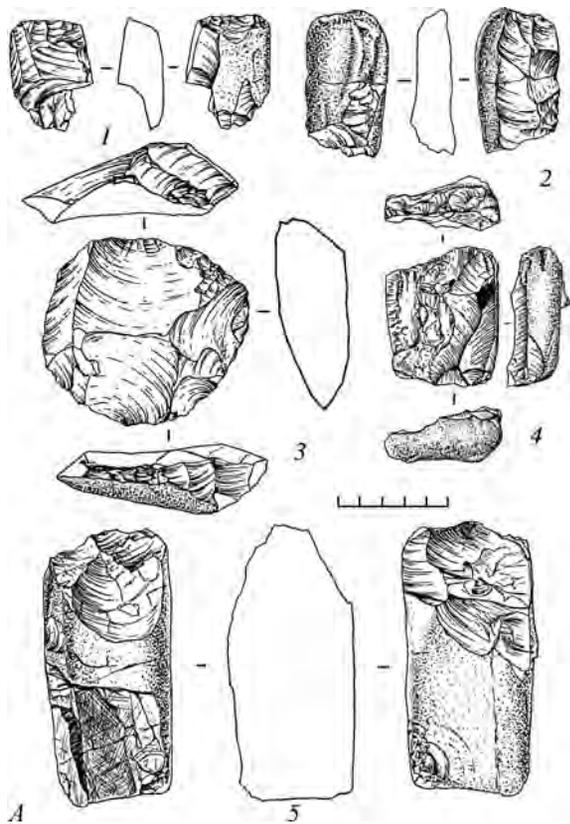

Рис. 4. Нуклеусы и нуклевидные формы стоянки Богдановка.

лечным субстратом. Он долгое время находился обнаженным, так как имеет толстую корку выветривания. Преобладающий материал – яшма радиолариевая, слабополосчатая, халцедоновая, серая и зеленовато-серая. Единично использованы светлые кремнистые сланцы, красная яшма, фтонитоподобная черная яшма и риолитовые туфиты.

Нуклеусов и нуклевидных форм в коллекции пять. В раскопе обнаружено нуклевидное изделие подчетыреугольной в плане формы с двумя противоположными площадками – естественной гладкой и двугранной, тыльная сторона покрыта галечной коркой. Ремонтж показал, это остаточный плоский нуклеус параллельного принципа скалывания (рис. 4, 4).

В сборах имеется несколько нуклевидных форм. Один целый нуклеус округлой в плане формы, монофронтальный, со следами бипродольного снятия двух отщепов, может быть охарактеризован как нуклеус леваллуа для отщепов “многоразовый” (рис. 4, 3). Пренуклеус, реконструированный из двух кусков, был сломан в результате удаления естественного ребра с тыльной стороны, покрытой галечной коркой. Судя по всему, в данном случае была попытка изготовить нуклеус леваллуа для пластин (рис. 4, 2). Пробный нуклеус на гальке,

с одного конца расколотой по плоскости кливажа примерно до середины и вполювину своей толщины, в дальнейшем использовался в другой функции – ударного орудия (см. ниже) (рис. 4, 5). Среди находок – обломок монофронтального нуклеуса с негативами параллельных снятий в продольном направлении и следами подправки со стороны площадки и правого края (рис. 4, 1).

Изделия с вторичной обработкой и следами использования представлены 40 экз., их подробное описание сделано ранее (Широков, Волков, 2001. С. 13–19).

Скребла (самые многочисленные) – 11 экз. Простые формы представлены продольными прямыми (3 экз.) (рис. 5А, 1–3), выпуклыми (2 экз.) (рис. 5А, 4, 5), вогнутым (1 экз.) (рис. 5А, 8), выпукло-вогнутым (рис. 5А, 7) и диагональными (2 экз.) (рис. 5А, 10, 12) разновидностями. Угловатое (рис. 5А, 14) и овальное (рис. 5А, 17) скребла – по одному экз. Одно скребло изготовлено на леваллуазском отщепе (рис. 5А, 3), восемь имеют обушок, из них пять – естественный.

Остроконечник мустьерской разновидности с частичной вентральной подработкой (рис. 5А, 16).

Ножей 5 экз. К ним отнесены изделия с обушком и противоположным острым краем (рис. 5А, 9, 15; Б, 13, 14, 20).

Выемчатых орудий 7 экз. (рис. 5Б, 1–6, 17), есть по одному **зубчато-выемчатому** и **зубчатому орудю** (рис. 5А, 6, 13).

Сколов с ретушью и следами использования – 13 (рис. 5А, 11; Б, 1, 9, 11, 12, 15, 16, 18, 19).

Ударное орудие (1 экз.) представлено пробным нуклеусом на массивной гальке подпрямоугольной в плане формы. Торцы его сильно забиты; следы в виде выбоинок и ямок группируются около граней гальки. Орудие могло служить в качестве отбойника при изготовлении каменных изделий или в качестве песта для дробления костей мамонта.

Трасологический анализ проведен с использованием микроскопов МБС-10 и МБИ-6. Он выявил на предметах повреждения (двух типов) и следы хозяйственного использования.

Механические повреждения представлены фасетками псевдоретуши, заломами и царапинами. Встречаются как единичные фасетки разных размеров (от мельчайших и до 1 см), так и их серии. Этот тип найден в основном на изделиях, собранных с поверхности.

Люстраж, результат воздействия на артефакты воды и вмещающих пород, представлен участками заполировки, хорошо отличимыми от других сле-

дов. В той или иной степени присутствует на всех предметах, но его распространение по поверхности даже одного орудия неравномерно. Иногда, покрывая рабочую часть, люстраж затрудняет определение функций орудий.

Трасологический анализ позволил выделить следующие функциональные группы каменных орудий.

1. Орудия для утилизации охотничьей добычи (скобления шкур, резания), а также многофункциональные, использовавшиеся как для обработки мяса и шкур, так и для обработки дерева или кости. Это наиболее многочисленная группа – 18 предметов, или 45% всех определенных орудий.

2. Инструменты для обработки дерева и/или кости: строгания и скобления. Это вторая по величине группа – 13 предметов (32.5%).

3. Орудия ударного действия – один предмет (2.5%), использовавшегося в качестве отбойника или песта.

4. Изделия, которые не являются орудиями (псевдоорудия или заготовки) и предметы, функцию которых не удалось установить, – 8 предметов (20%).

Обработка всего материала позволила проследить следующие черты, характерные для орудийного набора стоянки Богдановка. Основным типом заготовки служили отщепы. Из них более половины (54%) полупервичных, более трети (36%) вторичных и десятая часть (10%) первичных. Заготовок с естественными площадками 30.8%, с гладкими 23.1%, фасетированных и двугранных по 10.3%, точечных 2.6%. В остальных случаях проксимал отсутствует. У более трети заготовок (35.9%) отсечен дистал. Огранка отщепов преимущественно ортогональная – 35.9% и продольная – 30.8%; бипродольная и дорсально гладкая составляют по 7.7%; подперекрестная – 5.1%; перпендикулярная – 2.6%. Только дорсальной ретушью обработано 46.2% изделий, только вентральной – 7.7%, только двусторонней – 2.6%; дорсальную и вентральную ретушь сочетают 28.1% изделий. Предметы без вторичной обработки и с неретушированными выемками составляют 15.4%, преобладают крутая ретушь – 41% и полукрутая – 30.8%; приостряющая составляет 12.8%. Доминирует краевая отделка на 48.7% изделий; захватывающая отделка представлена на 28.2%; распространенная – на 7.7% изделий. Более половины артефактов (51.3%) обработано чешуйчатой ретушью. Полностью двусторонне обработанные изделия отсутствуют.

На основании имеющихся материалов индустрия стоянки Богдановка может быть отнесена к мустье типичному одностороннему “европейского” обли-

ка. В литературе уже высказывалась близкая точка зрения (Петрин, 1992. С. 144). Но есть и другое мнение – о принадлежности к восточно-микокскому технокомплексу, наряду с индустриями стоянок северо-востока Европы Пещерный Лог и нижнего слоя Гарчи I (Павлов, 2009. С. 31). Однако имеющиеся на сегодняшний день материалы противоречат данной точке зрения, поскольку в коллекции Богдановки нет изделий со сплошной двусторонней обработкой, листовидных бифасов и изделий группы *Kielmesser*.

Палинологический анализ. Памятник расположен в подзоне богаторазнотравно-типчаково-ковыльных степей (Горчаковский и др., 1975. С. 1398). В современном растительном покрове преобладают злаки (*Stipa* sp., *Festuca valesiaca* Gaud. и др.), образуя плотный дерновинный покров, полыни (*Artemisia frigida* L., *A. vulgaris* L.), разнотравье. По скальным выходам произрастают кустарниковые заросли вишни степной (*Cerasus fruticosa* Pall.), кизильника (*Cotoneaster melanocarpus* Fisch. ex Blytt) и караганы (*Caragana frutex* (L.) K. Koch.).

Для палинологического анализа по стандартной методике (Гричук, Заклинская, 1948) отобрано 32 образца колонкой с интервалом 10–20 см согласно особенностям выделенных литологических слоев. Обработка проведена по сепарационному методу В.П. Гричука с дополнительной обработкой плавиковой кислотой (48% HF) (Чернова, 2004. С. 39, 40). Определение и подсчет палиноостатков проводили при использовании светового микроскопа Olympus BX51 при увеличении 400–800X с помощью таблиц-определителей. Исследован весь полученный мацерат, но низкая концентрация пыльцы и спор в образцах не позволила провести статистический анализ спорово-пыльцевых спектров. Результаты представлены на палинологической диаграмме (рис. 6).

В слое 7 на уровне культурного слоя определен палиноспектр, содержащий единичные пыльцевые зерна сосны (*Pinus sylvestris* L.), злаков (Poaceae) и маревых (Chenopodiaceae).

В слое 6 в палиноспектрах, характеризующих лёссовидный суглинок, выявлены пыльцевые зерна березы (*Betula* sect. *Albae*) и сосны и сильно коррозированное пыльцевое зерно хвойных растений, отнесенное к семейству Pinaceae. Среди травянистых растений определена единичная пыльца представителей семейств Poaceae, Chenopodiaceae, в том числе солянки (*Salsola* sp.), зонтичных (Apiaceae), сложноцветных (Asteraceae, *Cichorium*-type). Отмечены единичные споры папоротников (Polypodiales).

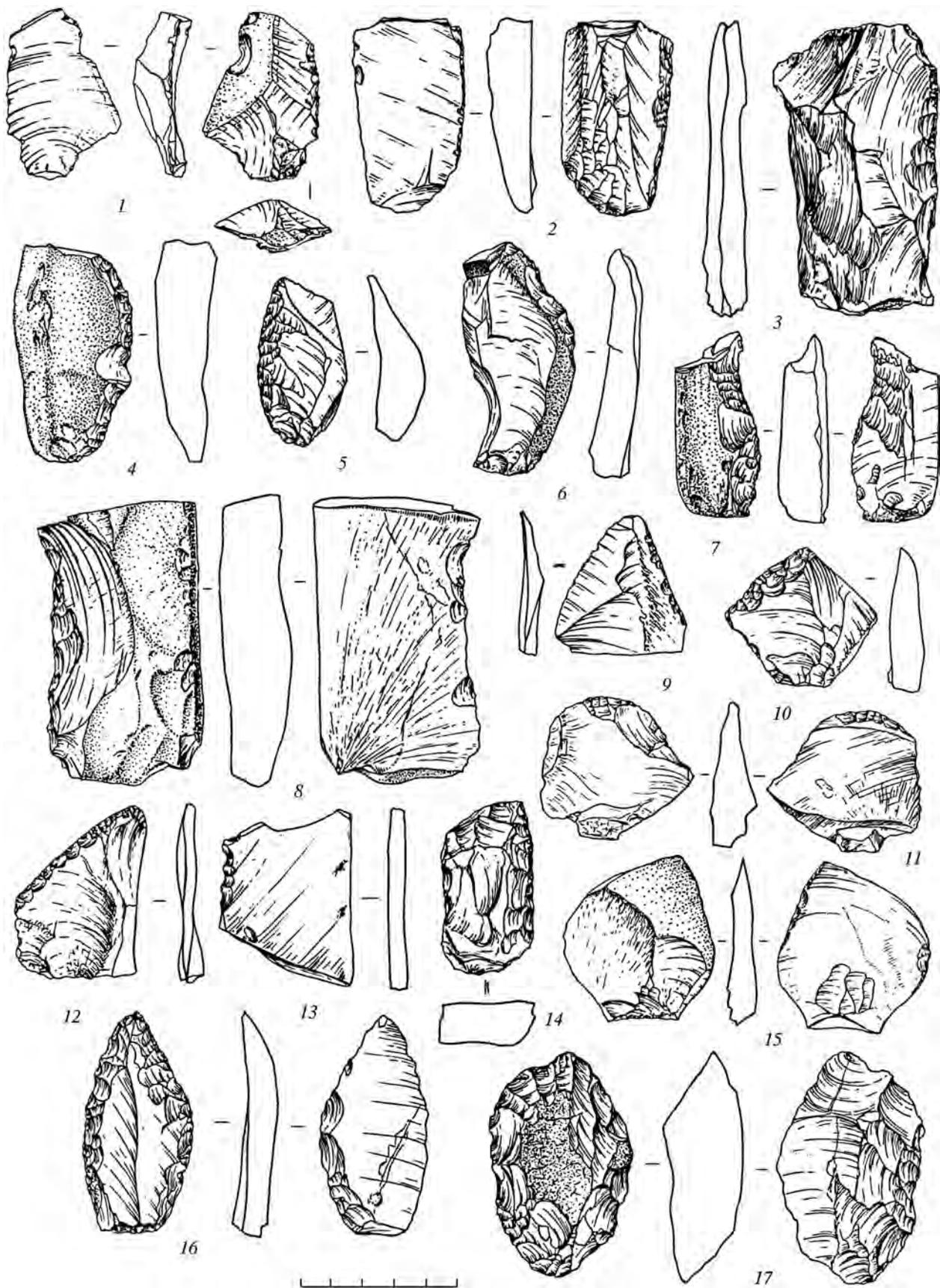
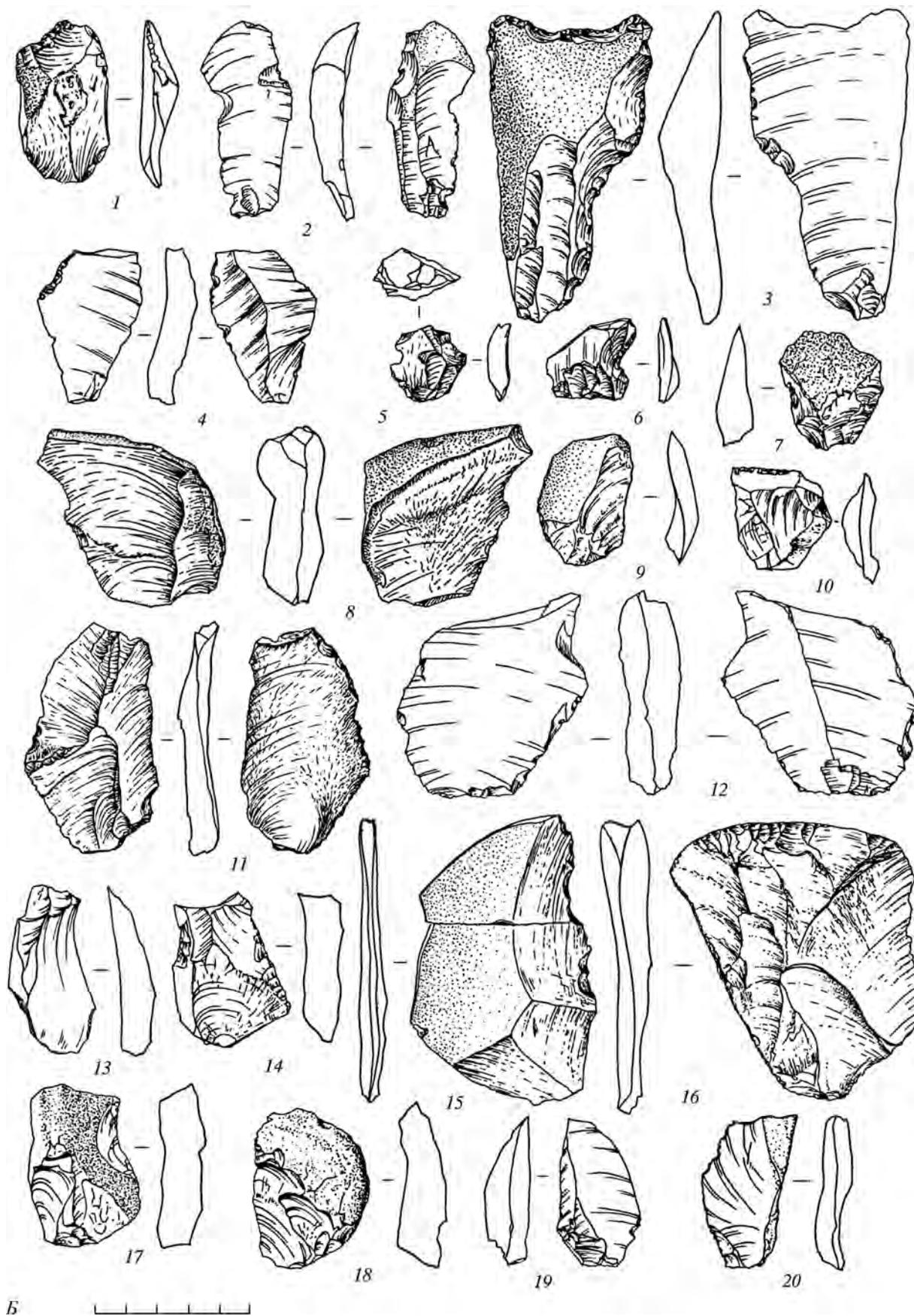

Рис. 5. Каменные орудия стоянки Богдановка (А, Б).

В палиноспектрах нижней части нижней погребенной почвы (слой 5) преобладают пыльцевые зерна группы травянистых растений (70–80%), среди которой доминирует пыльца злаков (30–50%) и маревых (5–10%), единична пыльца полыни (*Artemisia* sp.), эфедры (*Ephedra* sp.) и разнотравья – представителей семейств губоцветных (Lamiaceae), норичниковых (Scrophulariaceae), сложноцветных (*Cichorium*-type). Группа древесных растений представлена пыльцевыми зернами сосны (10–15%) и березы (5–10%). Определены единичные споры папоротников и зеленых мхов (Bryales).

Палиноспектры, полученные из верхней части нижней погребенной почвы, содержат единичные зерна сосны, березы древовидной, злаков, маревых, папоротников и мхов.

В слое 4 палиноостатки обнаружены только в двух образцах. Они содержат единичные пыльцевые зерна ели (*Picea* sp.), сосны, березы, злаков, маревых, в том числе солянки, полыни, розоцветных (Rosaceae), сложноцветных.

Верхняя погребенная почва (слой 3) охарактеризована палиноспектрами, содержащими единичные палиноостатки *Picea* sp., *Pinus sylvestris* L., *Betula* sect. *Albae*, Poaceae, Cyperaceae, Chenopodiaceae, в том числе *Salsola* sp. и *Eurotia* sp., Rosaceae, Limoniaceae, Asteraceae.

Слой 2 (лёссовидный суглинок) охарактеризован одним палиноспектром, в котором доминирует группа травянистых растений (около 95%), где преобладает пыльца злаков (50%) и маревых (15%), единична пыльца полыни, осок (Cyperaceae), эфедры и разнотравья – представителей семейств губоцветных, мареновых (Rubiaceae), бобовых (Fabaceae), сложноцветных. Группа древесных растений представлена единичными пыльцевыми зернами сосны, березы и ольхи (*Alnus* sp.).

Субфоссильный палиноспектр из современной почвы (слой 1) отражает флористический состав богаторазнотравно-типчачово-ковыльных степей в окрестностях памятника. Преобладает пыльца травянистых растений (85%), среди которой доминируют пыльцевые зерна маревых (33%), полыни (13%), злаков (12%); в небольшом количестве определена пыльца разнотравья – представителей семейств Caryophyllaceae, Brassicaceae, Rosaceae, Lamiaceae, Apiaceae, Limoniaceae, Rubiaceae, Fa-

baceae, Scrophulariaceae и Asteraceae (*Aster*-type и *Cichorium*-type). Группа древесных растений представлена пыльцой сосны и березы – суммарно до 10%. Определены единичные споры папоротников и зеленых мхов.

Спорово-пыльцевые спектры из слоев 2–7 нерепрезентативны. На их основе невозможно охарактеризовать растительные сообщества и затруднительно выполнить детальную реконструкцию палеоландшафтов и их динамику во времени. Однако анализ выделенной палинофлоры показывает, что во всей толще отложений доминирует пыльца травянистых растений (злаков, полыни, разнотравья), в том числе типичных представителей степной флоры из семейств Limoniaceae и Chenopodiaceae, а также отсутствует пыльца представителей северной бореальной и арктической флор. Это позволяет заключить, что формирование изученной толщи осадков могло происходить в условиях степных ландшафтов.

Фауна млекопитающих. Коллекция костных остатков млекопитающих состоит из пяти комплексов в соответствии с условиями их нахождения. Первый комплекс происходит из слоя 4 и включает 10 костей лошади (четыре зуба, плечевая, четыре метаподии, фаланга минимум от полувзрослой и двух взрослых особей), зуб носорога и 19 неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих. Часть костей раздавлена давлением грунта. Второй комплекс происходит из второй погребенной почвы (слой 5) и включает зуб северного оленя и два неопределимых фрагмента костей крупных млекопитающих. Третий комплекс происходит из слоя 6 и включает три кости первобытного бизона. Четвертый комплекс происходит из культурного слоя и будет рассмотрен отдельно. Кости 1–3-го и 4-го комплексов значительно различаются по цвету, степени и характеру минерализации. Кости 1–3-го комплексов имеют светло-коричневую окраску с темными пятнами среднего размера и плотную поверхность. Кости 4-го комплекса – желтовато-кремовую окраску с точечными черными пятнами и “меловой” характер поверхности, местами покрытый карбонатной корочкой. Пятый комплекс собран на бечевнике реки и состоит из костей двух типов фоссилизации. Первый аналогичен типу фоссилизации костей из 1–3-го комплексов и включает по одной кости носорога и лошади. Второй тип ана-

←

Рис. 6. Палинологическая диаграмма разреза стоянки Богдановка. Условные обозначения: *a* – современная почва; *b* – лёссовидные суглинки; *в* – погребенные почвы; *г* – аллювиальные отложения; *д* – места отбора проб; *e* – содержание палиноостатков менее 1%; *жс* – *Salix* sp.; *з* – *Alnus* sp.; *u* – *Convolvulus* sp.; *к* – *Eurotia* sp.; *л* – *Salsola* sp.

Видовой состав костных остатков стоянки Богдановка

Виды	Бечевник	Слой 4	Слой 5	Слой 6	Культурный слой
Узкочерепная полевка	–	–	–	–	1
Малый пещерный медведь	–	–	–	–	5
Мамонт	7	–	–	–	98
Лошадь широкопалаая	1	10	–	–	1
Носорог шерстистый	1	1	–	–	–
Олень благородный	–	–	–	–	1
Олень северный	–	–	1	–	1
Бизон	–	–	–	3	8
Сайга	–	–	–	–	1
Млекопитающие (неопределимые)	18	19	2	–	–

логичен типу фоссилизации костей из культурного слоя и включает четыре фрагмента зубов, три кости мамонта и 18 неопределимых фрагментов, судя по толщине стенок, принадлежащих, несомненно, также мамонту.

В составе комплекса из культурного слоя преобладают кости мамонта (таблица). Ему принадлежат: фрагмент черепа, 12 зубов и их фрагментов, фрагмент бивня, четыре фрагмента грудных позвонков, пять фрагментов ребер, фрагмент лопатки, два фрагмента таза, целая плечевая кость очень молодой особи, два фрагмента диафиза большой берцовой кости, диафиз малой берцовой кости, по пять целых карпальных и тарзальных костей, три целых и два фрагмента метаподий, две целые фаланги. В слое найден 51 фрагмент плоских и трубчатых костей, которые не удалось точно отнести к конкретным элементам скелета, но, судя по размерам, все они принадлежат мамонту. На одном фрагменте таза имеется след от режущего орудия, а на одном фрагменте ребра – следы пиления, нанесенные в древности. Один зуб выбит вместе с частью стенки нижней челюсти. По состоянию зубной системы (Roth, Shoshani, 1988. P. 580–582) определено, что кости происходят как минимум от пяти особей: 12–16 месяцев, 7–9 лет, 12–22 года, 30–50 и 40–50 лет.

Второй по количеству остатков – первобытный бизон, который представлен фрагментом черепа, двумя фрагментами нижней челюсти, двумя изолированными зубами, фрагментами плечевой и лучевой костей и целой копытной фалангой. Кости принадлежат как минимум двум особям: в возрасте около 2 лет и старше 5–6 лет (Fuller, 1959. P. 343, 344). Малому пещерному медведю принадлежат пять костей краниального и посткраниального скелета. Остальным видам принадлежит по одной кости.

В отличие от комплекса костей из покровных отложений большая часть костей из культурного слоя представлена фрагментами. Среди остатков мамонта целые только отдельные зубы, карпальные и тарзальные кости, часть метаподий и фаланги. Их доля – 40% от всех костей, а если учесть неопределимые фрагменты, то они составляют только 19%. Несомненно, это следствие целенаправленного разбивания костей человеком. Обращает на себя внимание тот факт, что в массе разбиты плоские кости: нижние челюсти, лопатка, таз, позвонки, ребра. Мамонт представлен костями всех отделов скелета, значит, на этом месте разделялись целые туши. Наблюдаемая на стоянке ситуация принципиально отличается от других позднепалеолитических местонахождений Западной Сибири с преобладанием остатков мамонта. На всех этих стоянках – Гари (Сериков, 2007), Троицкая I (Шировов и др., 1996. С. 8), Луговское (Лещинский и др., 2006. С. 59), Волчья Грива (Окладников и др., 1971. С. 98–104), Шикаевка (Петрин, Смирнов, 1975. С. 79) – доминируют целые кости мамонта. Исключение составляет местонахождение Шестаково, где большинство костей мамонта также раздроблено (Деревянко и др., 2003).

Таким образом, остеологический материал указывает, что на вскрытом участке стоянки были в той или иной степени утилизированы пять особей мамонта, две – бизона, по одной – благородного оленя, северного оленя, сайги, лошади и малого пещерного медведя.

Для характеристики стоянки нужно ответить на три вопроса: в какое время года, сколько раз и зачем останавливались здесь люди.

Наличие большого количества костей мамонта позволяет считать, что одним из основных занятий была утилизация их туш. Как уже сказано, найдены

остатки не менее пяти особей, что, на наш взгляд, исключает их единовременную добычу. Также маловероятно, что в течение ряда лет люди в одном и том же месте добывали по одному мамонту. Объяснить появление остатков мамонтов позволяют особенности строения долины реки. В этом месте, напомним, р. Урал делает резкий поворот, образуя крутую излучину. Во время функционирования стоянки здесь был пляж. На него весенним половодьем эпизодически выносились трупы мамонтов и, вероятно, других зверей. Люди, знавшие об этом, приходили сюда весной. Как отмечено выше, кости сильно разбиты, даже те, где нет костного мозга. Это указывает на “глубокую” степень утилизации трупов и костей. Вероятно, в одну весну выносило один-два трупа мамонтов. Если бы выносило больше, люди должны были бы использовать в первую очередь мясо, чтобы оно не испортилось. Тогда на стоянке было бы много целых костей, что не наблюдается. Сильная раздробленность костей косвенно указывает на ограниченность пищевых ресурсов, что приводило к их максимально полному использованию. находка челюсти молодого бизона, погибшего в возрасте около 2 лет, т.е. во вторую весну своей жизни (Баскин, 1979. С. 450), подтверждает предположение о весеннем сезоне. Обилие каменного сырья и его расщепление под открытым небом, зафиксированное в раскопе, также свидетельствуют в пользу бесснежного периода хозяйственно-бытовой деятельности обитателей стоянки на вскрытом участке (Сергин, 1992. С. 48–52). Стоянка располагалась вне досягаемости воды даже во время половодья, так как скопления артефактов не размыты.

Таким образом, наиболее вероятно, что исследована сезонная весенняя стоянка людей, приходивших на излучину реки для сбора и утилизации вынесенных сюда половодьем останков животных.

Изученные палиноспектры из разреза не позволяют реконструировать природные условия времени обитания людей. Однако из скважин в районе нахождения стоянки получены репрезентативные палиноспектры, на основе которых выполнены палеорекострукции (Шилова и др., 2008. С. 268). В послеказанцевское (послемикулинское) время здесь существовали сменявшие друг друга степные и лесостепные ландшафты. В период обитания на стоянке людей были распространены сухие степи; древесная растительность была развита в предгорьях и в долине р. Урал. Состав фауны млекопитающих подтверждает эти реконструкции. Преобладают виды, характерные для открытых ландшафтов: узкочерепная полевка, малый пещерный медведь, лошадь, бизон, северный олень, сайга. Только благо-

родный олень указывает на произрастание в районе стоянки древесно-кустарниковой растительности.

Возраст стоянки. Для радиоуглеродного датирования была предпринята попытка выделить коллаген из костей мамонта, которая показала отсутствие его в видимых количествах.

Датировка стоянки по данным стратиграфии. В строении отложений хорошо видны два горизонта погребенных почв, перекрытых и разделенных лёссовыми отложениями. Такое строение отложений позволяет рассматривать их как климатостратиграфический цикл. Характеристики погребенных почв и литологических слоев позволяют провести корреляцию цикла с лёссово-почвенными и ледниковыми последовательностями юга Западной Сибири (Зыкин и др., 2007. С. 32–34). Стратиграфия стоянки хорошо коррелирует с данной последовательностью. Слой 2 лёссовидного суглинка соответствует баганскому лёсса, верхняя погребенная почва – суминскому педокомплексу, слой 4 – ельцовскому лёсса, нижняя погребенная почва – искитимскому педокомплексу, слой 5 лёссовидного суглинка – тулинскому лёсса. Тулинский лёсс лежит на бердском педокомплексе и сформировался во второй половине ермаковского времени, которое соотносится с морскими изотопными стадиями МИС-5a-b и МИС-4 (примерно 90–60 тыс. л.н.). Культурный слой лежит ниже слоя лёссовидного суглинка, в слое пойменных отложений, поэтому на основе стратиграфических данных его можно датировать первой половиной ермаковского времени и сопоставлять со стадией МИС-5a-b или началом МИС-4 (примерно 90–70 тыс. л.н.). На Восточно-Европейской равнине это соответствует началу формирования хотылевского лёсса (Величко и др., 2002. С. 24–32).

Датировка стоянки по фауне млекопитающих. По видовому составу крупные млекопитающие из всех слоев относятся к позднему варианту мамонтового комплекса (Вангенгейм, 1977. С. 83, 84). В состав фауны из культурного слоя входит малый пещерный медведь, *Ursus savini* (Andrews, 1922), типичный вид среднего – начала позднего плейстоцена (Барышников, 2007. С. 319–321). На основании биостратиграфических и радиоуглеродных дат его костей установлено, что на Урале и в Западной Сибири он вымирает в течение каргинского времени (Барышников, 2007. С. 318; Косинцев и др., 2003. С. 175; Baryshnikov, Foronova, 2001. P. 395). Таким образом, культурный слой древнее конца каргинского интерстадиала, т.е. древнее 25000 лет. Рассмотренные биостратиграфические данные не противоречат результатам датирования отложений

на основе корреляции почвенно-лѣссовых последовательностей.

Итак, стоянка Богдановка – стратифицированный памятник. Из раскопа площадью около 40 м² и в результате сбора материалов с поверхности получена коллекция из 1864 каменных предметов. Всего изделий с вторичной обработкой и следами использования – 40 экз.

Ведущим типом заготовок для орудий служили отщепы, из которых 64.1% приходится на первичные и полупервичные. На наш взгляд, это объясняется изобилием высококачественного сырья в окрестностях стоянки. Преобладает лицевая отделка орудий с крутой и полукрутой чешуйчатой ретушью. Полностью двусторонне обработанные изделия отсутствуют.

В период обитания на стоянке людей были распространены сухие степи; древесная растительность была развита в предгорьях и в долине р. Урал. Состав фауны млекопитающих подтверждает эти реконструкции. Преобладают виды, характерные для открытых ландшафтов: узкочерепная полевка, малый пещерный медведь, лошадь, бизон, северный олень, сайга. Только благородный олень указывает на произрастание в районе стоянки древесно-кустарниковой растительности.

Тафономические, фаунистические и планиграфические данные позволяют считать стоянку Богдановка сезонной (весенней) неоднократного использования на выходах сырья. Каменную индустрию стоянки можно охарактеризовать как мустье типичное с элементами леваллуазского расщепления с доминированием односторонней обработки.

Возраст стоянки предварительно оценивается первой половиной позднего плейстоцена; вероятно, он совпадает с морскими изотопными стадиями 5a-b-4.

Работа выполнена по Программам Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности народов России”, “Происхождение биосферы и эволюция геобиологических систем”, по проекту РФФИ № 08-05-00773 и при поддержке программы развития научно-образовательных центров (контракт 02.740.11.0279).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., Матюшин Г.Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // СА. 1973. № 3.
Баскин Л.М. Экология и поведение зубра // Зубр. М., 1979.

Барышников Г.Ф. Семейство медвежьих (*Carnivora, Ursidae*). Фауна России и сопредельных стран. Млекопитающие. Т. I. Вып. 5. СПб., 2007.
Вангенгейм Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии. М., 1977.
Величко А.А., Морозова Т.Д., Гоибченко Ю.Н. и др. Лѣссовый покров // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. Вып. II. Общая палеогеография. М., 2002.
Горчаковский П.Л., Грибова С.А., Исаченко Т.И. и др. Растительность Урала на новой геоботанической карте // Ботанический журнал. 1975. № 10.
Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М., 1948.
Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н. и др. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003.
Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск, 2001.
Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С. Проблемы расчленения и корреляции плиоценовых и четвертичных отложений юга Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30).
Косинцев П.А., Воробьев А.А., Орлова Л.А. Абсолютные даты по ископаемым медведям (род *Ursus*) Среднего Урала // Териофауна России и сопредельных территорий. М., 2003.
Лецинский С.В., Мащенко Е.Н., Пономарева Е.А. и др. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1(26).
Матюшин Г.Н. Проблемы палеолита Урала // КСИА. 1992. № 206.
Окладников А.П., Григоренко Б.Г., Алексеева Э.В., Волков И.А. Стоянка верхнепалеолитического человека Волчья Грива (раскопки 1968 г. // Матер. полевых исследований. Дальневосточной археолог. экспедиции. Вып. 2. Новосибирск, 1971.
Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока европейской части России. Сыктывкар, 1996.
Павлов П.Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита // Северный археологический конгресс 9–14 сентября 2002, Ханты-Мансийск. Докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.
Павлов П.Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Сыктывкар, 2004.
Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33).

- Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: Автореф. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009.
- Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
- Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правом берегу Тобола // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. Свердловск, 1975.
- Сергин В.Я. О сезонах обитания на палеолитических поселениях // КСИА. 1992. № 206.
- Серигов Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2007.
- Чернова М.Г. Спорово-пыльцевой анализ отложений плейстоцена-голоцена: Уч. пособие. СПб., 2004.
- Шилова Г.Н., Демидова А.Н., Тевелев А.В. Четвертичная эволюция растительных сообществ Южного Урала // Палинология: стратиграфия и геоэкология: Сб. науч. тр. XII Всерос. Палинолог. конф. Т. II. СПб., 2008.
- Широков В.Н. Об открытии двух палеолитических памятников на Южном Урале // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
- Широков В.Н. Палеолитическая стоянка Богдановка на реке Урал // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1991.
- Широков В.Н., Волков Р.Б. Каменные орудия стоянки Богдановка I (Южный Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2001.
- Широков В.Н., Волков Р.Б., Новикова Г.М. Палеолит и мезолит Урала: Уч. пособие. Екатеринбург, 2005.
- Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994.
- Baryshnikov G., Foronova I. Pleistocene small cave bear (*Ursus rossicus*) from the South Siberia, Russia // Cadernos Lab. Xeolóxico de Laxe Coruña. 2001. V. 26.
- Fuller W.A. The horns and teeth as indicators of age in bison // Jr. Wildlife Management. 1959. V. 23. № 3.
- Roth V.L., Shoshani J. Dental identification and age determination in *Elephas maximus* // Jr. Zoology. 1988. V. 124.

КАМЕННАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СТАТУЭТКА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (ОЗ. ЗАЙСАН)

© 2011 г. А.Ф. Горелик

Германский музей горного дела, г. Бохум
(gorelik_alexander@hotmail.com)

Ключевые слова: *Верхнее Прииртышье, эпоха ранней бронзы, каменная антропоморфная статуэтка, символика.*

A stray find of an anthropomorphic statuette, discovered on the shores of Lake Zaysan (Kurchum region, Eastern Kazakhstan), offers the opportunity to reconsider the development of a traditional stone sculpture center in the upper Irtysh Basin during the Early Bronze Age. The author argues that the statuette shares many traits with stone sculptures from the Seima-Turbino culture, which developed in a region especially known for its mining and metallurgy. The Zaysan statuette is distinguished above all by its carved depiction of bent hands, which also separates it from the other stone statuettes of this tradition in the upper Irtysh Basin. Such depictions are very scarce in prehistoric sculpture of the steppes and forested steppes of Asia. Thus, it is possible to theorize that this tradition penetrated into the Zaysan region from territories farther to the south and southwest (China and south-central Asia) that had a more developed agriculture and sedentary lifestyle.

В богатом археологическом собрании Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея особое место занимает каменная антропоморфная статуэтка, обнаруженная на берегу оз. Зайсан на территории Курчумского района Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан

(рис. 1). Она была приобретена мною в августе 2008 г. у жительницы Усть-Каменогорска С. Ажикиной и подарена музею (инв. № КПо86-34986). По словам находчицы, статуэтка была обнаружена на песке, непосредственно возле уреза воды. Как известно, пресноводное оз. Зайсан принимает в

Рис. 1. 1 – зайсанская каменная статуэтка; 2 – алтайская статуэтка (с. Саввушка, г. Змеиногорск); 3, 4 – жезлы из Семипалатинской обл.; 5 – ирский жезл, р. Ир (правый берег Ишима), Крутинский р-н, Омская обл.; 6 – нуринская статуэтка; 7 – пест из Усть-Нарыма; 8 – пест из Трушниково; 9 – пест из Мало-Красноярки; 10 – пест из Курчума.

себя воды нескольких рек, включая Черный Иртыш. Последний берет истоки в горах Монгольского Алтая на территории Северо-Западного Китая. Из озера вытекает р. Иртыш, которая пересекает с юга на север Восточный Казахстан и впадает на территории Российской Федерации неподалеку от г. Ханты-Мансийск в р. Обь.

Статуэтка (рис. 2) изготовлена, по предварительному заключению проф. Котбусского университета ФРГ Р. Хердта, из метаморфической породы типа амфиболита. Характер поверхностей свидетельствует, что формообразование изделия, выполненного в каноне круглой скульптуры, производилось с использованием пикетажа, резьбы и шлифовки. Статуэтка в условной манере передает образ стоящего человека (скорее мужчины, на это может указывать общая фалломорфность фигурки) без отчетливых половозрастных признаков. Структурно-морфологически статуэтка состоит из трех основных элементов: подовальной в поперечном сечении головы, в основном цилиндрического, удлиненного, слегка расширяющегося книзу туловища и короткого подпрямоугольного с закругленными углами, бабочковидного в поперечном разрезе штыря-цапфы в основании. Высота фигурки составляет 17.1 см, высота головы (возможно, с головным убором) – 4.2, максимальная ширина головы – 2.5, длина – 2.4, диаметр туловища – 3.3–3.8; ширина выступа цапфы – 2.8, длина – 3.6, высота – 1.7.

Верх статуэтки угловат, уплощен, с небольшой выемкой при переходе к лобной части, слегка скошен во фронтальную сторону. Такая его трактовка могла передавать головной убор или, с гораздо меньшей вероятностью, прическу. В богатой коллекции стоящих бронзовых статуэток из комплексов средней и поздней бронзы Леванта, опубликованных Х. Сиден, имеются фигурки с плосковерхими головными уборами (шлемами), напоминающими по стилистике верх зайсанской статуэтки (Seeden, 1980. Fig. 1511; 1019). Голова, высеченная в условно-обобщающей манере, занимает около 1/3 длины статуэтки. Она несколько наклонена вперед. Рельефом и прочерченными линиями выделены некоторые черты продолговатого лица: лоб, нос, глаза, рот и подбородок. Лобная часть статуэтки уплощена, в деталях непроработана. Глаза выражены с помощью коротких, слегка закругленных рисок. Нос прямой, выступающий, переходящий вниз с закруглением к верхней губе. Тонкой риской передан рот, как бы стянутый тремя перечеркивающими его короткими вертикальными штрихами. Имеет ли эта деталь отношение к символике, связанной с анимистическими представлениями, можно лишь догадываться. Скулы плавно профилированы и едва намечены.

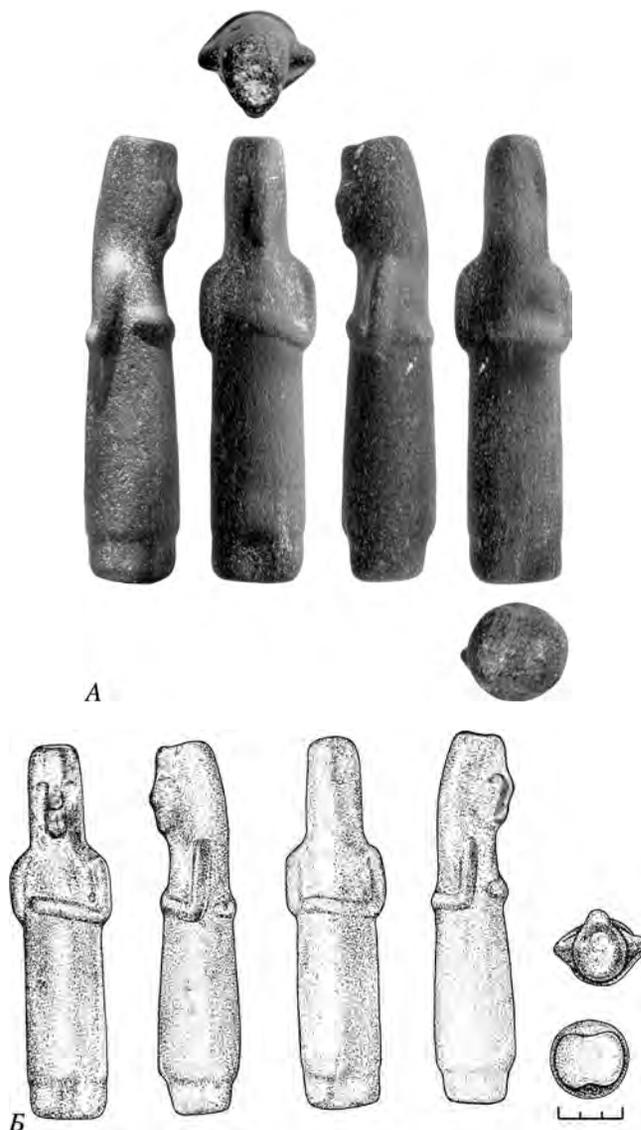

Рис. 2. Зайсанская статуэтка (А, Б).

Узкий удлиненный подбородок рельефно отделяется от короткой шеи. Переход от головы к туловищу в тыльной проекции осуществляется с небольшим плавно смоделированным выступом, за которым, возможно, скрывается изображение ниспадающих с головы волос, спрятанных под одеждой.

Наиболее примечательная черта торса – узкие покатые выступающие плечи с плотно прижатыми к туловищу руками. Левая рука, согнутая под углом 70°, покоится в районе низа груди. Правая рука, согнутая под прямым углом на том же уровне, что и левая, заведена за спину. Кисть выделена легким изгибом, приближена, но не прикасается к локтю левой руки. Фигурка плавно расширяется книзу до линии выступа, от которого она резко редуцируется и переходит во втулку. Край выступа может быть

Рис. 3. Зайсанская статуэтка в спирали ближних и дальних аналогий: 1 – зайсанская каменная статуэтка; 2 – алтайская статуэтка (с. Саввушка, г. Змеиногорск); 3, 4 – жезлы из Семипалатинской обл.; 5 – навершие из Аркаима; 6 – нуринская статуэтка; 7 – типичная статуэтка окуневской культуры (Боград, Хакасия); 8 – ирский жезл; 9 – пест типа Vb (по: Boroffka, Sava, 1998).

интерпретирован как подол кафтана или платья. Втулка выполняла, по-видимому, функциональную роль. Она давала возможность укрепить статуэтку в какой-либо оправе, платформе, алтаре. Представление об одном из таких алтарей создает изделие из позднетрипольского комплекса Костиша, опубликованное Г. Мюллер-Карпе (Müller-Karpe, 1974. Taf. 677, C1). Одновременно эта часть статуэтки могла нести изобразительную функцию. С тыльной и фронтальной сторон втулки посередине прослеживаются вертикальные желобки, которые, возможно, передавали границу сомкнутых ног. Об использовании артефакта (не исключено, что еще до его трансформации в статуэтку) для растирания какого-то вещества, содержащего твердые абразивные элементы, свидетельствуют следы использования в виде косо поставленных прямых линейных царапин на поверхности основания статуэтки.

Стилистический, технологический и функциональный анализ зайсанского идольчика не оставляет

сомнений в его культурно-исторической достоверности в контексте обширного корпуса скульптуры и пластики малых форм в первобытном искусстве Евразии. Вместе с тем очевидная его оригинальность и отсутствие какого-либо сопровождающего археологического контекста вносят во многие рассуждения, предлагаемые вниманию читателя, элемент гипотетичности.

На фоне значительного сравнительного материала, имеющегося по ранней скульптуре и пластике малых форм Сибири, Казахстана, Средней и Передней Азии, Китая, Монголии, Индии, Анатолии и Ближнего Востока, можно более или менее определенно говорить о культурно-историческом месте, занимаемом зайсанской статуэткой. Проведенный анализ позволил сделать вывод о принадлежности статуэтки главным образом к местным (имеется в виду территория лесостепной Азии, степей Казахстана) достаточно своеобразным традициям первобытного искусства, сложившимся в эпоху ранней бронзы (рис. 3). Я имею в виду традиции в изготовлении каменной скульптуры, прослеживаемые по материалам окуневской культуры и Сейма-Турбино. И для скульптуры памятников окуневской культуры (Окладников, 1975. С. 58–63; Окуневский сборник, 1997; 2006), и для части статуэток, отнесенных многими исследователями к сейминско-турбинской традиции (Пяткин, Миклашевич, 1990. С. 146–153; Кирюшин, 1991. С. 66–70; 2002. С. 90, 91; Самашев, Джумабекова, 1993. С. 23–33; Samašev, Žumabekova, 1996. S. 229–239), характерна вертикально ориентированная, зачастую фалломорфная скульптура с выделением головы человека как ведущего знакового элемента изделия. Она несет на себе иногда следы использования в качестве песта или терочника. Каменные стержни цилиндрической, подцилиндрической формы (пестиковидные) с изображением головы человека известны из погребальных комплексов и случайных находок окуневской культуры эпохи ранней бронзы в бассейне Среднего Енисея (Кызласов, 1956. С. 14–21; Дэвлет, 1962. С. 203–205; Студзицкая, 2006. С. 219–227; Грязнов, Комарова, 2006. С. 57, 67), которые сегодня датируются последней четвертью III – началом II тыс. до н.э. (Parzinger, 2006. S. 306). Важно заметить, что окуневские каменные фигурки достаточно своеобразны. Они, как правило, значительно мельче зайсанской статуэтки и резко отличаются от нее в передаче деталей человеческой головы и лица.

Большее сходство с идольчиком из Зайсана обнаруживают некоторые каменные антропоморфные изделия с изображением мужской головы с территории Восточного Казахстана и Алтая, которые, к

сожалению, представляют собой изолированные, случайные находки.

Я хотел бы обратить внимание в первую очередь на три из них: статуэтку из Змеиногорского района Алтайского края России, впервые опубликованную Ю.Ф. Кирюшиным (1991. С. 66–70), и два жезла из Семипалатинской обл. Казахстана (ныне Восточно-Казахстанская обл.). Один из семипалатинских жезлов с двойным изображением: головы человека и животного (барана?) (Кызласов, 1956. Рис. 12; Маргулан, 1979. Рис. 307). Второй – с вырезанным человеческим лицом (Самашев, Джумабекова, 1993. Рис. 7, 1). Метрически сравнимые изделия очень схожи, они значительно крупнее окуневских, что, возможно, указывает на иной характер использования. По крайней мере два изделия (алтайское и семипалатинское с дополнительным изображением животного) несут на конце, противоположном голове, следы сработанности, возможно, в качестве песта.

Стилистика лица алтайской статуэтки имеет много общего с иконографией зайсанского идольчика. Их объединяют вытянутость формы, сглаженность, обтекаемость скул, выразительность носа с закруглением внизу и подбородка, передача рта короткой резной линией. Можно согласиться с Ю.Ф. Кирюшиным, З.С. Самашевым и Г.С. Джумабековой о близкой к европеоидности стилистике изображения лица на алтайской статуэтке. Существенны и отличия иконографии трех указанных статуэток по отношению к идольчику из Зайсана. На алтайской статуэтке вырезаны ушные раковины, глазные впадины. Мужская голова на семипалатинском жезле, опубликованном З.С. Самашевым и Г.С. Джумабековой, отличается широким лицом, брахикранным черепом, выступающими рельефными скулами, продольными вытянутыми узкими глазными впадинами. Она имеет, на мой взгляд, скорее монголоидный облик.

На изображении лица на другом жезле, обнаруженном возле Семипалатинска, беспрецедентны резко выступающие надбровные дуги, коленчато переходящие к линии короткого широкого прямого носа. Как минимум две названные выше статуэтки (алтайская и семипалатинская с двойным изображением) датируются исследователями примерно тем же временем, что и окуневские. Основанием для такой датировки, по мнению многих авторов (В.И. Матющенко, В.И. Мошинская, Ю.Ф. Кирюшин, З.С. Самашев, Г.С. Джумабекова и др.), служит сходство выпуклой полусферической шапочки (шлема) на голове алтайской статуэтки с изображением головного убора у лыжника на рукояти бронзового ножа из могильника Ростовка (Матю-

щенко, 1970. С. 103–105). Последний относится к древностям сейминско-турбинской индустрии, получившей сегодня датировку в пределах конца III – начала II тыс. до н.э. (Епимахов и др., 2005. С. 98, 99; Parzinger, 2006. S. 336). На каменной статуэтке из Зайсана нет изображения шапочки типа ростовкинской. Однако очевидное сходство по многим другим признакам для синхронизации с другими антропоморфными фалловидными статуэтками, отнесенными к сейминско-турбинской традиции, прежде всего из Прииртышья, представляется мне не менее существенным. Для датировки жезла из Семипалатинска с головой человека и изображением животного, скорее всего барана (Ченченкова, 2004. С. 202), показательно, что многие стилистически похожие изображения на плитках, чашах и т.п., распространенные особенно в лесостепной Азии, происходят из надежных археологических контекстов. Они датированы в пределах от энеолита до раннего железного века (Ченченкова, 2004. С. 202). По мнению В.И. Мошинской, “плитки с головами баранов следует скорее относить к эпохе бронзы, чем к раннему железному веку, и к тому же кругу культур, что и каменную скульптуру Прииртышья – не исключено, что именно к тому, с которым связан могильник Ростовка на р. Оми” (1976. С. 75). Есть основания и для датировки еще одного довольно редкого элемента – втулки, изготовленной на зайсанском идольчике. Подобная втулка имеется на каменном навершии, обнаруженном в культурном слое поселения Аркаим в Челябинской обл. (Ченченкова, 2004. С. 200), которое сегодня датируется концом III – началом II тыс. до н.э. (Епимахов и др., 2005. С. 98, 99; Кузьмина, 2008. С. 128; Parzinger, 2006. S. 336).

Проделанный анализ позволяет заключить, что каменная статуэтка из Зайсана может быть датирована эпохой ранней бронзы в пределах хронологического интервала между последней четвертью III и началом II тыс. до н.э. по калиброванной шкале. Наиболее близкие параллели она находит среди части каменных статуэток, происходящих также из бассейна верхнего течения Иртыша, которые соотношены с сейминско-турбинской иконографической традицией.

Для оценки места, занимаемого зайсанским идольчиком в древностях Центральной и Средней Азии, существенна его морфологическая и, возможно, отчасти функциональная (символическая) близость каменным жезлам (скипетрам)-пестам, или “фаллосам” бронзового века. Последние чрезвычайно широко распространены на территории Евразии (Boroffka, Sava, 1998). На эту возможную взаимосвязь указывает тот факт, что в лесостепной

и степной зоне Азии ряд антропоморфных каменных статуэток был изготовлен на пестовидных и фалломорфных изделиях. К упомянутым выше фронтальным круглым статуэткам-пестам добавим нуринский пест с изображением головы человека, обнаруженный в Северном Казахстане, а также ирский жезл с антропоморфным янусовидным изображением из Омской обл. (Мошинская, 1976. С. 55–62; Ченченкова, 2004. С. 208–211). Последний, имеющий особенно выраженные фалломорфные черты, может быть сопоставлен со скипетрами, отнесенными к варианту Vb по классификации Н. Бороффки и Е. Саввы (Boroffka, Sava, 1998). Скипетры данного типа получили распространение исключительно на территории Средней Азии. По мнению Н. Бороффки и Е. Саввы, в восточных степях и в Средней Азии, преимущественно в андроновское время (от XIX/XVIII в. до н.э.), происходит формирование наиболее ранних типов, включая тип V, скипетров-пестов (Boroffka, Sava, 1998. S. 64). Н.А. Аванесова, опираясь на находки этих изделий в ранних слоях Саразма и на поселении Тугайное (Зеравшанская долина), полагает, что эту дату можно удревнить до III тыс. до н.э. (2004. С. 408).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в бассейне Иртыша была относительно широко распространена не только антропо-фалломорфная скульптура. В дополнение к охарактеризованным выше четырем каменным статуэткам важно отметить находку в целом сходного по иконографии антропоморфного навершия из бронзы, хранящегося в музее г. Зайсан, Казахстан (Кирюшин, 2002. Рис. 131, 2). На обозначенной территории известны также каменные песты и скипетры, очень часто находимые в районах с многочисленными первобытными (преимущественно андроновского времени) выработками олова, меди, золота и следами металлургии (Черников, 1960. С. 244). Находки каменных пестов и скипетров на территории Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана зачастую отмечены в комплексах, связанных с горно-металлургическим и металлообрабатывающим производствами (Аванесова, 2004. С. 407, 408).

Возникновение самобытного очага антропоморфной скульптуры в Прииртышье (я не рассматриваю здесь зооморфную скульптуру, связь которой с “сеймо-турбинским феноменом” еще более очевидна (Мошинская, 1976; Черных, Кузьминых, 1989)), в культурной среде, сформировавшейся под значительным влиянием инновативного, форсированного развития горного дела и металлургии (Черных, 1970. С. 116–120; Черных, Кузьминых, 1989. С. 251), наталкивает на мысль о взаимосвязанности этих явлений.

На формирование стилистики зайсанской статуэтки оказали влияние, по-видимому, не только местные, но и привнесенные в бассейн Иртыша культурные традиции. Особая композиционная оригинальность статуэтки из Зайсана состоит в позиции рук, сложенных на груди/спине. Как известно, руки относятся к числу наиболее знаковых, символических элементов древней скульптуры и пластики (Morris, Peatfield, 2002. P. 105–120; Hansen, 2007. S. 349, 350). Мотив рук, в частности сложенных, чрезвычайно редок в традициях вертикальной (стоящей) скульптуры эпохи бронзы лесостепной и степной Азии. Этот мотив мало характерен и для традиционной скульптуры народов Сибири XIX в., которая в силу ее консерватизма была тесно связана с традициями местного первобытного искусства (Иванов С.В., 1970).

Исключение – абсолютно самобытная группа антропоморфных сидящих каменных статуэток со сложенными руками, найденных на территории Северного Казахстана (Костанай, Акмола) (Ченченкова, 2004. С. 6). Последние, зачастую также относимые к сейминско-турбинской традиции, имеют мало общего (существенно лишь присутствие шапочки-шлема) с иконографией проанализированных выше произведений вертикально ориентированной малой скульптуры. Эти статуэтки по некоторым параметрам (непропорционально большая голова, выраженные надбровные дуги, глубоко посаженные глаза, сложенные на животе руки, скрещенные ноги) скорее перекликаются со стилистикой каменных статуэток сидящих беременных женщин из Хоутайци (период 1) (Северный Китай), которые, по мнению китайских коллег, следует датировать неолитом (цит. по: Wagner, 2006. S. 240). Помимо Северного Китая развитые традиции в изображении рук, иногда сложенных, имели место в малой антропоморфной стоящей и сидящей скульптуре и пластике начиная с энеолита в культурах палеометалла Средней Азии и Афганистана, в материалах Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Amiet, 1986; Masson, Korobkova, 1989. P. 62–70; P'yankova, 1994. P. 355–357; Sarianidi, 1989. P. 107–124; 1998; Сарианиди, 2002; Solovyova, 2005), Ирана (Daems, 2001; Shirazi, 2007. P. 147–162), Месопотамии (Oates, 1966. P. 146–153; Антонова, 1972. С. 17–33), Леванта (Seeden, 1980; Hansen, 2007. S. 355–359).

Это дает мне основание предполагать, что на формирование стилистического образа статуэтки из Зайсана действовали культурные импульсы, исходящие из расположенных к югу от Казахстана культурных регионов. О реальности такого рода влияний в эпоху ранней и средней бронзы говорит

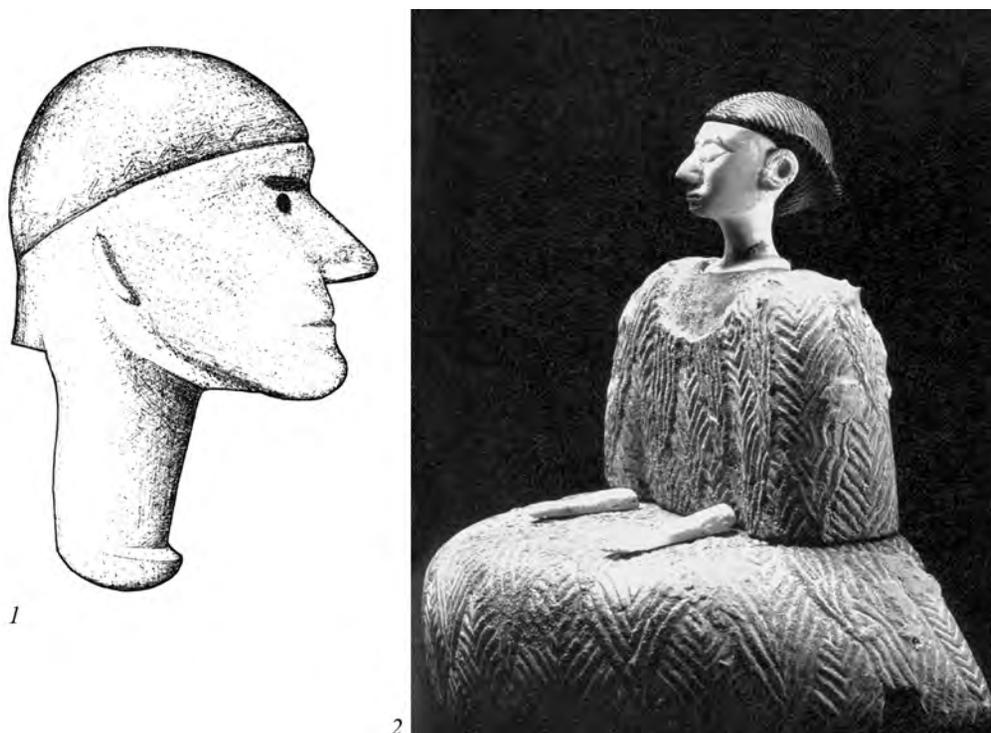

Рис. 4. Туйская статуэтка (1) и статуэтка из Бактрии (2) (по: Сарияниди, 2002).

еще один факт из истории каменной антропоморфной скульптуры, не получивший, по моему мнению, должной оценки. Речь идет о значительном сходстве известной туйской каменной статуэтки из Прииртышья (Мошинская, 1976) с некоторыми составными статуэтками Бактрии (рис. 4). В.И. Мошинская первая обратила внимание на то, что туйская статуэтка, отличающаяся также от других каменных изображений человека в лесостепной Азии особой индивидуализированной портретной характеристикой, является лишь верхней частью какой-то составной фигуры (1976. С. 56). Широкое распространение, по-видимому, в конце III – начале II тыс. до н.э. композитной скульптуры, состоявшей из скульптурного подиума, как правило торса, облаченного в традиционные одежды Шумера, и мраморных вкладышей, представленных головой и ручками, – отличительная черта Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Amiet, 1986. P. 200; Sarianidi, 1998. P. 48–58). Туйскую статуэтку связывает со скульптурой Бактрии–Маргианы не только специфический способ ее использования, но и иконография, передача глаз посредством инкрустации. Одна из женских статуэток, опубликованная В.И. Сарияниди, из разграбленной могилы в Бактрии демонстрирует такой же сильно выступающий на узком длинном лице тонкий крупный нос, узкий лоб, тонкую вытянутую шею, полусферическую шапочку (рис. 4).

Эти совпадения могут быть основанием для предположения о влияниях со стороны Бактрии–Маргианы, доходивших до Прииртышья. На фоне присутствия различных, пусть и малочисленных, импортов из Бактрии–Маргианы времени Намазга VI в инвентаре андроновских памятников степной зоны Средней Азии, Казахстана (Кузьмина, 2008. С. 102, 103) такие отдаленные связи между югом и севером не кажутся надуманными. Заслуживающие внимания факты из области антропологии и особенности погребального обряда в пользу возможного проникновения через Восточный Казахстан в эпоху ранней бронзы населения из районов Средней Азии и Восточного Средиземноморья приводит Ю.Ф. Кирюшин (2002. С. 84).

Особого внимания в иконографии, а также, очевидно, в символике зайсанской статуэтки заслуживает, на мой взгляд, асимметричное положение рук, при котором согнутая на груди левая рука занимает фронтальное положение, а правая рука, так же согнутая, как бы спрятана за спиной. Такое положение рук в истории первобытной антропоморфной скульптуры уникально. Лишь единичные очень отдаленные аналогии могут служить некоторым указанием, в каком направлении следует искать истоки такой исключительной традиции. В их числе следует упомянуть одну из глиняных статуэток (длиной 5,2 см) с правой рукой, согнутой за спиной, и левой, вытянутой вдоль тела, из погребального комплекса

в провинции Хонан в Китае, относящуюся к эпохе позднего Хоу (403–205 гг. до н.э.) (Consten, 1958. S. 100. Taf. 61). Справедливости ради следует указать, что после термолюминисцентного анализа ряда статуэток, найденных у д. Хуи Хсьен, было установлено, что все они являются подделками (Fleming, Sampson, 1972. P. 237–244), но, возможно, что фальсификаторы исходили из только им известных достоверных прототипов. О глиняной фигурке человека с руками за спиной из сосуда в храме на городище Тоголок 21 пишет В.И. Сариниди (2002. С. 293). Бросающаяся в глаза композиционная особенность – сложенная на груди или на животе левая рука и “спрятанная” правая рука – отмечена на некоторых статуэтках аккадской династии (XXIV–XXII вв. до н.э.) в Телль эс-Саванн в Месопотамии (Barrelet, 1968. P. 94, 95. Pl. IX), на глиняной мужской статуэтке из слоя керамического неолита поселения Шаар-Хаголан (6400–5800 гг. до н.э. (калибр.) в Израиле (The Yarmukians..., 1999. P. 58, 59).

Предпочтение левой руки правой, которое, по-видимому, символически передавалось подобным положением рук, – явление довольно редкое. В мифологии древних культур, в том числе и тех из них, которые традиционно связывают с индоевропейскими народами, скорее преобладает мотивированный физиологией и психикой человека обратный культурный код (Hertz, 1973. P. 3–23; Иванов В.В., 1982. С. 43, 44; Sattler, 2000; Lexikon der Ägyptologie, 1984. S. 188–192). Из мифологий древних народов, проживавших поблизости от бассейна Зайсана, в известном смысле исключением является мифология Древнего Китая (Granet, 1953. P. 263–278). В отличие от известного этнографа Р. Хертца, проследившего во многих древних культурах решительное предпочтение правой руки левой, М. Гране показал неоднозначность места и оценки правой и левой руки/стороны в культуре и мифологии Древнего Китая. В дуальной мировоззренческой системе древних китайцев, построенной на противопоставлении начал Ян и Инь, в антитезе левой и правой сторон левое соотносится с Ян, что при определенных условиях может символизировать мужское начало, верх, небо, социальную элиту (Granet, 1953. P. 268). Левая сторона могла выступать приоритетной в сложном мире китайского этикета. В то же время М. Гране показывает отсутствие жесткой фиксированности такого культурного кода, его релятивизм. Имеет ли отмеченная у древних китайцев символика отношение к прочтению семантики зайсанской статуэтки, возможно, покажут дальнейшие исследования в области духовной культуры первобытности этого интереснейшего региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Н.А.* Случайные находки эпохи бронзы из фондов госмузея-заповедника Самарканда // У истоков цивилизации. М., 2004.
- Антонова Е.В.* Антропоморфная пластика Древней Месопотамии. Культура Джармо и Хассуна (конец VII – VI тыс. до н.э.) // СА. 1972. № 2.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н.* Сыда V – могильник окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура и ее окружение. Вып. 2. СПб., 2006.
- Дэвлет М.Э.* Каменная фигурка андроновского времени // СА. 1962. № 2.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4.
- Иванов В.В.* Левый и правый // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1982.
- Иванов С.В.* Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.
- Киришин Ю.Ф.* Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // Изв. СО АН СССР. Вып. 2. Новосибирск, 1991 (История, филология и философия).
- Киришин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кузьмина Е.Е.* Арии – путь на юг. СПб., 2008.
- Кызласов Л.Р.* Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии // КСИИМК. 1956. Вып. 63.
- Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Матющенко В.И.* Нож из могильника у деревни Ростовка // КСИА. 1970. Вып. 123.
- Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
- Окладников А.П.* Миниатюрные изваяния Минусинской степи // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997.
- Окуневский сборник: Культура и ее окружение. Вып. 2. СПб., 2006.
- Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А.* Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.
- Самашев З.С., Джумабекова Г.С.* К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Изв. НАН РК. № 5. Алма-Ата, 1993 (Обществ. науки).
- Сариниди В.И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Студзицкая С.В.* Специфические черты пластики окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура и ее окружение. Вып. 2. СПб., 2006.

- Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург, 2004.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960 (МИА; № 88).
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Amiet P. L'Age des echanges inter-Iraniens 3500–1700 avant J.C. Paris, 1986.
- Barrelet M.-T. Figurines et reliefs en terre cuite de la Mésopotamie antique. I. Potiers, termes de métier, procédés de fabrication et production. Bibliothèque archéologique et historique. T. 85. Paris, 1968.
- Boroffka N., Sava E. Zu den steinernen "Zeptern/Stössel-Zeptern", "Miniatursäulen" und „Phalli“ der Bronzezeit Eurasiens // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 30. Berlin, 1998.
- Consten E. Das alte China. Stuttgart, 1958.
- Daems A. The iconography of the pre-Islamic women in Iran // Iranica Antiqua. 2001. V. 36.
- Fleming S.J., Sampson E.H. The authenticity of figurines, animals and pottery facsimiles of bronzes in the Hui Hsien Style // Archaeometry. 1972. V. 14. № 2.
- Granet M. La droite et la gauche en Chine // Etudes sociologiques sur la Chine. Paris, 1953.
- Hansen S. Bilder vom Menschen der Steinzeit. Untersuchungen zur anthropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa. In zwei Teilen. Mainz, 2007.
- Hertz R. The pre-eminence of the right hand: A study in religious polarity // Right and left. Essays on dual symbolic classification / Ed. R. Needham. Chicago; L., 1973.
- Lexikon der Ägyptologie. Bd. V / Hrsg. von W. Helck, W. Westendorf. Wiesbaden, 1984.
- Masson V.M., Korobkova G.F. Eneolithic stone sculpture in Turkmenia // Antiquity. 1989. V. 63. № 238.
- Morris Chr., Peatfield A. Feeling through the body. Gesture in Cretan Bronze Age religion // Thinking through the Body: Archaeologies of corporeality / Eds Y. Hamilakis, M. Pluciennik, S. Tarlow. N.Y., 2002.
- Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd. III/3. München, 1974.
- Oates J. The baked Clay Figurines from Tell Es-Sawwan // Iraq. 1966. Bd. 28/2.
- Parzinger H. Die Frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München, 2006.
- P'yankova L. Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // Antiquity. 1994. V. 68. № 259.
- Samašev Z., Žumabekova G. Spätbronzezeitliche Waffen aus Kazachstan // Eurasia Antiqua. 1996. № 2.
- Sarianidi V.I. Soviet excavations in Bactria: the Bronze Age // Bactria. An ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan / Eds G. Ligabue, C. Lamberg-Karlovsky, S. Salavatori. Venezia, 1989.
- Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.
- Sattler J.B. Links und Rechts in der Wahrnehmung des Menschen. Zur Geschichte der Linkshändigkeit. Donauwöth, 2000.
- Seeden H. The Standing Armed Figurines in the Levant. München, 1980.
- Shirazi R. Figurines anthropomorphes du Bronze ancien de Shahr-i Sokhta, période II (Séistan, Sud-Est de l' Iran): approche typologique // Paléorient. 2007. T. 33. № 2.
- Solovyova N.F. Chalcolithic Anthropomorphic Figurines from Ilgynly-depe, Southern Turkmenistan. Classification, analysis and catalogue. Oxford, 2005 (BAR; Intern. Ser. № 1336).
- The Yarmukians: Neolithic art from Sha'ar Hagolan / Ed. Y. Garfinkel. Jerusalem, 1999.
- Wagner M. Neolithikum und Frühe Bronzezeit in Nordchina vor 8000 bis 3500 Jahren. Mainz, 2006.

КЛАД УКРАШЕНИЙ С ГОРОДИЩА ДЮТЬКОВО

© 2011 г. Н.А. Кренке*, А.В. Лазукин**, Е.Ю. Тавлинцева***

* Институт археологии РАН, Москва (nkrenke@mail.ru)

** Звенигородский историко-архитектурный

и художественный музей

*** Музей Москвы

Ключевые слова: городище, клад бронзовых украшений, Москворечье, ранний железный век, этническая идентификация.

The article publishes a rare find of a hoard of bronze ornaments from the fortified settlement of Duytkovo near Zvenigorod on the river Moskva. The hoard dates to the 1st–2nd cc. AD and is an important indicator of the abundance of characteristic ornament types, and of the high aesthetic tastes of the ancient population. We can advance the hypothesis that during the period in question a specific ethnic group was evolving on the territory of the Moskva river basin, and that the ethnic identification was expressed, in particular, in wearing umbo-shaped pendants with a specific décor.

Клады украшений с памятников дьякова типа – большая редкость. Всего их известно семь (Дьяково – 1, Троицкое – 1, Щербинское – 2, Подмоклово – 1, Заболотье – 1, Дютьково – 1). Еще один клад с украшениями дьякова типа был найден в Калужской обл. (данные из интернет-форума домонгольской металлопластики). Ценность их в том, что это комплексы, характеризующие “узкие” хронологические срезы. Этой информации особенно недостает при отсутствии погребений и слабой стратиграфической расчлененности культурных слоев большинства городищ. Комплекты перечисленных выше кладов – важнейший источник для характеристики культуры населения Москворечья в железном веке. Настоящая статья посвящена публикации находки, сделанной на городище Дютьково в 2008 г. В работах участвовали археологи О.И. Александрова, А.В. Алексеев, И.И. Елкина, И.Н. Ершов, М.В. Лавриков, А.Н. Смирнов.

Археологический контекст. Городище Дютьково находится возле границы г. Звенигород в Московской обл. на левом берегу р. Сторожка в урочище Швейцария в 750 м к юго-востоку от д. Дютьково и в 2 км к северу от Саввино-Сторожевского монастыря (рис. 1). Расстояние от северного края площадки городища до реки – 150 м. Высота над уровнем воды 15–20 м (165–170 м в балтийской системе высот).

Городище было открыто в 2007 г. и изучалось совместной экспедицией Института археологии РАН и Звенигородского музея в 2007–2009 гг. Всего на па-

мятнике раскопано 37 м². Шурфы были заложены на площадке и склонах, изучены оборонительные сооружения. В результате этих работ установлено, что площадка поселения (15 × 60 м), занимающая узкий мыс между двумя оврагами, была с севера защищена двумя рвами, валы при этом отсутствовали.

Внешний ров, видимо, сильно размыт, внутренний, наоборот, заплыл. Раскопки показали, что ширина внутреннего рва 3 м, а глубина – 1.2. Он имеет уплощенное дно. Отмечены углистые линзы в придонной части очень плотного заполнения и единичные угольки и керамика в верхней части.

С восточной стороны вдоль всей площадки идет уступ (эскарп) шириной около 3 м, акцентированный выбросами из лисьих нор.

Культурный слой на самой площадке очень незначительный, всего около 20 см. На восточном склоне его мощность возрастает местами до 1.5 м, в том числе за счет выбросов из лисьих нор. Мощные отложения (до 1 м) культурного слоя зафиксированы на дне оврага, расположенного с западной стороны площадки. Таким образом, можно предполагать, что после прекращения жизни городища здесь протекали интенсивные денудационные процессы, приведшие к перемещению вниз с площадки сотен кубометров культурного слоя.

Большая часть керамики обнаружена в шурфах на склонах и в разрезе рва. В комплексе доминирует текстильная и гладкостенная керамика, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа

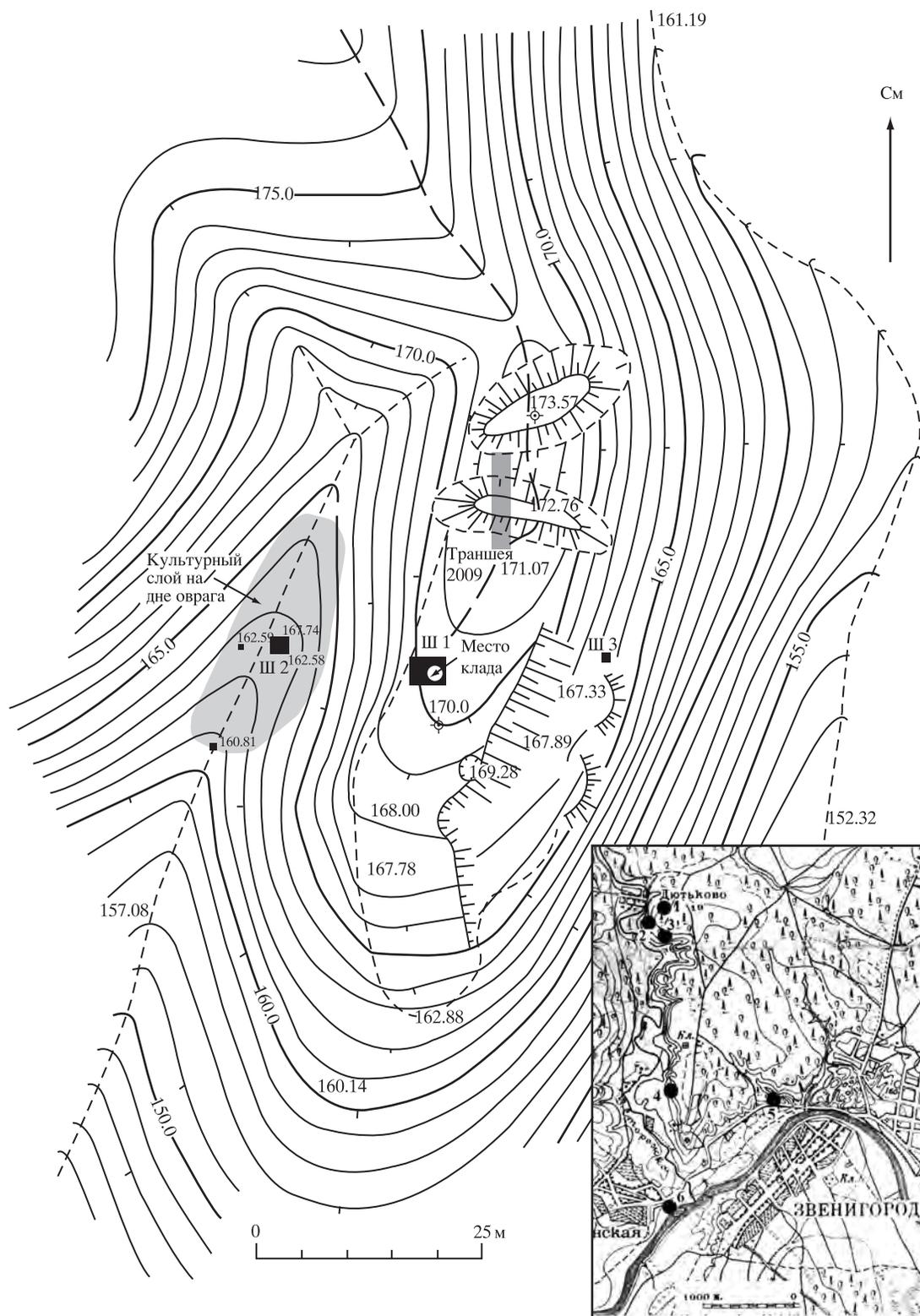

Рис. 1. План городища Дютьково. На врезке – памятники железного века в Звенигороде. 1 – селище Дютьково; 2 – поселение Дютьково 3 (Олимп); 3 – городище Дютьково; 4 – городище у Саввино-Сторожевского монастыря; 5 – городище у дома отдыха “Связист”; 6 – селище Саввинская слобода 2.

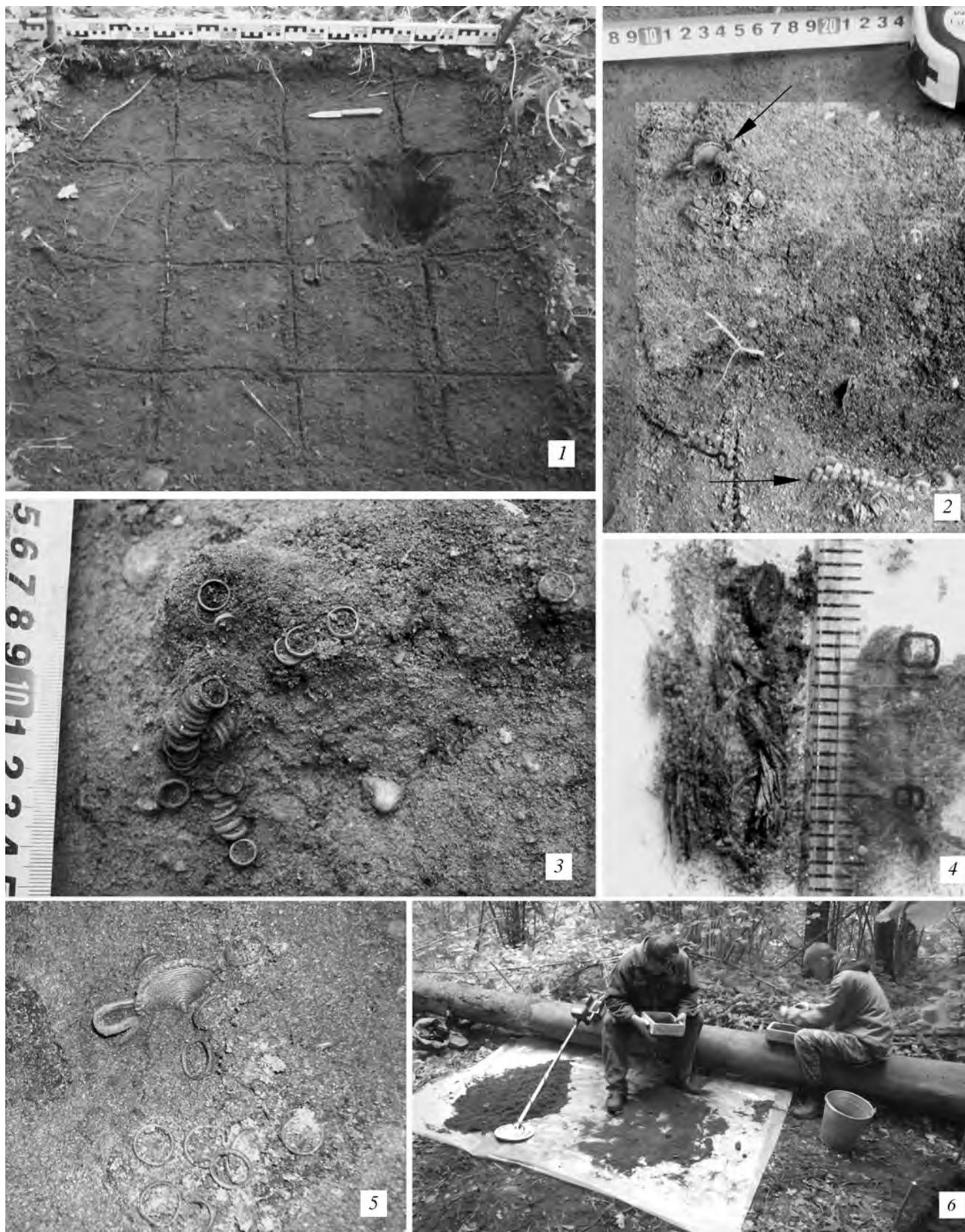

Рис. 2. Клад на городище Дютьково, процесс раскопок. 1 – место основного скопления вещей, кв. 6 шурфа 1, видна ямка от зондажа, где были сделаны первые находки; 2 – скопления 3 (вверху) и 2 (внизу) отмечены стрелками; 3 – скопление 1; 4 – фрагменты шнура из растительной ткани из скопления 2; 5 – скопление 3; 6 – просеивание отвалов.

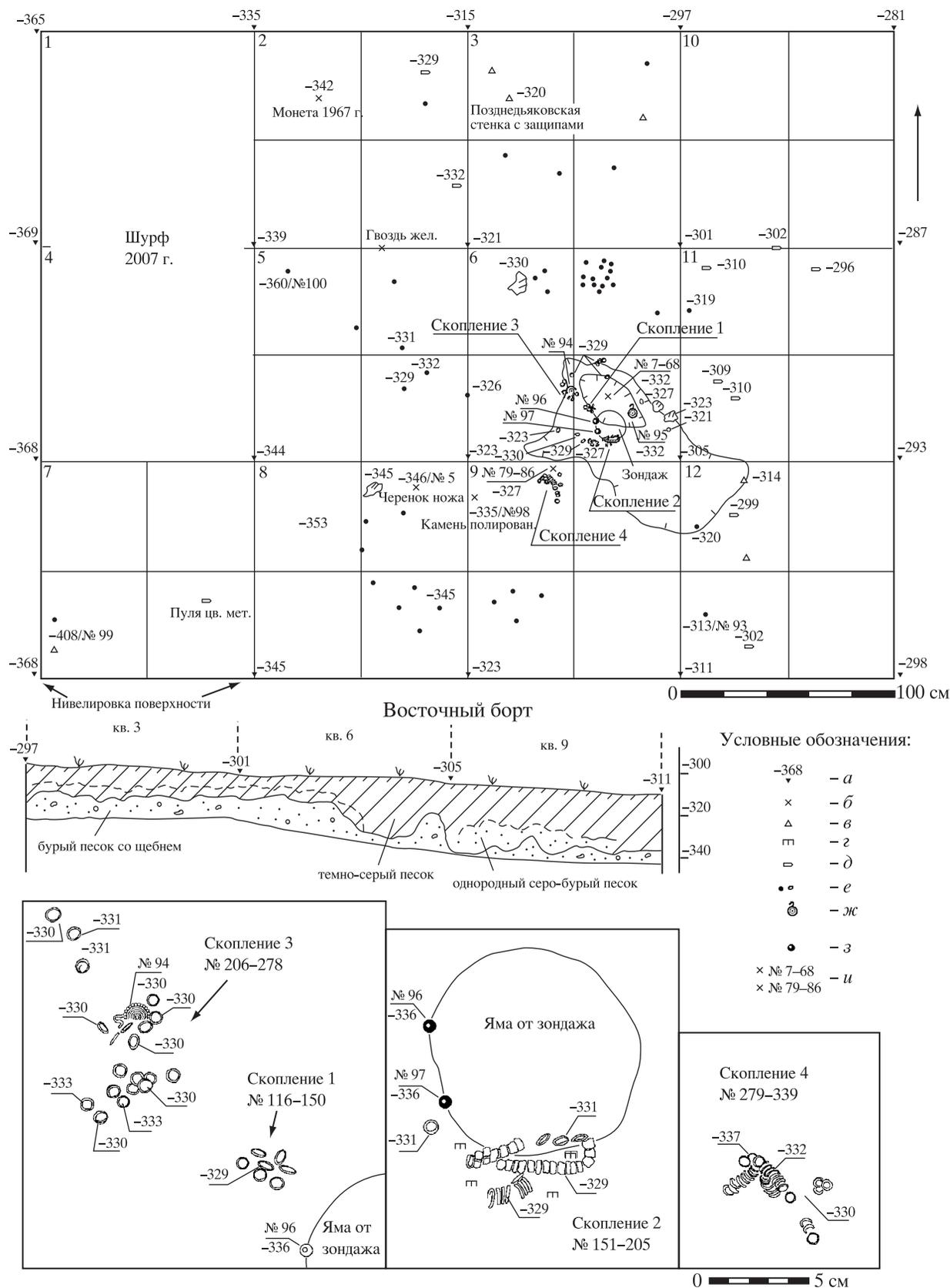
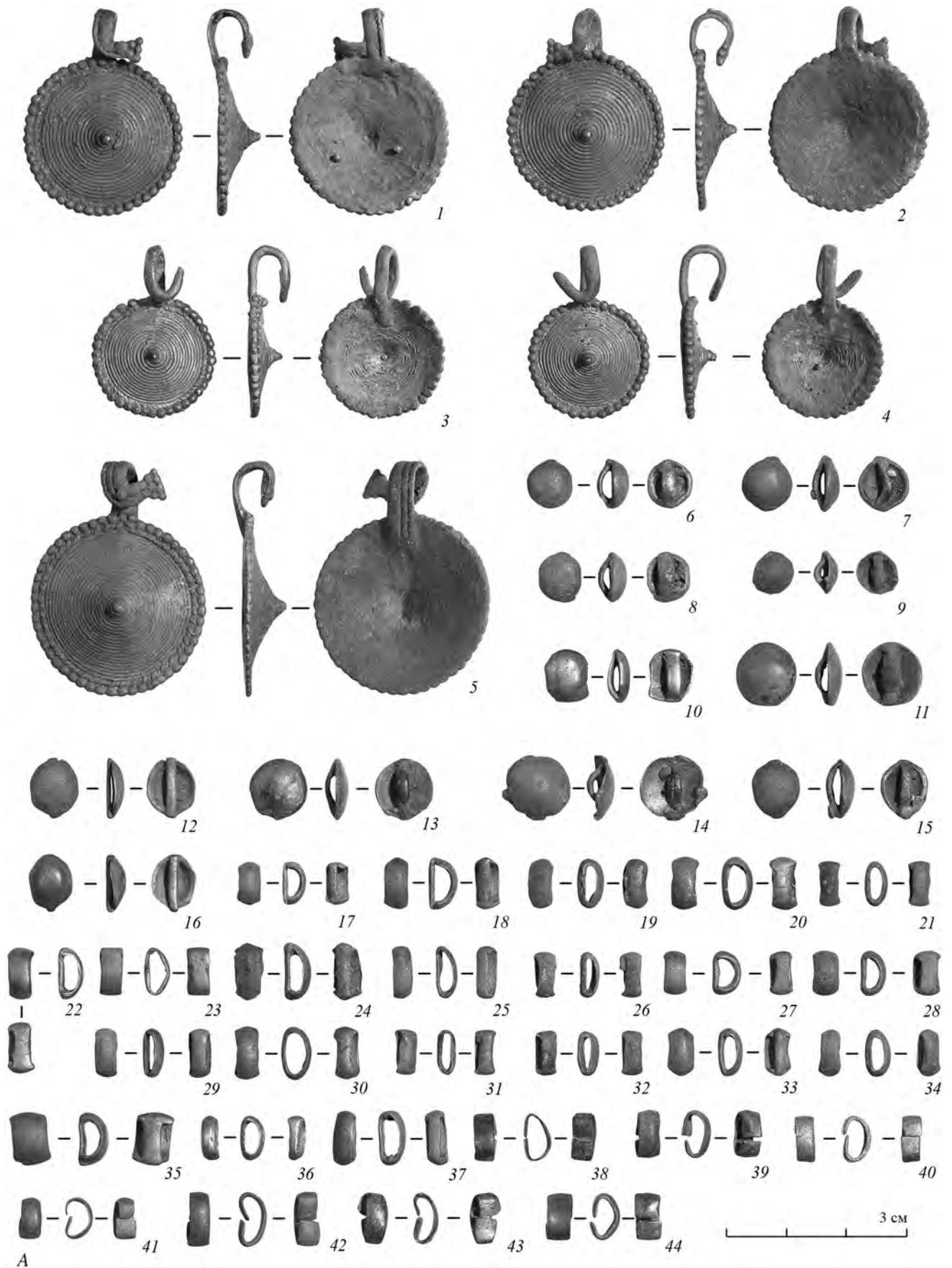

Рис. 3. Планы и профиль раскопа на городище Дютьково, где был обнаружен клад украшений. Условные обозначения: а – нивелировка поверхности; б – находка; в – керамика лепная; г – тлен; д – пуля 1941 г.; е – колечко бронзовое; ж – привеска умбовидная бронзовая; з – бусина стеклянная; и – колечки изклада.

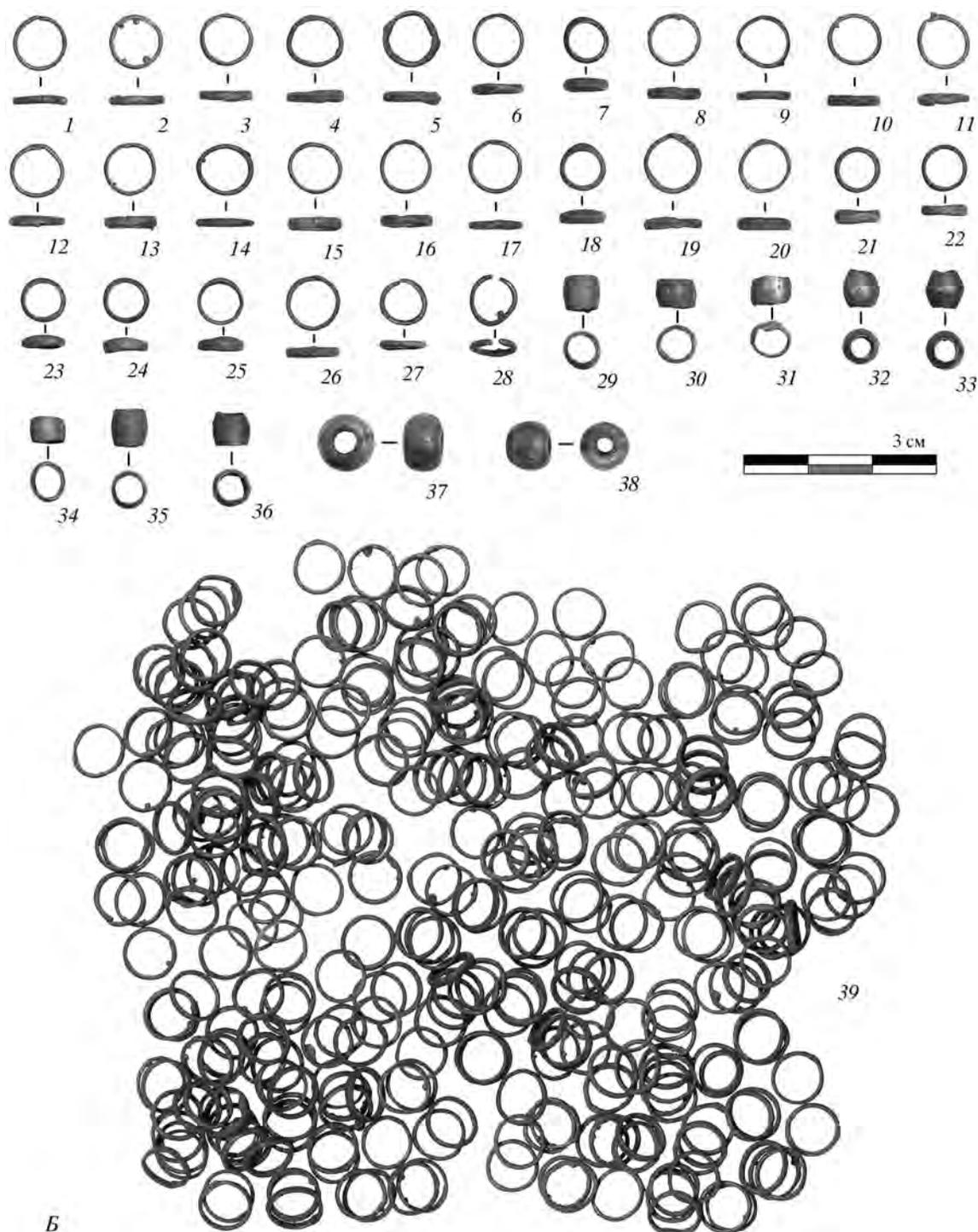

Рис. 4. Украшения клада с городища Дютьково. *А:* 1–5 – умбовидные подвески; 6–16 – бляшки-скорлупки; 17–37 – дугообразные пронизы-нашивки; 38–44 – пластинчатые пронизы. 1–44 – бронза; *Б:* 1–28, 39 – колечки; 29–38 – бусины. 1–36, 39 – бронза, 37, 38 – стекло (фото С.Д. Захарова).

и тычками наклонной палочки (Кренке и др., 2010). Этот керамический комплекс имеет четкие аналогии, указывающие на возраст в пределах VIII–VI вв. до н.э. (Кренке, 1995; Кренке и др., 2008). На поверхности внутреннего вала были обнаружены фрагменты железного стержня и биметаллического

(железо, бронза) навершия булавок, украшенной двойной спиралью. Литейная форма от сходной булавки была найдена в погребенной почве на площадке Дьякова городища в Москве (Кренке, Тавлинцева, 2002). Аналогии подобным булавкам есть в древностях Восточной Европы и Северного

Кавказа конца II тыс. – VII в. до н.э. (Козенкова, 1977; 1998; Патрушев, 1984. Рис. 25; Смирнова, 2006. Рис. 5). Характерный предмет – также бронзовая нашивка-лунница из шурфа 2. Близкие вещи были найдены в Старшем Ахмыловском могильнике (Патрушев, 1984. Рис. 26, 1).

Особенности оборонительной системы поселения (рвы без валов) имеют хронологическое значение. На поселении Царицыно 1 (с аналогичным керамическим материалом) со дна рва была получена серия образцов угля возрастом около 2500 радиоуглеродных лет (Кренке и др., 2008. Табл. 9), что при пересчете в календарные годы указывает на VII–VI вв. до н.э.

Таким образом, можно предварительно предполагать, что на памятнике интенсивная жизнедеятельность происходила примерно в VII–VI вв. до н.э.

Находки раннедьяковского времени V–III вв. до н.э. единичны. Это фрагменты текстильной керамики и железный наконечник стрелы, аналогии которому есть на Троицком городище (Крис, 1970. Табл. 9).

На городище Дютьково в шурфе 1 на площадке было найдено несколько фрагментов гладкостенной профилированной керамики, орнаментированной пальцевыми зажимами, что характерно для первых веков н.э.

Описание клада. Уникальной находкой стал клад бронзовых украшений из шурфа 1 (найден С.Д. Валяевым и Н.В. Кочубеевой). Обстоятельства находки и методика полевых исследований были таковы. При сканировании металлоискателем места складирования отвала из шурфа 1 (площадь 2 м²) был получен сигнал, при проверке которого на глубине менее 20 см были найдены три умбоновидные бронзовые привески и несколько маленьких простых колечек. Шурф 1 был расширен до размера 12 м², и культурный слой стал разбираться по квадратам со стороной 0.25 и 0.5 м (рис. 2). Часть находок была зафиксирована *in situ*, остальные собраны уже в отвалах, которые просеивались через мелкое сито и сканировались металлоискателем. На глубине 15–20 см от поверхности на контакте темно-серого культурного слоя и желто-бурого материкового песка со щебнем было зафиксировано четыре скопления находок, представлявших собой низки из бронзовых колечек и пронизей (рис. 2, 3). В одном из скоплений был отмечен очень плохо сохранившийся шнур из растительных волокон (определение И.И. Елкиной), на который были нанизаны бронзовые колечки. Четыре скопления залегали вокруг ямки первоначального зондажа. В скоплении 3 вместе с колечками лежала четвертая умбоновидная привеска. При зачистке материка

на месте зондажа было прослежено углубление древней ямки, в которой, видимо, и лежал клад. Края ямки были нечеткими, дно зафиксировано на глубине 40 см от поверхности. На самом дне были найдены пятая умбоновидная привеска и две стеклянные бусины. Основная масса находок лежала очень компактно, в пределах окружности радиусом 0.5 м. Единичные колечки были обнаружены ниже и чуть выше по склону. Максимальный “разлет” от эпицентра составлял около 2 м. Вероятно, это перемещение находок обусловлено различными природными процессами.

Как отмечено выше, в период жизни поселения культурный слой был значительно толще, чем теперь, т.е. нашу находку трудно воспринимать как брошенную/утраченную вещь, которую лишь слегка “затянуло” культурным слоем. На наш взгляд, вероятнее другая реконструкция. Вещь была намеренно положена в относительно глубокую ямку, прокопанную до материка. Все найденные предметы, видимо, составляют элементы одного головного или нагрудного украшения, органическая основа которого почти не сохранилась.

В состав клада входило 526 вещей (рис. 4, 5), а именно две стеклянные бусины и 524 бронзовых украшения, которые можно разделить на шесть категорий: 1) умбоновидные подвески, 2) бляшки-скорлупки, 3) бусины, 4) колечки-пронизы, 5) дугообразные нашивки-пронизы, 6) пластинчатые пронизы с разомкнутыми концами.

Для изучения технологии изготовления все украшения были подвергнуты поверхностному осмотру с помощью микроскопа МБС-10. Анализ химического состава металла не проводился.

Умбоновидные подвески, представленные в кладе (5 шт.), однотипны и отличаются друг от друга только размерами и деталями оформления дужек (рис. 4А, 1–5; 5, 1–3). Эта группа украшений включает две подвески с диаметром щитка 20 мм, две подвески, диаметр щитка которых 26, и одну подвеску диаметром 28 мм. Все украшения были отлиты по сборным выплавляемым моделям, для создания которых использовались проволочные нити (простые и двойные перевитые), восковые ленты и мелкие восковые шарики (“зернь”).

Во всех случаях для создания моделей использовалась одна и та же схема. Основу модели составляла закрученная в спираль простая одинарная нить диаметром около 0.5–0.75–1 мм. Полученная таким образом заготовка украшалась по периметру декором из одного витка двойной перевитой нити толщиной около 0.5–0.75–1 мм, и одного ряда шариков восковой “зерни” (от 40 до 52 шт. на каждое

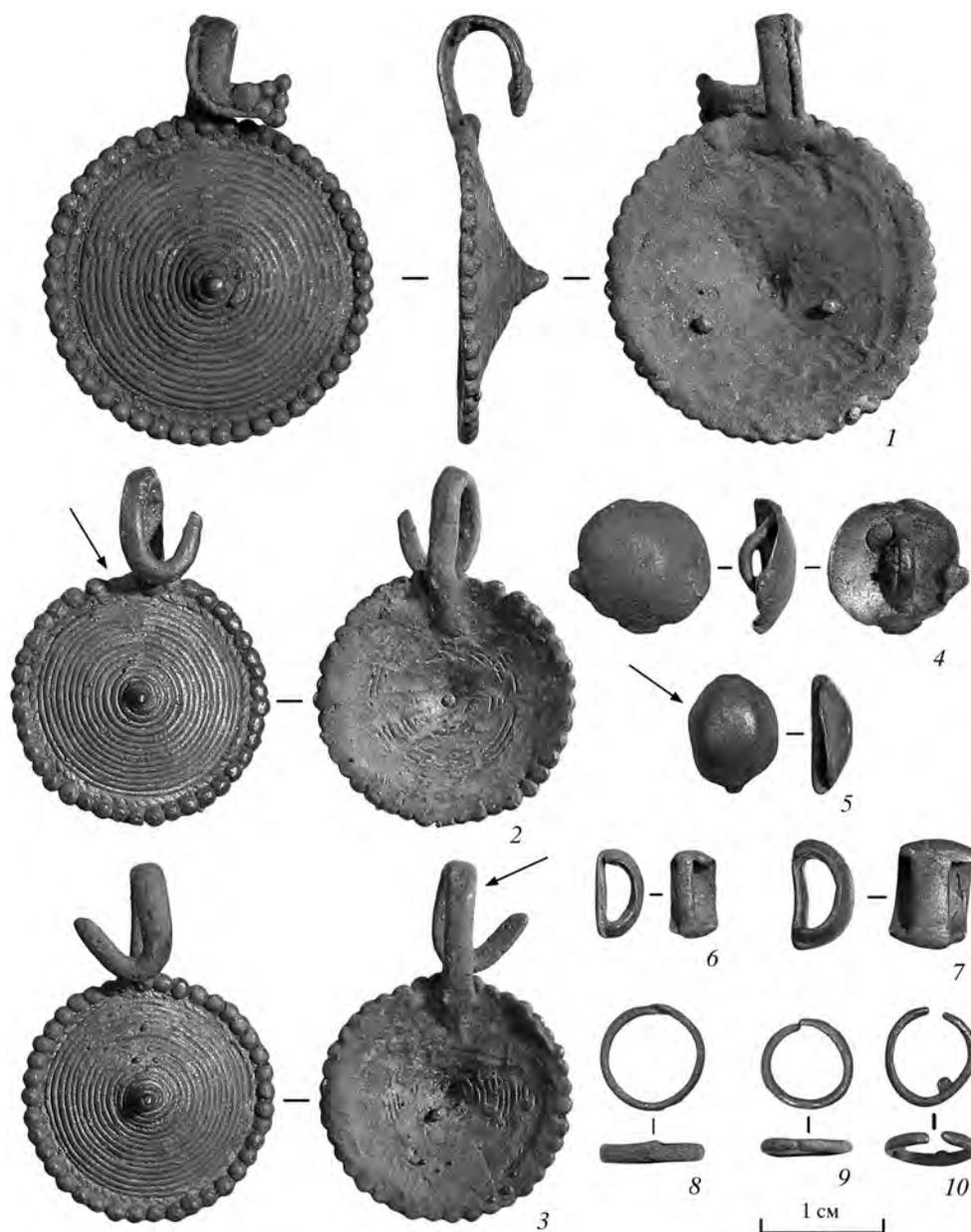

Рис. 5. Увеличенное изображение бронзовых украшений из клада с городища Дютьково. Технологические детали (отмечены стрелкой): 2 – участок деформации восковой модели; 3 – место литника; 5 – след работы пуансоном (фото С.Д. Захарова).

украшение) диаметром около 1–1.5 мм. На внешней поверхности всех подвесок хорошо прослеживаются начало и конец нитей, места их скрепления друг с другом. При создании моделей подвесок концы простой и двойной перевитой нитей могли соединять встык, в одном случае это привело к небольшой асимметрии декора. Следует также отметить, что перевитая нить, использованная в данной модели, была выполнена из одинарных нитей разной толщины: 0.75 и 0.5 мм (рис. 4А, 5).

Считается, что сборка моделей могла осуществляться на специальных подкладных шаблонах. При

исследовании умбовидных подвесок этого типа, найденных на московецких памятниках, были выявлены следы использования шаблона особой формы – с продольными выступами (Сапрыкина, 2005. С. 525; 2006. С. 38). На подвесках из состава клада подобные следы отсутствуют.

На заключительном этапе к модели присоединяли дужку, которую делали из восковой ленты шириной 2 мм. У подвесок большего диаметра дужка была дополнительно декорирована провожденными нитями и восковой “зернью”. Дужку крепили к щитку подвески с внутренней стороны. В одном

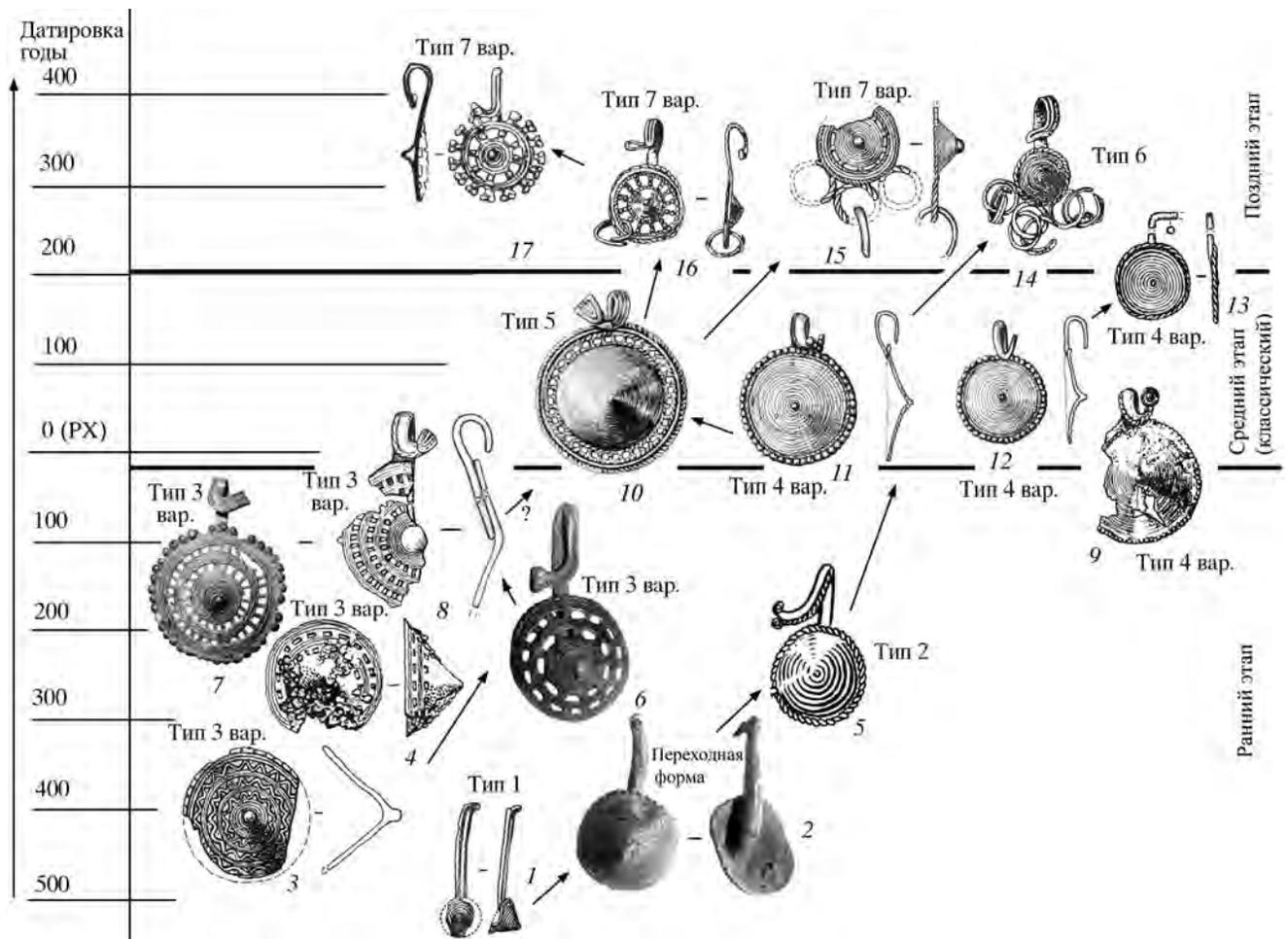

Рис. 6. Эволюционные ряды умбовидных подвесок. 1, 9, 14, 16 – Щербинское городище; 2 – селище Дунино; 3, 8, 13, 15 – Дьяково городище; 4 – городище Настасьино; 5 – городище Селецкое; 6 – неизвестное место находки, Одинцовский р-н; 7 – неизвестное место находки, Московская обл.; 10 – городище Троицкое; 11, 12 – городище Дютьково; 17 – городище Отмичи.

случае эта операция, по-видимому, привела к небольшой деформации восковой модели (рис. 5, 2). Литники во всех пяти случаях были подведены к изгибу дужек подвесок, где сохранились их следы в виде небольших наплывов металла (рис. 5, 3).

На тыльной стороне всех украшений хорошо заметен слой дополнительной обмазки модельным составом разной толщины, которую могли наносить на модели, чтобы избежать их возможной деформации, а также для скрепления мелких деталей декора (рис. 5, 1–3).

Анализ морфологических и технологических особенностей серии умбовидных подвесок, входивших в состав клада, позволяет выделить две подвески, модели которых предположительно были выполнены одним мастером (рис. 5, 2, 3). Об этом свидетельствуют одинаковые тип, форма и размер украшений, общие стилистические элементы. Оба украшения отличает также идентичный способ на-

несения дополнительной восковой обмазки на тыльную сторону украшений, при котором модельный состав распределялся не ровным сплошным слоем по всей внутренней поверхности модели (рис. 5, 1), как на других трех подвесках, входивших в состав клада, а покрывал тонким слоем лишь отдельные его участки. При этом хорошо просматривались воспроизведенные в металле витки проволоки, из которой была сделана основа модели.

На основании стратиграфии самой массовой серии подобных умбовидных подвесок с Троицкого городища А.Ф. Дубынин предполагал, что они датируются в пределах II–III, возможно, IV вв. н.э. (1974. С. 233). И.А. Сапрыкина, не приводя аргументации, расширила их датировку до I–V вв. н.э. (2006. С. 37).

Для того чтобы определить датировку этого украшения, необходимо построить типологический ряд (рис. 6) и использовать “аргумент Дьякова городи-

ща” – памятника, уникального по своей стратиграфии и наличию большой серии радиоуглеродных датировок (Кренке, 2004).

Представляется, что эволюцию умбоновидных подвесок можно разделить на три этапа: ранний, классический и поздний, для каждого из которых характерны подвески определенных типов. Для типологии этих украшений имеют значение такие признаки, как размер, форма и декор щитка, форма и декор дужки, а также способ ее крепления.

Формирование умбоновидных подвесок – украшения, ставшего “культуропределяющим” для москворецкого варианта дьяковской культуры (Смирнов, 1974. С. 77; Дубынин, 1974. С. 232), начинается приблизительно во второй половине I тыс. до н.э. Очень вероятным выглядит предположение А.Ф. Дубынина, что прототипами умбоновидных подвесок были так называемые серьги скифского типа (1974. С. 232).

Находок, относящихся к начальному этапу эволюции умбоновидных подвесок, известно немногим более десятка. Можно перечислить следующие памятники: Дьяково городище (нижний слой), Настасьино, Боршева, Селецкое, Дунино 4, Городищи, Максимковское 1, Мутенковское, Щербинское (Вишневецкий, 1995. С. 77; Дубынин, 1974. С. 271. Табл. XVII, 11; Кренке и др., 2010. Рис. 9; Сапрыкина, 2005. Рис. 1, 2; 2006; Сидоров, 2004. Рис. 5; Сыроватко, 2009. Рис. 102). На последних двух из перечисленных памятников найдены литейные формы для подвесок. Стилистически эти украшения составляют особую группу. Они имеют следующие особенности: сильно выступающий щиток, длинная дужка часто без дополнительных декоративных элементов. Дужка всегда крепится к центру щитка с внутренней стороны.

По всей видимости, прямыми прототипами подвесок ранней серии были украшения, представленные находкой с Щербинского городища (рис. 6, 1). Эта умбоновидная подвеска имела маленький щиток, образованный закрученными в спираль нитями, и длинную дужку (тип 1). Какие-либо дополнительные декоративные элементы отсутствовали.

Этой находке чрезвычайно близка подвеска из Дунино 4 (рис. 6, 2). В то же время она имеет и некоторые отличия: щиток подвески увеличен, а по его краю пущен кант из перевитой нити. Подвеска из Дунино 4, вероятно, относится к переходному варианту от умбоновидных подвесок типа 1 к подвескам типа 2.

В основном ранняя стадия развития москворецких умбоновидных подвесок представлена украшениями двух типов: с цельным щитком (тип 2)

и с ажурным щитком (тип 3). По всей видимости, украшения с ажурными и слитными щитками существовали одновременно и имели параллельные линии развития.

Подвески типа 2 продолжали линию развития типа 1. Они представляют собой украшения со щитками средних размеров (диаметр до 3 см, высота умбона до 1.5) с декором из нитей, уложенных по спирали. По краю пущен бордюры из витой нити; был также отмечен случай ее имитации с помощью насечек (подвеска с Максимковского селища). Дужка короче, чем у подвесок типа 1, но по-прежнему крепится к центру щитка (рис. 6, 5). Датировка на основании сопутствовавшей керамики и находок на селищах Дунино 4 и Максимково 1 – около V–III (II) вв. до н.э.

Время появления подвесок типа 3 на сегодняшний день не совсем ясно. В целом, повторяя основные признаки типа 2 (выступающий щиток, укороченная дужка, подведенная к центру щитка), они отличались ажурной, сложной формой щитка. Он представлял собой несколько отдельных окружностей в виде завернутых в спираль нитей, которые соединялись перемычками. По краю щитка шел бордюры из витой или зигзагообразной нити (рис. 6, 3, 6) либо из шариков зерни (рис. 6, 7). Внутри этого типа можно выделить несколько разновидностей, которые определяются прежде всего использованием при оформлении щитка мелких декоративных деталей разных типов: зигзагообразной нити, лент или “зерни”. Можно высказать осторожное предположение, что между этими вариантами существуют определенные хронологические различия, однако эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке. На основании находки из нижнего слоя Дьякова городища можно утверждать, что конические щитки с зигзагообразным декором бытовали уже в IV–III вв. до н.э. (рис. 6, 3). По всей видимости, другие варианты типа 3 появляются позднее.

Уже на раннем этапе бытования этих украшений начинается поиск оптимальных форм, на основе которых в дальнейшем формируется классический вариант умбоновидных подвесок первых веков н.э. Возможно, именно на этом этапе появляется так называемая ложная зернь (мелкие восковые шарики диаметром около 1 мм), ставшая в позднедьяковское время своеобразной визитной карточкой москворецкого ювелирного стиля. Время появления ложной зерни определялось исследователями в рамках первых веков н.э. (Смирнов, 1970. С. 182). Однако тот факт, что на украшениях I–II вв. н.э. этот декоративный прием встречается в уже полностью сложившемся виде (например, пронизи изклада со Щербинского городища), позволяет пред-

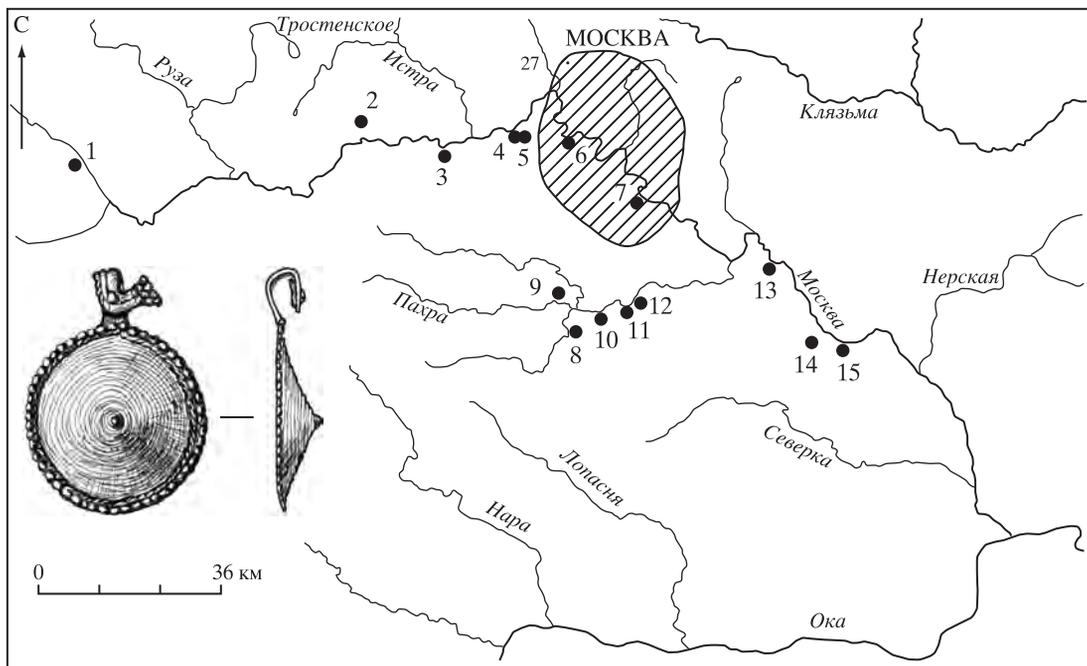

Рис. 7. Карта мест находок умбовидных подвесок, аналогичных дютьковскому кладу. 1 – Троицкое; 2 – Дютьково; 3 – Успенское; 4 – Жуковское; 5 – Барвихинское; 6 – Кунцево; 7 – Дьяково; 8 – Кузнечики; 9 – Луковня 1; 10 – Жданово 1; 11 – Щербинское; 12 – Заболотье; 13 – Круглица; 14 – Селецкое; 15 – Боршева.

положительно отодвинуть время появления зерни к более раннему периоду: концу I тыс. н.э. или рубежу эр.

Форма щитка подвесок постепенно уплощается, дужка укорачивается. Она по-прежнему подводится к центру щитка, но при этом плотно прилегает к его тыльной стороне (на следующем этапе она будет крепиться уже к краю щитка) (рис. 6, 8). Со временем появляются специфические формы дужки. Дужки с плетенкой по краю и волютой фиксируются у подвесок типа 2 около III–II вв. до н.э. Датировка опирается на находку из третьего слоя Селецкого городища (рис. 6, 5). У подвесок типа 3 на определенном этапе появляется дужка с завернутым “язычком”, состоящим из трех нитей. По краю дужки также шла плетенка (рис. 6, 8). Датировка этого этапа развития формы на основании хронологии Дьякова городища – около I в. до н.э.

Следующая стадия развития умбовидных подвесок – это формирование самой массовой формы, которая как раз представлена в кладу с городища Дютьково (рис. 6, 11, 12). Для украшений классического варианта (тип 4) характерен слабо выступающий вперед, часто уплощенный щиток. Высота умбона 5–6 мм, его диаметр колеблется в пределах 14–38 мм. Щиток представляет собой закрученную в спираль нить толщиной до 1 мм, по периметру украшен зернью и/или плетенкой из двойной перевитой нити. Характерная деталь: пояска зерни

всегда шел снаружи. Дужка небольшая, всегда подведена к краю щитка, изготовлена, как правило, из одного или нескольких обрезков проволочных нитей или восковых лент, часто дополнительно украшена двойной перевитой нитью. У крупных экземпляров край дужки обычно украшался несколькими шариками ложной зерни. Известны также экземпляры с простыми дужками, без дополнительных декоративных элементов.

Наличие в кладу с городища Дютьково подвесок как с орнаментированной, так и с неорнаментированной дужкой позволяет предположить, что в данном случае имеет место не эволюционное развитие от простых форм к более сложным, а сосуществование нескольких вариантов одного общего типа умбовидных подвесок. Датировка на основании стратиграфии Дьякова городища – I–II вв. н.э. (до распространения украшений с эмальями).

Практически тождественные аналогии умбовидным подвескам с городища Дютькова известны на ряде московских памятников, охватывающих почти все течение Москвы-реки (рис. 7): селище Жуковка (1 экз.), городища Троицкое (12 экз.); Успенское (2 экз.); Барвихинское (1 экз.); Кунцево (2 экз.); Дьяково (1 экз.); Круглица (3 экз.); Боршева (1 экз.); Селецкое (3 экз.); Кузнечики (2 экз.); Луковня (2 экз.) (Дубынин, 1967; Древнее поселение..., 1970; Краснов, 1964; Третьяков, 1957), селища Жданово I и Заболотье на р. Пахра.

Дьяково–82 Восточная стенка

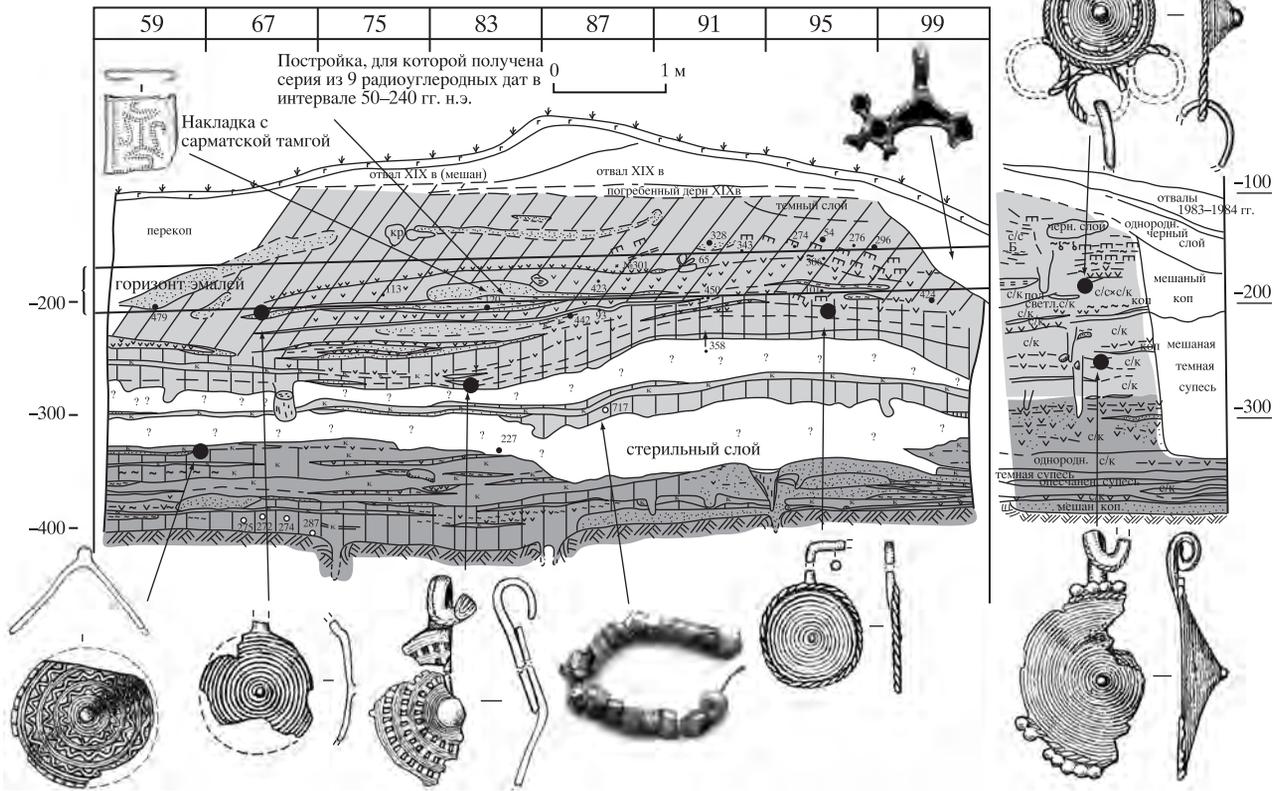

Рис. 8. Профиль восточной стенки раскопа 1982 г. на Дьяковом городище, на который спроецированы найденные на памятнике умбонovidные подвески.

Вне пределов бассейна Москвы-реки известны лишь единичные находки. Они распространяются как на север, так и на юг. На севере это городище Прислон на Верхней Волге, чуть ниже устья Дубны (Розенфельдт, 1970. Рис. 1, 29). На юге – селище Заречье на р. Угра (Розенфельдт, 1970. С. 212). Имеются сведения о находках тождественных украшений на севере Калужской обл. (упоминавшийся выше форум домонгольской металлопластики в Интернете).

Следующий, поздний, этап характеризуется общей деградацией стиля – появлением украшений уменьшенного размера, совершенно плоских без бордюра из зерни (рис. 6, 13). Датировка – рубеж II–III вв. н.э. Затем появляются украшения с дополнительными привесками с петлей на конце дужки (тип 6) (рис. 6, 14). Эти украшения имели очень длительную эволюцию вплоть до средневековья, но уже вне контекста москворецких памятников дьякова типа.

Особое место в эволюционном ряду дьяковских умбонovidных украшений занимают подвески типа 5 со щитком, состоящим из двух частей – центральной и периферической. По внешнему кольцу у них идет ажурное поле (рис. 6, 10). Серия нахо-

док с Троицкого городища позволяет говорить о датировке подобных находок I–II вв. н.э., т.е. они одновременны подвескам типа 4 и, возможно, представляют собой дальнейшее развитие этого типа. В то же время они могут быть прямым продолжением эволюционного ряда подвесок с ажурным щитком второй половины I тыс. до н.э. (тип 3).

У ажурных подвесок типа 7, развивающихся из типа 5, центральная часть щитка уменьшается, ажурное поле расширяется (рис. 6, 15, 16). Судя по находкам на городище Дьяково, этот тип синхронен горизонту украшений с эмальями, т.е. датируется III – началом IV в. н.э. В дальнейшем умбон щитка еще больше уменьшается, ажурное поле расширяется, “обрастает” отростками (рис. 6, 17). Это уже дериваты, характеризующие “упадок” стиля.

“Аргумент Дьякова городища” не может рассматриваться как исчерпывающий. Находок умбонovidных привесок с этого памятника не так много. Тем не менее показательно, что вся серия этих украшений оказалась в горизонте более раннем, чем IV в. н.э. (рис. 8). Мы выдвигаем предварительную гипотезу, что “пик” развития стиля москворецких умбонovidных украшений, который представляют

находки из клада на городище Дютьково, пришелся на I–II вв. н.э. Нужно также учесть доказательство от противного. В рязано-окских могильниках III–IV вв. н.э. отсутствуют находки умбоновидных привесок, аналогичных дютьковскому кладу, а более поздние вещи из московского региона представлены.

Бляшки-скорлупки (11 шт.). Диаметр бляшек-скорлупок колеблется в пределах 6.5–10 мм (рис. 4А, 6–16). Все украшения были отлиты по выплавляемым моделям. В литературе описаны два способа получения моделей бляшек-скорлупок: с помощью пуансона, которым продавливали шарик или плоскую круглую пластину нужного диаметра; путем изгибания восковой пластины (Сапрыкина, 2004. С. 129, 131). На половине бляшек-скорлупок из состава клада (6 шт.) прослеживаются отчетливые следы использования пуансонов с округлым рабочим окончанием диаметром около 5–6 мм: на внутренней стороне украшений хорошо заметен бортик по периметру и углубление в центре диаметром 5–6 мм (рис. 4А, 6–8, 12, 15, 16). С внешней стороны бляшки-скорлупки имели, как правило, ровную, равномерно изогнутую поверхность. В одном случае нажим пуансона был настолько сильным, что на внешней поверхности украшения появился выпуклый участок диаметром около 6 мм (рис. 4А, 16; 5, 5). Петельки бляшек изготавливались отдельно из восковых лент или нитей шириной 1–2.5 мм и крепились к основе с помощью воска и горячего инструмента (рис. 5, 4). Следует также отметить присутствующее в коллекции украшение неправильной формы (рис. 4А, 10). Возможно, в данном случае перед нами попытка имитации украшения другого типа – дуговидной бляшки (рис. 4А, 35).

Серия из 53 бляшек-скорлупок присутствует в кладе с Щербинского городища, ареал аналогий которым весьма широк – от Прибалтики до Прикамья (Дубынин, 1974. С. 235. Табл. XXVII, 5). В культурном слое Дьякова городища их было найдено девять штук, в том числе семь – в стратифицированных отложениях. Они распределялись в пределах всего верхнего слоя, тяготея к его среднему и верхнему горизонтам, которые датируются III–V вв.

Бронзовые бусины-пронизи (8 шт.). Длина украшений 3.5–6, диаметр отверстий 3.5–6 мм (рис. 4Б, 29–36). Форма боченовидная, в двух случаях – битрапецеидная (рис. 4Б, 32, 33). Выплавляемые модели, предназначенные для отливки бусин, формовались, по-видимому, из кусочков восковых лент толщиной около 0.5 мм. Правильные ровные отверстия с прямыми стенками и равномерным сечением могут свидетельствовать о том, что в данном случае при изготовлении выплавляемых моделей

использовался вставной стержень. Это предположение подтверждается результатами исследования типологически близких украшений, найденных на Троицком городище (Сапрыкина, 2005. С. 525).

Пронизи в форме колечек (472 шт.). Диаметр колечек – 6.5–9 мм (рис. 4Б, 1–28, 39). При изготовлении моделей использовались отрезки тонкого воскового дрота или нити диаметром около 0.75–1.5 мм. Края заготовок крепились внакладку или встык (рис. 5, 8, 9). Второй способ крепления был ненадежен и мог привести к браку: в коллекции присутствует одно колечко с разомкнутыми концами (рис. 5, 10). Ровная правильная форма украшений, плоская поверхность дрота с внутренней стороны колечек позволяют предположить, что, как и в предыдущем случае, при изготовлении моделей был использован вставной стержень. Среди украшений этого типа можно выделить группу колечек меньшего диаметра (в среднем 6.5–7 мм), которые отличает особая тщательность изготовления: отсутствуют следы соединения краев восковой ленты, мелкие дефекты литья (рис. 4Б, 21–25). Аналогии представлены в Щербинском кладе (Дубынин, 1974. Табл. XXVII).

Дугообразные нашивки-пронизи (21 шт.) представляли собой небольшие украшения размерами 2.5–4×6.5–8 мм с немного выпуклой внешней стороной (рис. 4А, 17–37). В нескольких случаях вдоль пластины имеется слабовыраженное ребро (рис. 4А, 18, 24, 33). Изготовлены нашивки по выплавляемой модели. Для создания моделей использовались отрезки восковых лент плосковыпуклого сечения шириной 2.5–4 мм. Можно предположить, что в некоторых случаях в процессе изготовления модель изгибалась на специальной болванке (рис. 5, 6, 7). Часть бляшек делали, по-видимому, из цельной заготовки (рис. 4А, 19–21, 35). В некоторых случаях петельки изготавливались отдельно и затем крепились к основе с помощью горячего инструмента (рис. 4А, 24, 33).

Функция украшений этого типа не совсем ясна: они не имеют, в отличие от бляшек-скорлупок, стандартной формы и в ряде случаев напоминают скорее миниатюрные пронизи. Однако тот факт, что у большинства украшений этого типа присутствует выраженная петелька, позволяет предположить, что они предназначались для нашивания на какую-либо основу. Наиболее крупные экземпляры украшений этого типа с хорошо выраженной петелькой, по-видимому, использовались так же, как и бляшки-скорлупки.

Пронизи с разомкнутыми концами овальной, полукруглой или подтреугольной форм (7 шт.). Размеры – 6–8×3–4 мм. Изготовлены из пластинчатых

заготовок шириной 4 и длиной 19–20 мм (рис. 4А, 38–44). На основании результатов визуального обследования можно сделать вывод, что по меньшей мере две пронизи были выполнены из обрезков кованных пластин (рис. 4А, 38, 43). Другие экземпляры могли быть выполнены из литых пластин или пластин, подвергшихся косметической ковке. В данном случае вопрос о применении пластической деформации может быть решен только после проведения микроструктурного анализа. У пяти пронизей с внутренней стороны был отмечен желобок, нанесенный на заготовку чеканом с продольным рабочим окончанием. В результате этой операции заготовка приобрела слабовыраженное ребро (рис. 4А, 39). Исходя из формы и размеров украшений можно предположить, что они имитировали литые нашивки-пронизи, рассмотренные выше.

Стеклянные бусины (2 экз.) из белого полупрозрачного стекла изготовлены из тянутой трубочки (рис. 4Б, 37, 38). Почти тождественные аналогии были встречены на Дьяковом городище (Кренке, Румянцева, 2008. Рис. 6, 8). Здесь эти бусы, как и в дютьковском кладе, входили в состав пронизей из бронзовых бус и колечек. Стратиграфическое положение находки с Дьякова городища – основание верхнего слоя. Это указывает на дату около II–I вв. до н.э.

Интерпретация. Датировка дютьковского клада должна, видимо, определяться на основании наиболее точно датированного типа украшений – умбоновидных привесок. Предположительно клад следует относить к I–II вв. н.э. Городище, где был найден клад, в это время, может быть, даже не являлось местом постоянного поселения. Центр жизни микро-региона находился рядом – на большом городище возле Саввино-Сторожевского монастыря.

Сопоставляя клад из Дютьково с кладом с Щербинского городища, можно быть уверенным в их практически полной синхронности и принадлежности к одному комплекту женских украшений. В этот комплект входили также отсутствующие в дютьковском кладе прямоугольные ажурные бляшки-нашивки из рядов зерни и спиральные браслеты.

Предположение, что умбоновидные подвески использовали как височное украшение, весьма вероятно. Положение этих вещей в дютьковском кладе допускает, что их также могли использовать как дополнительное украшение пронизей, крепившихся к головному (?) украшению.

География аналогий дютьковским находкам умбоновидных подвесок очень компактна – они концентрируются на памятниках в пределах верхнего и среднего течения Москвы-реки и Пахры (рис. 7).

Рассмотренные находки умбоновидных подвесок показывают, что сложная и кропотливая технология их изготовления была в I–II вв. несколько упрощена, включала ряд стандартных простых операций (сворачивание спирали из нити, формовка умбона, прикрепление украшения бордюра, закрепление дужки). Производство, вероятно, было массовым.

Как показало визуальное обследование, все бронзовые украшения, входившие в состав клада, за исключением пластинчатых пронизей с разомкнутыми концами, были изготовлены литьем по выплавляемой модели – технике, стандартной для москворецкого бассейна эпохи раннего железного века. Необходимо отметить, что отдельные украшения клада, несмотря на миниатюрный размер, изготавливались с максимальной тщательностью: швы, оставшиеся после соединения отдельных деталей моделей, тщательно заглаживались, полностью убиралась мелкие дефекты литья и остатки литников.

Находка клада на городище Дютьково ярко подтверждает справедливость раннее высказанных предположений о том, что в бассейне Москвы-реки (за исключением ее нижнего течения) в первых веках н.э. проживала группа населения, обладавшая культурной спецификой. Культура этого населения отличалась выраженной “металлонасыщенностью”. Местный традиционный женский костюм включал в себя большое количество металлических украшений, в том числе чрезвычайно мелких, использовавшихся либо в составе ожерелий, либо для расшивки одежды и головного убора.

Из этого следует, что жители Москворечья обладали ресурсами, необходимыми для того, чтобы выменивать сырье; у них существовали определенные эстетические запросы и была возможность их удовлетворять. Можно сделать предположение, что формирование устойчивого стиля женских украшений отражает процесс этнической консолидации населения региона. В это время, видимо, активизировались связи в южном направлении (находки из Калужской обл. не случайны), которые еще больше усиливались во II–III вв. н.э. (Кренке, Румянцева, 2008. С. 104).

При оценке археологических находок важно понимать, что мы имеем дело с малым количеством предметов сравнительно с реально бытовавшим числом изделий. Представим, например, что у славянского населения Москворечья в XII–XIII вв. не было бы курганного обряда захоронения и мы располагали бы лишь материалами раскопок поселений. Тогда окажется, что число умбоновидных подвесок начала н.э. сопоставим с числом находок семилопастных височных колец на древне-

русских поселениях в пределах бассейна Москвы-реки. Если сделать обратный логический ход, то получится, что чуть ли не каждая женщина, проживавшая на московских городищах дьякова типа в I–II вв. н.э., имела умбоновидные украшения, и это был наглядный признак ее этнической идентификации.

Выражаем искреннюю благодарность Т.Г. Сарачевой (ГИМ) за консультацию в процессе написания этой работы; В.И. Вишневному – за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами; М.И. Гоняному – за предоставление сведений о неопубликованных находках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишевский В.И.* Работы в Московской области // АО–1994. 1995.
- Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970.
- Дубынин А.Ф.* Клад Щербинского городища // КСИА. 1967. Вып. 112.
- Дубынин А.Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура: Восточный вариант. М., 1977 (САИ; Вып. В2-5).
- Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен: Западный вариант. М., 1998 (САИ; Вып. В2-5).
- Краснов Ю.А.* Раскопки на Успенском городище в 1961–1962 гг. // КСИА. 1964. Вып. 102.
- Кренке Н.А.* “Чертов городок” – селище железного века в окрестностях Коломенского // РА. 1995. № 3.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище: методы исследований // Восточная Европа в средневековье. М., 2004.
- Кренке Н.А., Агеева К.Е., Григорян С.Б. и др.* Поселение Царицыно-1 // Археология парка Царицыно. М., 2008.
- Кренке Н.А., Лазукин А.В., Елкина И.И. и др.* Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода // Археология Подмосковья. Вып. 6. М., 2010.
- Кренке Н.А., Румянцева О.С.* Стекланные бусы Дьякова городища // РА. 2008. № 2.
- Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю.* Литейные формы с Дьякова городища // РА. 2002. № 4.
- Крис Х.И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984.
- Розенфельдт Р.Л.* Находки с городища Прислон // СА. 1970. № 4.
- Сапрыкина И.А.* Приемы изготовления ювелирных украшений из “клада” Троицкого городища // Археология Подмосковья. М., 2004.
- Сапрыкина И.А.* Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.
- Сапрыкина И.А.* К вопросу об умбоновидных подвесках дьяковской культуры // РА. 2006. № 4.
- Сидоров В.В.* Мутенковское городище // Археология Подмосковья. М., 2004.
- Смирнов К.А.* Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970.
- Смирнов К.А.* Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
- Смирнова Г.И.* Западно-подольская группа памятников в свете исследования к концу XX столетия // Древности скифской эпохи. М., 2006.
- Сыроватко А.С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке. М., 2009.
- Третьяков П.Н.* К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тыс. н.э. // СА. 1957. № 2.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МЕЧ С ДВОЙНЫМ ДОЛОМ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ “ПРУССИЯ”

© 2011 г. Я.В. Прасолов

Институт археологии РАН, Москва (nordsternlicht@hotmail.com)

Ключевые слова: коллекция музея “Пруссия”, Балтийский регион, средневековый меч с двудольным клинком, тип клинка “Рагнит”.

This publication is devoted to a medieval sword from the collection of the Königsberg Prussia-Museum. The sword was found before the World War II under elusive circumstances in the surrounding of Ragnit in the district of Ragnit, East Prussia. The distinctive feature of this weapon, dated to the 11th– first half of the 12th century, is a for this time period untypical construction of the blade, which is provided with a double fuller. The sword seems, however, to be not the only artefact of its kind: its blade has close analogies among contemporary sword finds and probably represents a blade type (or a modification, respectively), which has not been yet described as such in the archaeological literature.

Исследование древностей Балтийского региона всегда занимало особое положение в европейской археологии. Одно из характерных проявлений полиэтничной природы населения региона – его яркая и многообразная материальная культура. Самобытность и, в известной степени, консервативность раннесредневекового населения региона сочетались с поддерживаемым им оживленным культурно-технологическим обменом с соседними территориями, что в свою очередь вело к возникновению уникальных форм и типов артефактов. Влияние местных форм на развитие вооружения в до- и раннеисторическое время ощущается в отдаленных уголках Европы. Тем более важным для понимания исторических процессов в локальном и надрегиональном контексте представляется дальнейшее углубление наших представлений о древностях Прибалтики.

Среди многочисленных находок из коллекции знаменитого кенигсбергского музея “Пруссия”, остатки фондов которого находятся сегодня преимущественно в Музее древней и ранней истории (MVF) во дворце Шарлоттенбург в Берлине, хранится средневековый меч, найденный в довоенный период в окрестностях г. Рагнит в одноименном округе быв. Восточной Пруссии (сегодня г. Неман Калининградской обл. РФ) (рис. 1). Обстоятельства его находки доподлинно не известны, так как соответствующая документация из архива музея “Пруссия” в силу исторических причин на данный момент отсутствует (Reich, 2004/2005). Во входящей в состав так называемого Архива Рудольфа Гренца части “Наследия Карла Энгеля” (место хра-

нения – Археологический музей земли Шлезвиг–Гольштейн, дворец Готторф, Шлезвиг, ALM) автором была обнаружена фотография меча, сделанная немецким археологом К. Энгелем (или, возможно, по его просьбе) до 1945 г. Рукописная пометка Р. Гренца “Меч из 267, Рагнит” – вероятно, указание на номер погребения (?) на одном из исследованных в окрестностях Рагнита могильников. В довоенный период находка опубликована не была; исследуемый меч впервые упоминается в написанной еще до войны монографии Б. фон цур Мюлена, в которой, однако, анализу подвергается только рукоять меча (von zur Mühlen, 1975).

Описание находки. Двухлезвийный меч (инв. № IV. 13. 3017) общей длиной 96 см в сравнительно хорошей сохранности (рис. 2, а). Практически полно-

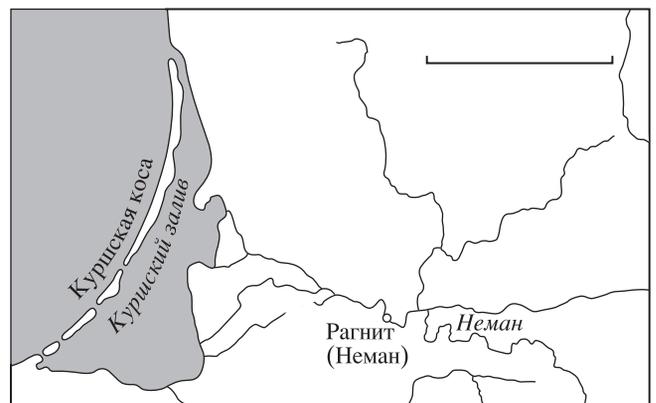

Рис. 1. Географическое положение г. Рагнит (Неман) в быв. Восточной Пруссии.

Рис. 2. Рагнитский меч (инв. № IV.13.3017): *а* – общий вид; *б* – детали рукояти. Фото К. Пламп (Музей древней и ранней истории, Берлин).

стью (за исключением органических деталей) сохранилась рукоять меча длиной 17.5 см. Железные основание наверхия и оно само выкованы отдельно и не скреплены заклепками (рис. 2, *б*; 3); сквозь обе упомянутые детали проходит черен меча, расклепаный поверх трехдольного наверхия, имеющего в фас подтреугольную форму. Срединная доля наверхия имеет в поперечном сечении шаровидную, чуть приплюснутую форму и выше, а также толще боковых долей, высота которых уменьшается по мере удаления от центра.

Высота наверхия достигает 2.7 см в центральной части, ширина – 6.9, толщина – 2.9. Наверхие изнутри покое и заполнено коричневато-серой массой неясного происхождения. Концы основания наверхия слегка изогнуты вверх, его торцовые поверхности выпуклы. Верхняя и нижняя поверхности почти параллельны друг другу. Такую же округлую форму, как и поперечное сечение средней доли наверхия, имеет таковое основания наверхия, хотя оно чуть ниже и уже. Основание наверхия в горизонтальной плоскости – овально-вытянутой формы с закругленными тупыми концами, его стороны выпуклы. Основание также покое и заполнено той же коричневато-серой массой с разноцветными включениями, что и наверхие. На кованых основании наверхия и перекрестье отчетливо видны сварные

швы. Длина основания наверхия достигает 7.9 см при максимальной ширине 2.25 и высоте 1.9.

Кованое железное перекрестье слегка изогнуто к клинку, на концах чуть заметно расширяется. Форма перекрестья в фас представляет собой зеркальное отображение таковой основания наверхия – таким образом, их менее изогнутые поверхности обращены к стержню рукояти. Поперечное сечение перекрестья имеет форму резко сужающегося книзу четырехугольника с выпуклыми боковыми сторонами. Форма перекрестья в горизонтальной плоскости соответствует таковой основания наверхия: оно овально-вытянутое с закругленными тупыми концами. Длина перекрестья достигает 10.9 см. Ширина перекрестья в центре составляет 2.1 см, к концам оно слегка сужается и одновременно уплощается; поперечное сечение торцов приобретает форму прямоугольника со сглаженными углами. Высота перекрестья – 1.9/2.3 см (в центре и на концах соответственно). Перекрестье меча покое. Площадь выреза в нижней поверхности не намного меньше таковой самого перекрестья. Коричневая субстанция между полотном клинка и краями выреза отличается от заполнения наверхия и его основания и имеет, судя по внешнему виду, органическое происхождение (вероятнее всего, это кожа).

В ходе осмотра деталей рукояти, а также рентгенографического исследования не удалось выявить ни следов ее инкрустации цветными металлами, ни соответствующих следов подготовки поверхности. Таким образом, по крайней мере на данном этапе исследования, следует исходить из того, что железные детали рукояти меча оставались неукрашенными.

Сохранившаяся длина двулезвийного клинка составляет 78.5 см при ширине у перекрестья 5.1 и максимальной толщине 0.35. Относительно небольшая толщина клинка может быть обусловлена его расчисткой при реставрации, в ходе которой верхний слой корродировавшего металла был удален. Сравнительно хорошо (за исключением нижней трети) сохранившийся клинок волнообразно изогнут. Кроме того, клинок был согнут (место сгиба на удалении 42.5 см от перекрестья хорошо различимо) и выпрямлен, вероятно, уже в ходе реставрации. Данное повреждение клинка, скорее всего, свидетельствует о языческом обряде, согласно которому оружие ритуально деформировали перед помещением его в погребение. “Убитые” таким образом предметы вооружения происходят в региональном контексте преимущественно из кремаций.

Лезвие меча подверглось коррозии в первую очередь в нижней части клинка. На лезвии хорошо различимы трещины, а также возникшие в результате

фехтования зазубрины. В то время как некоторые из них нанесены острыми предметами, другие зазубрины, судя по их форме, возникли в результате ударов предметами с тупыми краями или соответственно нанесения ударов мечом по таковым.

Каждая из двух поверхностей клинка снабжена двумя долами, точнее, одним двойным долом, берущим начало еще в черене клинка и заканчивающимся, насколько это можно проследить сегодня, на расстоянии 10 см (или менее) от современной оконечности клинка. Имели ли оба дола общее завершение или же они до конца пролегли параллельно друг другу, не соединяясь, а также какова их конечная длина, не поддается сегодня анализу в связи с сильной коррозией нижней трети клинка. Дольная зона имеет под перекрестьем максимальную ширину 2.3 см и сужается лишь незначительно – на удалении 40 см от перекрестья она все еще составляет 2.2 см.

Рентгенографический анализ клинка позволил получить дополнительную информацию о его макроструктуре. Согласно результатам анализа, клинок имеет однородную структуру и откован из одной заготовки. Каких-либо следов того, что при его производстве использовалась технология дамаскирования или же что лезвие было приварено к центральной части клинка дополнительно, выявлено не было. Также не обнаружены на клинке следы выполненных в технике тауширования надписей, символов или клейм.

Типология меча. Рукоять рагнитского меча была упомянута, как уже сказано, в работе немецкого исследователя, который видит в ее форме "...дальнейшее развитие типа П Я. Петерсена" (von zur Mühlen, 1975. S. 33) и исходя из этого датирует началом XI в. Далее он пишет, что "...данная форма рукояти возникла в Балтийском регионе и была распространена на территории позднейших Восточной Пруссии, Литвы и Латвии; такие мечи часто встречаются вместе с навершием ножен местной формы, что только дополнительно подчеркивает их местное производство" (von zur Mühlen, 1975. S. 33). В быв. Восточной Пруссии немецкому археологу известны 12 экземпляров "этой локальной формы рукояти", которую он датирует началом XI – XII в. (необходимо отметить, что в настоящий момент правомерность отнесения всех приведенных мечей к одному типу вызывает сомнения).

В 1966 г. А.Н. Кирпичниковым была разработана типология мечей, найденных преимущественно на территории Древней Руси и сопредельных территориях. В главе его монографии, посвященной периоду, непосредственно следовавшему за эпохой викингов (вторая половина XI – XIII в.), упоминаемая фон цур Мюленом "особая форма" описывается как

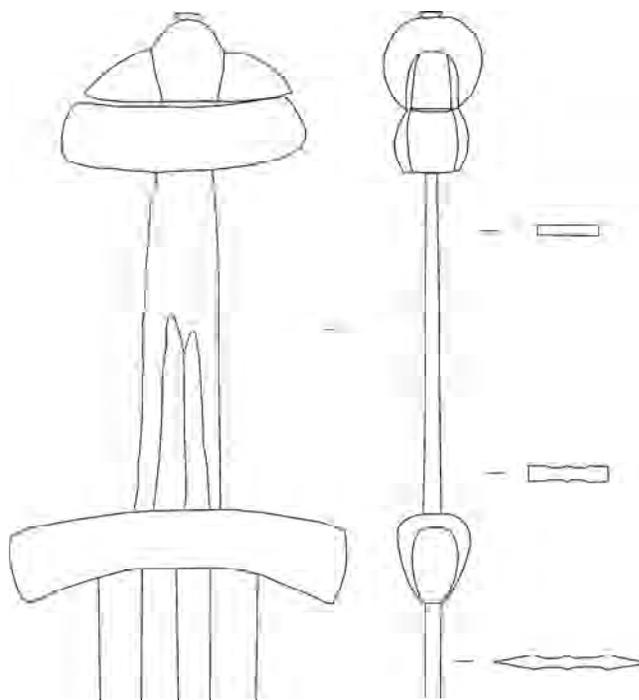

Рис. 3. Схематическое изображение рукояти меча. Рисунок автора.

самостоятельный тип (II) (рис. 4), имеющий в свою очередь два подтипа (Кирпичников, 1966. С. 53, 54). Абсолютное большинство рукоятей известных мечей инкрустировано. А.Н. Кирпичников считает тип II дальнейшим развитием типа S по Я. Петерсену (2005. С. 173 и далее), а также возникшего в Древней Руси эпохи викингов локального типа "А местный" (по Кирпичникову). Мечи типа II получили распространение в XI – первой половине XIII в., а изображения мечей с подобными рассматриваемой рукоятями встречаются в иконографии и письменных источниках вплоть до первой половины XV в. включительно (Кирпичников, 1966. С. 54). Исследователь пишет о шести известных ему находках мечей этого типа на территории Древней Руси и Прибалтики. Территория распространения находок этого типа не включает в себя Северо-Западную Европу, на этом основании делается вывод, что рукояти этой формы – местные восточноевропейские изделия.

Несмотря на расхождения по вопросу о путях генезиса рассматриваемого типа рукояти меча, оба исследователя считают его местной восточнобалтийской формой, возникшей в XI в. и остававшейся в употреблении в Восточной и Северо-Восточной Европе по меньшей мере до XIII в. включительно. Описание типа, сделанное А.Н. Кирпичниковым, более полное, поэтому далее в тексте данная форма рукояти будет упоминаться как тип II. Судя по особенностям морфологии рукояти рагнитского меча,

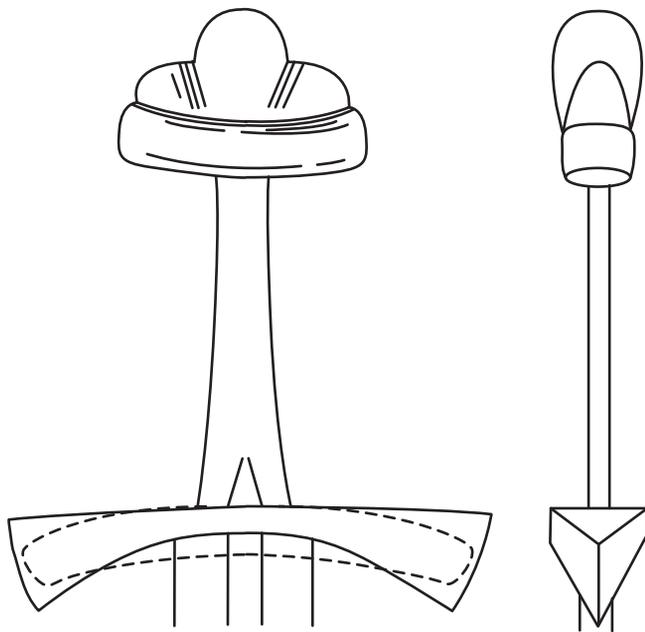

Рис. 4. Рукоять меча типа II (по: Кирпичников, 1966. Рис. 10; Табл. XXII, 2).

прежде всего по форме и изогнутости основания навершия и перекрестья, а также небольшой для рукояти этого типа длине перекрестья, она является ранним вариантом типа II и может быть соответственно датирована концом XI – первой половиной XII в.

Клинок. Случаи обнаружения мечей с рукоятью типа II в Северо-Восточной и Восточной Европе хотя и немногочисленны, но одновременно с этим не редкость (см.: Молодин, 1976; 2006; Дрбоглав, Кирпичников, 1981). Гораздо больший интерес в этом отношении представляет собой клинок рагнитского меча, имеющий необычную для рассматриваемого периода времени конструкцию.

Центральную зону полотна клинка занимают два параллельно расположенных дола, точнее, двойной дол – особенность, не характерная для мечей эпохи викингов, а также возникших непосредственно из них форм. Считается, что в период времени после исчезновения из обихода *spathae* позднеримского времени – начала эпохи Великого переселения народов, клинки которых могли иметь два и более долов на каждой стороне (Behmer, 1939. Taf. XV; Bemmman G., Bemmman J., 1998. Taf. 35, 36; Ørsnes, 1988. S. 49 и далее. Taf. 71–74), и до возникновения многодольных форм эпохи позднего средневековья (Oakeshott, 1991. P. 96, 105, 118, 121) в Европе полностью доминировали однодольные двулезвийные мечи. (Сказанное справедливо только для двулезвийных мечей – однолезвийные раннесредневековые мечи, саксы, нередко имели несколько долов на каждой стороне

клинка.) Найденный в окрестностях Рагнита меч представляет собой исключение из этого правила.

Конструкция клинка вызывает тем больший интерес, что любое значительное изменение в конструкции оружия обычно имеет под собой практическое основание, т.е. вызвано изменением техники ведения боя или внешних условий. Увеличение количества долов способствовало увеличению прочности и эластичности у ряда форм позднесредневекового клинкового оружия, все в большей степени применявшегося для нанесения колющих ударов. В соответствии с новой техникой ведения боя клинок приобретал узкую, сужающуюся к острию форму, а формирование широкого дола (как, например, у мечей эпохи викингов) для снижения веса некогда широкого и тяжелого клинка, наоборот, теряло свое значение. Клинок рагнитского меча имеет форму, более близкую клинкам эпохи викингов, а не формам позднего средневековья, что характеризует данную находку как преимущественно рубящее, а не колющее оружие. Аналогичным образом и ширина дола (точнее было бы сказать – дольной зоны) соответствует таковой мечей эпохи викингов.

Результаты анализа меча, проведенного с учетом типологии клинков, разработанной А. Гейбигом, указывают на то, что параметры рассматриваемого клинка наиболее близки таковым типов 3а и 5а (Geibig, 1991. S. 86), точнее, представляют собой их комбинацию; клинок рагнитского меча не может быть, однако, безоговорочно отнесен ни к одному из них. Клинки типа 5 (и типа 4) вытеснили доминировавшие до этого момента в рассматриваемых в монографии немецкого исследователя регионах Европы типы 3 (и 2) во второй половине X в. и производились, вероятно, до второй половины XI в. (Geibig, 1991. S. 153). В соответствии с этим, а также с учетом результатов типологического анализа рукояти рагнитского меча представляется возможным предварительно датировать рассматриваемый клинок XI в. В случае если данный клинок, как и рукоять, – местное изделие, нельзя исключить и его несколько более позднюю датировку (начало/первая половина XII в.). Целый ряд надрегиональных форм и типов получает распространение в восточной части Балтийского региона с некоторым запаздыванием по сравнению с соседними территориями и выходит из употребления соответственно позднее.

Поиск аналогий мечу из Рагнита в археологической литературе привел к неожиданным результатам: на данный момент известны по меньшей мере еще пять мечей со сходной конструкцией клинка.

Меч с двухдольным клинком был обнаружен в восточной части Балтийского региона, в Талсинском р-не Латвии. Находка происходит из богатого воинского погребения, датированного XII–XIII вв.

(*Letlands viele Völker...*, 2008. S. 72 и далее). В том же районе Латвии (*Talsu Vilksmuīžos, Talsu raj.*) был найден и второй меч с клинком рассматриваемой конструкции (*Kazakevičius, 1996. Рав. 102*). На основании особенностей рукояти данная находка датируется XIII–XIV вв. (*Kazakevičius, 1996. Р. 124*). Из другого воинского погребения, в Естведе, Швеция, происходит меч, рукоять которого относится к характерному для поздней фазы эпохи викингов типу V Я. Петерсена (*Thålia-Bergman, Kirpičnikov, 1998. Abb. 3, 2*). Типологический анализ как самого меча, так и сопутствующих предметов инвентаря позволяет датировать его X – началом XI в. Четвертая находка меча с двудольным клинком была сделана в Англии в р. Витхэм поблизости от г. Линкольн. Меч украшен в технике таушировки золотом (?): наряду с латинской надписью +NDXOXCHMDRCHDXORVI+ на одной из сторон клинка обе его поверхности орнаментированы крестообразными символами. На основании анализа орнамента и надписи на клинке Э. Оакешотт датирует находку 1100–1150 гг. (*Oakeshott, 1991. Р. 34*). Наконец, еще один меч происходит из любительских раскопок на могильнике Ванг в Норвегии. Меч имеет рукоять типа S и датируется X в. (*Farbregd, 1993. S. 77. Fig. 15; а также личное сообщение*).

В свете описанных находок становится очевидным, что рагнитский меч – не уникальный артефакт, он представляет целую группу мечей, предварительно датированных исследователями X–XIII (XIV) вв. и имеющих конструкцию клинка, отличающую их от других современных им экземпляров.

В ходе дальнейших исследований предстоит уточнить количество находок мечей описанной конструкции, определить границы территории их распространения, а также центр(ы) их производства. На данный момент остается открытым вопрос, идет ли речь о клинках не описанного до настоящего момента в литературе отдельного типа (тип клинка “Рагнит”?) или же мы имеем дело с группой двудольных клинков, относящихся к разным типам, и тем самым менее однородной как типологически, так и хронологически? Наконец, предстоит выяснить функциональное значение формирования двойного дола: служило оно исключительно практическому улучшению технических параметров клинка, играло декоративную роль или же было призвано подчеркивать особый статус меча и тем самым его обладателя.

Автор выражает искреннюю благодарность бывшему директору Музея древней и ранней истории проф. В. Менгину за разрешение проведения работ, а также заведующему реставрационной лаборатории музея г-ну Г. Борну за непосредственное проведение рентгенографического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дрбоглав Д.А., Куртичников А.Н.* Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // Памятники культуры. Новые открытия. 1980. Л., 1981.
- Куртичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли. IX–XIII вв. М.; Л., 1966 (САИ; Вып. Е1-36).
- Молодин В.И.* Находка меча из Западной Сибири (предварительное сообщение) // Изв. СО АН СССР. 1976. № 11. Вып. 3.
- Молодин В.И.* Меч Каролингов // Меч Каролингов. Новосибирск, 2006.
- Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. СПб., 2005 (дополненное переизд. монографии Petersen J. *De Norske Vikingesverd*. Kristiania, 1919).
- Behmer E.* Das zweischneidige Schwert der germanischen Völkerwanderungszeit. Stockholm, 1939.
- Bemmann G., Bemmann J.* Der Opferplatz von Nydam. Die Funde aus den älteren Grabungen: Nydam-I und Nydam-II. Bd. 2. Neumünster, 1998.
- Farbregd O.* Vikingtids funn på Vang. Særtrykk av Bøgda vår. 1993.
- Geibig A.* Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter. Eine Analyse des Fundmaterials vom ausgehenden 8. bis zum 12. Jahrhundert aus Sammlungen der Bundesrepublik Deutschland. Neumünster, 1991 (Offa-Bücher; Bd. 71).
- Kazakevičius V.* IX–XIII a. Baltų kalavijai. Vilnius, 1996.
- Letlands viele Völker: Archäologie der Eisenzeit von Christi Geburt bis zum Jahr 1200.* Katalog der Sonderausstellung im Archäologischen Landesmuseum im Paulikloster, Brandenburg / Hrsg. Carnap-Bornheim C. von et al. Wünsdorf, 2008.
- Mühlen B. von zur.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreußen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Bd. 9. Bonn, 1975.
- Oakeshott E.* Records of the medieval sword. Woodbridge, 1991.
- Ørnsnes M.* Ejsbøl I. Waffnopferfunde des 4.–5. Jahrh. nach Chr. Kopenhagen, 1988.
- Peirce I.* Swords of the Viking age. Woodbridge, 2002.
- Reich C.* Die Prussia-Sammlung im Museum für Vor- und Frühgeschichte // Das Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte. Festschrift zum 175-jährigen Bestehen. Acta Praehistorica et Archaeologica. 36/37. Berlin, 2004/2005.
- Thålia-Bergman L., Kirpičnikov A.* Neue Untersuchungen von Schwertern der Wikingerzeit aus der Sammlung des Staatlichen Historischen Museums in Stockholm // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Festschrift für Michael Müller-Wille. Neumünster, 1998.

СУДЬБА УЧЕНОГО: ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГОРОДЦОВА В ЕГО ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

© 2011 г. И.В. Белозёрова*, С.В. Кузьминых**, И.Е. Сафонов***

* Государственный Исторический музей, Москва

** Институт археологии РАН, Москва

*** Воронежский государственный университет

Личность В.А. Городцова, одного из основоположников отечественной археологии и создателя московской археологической школы, давно привлекает внимание ученых. Однако при обилии трудов и воспоминаний о нем (Хронологический..., 1991. С. 11) источниковедческая база исследований невелика, в них много неточностей и просто неверных сведений, а жизненный путь Василия Алексеевича намечен лишь в общих чертах (исключение – рязанский период жизни ученого, которому посвящена монография (Жук, 2005); к сожалению, и в ней не обошлось без досадных ошибок и недостоверных сведений, см.: Щавелёв, 2009).

Между тем в 1959 г. сын ученого – Мстислав Васильевич (1899–1968; см. о нем: Смирнов, 1969) передал на хранение в ОПИ ГИМ большой научный архив Городцова (фонд № 431; все наши ссылки на архив – к нему). Это один из крупнейших (519 единиц хранения) личных архивов российских археологов (Самсонова, 1988), уникальный источник по истории отечественной археологии, научных, музейных, педагогических учреждений, связанных с деятельностью ученого, о его внутреннем мире и семейной жизни. Однако в работах о Городцове крайне мало ссылок на него (Белозёрова, 1988; Стрижова, 1988; 1991; Студзицкая, 1988; опубликованы небольшие выдержки; Городцов, 1997. С. 117–128).

Особый интерес представляют личные дневники¹, которые Городцов вел более полувека (1892–1944 гг.). Сохранилось 80 тетрадей в черных дерматиновых обложках (между страниц можно найти листки отрывных календарей, вырезки из газет и журналов; многие тексты сопровождают рисунки).

Первые дневники относятся к началу 1890-х годов. Тогда Городцов начал регулярно приезжать

в РИМ сначала из Рязани, затем из Ярославля. Он познакомился с И.Е. Забелиным, П.С. Уваровой, А.В. Орешниковым, В.И. Сизовым, Н.С. Щербатовым, которым продемонстрировал материалы своих разведочных поисков. Затем последовало изучение коллекций музея и первые публичные доклады, в частности, в январе 1890 г. на VIII Археологическом съезде, куда Городцов был приглашен как член РГУАК. В 1933 г. Василий Алексеевич вспоминал, что тогда в Риме ему “посчастливилось... впервые вступить в среду русских и отчасти заграничных археологов” (Ед. хр. 349. Л. 64об.), на суд которых он вынес доклад “Жилища неолитической эпохи в долине реки Оки” (Городцов, 1897).

Дневники позволяют проследить жизнь Городцова с раннего детства, к его счастливым дням он возвращался на протяжении всей жизни. Василий Алексеевич родился 11 марта 1860 г. в с. Дубровичи под Рязанью. В семье диакона Никольской церкви Алексея Кузьмича и его жены Елены Симоновны (урожденной Шепелевой) было шесть детей: Анна (1853–1924), Елена (1857–1930), Василий (1860–1945), Николай (1861–?), Петр (1865–1919), Мария (1867–1930); еще пять умерли в младенчестве. Спустя годы Городцов записал: “Родители были рады моему появлению на свет. Я родился седьмым” (Ед. хр. 356. Л. 104) (рис. 1).

В дневниках немало сведений о предках ученого. В.А. Городцов вспоминал, что в их роду по отцовской линии была очень уважаема прабабушка Агафья, крестьянка с. Городца. Выполняя наказ мужа Василия Федоровича, ушедшего на войну и вскоре погибшего, она воспитала и обучила сыновей Андрея, Кузьму и Игната; двое старших стали сельскими дьячками, а младший, приписавшись к мещанам г. Спасска, занялся торговлей. Это для бедной бобыльской семьи было почти невероятным успехом. Из “Путевых заметок” за 1891 г. известно, что Городцов посетил родину предков с. Городец,

¹ Авторы сейчас работают над подготовкой дневников В.А. Городцова к изданию и надеются, что их публикация станет данью памяти выдающемуся ученому.

чтобы “познакомиться или хотя бы взглянуть на свое гнездо, из которого я через посредство трех поколений веду начало, и получил свою скромную фамилию... нет ли какой-нибудь причины этого названия, перешедшего через посредство дедов и отца ко мне – первому в роду археологу (любителю древностей)” (Ед. хр. 127. Л. 171).

После женитьбы родители поселились в селе Дубровичи в доме отца молодой – Симона Петровича Шепелева, бывшего диакона Никольской церкви. От него Василий Алексеевич много узнал о родичах по материнской линии. Он вспоминал также, что в детстве нашел на чердаке в дедовском кованом сундуке грамоты, выданные Петром I их предкам, священнослужителям. По документам и рассказам деда, пишет Городцов, “по материнской линии, род мой в Дубровичах продолжался от 1682–1688 до половины XX века, т.е. на протяжении около 250 лет” (Ед. хр. 356. Л. 237об.).

В 1860-е годы маленький Вася много времени проводил с дедом, который выучил всех детей читать и писать, рассказывал об истории Дубровичей и его жителей, брал ребят на сенокос и в ночное. Среди любимых детских забав были походы на р. Исток – сюда влекла рыбалка и поиски в реке алебаstra, упавшего с торговых барок (из него вырезали гусей, уток, коньков). Другим его любимым занятием стал сбор на окрестных дюнах каменных наконечников копий, топоров, “громовых стрел”, обломков керамики с диковинными узорами. То было первое, еще неосознанное, знакомство Городцова с древностями.

Беззаботное детство кончилось в 1869 г., когда умерла мать, оставив шестерых детей на попечение отца и старшей сестры Анны, которая, по словам Василия Алексеевича, “отдала свои лучшие девичьи годы и до конца жизни оставалась для них вместо матери”. Ситуация усугубилась в следующем году: летом в Дубровичах сгорело 150 дворов, в их числе дом Городцовых (рис. 2). Через полтора месяца, 1 сентября, Василия направили по заведенной в семье традиции в Рязанское духовное училище. Приняли его в училище на половинное содержание: он имел постой в казенной квартире, обед и ужин, но не мог пользоваться одеждой и книгами. “Последнее было особенно тяжело. Отец дал на книжки 3 рубля... Мне пришлось учиться без книг... приходилось выпрашивать книжки у товарищей... учиться я начал хорошо, но скоро стал отставать и плелся в хвосте класса” (Ед. хр. 353. Л. 277об.).

“Бурса в 1870 г. представляла настоящую плачевную юдоль” (Ед. хр. 353. Л. 277об.). Жил впроголодь, денег не хватало на учебники и одежду, учеников секли, учителя – самодуры и воры. В дневниках

Рис. 1. В.А. Городцов: первые шаги. Рисунок 1933 г. Картон, масло (Ед. хр. 466. Л. 9).

много рассказов о жизни в училище, заставляющих вспомнить “Очерки бурсы” Н.Г. Помяловского. Как многие русские разночинцы, пройдя испытание бурсой, В.А. Городцов вынес из нее не только знание общеобразовательных дисциплин, греческого и латинского языков, но и стойкие атеистические взгляды. Его успехи в обучении не были блестящи: учился слабо, по низшему третьему разряду, по поведению имел четверку, в классе был на 29 месте (Жук, 2005. С. 87).

Окончив училище в 1875 г., Василий вернулся домой, в Дубровичи; выполнял различные поручения отца, помогал ему в храме. В итоге он получил положительную аттестацию от настоятеля, позволившую через год поступить в Рязанскую духовную семинарию. Учился опять слабо, конфликтовал с учителями. Из записи 1937 г.: “Вспомнил я рязанскую бурсу, где прорабатывали меня: поп Орлов сделал то, что я убежал из бурсы и поступил в солдаты. Орлов преследовал меня со злодейским упорством, третировал, как ничего не знающего” (Ед. хр. 353. Л. 233). Через два с половиной года его выгнали из семинарии за “подсказ товарищу во время его ответа в классе... меня жалели даже учителя как ученика, одаренного большими способностями, и если бы я похлопотал, попросил начальство, меня бы, пожалуй, и верну-

Рис. 2. Дом в селе Дубровицы, где родился В.А. Городцов. Рисунок из дневника 1912 г. Чернила. (Ед. хр. 334. Л. 49).

ли в семинарию, но я, услышавши об исключении, дал себе клятву не возвращаться в это проклятое заведение, решив поступить в военное училище” (Ед. хр. 356. Л. 128об.). Осенью 1879 г. Василий оставил семинарию, несколько месяцев жил дома, а в январе 1880 г. поступил в домашние учителя (или гувернеры) к управляющему Виноградову, получая 10 рублей в месяц и “живя на всем его содержании в 10 верстах от дома в барском доме” (Ед. хр. 330. Л. 48об., 51об.).

Предпочтя военную карьеру церковной, Городцов кардинально изменил жизненный путь. Отец и сестра Анна отговаривали, описывая трудности военного быта, но он остался тверд – духовное образование явно не было его стезей. Военная служба в то время привлекала молодых людей высоким общественным статусом и возможностью реального служебного продвижения. Важную роль сыграли и события русско-турецкой войны 1877–1878 гг., всколыхнувшие жизнь провинциального города: “торжества побед над турками воспламенили население г. Рязани и доводили самого меня – юношу 17 лет до какого-то вакхического восторга и исступления. Я участвовал тогда по собственному влечению... во всех шествиях, овациях, торжествах...” (Ед. хр. 352. Л. 130).

В мае 1880 г. Городцов поступил рядовым на правах вольноопределяющегося 2-го разряда в 12 гренадерский Астраханский полк, стоявший в

Рязани, а в августе был командирован в Московское пехотное юнкерское училище в Лефортове, которое окончил в 1882 г. унтер-офицером (рис. 3). 1 января 1883 г. его с двумя товарищами перевели из Астраханского в 11 гренадерский Фанагорийский полк: “мы стали фанагорийцами-суворовцами. Я, как невысокий ростом, попал в 12 роту” (Ед. хр. 356. Л. 127). Самым большим счастьем стало известие о получении 19 февраля 1883 г. чина прапорщика. В дальнейшем Городцов исполнял обязанность адъютанта в 1-м батальоне (1886–1893), командира полковых саперных (1885) и охотничьих команд (1889–1899).

Как свидетельствует “Журнал полевых занятий охотничьей команды 11-го гренадерского Фанагорийского полка в 1894–1895 гг., составленный начальником команды поручиком В.А. Городцовым” (Ед. хр. 304), программа была весьма насыщенной: занятия сторожевой и разведывательной служб, стрелковая подготовка, ориентирование на местности (по компасу, солнцу, деревьям, звездам), рукопашный бой, плавание, верховая езда, многочасовые походы на лыжах, работа с дрессированными собаками, переправа при помощи разных плавучих средств, постройка зимних шалашей и юрт, топографические навыки (глазомерная съемка от руки на бумагу необходимых объектов – рек, лесов, гор, мостов). Все это помогло развить выносливость, самодисциплину и умение работать с коллектива-

ми, что очень пригодились позже в работе археолога. На военной службе он приобрел и чувство времени, о чем вспоминал впоследствии: “В юности я долго не мог купить карманных часов, но довольно точно определял время, да позволят мне сказать, инстинктивно. Я аккуратно ходил на все занятия без опаздывания (привычка, оставшаяся и до сих пор), в определенное время обедал, пил чай, словом выполнял все так, как будто в моем кармане был хронометр” (Ед. хр. 349. Л. 73).

Фотографий Городцова того периода не сохранилось, но есть небольшие масляные картинки, выполненные им в 1932 г.: перед нами молодой офицер, стройный, в прекрасном белом кителе, на лучшей полковой лошади – Красавчике (рис. 4), на которой в конце 1880 – начале 1890-х годов он провел свои первые археологические разведки.

В 1880-е годы в Рязани Василий Алексеевич познакомился с будущей женой Елизаветой Евгеньевной Русановой (1869–1928). Она была сиротой; с конца 1880-х годов ее воспитывали бездетные тетка и дядя Е.Ф. и М.П. Русановы. Городцов вспоминал, что его Лизу считали в Рязани очень богатой невестой: у дворян Русановых было имение в 7 верстах от Пронска на ст. Хрущевка на р. Проне. Вспоминал он и о том, как они с Лизой были счастливы, проводя там отпускные месяцы в первые два года после женитьбы. В 1887 г. молодые обвенчались, но приданного за женой Городцов не получил (имение тетки после ее смерти было продано за долги), их семья всегда рассчитывала только на себя. Впоследствии Василий Алексеевич с благодарностью вспоминал, что на первых порах именно жена поддержала его в увлечении археологией. Книгу Дж. Леббока (1876), с которой началось это увлечение, они читали вместе. В архиве сохранился конспект книги (позднее Г.С. Лебедев (1992. С. 120) охарактеризует ее как “первый *абрис эволюции*, основанный на *археологических данных*”) с великолепными рисунками Василия Алексеевича и дарственной надписью “на память дорогой Лизе Городцовой от поручика Городцова. Октябрь 1888 г.” (Ед. хр. 125).

Жена (рис. 5) создала все условия, чтобы Василий Алексеевич мог заниматься наукой, не отвлекаясь на повседневные заботы. С ее смертью воспоминания о счастливой семейной жизни станут одной из основных тем дневников. В 1933 г. Городцов посвятил ей удивительные строки: “Душа моя наполнилась чувством искренней и глубокой благодарности к этому верному и незабвенному другу, которому я много обязан своими успехами в жизни. Ведь это она возбудила во мне интерес к археологии, ведь это она всюду и всегда поддерживала меня в трудах. Взвалив на свои слабые плечи всю тяжесть по веде-

Рис. 3. Юнкер 12 гренадерского Астраханского полка В.А. Городцов в 1881 г. Рисунок 1932 г. (Ед. хр. 464. Л. 3).

нию домашнего хозяйства и воспитанию детей, она дала мне все время заниматься научными трудами. Безукоризненно честная, она никогда не волновала семью и не отвлекала внимание от серьезных жизненных трудов... Спасибо тебе, дорогая, и да будет тебе вечная и вечная память” (Ед. хр. 349. Л. 80об.).

Дневники по-новому открывают личный и семейный мир ученого. Он был любящим мужем, заботливым отцом и дедушкой. Большая семья, где он был единственным кормильцем, вынужденно вела кочевой образ жизни, меняя казенные и съемные квартиры (дочь Елена родилась в 1890 г. в Рязани, сыновья – Олег (1893–1922), Игорь (1896–1934), Мстислав (1899–1968), Ростислав (1900–1920) и умерший в младенчестве Михаил появились на свет уже в Ярославле, куда Василия Алексеевича перевели в 1892 г.). Из записи за 1908 г.: “Итого за 48 лет жизни я переменил 62 квартиры. В это число не вошли кое-какие перекочевки, о которых я, вероятно, забыл. Перемены квартир на маневрах, во время раскопок и разного рода командировок (не менее 100 [квартир]). Все эти передвижения вызывались край-

Рис. 4. В первых маршрутах на Красавчике в окских дюнах. Рисунок 1936 г. Картон, масло. (Ед. хр. 466. Л. 13).

ней необходимостью, бедностью и в особенности нищенским содержанием, получаемым на военной службе, благодаря которой приходилось, уезжая в лагерь и перевоза с собою семью на так называемые дачи (какие уж дачи!), из экономии отказываться от квартиры” (Ед. хр. 330. Л. 51об.).

Городцовы воспитали талантливых детей. Дочь Елена училась в Полтавском институте благородных девиц, где была “первой ученицей”; накануне Первой мировой войны она – вольнослушатель МАИ (Отчет..., 1913. С. 148). У младшего сына Ростислава в раннем возрасте пробудился талант писателя, он писал небольшие рассказы, сопровождая их рисунками, и отец, как мог, поддерживал его начинания: “Ростик обладал тонкой поэтической и художественной натурой, обещавшей большие творения обществу” (Ед. хр. 352. Л. 36). Друг семьи художник В.М. Васнецов обратил внимание на способности детей и предлагал помощь в их развитии (Ед. хр. 349. Л. 90об., 91). Два старших сына пошли по стопам отца, став военными. В 1904 г. Олег, а через год Игорь были зачислены во 2-й Московский кадетский корпус “на казенном содержании” (Ед. хр. 304. Л. 164), что было большим подспорьем для семьи. В 1914 г. Олег закончил Александров-

ское военное училище. Младшие – Ростислав и Мстислав – учились в реальном училище. До революции для детей на лето постоянно снималась дача на р. Истра в с. Рождествено близ станции Снегири, где В.А. Городцов в разные годы вел археологические раскопки. В дневниках и альбомах сохранились его зарисовки детей в раннем возрасте.

В годы службы в Рязани Городцов увлекся археологией и поначалу как любитель занялся исследованием неолитических дюнных стоянок в долине реки Оки, прежде всего близ родного с. Дубровичи. Заявление в РГУАК об открытии на дюне Борок остатков селения доисторического человека можно считать началом его научного пути (Энговатова, 1991. С. 65). Вероятно, уже в рязанский период стали складываться качества характера, позволившие впоследствии стать выдающимся ученым: феноменальная работоспособность, жажда знания, упорство в достижении цели, черты лидера. На начальном этапе знаний не хватало, и Василий Алексеевич упорно занимался самообразованием. Сохранились его конспекты по археологии, палеонтологии, геологии и другим наукам, выписки из трудов археологических съездов, научных обществ, работ И.Е. Забелина, Д.Н. Анучина, Д.Я. Самоквасова, иностранных авторов, в том числе из книги Г. де Мортилье “Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека” (1883), которую в 1891 г. он перевел с французского. Но Городцова особенно интересовали в то время работы предшественников по археологии Рязанской губернии: труды Ф.А. Уварова, А.В. Селиванова, А.И. Черепнина. В 1889 г. начинающего исследователя принимают в члены РГУАК, а в 1890 г. избирают секретарем археологического отделения комиссии. Когда полк переведут в Ярославль (1892 г.), он станет секретарем, а затем правителем дел ЯГУАК.

В 1903 г. благодаря хлопотам руководства РИМ Городцова перевели в штаб Московского военного округа. С этого времени начинается его служба в музее в должности младшего хранителя (старшим хранителем он стал в 1912 г. после увольнения в отставку из армии) (рис. 6). Переехав в Москву, семья более десяти лет снимала квартиры в центре города, пока в 1914 г. не поселилась в Полуэктовом переулке (между Остоженкой и Пречистенкой). У В.А. Городцова наконец-то появился дома свой кабинет. Студенты, бывавшие у Городцова позднее, описывают обстановку квартиры со множеством книг в шкафах (Алексеев, 1991. С. 224; Лунин, 1991. С. 235; Николаева, 1991. С. 227; Мерперт, 2010). В библиотеке помимо научной было много классической литературы. Василий Алексеевич любил перечитывать Пушкина, Лермонтова, Гоголя, До-

стоевского, Чехова и особенно Толстого, которого многократно цитировал в дневниках. Поклонницей Льва Николаевича была и жена (она в шутку называла себя “толстовкой”; сохранилось ее сочинение, посвященное воспоминанию о Толстом: Ед. хр. 367. Л. 1, 2). Городцов с удовольствием штудировал Аристотеля, Фукидида, Тита Ливия, Канта, Гегеля, Фихте, Шеллинга, что подтолкнуло его к философским размышлениям о закономерностях развития человеческого общества, о разуме и материи, о появлении религии и искусства, и др. Еще юношей он начал писать стихи – они постоянно встречаются на страницах дневников (сохранилась особая тетрадь со стихами за 1880–1938 гг. (Ед. хр. 358).

Городцов был удивительно одаренным человеком. Прекрасный рисовальщик, он виртуозно владел пером и карандашом (Василий Алексеевич Городцов..., 2003), а в 1926 г. стал даже действительным членом Государственной Академии художественных наук (в те годы он читал здесь курс лекций по первобытному искусству). С середины 1880-х годов все его конспекты и выписки, а затем личные и полевые дневники сопровождали рисунки массового археологического материала, реконструкции жилищ, костюма, обуви, зарисовки природы, животных, птиц, насекомых, бытовые сценки и др. (сохранилось несколько альбомов с рисунками тушью, карандашом и углем: сцены из жизни древних людей, их охота на животных, портреты участников экспедиции в Тимоновке и др.). В 1930-е годы Василий Алексеевич пристрастился к акварели и маслу: сохранилось 15 масляных картинок в основном биографического характера; несколько картин он подарил родным и знакомым; в 1933 г. им написано полотно “Охота на мамонта” для Рязанского музея, которое его сотрудник А.А. Мансуров сравнил с картиной В.М. Васнецова (Ед. хр. 349. Л. 90).

Не менее страстно Городцов увлекался музыкой: “В ранней юности я любил музыку страстно. Я любил напевать импровизации, но я был очень беден и в окружающей родной среде не имел ни одного музыкального инструмента, чтобы упражнять слух и развивать вкус; к тому же я был чрезвычайно застенчивым. Петь или напевать свои импровизации я бы никогда не решился в присутствии других людей... Я любил петь в открытом поле, когда преодолевал скучные пространства на Красавчике верхом... Любил я петь в вагонах, когда уединялся на входных площадках. Шум быстро идущего поезда заглушал мой голос...” (Ед. хр. 350. Л. 145, 146об.). Позднее В.А. Городцов с удовольствием принимал участие в музыкальных вечерах, которые устраивали по праздникам в доме Игорь и Мстислав с друзьями. Молодежь пела под музыку, чем немало его

Рис. 5. Елизавета Евгеньевна Городцова. Рисунок 1925 г. (Ед. хр. 470. Л. 26).

радовала. Трогали душу оперные арии, особенно радиотрансляции в годы войны. Без песен не обходилось и в экспедициях (среди своих учеников он выделял Д.А. Крайнова, обладавшего прекрасным оперным голосом).

Дневники раскрывают Городцова как талантливый бытописатель и рассказчик. С годами в свободное от научных занятий время он все чаще и чаще обращался к воспоминаниям о детстве, юности, своих родных, близких, знакомых. Его мини-рассказы содержат исторические, этнографические, археологические сведения о родной рязанской земле; записи передают восприятие природы и явлений культуры; знакомят с кругом общения ученого; передают атмосферу жизни в столицах и в глубинке; чередой проходят его экспедиции и связанные с ними удачи и неудачи.

Ошибочно мнение, что Городцов не знал иностранных языков (Рабинович, 2005. С. 223; Формозов, 2006. С. 30). Хотя на склоне лет он жалел, что не владеет разговорной речью: “Смолоду я не имел хорошей научной подготовки, и я никогда не думал, что судьба готовила мне такой исключительный путь. Если бы я знал это, как бы старался заранее изучать языки, изучить археологию во всем ее объеме” (Ед. хр. 347. Л. 30), но в ряде личных трудовых списков отметил: “знаю языки –

Рис. 6. В.А. Городцов в первом гражданском костюме. Фото 1905 г. (Ед. хр. 470. Л. 27).

немецкий, французский и несколько славянских (чешский, польский и болгарский), читаю и пишу, но не говорю” (Ед. хр. 114. Л. 53, 54). Нельзя забывать, что Василий Алексеевич учился всю жизнь, у него за плечами – духовное училище, неполный курс семинарии, пехотное училище, курс Московского археологического института. Не менее важна постоянная работа по самообразованию (не только в области археологии). Все это вкупе с военно-топографической подготовкой, организационными навыками, фундаментальным геологическим образованием (Кригер, 1991) определило высокий профессиональный уровень уже первых исследований Городцова-археолога.

Достижения обеспечили его неутомимая энергия, феноменальная работоспособность, собранность и самодисциплина, которые он сохранил до конца жизни. Уже в весьма преклонном возрасте при обработке экспедиционного материала В.А. Городцов мог работать по несколько суток. Вот характерная запись за 1931 г.: “С 17 июля по 26-е промыл и разобрал по группам около 40000 предметов из Тимоновской палеолитической стоянки. Считаю это достойным подвигом для занесения на страницы сей летописи. Работал от 12 до 16 ч. ежедневно. Под конец почувствовал усталость” (Ед. хр. 357. Л. 52об.). Последние свои раскопки Канищевского

городища под Рязанью (Археологическая карта..., 1993. С. 59) Городцов провел в 1939 г. в возрасте 79 лет, поражая членов экспедиции своей энергией и активностью. В конце жизни, боясь не успеть обработать собранные археологические материалы, он трудился особенно много, лишь в редкие часы свободы от трудов позволяя себе пешие прогулки по любимым местам Москвы – Zubovskomu и Smolenskому бульварам к Девичьему полю и Новодевичьему монастырю, на кладбище которого похоронены его родные, многочисленные друзья и коллеги.

Городцов обостренно воспринимал современную действительность. Переехав в 1903 г. в Москву, он фиксирует в дневниках все важнейшие события в жизни России, описывает город и его достопримечательности. Примечательны описания катастрофы на Ходынском поле, событий 1905 г., гибели почетного председателя РИМ великого князя Сергея Александровича, Русско-японской войны, Февральской и Октябрьской революций, сноса церковей (в особенности Храма Христа Спасителя), уничтожения надгробий на Новодевичьем кладбище. В 1930-е годы Василий Алексеевич неоднократно ставил вопрос о восстановлении памятника А.С. Уварову на старом кладбище Новодевичьего монастыря перед его дирекцией и администрацией ГИМа.

Особенно много записей (19 личных дневников) посвящено Первой мировой войне: она непосредственно коснулась семьи Городцовых. Сам В.А. Городцов был поставлен на учет в ополчение как отставной штаб-офицер – подполковник, не достигший 55-летнего возраста – в Военном управлении. В начале войны Городцов вместе с сотрудниками РИМа собирал средства для раненых, был попечителем совета госпиталя при Музее изящных искусств. Жена помогала в лазарете; дочь Елена с двумя подругами устроила лазарет на 10 коек и служила в нем сестрой милосердия (Ед. хр. 342. Л. 221об.). Младшие сыновья Мстислав и Ростислав в первые дни войны помогали “в разборе и сортировке вещей, собранных в г. Москве для армии и пострадавших жителей” (Ед. хр. 340. Л. 186).

Первым на фронт ушел добровольцем, по сути самовольно, средний сын Игорь, скрыв болезнь (грыжу), которая освобождала от военной службы. Уже в начале войны, будучи все время на передовой, получил за храбрость два Георгиевских креста, а за сражение под Ангероном – первый офицерский чин. В ходе Восточно-Прусской операции корпус генерала П.И. Булгакова попал в окружение, Игорь получил контузию. Примечательный факт: в бою он сражался с шашкой, принадлежавшей отцу, и сломал ее, чтобы не досталась немцам. Четыре года Игорь находился в лагерях для военнопленных в Польше, Германии и Франции, в совершенстве выучив немецкий, французский и английский языки. Несколько раз неудачно бежал. В 1918 г. Василий Алексеевич воспроизвел рассказ Игоря о военной службе и плене (Ед. хр. 345). Осенью 1919 г. Игорь заболел тифом, после выздоровления получил отпуск и некоторое время жил у отца. В январе 1920 г. по возвращении в свой полк в Киев пропал без вести; запросы Василия Алексеевича в различные инстанции ни к чему не привели.

Другие сыновья также участвовали в боевых действиях. Старший Олег попал в г. Карачаев Орловской губ. в запасной батальон (хлопоты отца оставить его в Москве не увенчались успехом), а на фронте получил тяжелое сабельное ранение в голову. Василий Алексеевич с горечью пишет, что после революции сын как офицер царской армии не мог найти работу: нанимался в швейцары, ночные сторожи. Затем сильно заболел и зиму 1919–1920 гг. жил дома. Позже Городцов вспоминал: “Олег был без службы: он не имел ни денег, ни прав на обеды. Больной и обессиленный, он должен был бы умереть с голоду, если бы оставался без помощи. Я уступил ему обеды в Главмузее, помещавшемся в Мертвом переулке, в доме Морозовой, в 10 минутах ходьбы от нашей квартиры”. После выздоровления в марте 1920 г.

Олег поступил на службу в строительный отдел Комиссариата путей сообщения, а уже в апреле его командировали на стройку нового железнодорожного пути на Урале. Затем он преподавал в военной школе в г. Верхотурье, где и умер от скоротечной чахотки 12 марта 1922 г. (Ед. хр. 347. Л. 110).

Мстислав и Ростислав служили в кавалерийском полку Красной Армии в Киеве; Мстислав в мировую войну был отравлен газами и впоследствии много болел. В июне 1916 г. погиб жених дочери Елены Б.К. Вайда (Городцов, 1997. С. 124). Покупку гроба и перевоз тела в Москву оплатил Городцов, но деньги в итоге были похищены сослуживцем Вайды князем С.А. Друцким-Соколинским. Эта история нашла отражение на многих страницах дневника (Ед. хр. 342. Л. 157, 193об.; 343. Л. 204, 238, 238об.; 344. Л. 5). Василий Алексеевич характеризует князя не иначе как “большой плут и жулик”. О состоянии Городцова и его семьи красноречивее всего свидетельствуют строки из дневника: “17 июня. 6 часов утра. Чувствую, что силы мои надломились, но нужно мужаться, чтобы поддержать других. Самому себе я ровно ни дня ни для чего не нужен... Но для них [семьи], кажется, еще необходимо” (Ед. хр. 342. Л. 152об.).

Городцов, бывший военный, внимательно следил за ходом военной кампании, анализировал удачи и провалы, оценивал отношение общества к войне. В дневниках (Ед. хр. 339–345) не только личное восприятие войны, описания и схемы сражений, вырезки из газет, но и свидетельства знакомых, родных, вести с фронта, слухи (особенно в 1917 г., когда они стали основным источником информации).

Первая мировая война и русские революции 1917 г. прервали полевые исследования Городцова. В 1920–1930-е годы он потерял почти всю семью: пропал без вести Ростислав, умерли Олег и 9-месячная внучка Ия (1922); дочь Елена (в замужестве Брандукова) эмигрировала во Францию (1924 или 1925); от чахотки умерли жена (1928), сын Игорь (1934) и его жена Клавдия (1935). Их дочь Кира до 1939 г. жила в семье Городцова (вместе с сыном Мстиславом и снохой Анной). Несмотря на преклонный возраст и постоянную занятость, В.А. Городцов заботился о внучке: помогал готовить уроки, читал книги, ходил с ней в театры и музеи, покупал одежду, отправлял в пионерский лагерь под Рузу. В 1937 г. он взял ее на раскопки Ильской палеолитической стоянки, а в 1938 г. попытался – но безуспешно – отправить во Францию к дочери. Хотя в 1939 г. Кира уехала в Свердловск к его племяннице – Л.П. Михеевой, дочери брата Петра Алексеевича (Ончуков, 1928), Василий Алексеевич до конца жизни высылал деньги на ее содержание. В конце 1930-х годов ушел

из семьи Мстислав. Правда, его жена Анна Алексеевна не оставила пожилого свекра и помогала вести домашнее хозяйство (Мерперт, 2010).

Революционные события 1917 г. и Гражданская война, которые Городцов воспринял неоднозначно, стали важным водоразделом в его судьбе. В конце жизни он постоянно возвращался к тяжелому послереволюционному периоду: “Бывали дни, и было их много, когда с утра до вечера во рту не было не только хлеба, но и капли воды. Зима 1919 и 1920 гг. была особенно тяжела. Дров ни полена, ни единой щепки. Все стыло и замерзало. В Историческом музее, где я тогда служил, лопались стекла в железных витринах, так как железо от стужи сокращалось и давило с такой силою на стекла, что они от нажима железа трескались и разваливались. Сидеть за работой не было сил. Ноги мерзли. По всему телу пробегала дрожь, и зубы колотили друг о друга. У меня в это время погибли ноги и начали падать здоровые зубы. На холодных каменных полах оставаться целые часы было нестерпимо мучительно” (Ед. хр. 352. Л. 107, 107об.). Дома также было холодно, печи не топились целыми неделями, дров не было, “ходили и спали одетые во все, что оставалось из одежды не проданным за куски хлеба. С утра более сильные члены семьи уходили на поиски хлеба или десятка прогнивших и промерзших картофелин... Много пережито дней, когда с утра до вечера не было ни одного куса пищи” (Ед. хр. 352. Л. 107об., 108, 111). Не имея возможности достать дров, Городцов обратился за помощью к заведующей Музейным отделом Наркомпроса Н.И. Троцкой (Седовой), которая “разрешила одолжить мне дров, сколько можно взять на бельевых салазках... Дворник, войдя в наше положение, сам подкладывал нам дрова, состоявшие из обломков досок разобранного деревянного дома” (Ед. хр. 347. Л. 111).

Вопреки тяготам послереволюционных лет именно на них пришелся пик научной, педагогической и служебной деятельности ученого. В начале 1920-х годов выходят его важнейшие концептуальные теоретические и методические труды (см. список: Хронологический..., 1991. С. 8), в которых сформулированы “законы археологии” (прежде всего первобытной), подведены итоги и определены перспективные задачи развития отечественной археологии, в том числе в области каменного века, древнейшего гончарства (в продолжение ранее вышедшей “Русской доисторической керамики”), изучения древних культур Балкан и Афганистана (что станет возможным для советских археологов лишь спустя десятилетия). В эти же годы выходят путеводители по РИМу, методические пособия об

охране памятников, заметный блок статей для 1-го выпуска “Трудов ГИМ” (1926).

Для студентов-археологов МГУ тех лет Городцов не просто учитель и любимый профессор: он их кумир. Василий Алексеевич не жалеет сил, чтобы передать ученикам свои знания и опыт. Им разработаны оригинальные курсы лекций для археологического отделения ФОН 1-го МГУ (Канторович, 2009. С. 310). Наиболее известный из них – “Каменный период” – издан (Городцов, 1923), но большинство остались в рукописях. Свой первый университетский курс – “История первобытной культуры” – Городцов начал читать в качестве внештатного преподавателя в голодном и холодном 1919 г. (Канторович, 2009. С. 309). Тем не менее он нашел в себе силы основательно разработать и прочитать этот курс в следующем году. Рукопись курса и подготовительные материалы под названием “Мысли, касающиеся искусства” (Ед. хр. 110) заслуживают внимания искусствоведов и археологов. Специалистов по истории керамики должен привлечь “Конспект по первобытной керамике” – курс, прочитанный во ВХУТЕМАСе в 1920–1921 гг. (Ед. хр. 109).

После революции Городцов востребован как никогда ранее. Свидетельство тому – послужной список должностей и званий: профессор археологии (с конца 1918), профессор кафедры первобытной археологии 1-го МГУ (1919), профессор керамического факультета ВХУТЕМАСа (1920–1923), член коллегии Отдела по делам музеев (1918–1926) и заведующий археологическим подотделом (1919–1926) Наркомпроса РСФСР. Он участвовал в создании научных учреждений: в 1919 г. РАИМК в Петрограде (в 1924 г. стал председателем археологической комиссии Московской секции РАИМК) и МИХИМ в Москве (до начала 1921 г. заведующий археологической секцией); стал членом археологической комиссии ГУС (музейно-библиотечной и научно-политической секций) (1923–1928) и членом коллегии Института археологии и искусствознания РАНИОН (1923–1930); в эти же годы работал в ГАХНе, ГАИСе, ВОКСе, ЦБК, преподавал и выступал с лекциями в разных аудиториях, почти ежегодно проводил раскопки, издавал научные труды.

Дневник передает чувства и мысли Городцова в “год великого перелома” – самый трудный в его жизни. Как ни тяжелы были голод, холод и страдания первых послереволюционных лет, его знания и опыт оказались востребованными новой властью, которую он в итоге принял и честно ей служил. Но в 1929 г. Городцова уволили из Наркомпроса и ГИМа (с формулировкой “по рационализации работы музея”). Подводя в дневнике итог году, он записал: “Я вступил в 1930 г. в сферу служебных нажимов.

Пришлось уйти из НКП и ГИМ. Последнее было особенно тяжело. Настала сильная нужда. Масса бед сыпалась на мою голову” (Ед. хр. 352. Л. 34об.). Увольнение из Наркомпроса переживалось им менее болезненно: причины отставки были для него ясны и очевидны: “С этого времени я уже больше не нес никаких административных служб, да и не по плечу они мне. Выросши на трудовой жизни, я совершенно не усвоил, что администратору необходимо не только трудиться, но и политиковать, т.е. уметь подслуживаться, где нужно льстить и держать линию начальства, хотя бы и видел, что эта линия не лучшая и не такая общественно полезная. Я же выработал характер неуклончивый, топорный и не годный на службе, в особенности в революционное время” (Ед. хр. 346. Л. 264).

Увольнение из ГИМа, его второго дома и дача, Городцов воспринял как личное оскорбление и позднее с горечью вспоминал: “17 сентября 1929 года, без всякого повода с моей стороны, в разгаре строительной работы, я был удален приказом по музею. Через три дня, когда я приступил к сдаче своего поста, меня директор музея [П.Н. Лепешинский] убедительно упрашивал остаться в музее, предлагая то же жалованье, какое я получал, состоя на службе, а сверх сего обещая сделать меня почетным членом Исторического музея и хлопотать о представлении мне звания “Героя труда” и заслуженного деятеля науки. Я решительно отказался, так как чувствовал себя глубоко и незаслуженно оскорбленным. После мне еще два раза предлагали дать место в Историческом музее, но я два раза отвечал отказом” (Ед. хр. 350. Л. 135об.).

Но связь с музеем не прервалась: в 1932–1938 гг. В.А. Городцов работал в МОГАИМК, располагавшемся в том же здании на Красной площади; в 1933 г. в зале № 5 был вывешен портрет ученого (в честь 45-летия его научной деятельности); в течение семи месяцев (7.09.1934–17.04.1935) он руководил отделом учета и охраны памятников ГИМ, но в итоге покинул этот пост из-за сильной загруженности и переутомления; позднее (18.04.1940 г.) стал членом Ученого совета ГИМ; в годы войны в подвалах музея хранился его архив (в том числе дневники) и часть библиотеки.

Через увольнений на том не окончилась: Городцов удален из ГУС НКП, освобожден от должности председателя археологического сектора в ГАИСе и РАНИОНе, закрылась кафедра археологии 1-го МГУ (Канторович, 2009. С. 311). Так, в начале 1930-х Василий Алексеевич лишился основных мест работы и заработка. Позднее он недоумевал: “За что на меня так нападали в 1929–1934 годах и в критике, и в бытовой жизни. Научную работу я вел

и веду с постоянным усердием, а между тем работы мои критиковали как никуда негодные и жалованья давали 100 р. в месяц, когда в том же учреждении (ГАИМК) моим ученикам давали 300, а сверстникам и вообще взрослым людям по 500 р. Я хотел уйти из ГАИМК, но мне уже некуда было скрыться. Нужда же в жизненных средствах заставила оставаться на службе...” (Ед. хр. 353. Л. 232об., 233).

В минуту отчаяния Городцов сжег 60 (!) дневников за 1920-е годы, о чем потом очень жалел и даже пытался их восстановить. В 1930-е – вслед за чисткой и увольнениями из университетов и научно-исследовательских институтов ученых старой школы, разгромом краеведческого движения, гонениями на археологию как науку “буржуазную”, вещеведческую – арестовали многих его коллег. Эта участь грозила и В.А. Городцову, имя которого фигурирует в ряде процессов (Формозов, 2006. С. 195; Ваглин, Канторович, 2001. С. 124–132). Переживания, связанные с событиями тех мрачных лет, ученый не может скрыть. Он поверяет их дневнику, уже не оглядываясь на то, чем это может обернуться при аресте.

Несмотря на невзгоды, Городцов (рис. 7) не пал духом. Видя моральный долг в продолжении активной научной деятельности, он участвует в организации МО ГАИМК и Кружка истории техники при Доме ученых (1932), геологического отделения МОИП (1933), палеозоологического сектора КОДЖ (1935); в 1933–1937 гг. становится ученым консультантом ИАЭ (МАЭ) АН СССР (с 1935 г. ИААЭ), раз в два месяца приезжает в Ленинград, участвует в заседаниях, ведет плановые задания и археологические раскопки. Примечательно, что в ИААЭ В.А. Городцов становится инициатором издания журнала “Советская археология”. Из записи в дневнике за 1935 г.: “Сама мысль об издании этого журнала была высказана мною и поддержана С.Н. Быковским, С.Н. Замятниным и позже принята директором Института академиком И.И. Мещаниновым” (Ед. хр. 350. Л. 249). В 1935 г. Городцов возвращается к преподавательской деятельности на биофаке и в Институте антропологии МГУ, в 1938 г. – в МИФЛИ, а в 1941 г. назначается профессором кафедры археологии МГУ и читает курс первобытной археологии студентам военной поры у себя дома, в Полуэктовом переулке (см. воспоминания Л.В. Алексеева, Н.Я. Мерперта, Т.В. Николаевой, М.Г. Рабиновича).

К этому времени Василий Алексеевич воспитал плеяду ученых, живших в разных концах страны и считавших себя его учениками. Немало его бывших студентов по Московскому археологическому институту и университету Шаняевского сгинули

Рис. 7. В.А. Городцов в рабочем кабинете. Фото 1930-х годов.

в пучине Первой мировой и Гражданской войн или были репрессированы в тридцатые годы. Городцов помнил о большинстве из них и даже составил “Список наиболее выдающихся учеников” (Ед. хр. 114). Он назвал сорок человек, но перечень явно неполон. Не случайно в Ленинграде, на конференции, посвященной происхождению, эволюции и породообразованию домашних животных, к В.А. Городцову подошел академик Н.И. Вавилов со словами: “Я Ваш ученик по университету Шаняевского” (Ед. хр. 350. Л. 66).

Личные записи – главный источник информации о последних годах жизни Городцова в период Великой Отечественной войны. Тяжелая болезнь не позволила ему покинуть Москву. Он был свидетелем обороны столицы, разрушения бомбами зданий в центре города, вновь пережил голод и холод. Все, что узнавал из газет, радио, сводок Информбюро, от знакомых и сына Мстислава, заносил в дневники. Истинный патриот, Городцов глубоко переживал неудачи и поражения, искренне радовался победам на фронте. В эти годы он изредка выступал на заседаниях МО ИИМК и читал дома спецкурс по каменному веку для своих последних учеников кафедры археологии 1-го МГУ.

Несмотря на болезни, Городцов готовил к публикации 2-е издание книги “Археология. Т. 1. Каменный период” и монографию “Археология. Т. 2. Металлический период” (Сафонов, 2002. С. 62–70), но издать их в годы войны было проблематично. К сожалению, обе рукописи пошли по рукам его

учеников. В архиве ученого сохранились лишь черновые варианты книг и многочисленные подготовительные материалы. В силу разных причин В.А. Городцов не смог опубликовать многие труды (сам он указал более 20) (Ед. хр. 466. Л. 5; 353. Л. 216), но работал он до последних месяцев жизни.

В годы войны Василий Алексеевич был выдвинут на получение Сталинской премии, однако эта процедура была прервана. То же произошло с выдвижением в действительные члены АН СССР. С 1936 г. его выдвигали пять раз (ИААЭ, МГУ, ГИМ, ИИМК), но тщетно: всякий раз возникали непреодолимые препоны (Тункина, 2004. С. 184–192; Формозов, 2006. С. 257–266). В 1943 г. Городцову присвоили звание “Заслуженный деятель науки РСФСР”, а в 1944 г. за заслуги в научной и общественной деятельности наградили орденом Ленина.

За несколько месяцев до смерти, 30 июня 1944 г., Василий Алексеевич записал: “В мозгу сверлит мысль, зачем я жил, зачем так много трудился? Не знаю, но в труде я ощущал удовлетворение, а иногда и счастье: следовательно, труд не был напрасен, а это оправдывает жизнь. Конечно, качество своего труда оценить я не могу. Оценка полезных трудов – дело современников и потомков. Современники ценят мои труды низко; будут ли ценить их потомки выше? Не знаю...” (Ед. хр. 356. Л. 88об.).

В историографии российской археологии В.А. Городцов – одна из культовых фигур, но в оценке его вклада в науку наблюдаются две тенден-

ции: неуместное восхваление заслуг исследователя или их принижение. Время и история все расставили по местам, в том числе и в оценке научного наследия ученого. Городцов был человеком своей эпохи. Он мог ошибаться, но сами его ошибки – результат смелого научного поиска (Черных, Кузьминых, 1991. С. 100). Уже то, что благодаря его лекционным курсам “археология России приобрела полноценные “права гражданства” в мировой археологической науке” (Лебедев, 1992. С. 368), навечно вписало имя Василия Алексеевича Городцова в историю горячо любимой им археологии, с которой неразрывно была связана его жизнь.

Авторы работали при поддержке РГНФ, проекты 08–01–00024а и 09–01–00510а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 1. М., 1993.
- Алексеев Л.В. Последний лекционный курс Василия Алексеевича Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
- Белозёрова И.В. Музейная деятельность В.А. Городцова // Тр. ГИМ. 1988. Вып. 68.
- Василий Алексеевич Городцов и Государственный Исторический музей. К 100-летию начала работы В.А. Городцова в ГИМ. М., 2003.
- Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // РА. 2001. № 3.
- Городцов В.А. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытиями в окрестностях с. Дубровичи Рязанского уезда // Тр. VIII АС. Т. 3. М., 1897.
- Городцов В.А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг., 1923.
- Городцов В.А. Музей, события, люди... / Публ. И.В. Белозёровой // И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники письма. К 125-летию ГИМ. М., 1997.
- Жук А.В. Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск, 2005.
- Канторович А.Р. Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009.
- Кригер Н.И. Василий Алексеевич Городцов и геология // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
- Леббок Дж. Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей / Пер. с 3-го англ. изд. под ред. Д.Н. Анучина. М., 1876.
- Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.
- Лукин Б.В. Из воспоминаний о В.А. Городцове // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
- Мерперт Н.Я. Из воспоминаний о В.А. Городцове / Запись интервью И.В. Белозёровой и С.В. Кузьминых. М., 2010 // ОПИ ГИМ. Ф. 431.
- Николаева Т.В. Воспоминания о В.А. Городцове // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
- Ончуков Н.Е. П.А. Городцов (западносибирский этнограф) // Сибирская живая старина: 1927. Вып. 7. Иркутск, 1928.
- Отчет о состоянии Императорского Московского Археологического Института им. Императора Николая II-го в 1911–1912 академическом году. М., 1913.
- Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М., 2005.
- Самсонова О.И. Сокращенный вариант описи архива В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988 (Тр. ГИМ; Вып. 68).
- Сафонов И.Е. Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии “Археология” // Археология в российских университетах. Воронеж, 2002.
- Смирнов А.П. М.В. Городцов: Некролог // СА. 1969. № 4.
- Стрижова Н.Б. Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Тр. ГИМ. 1988. Вып. 68.
- Стрижова Н.Б. Московский археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.
- Студзицкая С.В. Государственный Исторический музей и В.А. Городцов // Тр. ГИМ. 1988. Вып. 68.
- Тункина И.В. Эпизод к биографии В.А. Городцова: 1938 г. // Невский археолого-историографический сб. СПб., 2004.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М., 2006.
- Хронологический указатель трудов В.А. Городцова. Литература о жизни и трудах В.А. Городцова / Сост. И.М. Зарецкая, Г.Т. Серова, Е.И. Чайникова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема в трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
- Щавелёв С.П. Рец.: А.В. Жук. Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск, 2005 // РА. 2009. № 1.
- Энговатова А.В. Труды В.А. Городцова по изучению неолита бассейна р. Оки // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ С.Ф. ПЛАТОНОВА

© 2011 г. В.В. Митрофанов

Южно-Уральский государственный университет (Нижневартовский филиал)

Интерес к археологии С.Ф. Платонов пронес через всю свою творческую жизнь. Еще в 1899 г. графиня П.С. Уварова (Председатель Московского археологического общества), выполняя решение XI Археологического съезда, направила Министру народного просвещения ходатайство об открытии специальных кафедр археологии в университетах. Члены созданной для изучения вопроса комиссии в столичном университете, куда включен был и С.Ф. Платонов, высказали свое видение этого дела. И.Л. Тихонов отмечал, что “наиболее обстоятельный ответ дал Платонов”. Его мнение было результатом анализа объективно сложившейся ситуации. Поддерживая предложение, он называл его “желательным и осуществимым”, но, принимая во внимание, что “археологическое изучение есть в сущности методический прием”, с сомнением замечал: “надобно ли учреждение, вообще, в университетах особой кафедры археологии”, к тому же “она будет дорого стоить и для нее не хватит удовлетворительных специалистов”. Поэтому он склонялся к точке зрения, что “преподавание первобытной археологии может с большей пользой и полным удобством вестись при кафедре истории”. Оценивая доводы С.Ф. Платонова, И.Л. Тихонов находит их “в целом... достаточно обоснованными”, так как они учитывали “реалии того времени”; в конечном счете “жизнь подтвердила правоту” (Тихонов, 2003. С. 131–141) его аргументов.

С.Ф. Платонов занимался разработкой проблем истории древних русских городов, привлекая летописные и археологические источники. Мы встречаем его на раскопках во время первого областного Археологического съезда в Ярославле в 1901 г. Один из близких людей к великому князю Константину Константиновичу, С.Ф. Платонов был среди организаторов экскурсионной поездки августейших особ – семьи князя и его сестры, королевы эллинов – в 1908 г. по ряду городов, в том числе в Тверь. Он разработал программу, вел активную переписку со своими коллегами и друзьями по Тверской губернской ученой архивной комиссии (далее ТГУАК), прежде всего ее председателем И.А. Ивановым. Тверской краевед в рамках программы этой

поездки предлагал организовать археологические раскопки на знаменитых Дудневских курганах, по оценке А.А. Спицына, “самых великолепных курганах России” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2983. Л. 9, 11, 16). Кстати, позже там были вскрыты четыре кургана, в одном из которых обнаружены “кости левой руки костяка и две связки серебряных монет германского чекана X–XI века из эпохи Оттонов Саксонской династии” (Отчет..., 1915. С. 36, 37).

С.Ф. Платонов при любой возможности, особенно во время своих летних отпусков, любил заняться раскопками курганов. Например, еще 8 июня 1900 г. Н.И. Веселовский, согласовывая возможность его участия в археологических работах, писал: “Если дела Ваши позволят Вам совершить поездку на Кавказ, то лучше всего приехать на раскопки между 20 и 25 июня. Маршрут такой: от Тихорецкой до Кавказской, а затем со станции железной дорогой на станицу Казанскую, оттуда на Тифлисскую на лошадях, есть казенная почта, но можно взять фэтон. Это всего 31 верста и тут никакого затруднения не будет. Но как дальше до раскопок? Там всего верст 10 до работ на кургане на хуторе Ванновском, думаю, что почтосодержатель в Тифлисской доставит Вас, он знает, где идут работы. Но, во всяком случае, он обязан дать лошадей (казенной почты) в сторону от тракта с платою за 25 верст” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2505. Л. 6, 7).

О летних месяцах, проведенных С.Ф. Платоновым в Валуйках, свидетельствуют дневниковые записи его жены. 15 августа 1909 г. она записала: “Вообще, в последнее время, у нас много шума и суеты: ежедневные лекции Сергея Федоровича, почти ежедневные гости; затем по окончании лекций Сергея Федоровича раскопали недалеко от вокзала курган под руководством Сергея Федоровича, нашли костяк очень хорошо сохранившийся, хотя, по мнению Сергея Федоровича, он пролежал в земле не менее 2000 лет. Сергей Федорович прочел целую лекцию на разрытом кургане в присутствии множества публики; ему там поднесли огромный букет” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5749. Л. 17). А 29 сентября С.А. Блинов сообщал, что “снимки костяков и кургана переправил” с оказией и надеет-

ся, что адресат их получил (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2295. Л. 2).

Информация о раскопках была помещена в губернской газете (Воронежский телеграф, 1909. 19 августа. № 183), затем перепечатана в издании Археологической комиссии. По этим сведениям мы можем установить время работ. Они были закончены 14 августа, а начаты за несколько дней до этого. Важно отметить, что раскопки специально проводились для учителей начальных народных училищ, собравшихся на педагогические курсы. «Профессор прочитал краткую лекцию сначала о способе разрытия курганов, а затем о времени погребения открытого скелета, характере погребения, к какому племени относится погребенный и проч.», – подчеркивается в сообщении (Известия..., 1910. С. 84, 85). Возраст останков профессор определил в 3000 лет. Вероятно, его супруга Надежда Николаевна в приведенной выше записи из дневника указала предполагающуюся первоначально дату.

В письме от 22 июля 1910 г. С.Ф. Платонов писал И.А. Иванову: «И раскопки мне не улыбаются! В одиночку за них не возьмусь. Приезжайте сами или пошлите (с ружьем и собакой) В.А. Плетнева: тогда покопаем» (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 138). Итоги летних двухнедельных изысканий обширного городища дали «положительные результаты» в виде горшечных черепков, глиняных печей, которые встречались «во всех параллельных траншеях», и пяти-шести женских вещей. «Вот и вся наша археологическая добыча», – сообщал И.А. Иванов по результатам своих раскопок (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2986. Л. 9).

Позже обстоятельства вокруг участия в раскопках С.Ф. Платонова все-таки сложились благоприятно. 12 августа в небольшом письме, направленном с земской почтой из Свапуци, он спрашивал Леонида Васильевича (фамилию установить не удалось. – В.М.) «касательно раскопок». Далее он писал: «Мысль И.А. Иванова привлечь меня к раскопкам в августе создала мне существенное неудобство. Я верчу дело в уме и так и так, и все не нахожу возможности согласовать свои домашние дела с поездкой на о. Плотишно, очень поэтому прошу Вас откровенно сказать мне, насколько существенно важно для Вас мое присутствие. Если Вы будете настаивать на моем участии в раскопках, то не откажитесь сообщить мне (будет можно с «Селигером») в субботу или воскресенье. Когда именно я должен быть у г. Журавлева 22? Рано утром? Тогда я очевидно выеду 21 и ночевать с Вами буду с 21 на 22. Если же 22 я должен быть не утром, а к полудню, то я могу выехать и 22 пораньше и заночую с Вами с 22 на 23. Мне бы хоть вернуться домой к 23.

Наконец, если со мною приедет моя дочь, мыслимо ли будет ее устроить на ночлег и вообще уместно ли будет ее присутствие на раскопках? Я был бы рад получить ответ в субботу с «Селигером», тогда в воскресенье я мог бы уже точно с «Селигером» же уведомить Вас, насколько я окажусь в силах аккуратно и деятельно содействовать Вам» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1979. Л. 1, 2).

В 1912 г. в ответ на просьбу И.А. Иванова о содействии Русского Исторического общества в раскопках, предпринимаемых ТГУАК, член совета общества С.Ф. Платонов писал частным образом, так как «ни совет, ни общее собрание императорского Исторического общества в настоящее время не могли бы собраться за отсутствием председателя и секретаря Общества», поэтому вопрос не может быть решен оперативно. Вопросы раскопок затронуты в письме 21 января 1914 г., где С.Ф. Платонов сообщал об имении Н.Н. Маркова, расположенном рядом с имением его зятя Краевича (он был в восторге от возможности посмотреть раскопки), что там есть что раскапывать. Однако, по мнению А.А. Спицына, «ничего хорошего: под плитами крашенные костяки без вещей». Н.И. Веселовский же был не столь категоричен, говоря: «надо бы посмотреть» (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 192).

Дважды, в 1904 и 1912 гг., С.Ф. Платонов принимал участие в Археологических курсах, организованных ТГУАК. Курсы, как и состоявшийся накануне второй областной Археологический съезд (1903 г.), по убеждению тверских археологов и краеведов, пробудили в местном обществе «сильный интерес к задачам археологии и потребность в археологических знаниях» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2984. Л. 15, 16). Важно, что С.Ф. Платонов, участвуя в подобных научно-культурных мероприятиях, содействовал просвещению жителей российской провинции и распространению археологических знаний.

В фонде С.Ф. Платонова имеется краткий отчет о раскопках кургана, произведенных им лично. В нем изложена техника работы, описаны обнаруженные предметы и костяки. Документ оформлен по всем правилам археологических записей с приложением схематических рисунков. Он важен для характеристики С.Ф. Платонова как археолога (см.: Приложение).

Заметим, что в больших плановых научно-археологических экспедициях ученых не принимал участия, а занимался частными раскопками со своими коллегами по краеведческому и археологическому движению.

Много сил и внимания он отдавал подготовке археологов-специалистов в Петроградском археологическом институте (организаторская, преподавательская, административная деятельность С.Ф. Платонова в этом институте еще ждет своего исследователя). В ряде работ, особенно посвященных истории возникновения русских городов, С.Ф. Платонов, прекрасный знаток летописных памятников и писцовых книг, используя письменные источники, сочетал их с археологическими данными и приходил к оригинальным выводам.

Признанием его авторитета в археологической среде следует считать факт избрания С.Ф. Платонова 4 ноября 1906 г. членом комиссии по присуждению медали имени А.С. Уварова (сам С.Ф. Платонов был лауреатом Уваровской премии) “за лучшие труды по отечественной археологии” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4438. Л. 1).

Приведенные факты позволяют считать С.Ф. Платонова не только археологом-любителем, но и археологом-профессионалом, что существенно расширяет наши представления о разносторонних интересах выдающегося ученого.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Короткий (черновой) отчет о раскопках кургана на юге России. 14 августа 1909 г. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1351. Л. 1).

14 августа был вскрыт поперечной траншеей курган на выгонной земле, который в 1 сажень 10 вершков высоты, 16 сажень 1 аршин ширины, до 130 шагов в окружности. В центре кургана, насыщенного из чернозема, с редкими швами глины и песка, оказалось погребение без похоронной ямы,

на поверхности материка. Погребенный костяк был положен на подстилах из песка, окруженного в виде бордюра мелкими камешками, и посыпан в небольшом количестве красною охрою. Покойник лежал на правом боку, головою на ЮВ, лицом на СВ с согнутыми ногами. На нем и около него не оказалось никаких украшений и предметов, не осталось следов одежды или покрывала. Череп был уже плохой сохранности. По обстановке это погребение еще следует отнести к типу так называемых погребений в согнутом положении с окрашенным костяком. Этот тип известен ученым как один из древнейших не только в России, но и в Европе. Около главного погребения оказалась на том же почти уровне часть другого скелета (обе ноги), вероятно, потревоженного какою-то предшествующей раскопкой. Следов ее определить не удалось, но по разрезам та раскопка “ямою” быть должна проведена лет 15–20 назад. Подробный отчет о раскопках и сохранившиеся остатки черепа будут доставлены в императорскую Археологическую комиссию в Санкт-Петербург.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. М., 2003.
- Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к Выпуску 34 (Хроника и библиография. Вып. 17). СПб., 1910.
- Отчет о деятельности ТУАК с 1903 по 1912 г. включительно. Составлен правителем дел И.А. Виноградовым. Тверь, 1915.
- Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003.

ИСТОКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ КЕМБРИДЖА В АРХЕОЛОГИИ

© 2011 г. Л.С. Клейн

Санкт-Петербургский государственный университет

В оксфордском издательстве VAR вышла книга кембриджской исследовательницы Памелы Дж. Смит (Smith, 2009). Она называется “Великолепная особенность” – так один философ окрестил первобытную археологию Кембриджа, отмечая его доминирование в этой отрасли в XX в. Продолжение названия гласит: “Преистория в Кембридже 1915–1950”. Я застал в живых одного из главных героев книги и создателей “интеллектуальной империи” Кембриджа – Грэйема Кларка.

Множество учеников разнесли принципы и методы Грэйема Кларка по странам и континентам. Он гордился этой “диаспорой” и опубликовал в книге “Преистория в Кембридже и вне его” (Clark, 1989) карту локализации своих учеников и их раскопок в мире. Десятилетиями на кафедре преистории висела эта постоянно пополняемая карта интеллектуальной империи Кембриджа (ее последняя версия опубликована в книге Памелы Смит, рис. 1). На ней крестиками отмечены раскопки кембриджских археологических экспедиций, а кружками – университеты, где преподают выпускники Кембриджа. Россыпь крестиков покрывает Средиземноморье и Африку, а кружков – Южную Азию с Австралией и Северную Америку.

Приступая к преподаванию в Кембридже, Колин Ренфру в инаугурационной лекции (Renfrew, 1982) также с гордостью отмечал, что выпускники Кембриджа занимают руководящие посты в университетах по всему миру.

У археологов других стран это обстоятельство вызывает противоположные чувства. В эпоху столкновения глобализма с антиглобализмом археология не осталась в стороне. Канадские, скандинавские и испанские ученые обратили внимание на неравенство ролей и возможностей в археологическом сообществе. Крупнейший канадский археолог Брюс Триггер высказывал марксистское убеждение об “империалистической археологии” XIX и XX вв. Триггер писал, что “природа археологических исследований сформирована в значительной степени ролями, которые те или иные национальные госу-

дарства играют в экономической, политической и культурной жизни как взаимозависимые части современной мировой системы” (Trigger, 1984. P. 356).

В 1990 г. испанцы П. Гонзалес Марсен и Роберт Рисх опубликовали статью “Археология и исторический материализм: размышления аутсайдеров о теоретических дискуссиях в британской археологии”. В ней они пишут: “Что происходит в археологической теории сегодня? Чувствуется, что в Англии она витает на высоких уровнях поверхностности (особенно в Кембридже), тогда как в других странах (как в Западной Германии) вряд ли есть вообще какие-либо теоретические дебаты. Часто первичные стимулы этого – видимо, не столько заинтересованность в развитии альтернативных теорий, сколько политическая борьба внутри ученого мира. Иначе почему Кембридж сознательно или подсознательно стремится предстать перед ученым миром как центр развития археологической теории и имеет материальные средства для этого, при этом, с другой стороны, он манкирует рассмотрением хорошо развитых предложений по теории и практике, выдвинутых в дискуссиях, проходящих в других странах” (Gonzales Marcén, Risch, 1990. P. 97).

Еще резче и шире поставил этот вопрос норвежец Бйорнар Ольсен. В 1991 г. он напечатал статью “Метрополии и сателлиты в археологии: о власти и асимметрии в глобальных археологических исследованиях”. Ольсен возмущенно спрашивает: «Как это так, что конференции, посещаемые британскими и североамериканскими археологами, или доклады по юго-западной археологии (США), публикуемые в “Америкен Антиквити”, почему-то рассматриваются как “international” (международные), тогда как конференции, посещаемые, скажем, норвежскими и шведскими археологами, – нет? И даже еще загадочнее: почему последние принимают вклад первых как более “интернациональный”, чем собственный? И второе: как это так, что археологи из большинства стран рассматривают границы своих стран как рубеж, определяющий,

где копать, а представители из нескольких других стран – явно нет?» (Olsen, 1991. P. 211).

Ольсен заключает: “Кто ездит и куда? Нечего и говорить, что большей частью это археологи из богатых и мощных стран, как Соединенные Штаты и Британия... С другой стороны, много ли кенийских или перуанских экспедиций отправляются на полевою работу в Уэссекс, Йоркшир или Аризону. Мы могли бы вместе посмеяться над такими очевидными наблюдениями, но почему мы не смеемся?” (Olsen, 1991. P. 215).

В статье 2001 г. датский археолог, работающий ныне в Швеции, Кристиан Кристиансен статистически подтверждает, что малые страны более интернациональны в своих публикациях – значительно чаще упоминают в ссылках работы на других языках, что же касается ведущих стран, то в них свой язык, преимущественно английский (но также французский и немецкий) не только заметно преобладает, но и за последние десятилетия просто вытесняет в ссылках все другие языки (Kristiansen, 2001).

Следуя трактовке Триггера, Ольсен называет различаемые им группы стран “метрополиями” и “сателлитами”, а всю ситуацию определяет как “научный колониализм”. Он так конкретизирует свои положения: “Быть кембриджским археологом, например, – это очень своеобразный и конкретный способ быть в свете. Это способ владеть реальностью, языком и мышлением. Это делает возможным некий стиль, который непонятен без или вне размещения относительно институционально унаследованной интеллектуальной или политической силы... Учитывая эту перспективу, размещение автора настоящей статьи хорошо объясняет, почему тема гегемонии выдвинута мною, а не кем-либо из моих английских или североамериканских коллег” (Olsen, 1991. P. 212).

Ольсен приводит гордое заявление Ренфру в его инаугурационной лекции в Кембридже. “Археологи вне метрополий, – добавляет Ольсен, – всегда кажутся зафиксированными в состоянии вторичности, всегда их должны оценивать, судить и рецензировать по стандартам метрополий с точки зрения развитости или стагнации” (Olsen, 1991. P. 216). Чтобы тебя прочли во всем мире, нужно напечататься на английском языке и притом в известном британском или американском издательстве. Иначе ты пишешь для небольшой горстки археологов своей страны и местных любителей.

Норвежский исследователь считает это положение нетерпимым и требующим изменения, поскольку, с его точки зрения, подобное неравен-

ство археологов является не только отражением экономического и социального неравенства, но и средством укрепления и репродуцирования таких отношений.

Меня как воспитанного не в англоязычной традиции сложившаяся ситуация, конечно, тоже не может радовать. Но в оценке этого явления и в определении реалистичных средств его преодоления я расхожусь с Ольсеном (Клейн, 2008; 2009а). На мой взгляд, нужно не завидовать Кембриджу, а задуматься над тем, как вырваться на те же рубежи.

Памела Смит заинтересовалась более конкретным вопросом: почему же кембриджская первобытная археология на целые полвека, если не век, вывела университет на первое место в мире, как получилось, что в XX в. он стал доминировать в этой отрасли. Происходя из Канады, исследовательница изначально имела возможность посмотреть на проблему отстраненным взглядом. Вдобавок к анализу литературных и архивных источников она интервьюировала многих пожилых выпускников Кембриджа, ставших профессорами по всему миру (к исследованию приложено 16 интервью, занимающих почти половину книги и представляющих самостоятельный интерес). Во введении рассмотрена и методика работы с устными источниками.

Решая поставленную проблему, Памела Смит не могла пройти мимо вопроса о формировании научных школ. Само понятие *научной школы* (“research school”) не имеет единого определения. По одним представлениям (обычно основанным на опыте естественных наук, где школы формируются вокруг известных лабораторий), школа – это “плотная группа исследователей, работающих бок о бок”. По другим представлениям (обычно сложившимся в науках, где больше значат обучение и интеллектуальные иерархии), школа – это, скорее, “более расплывчатая группа учителей и учеников, обладающих общей доктриной, методом или стилем” (с. 5). Для преистории в Кембридже, по мнению Смит, более подходит термин “дисциплина”, определяемая как “сообщество ученых, публикаций, инструкций, фондов”. Да и дисциплина в начале рассматриваемого периода, как считает исследовательница, только начинала формироваться.

Анализируя факторы, приводящие к успеху в сложении плодотворных и долго действующих научных школ и соответственно дисциплин, Смит опирается на работы Дж.Б. Морелла и Дж.Л. Гейсона. Морелл (Morrell, 1972), изучая формирование школ химиков Либиха и Томсона, выделил ряд необходимых для этого факторов. Основным он считает появление харизматического основоположника. Гейсон (Geison, 1981), изучив ряд других

школ, дополнил список факторов, расположив их в таблице. Он проследил наличие или отсутствие их в известных научных школах и воздействие на результат – устойчивый успех или провал (таблица репродуцирована у Смит, рис. III). Состав этих факторов у него такой: 1) харизматический лидер; 2) лидер с репутацией исследователя; 3) “неформальная” установка и стиль лидерства; 4) лидер с институциональной силой (у нас сказали бы “с административным ресурсом”); 5) социальная связность (лояльность, корпоративный дух, ученичество); 6) сфокусированная исследовательская программа; 7) простая и быстрая в использовании экспериментальная техника; 8) инвазия в новое поле исследований; 9) доступный контингент для вовлечения (студенты); 10) доступ к публикационному ресурсу (или контроль над ним); 11) ранние публикации студентов под их собственными именами; 12) производство и размещение значительного числа студентов; 13) институционализация в университетской системе; 14) адекватная финансовая поддержка.

К перечисленным факторам Смит (см. ее таблицу, рис. XLVIII) добавила еще пять: 15) сильные убеждения и философская мотивация; 16) смена гендерных ролей; 17) кооперация в производстве знаний; 18) изобретательные студенты, не нуждающиеся в подталкивании (self-starting); 19) чайная комната и климат доверия. Все это отмечено в Кембриджской преистории и, по мнению Смита, именно это привело ее к успеху. Наличие “чайной комнаты” (“комнаты для чаепитий”) требует особого комментария для русского читателя (моя краткая заметка об этом в газете ученых “Троицкий вариант” называется “Чаепитие в Кембридже”; см.: Клейн, 2009б).

Исследование Памелы Смит выполнено в манере (или лучше сказать, в методике), называемой у нас “исторической антропологией науки”. Она подразумевает изучение быта ученых, их, так сказать, субкультуры и стереотипов поведения и стремление выяснить, как эти условия отражаются на успехах науки.

В 1994 г. Даниил Александрович Александров, профессор Европейского университета и Высшей Школы Экономики, опубликовал пионерскую статью данного направления в “Вопросах истории естествознания и техники”. Взяв термин у Арона Яковлевича Гуревича, развивавшего идеи французских историков культуры, он анализировал роль литературных салонов XVIII–XIX вв., философских и научных кружков, меценатства и коллекционерства. В недавнем докладе в клубе “Контекст” (есть в интернете; см.: contextclub.org/) он рассмотрел эту идею применительно к бизнесу, обращая внимание

на роль неформального общения при заключении важных сделок и союзов – например, в России роль совместных поездок в баню. За ним последовала Ирина Владимировна Тункина, заведующая Архивом РАН, которая в 2002 г. опубликовала толстую историографическую книгу “Русская наука о классических древностях Юга России”, где показала, как отражались на состоянии науки внутренние коллизии разных групп ученых – столичных и провинциальных, приближенных ко двору и захолустных, чиновных и непричастных к государственному аппарату, профессионалов и любителей, коренной национальности и эмигрантов и т.д.

В Англии также с начала 1990-х годов и тоже под воздействием французских культурологов (Латур, Бурдьё, Фуко) сложилось похожее направление в историографии и науковедении под несколько неудачным, дезориентирующим названием “география знаний”. Имеется в виду место активизации научной мысли, будь то лаборатория, класс, буфет или экспедиция (Ophir, Shapin, 1991). Некоторые авторы уже высказали сомнение в том, что основные успехи науки рождаются в “незримых колледжах”, охватывающих континенты, – так они только распространяются, а зарождение идей происходит в значительной степени при непосредственном общении лицом к лицу, и часто в неформальной обстановке, когда мысли обмениваются и скрещиваются свободнее. Пабы, кофейни, клубы ученых, вечеринки, спортивные состязания и т.п. – вот о чем речь. При таком общении возникает очень важная для обмена научными идеями вещь – доверие (Hardwig, 1991; Shapin, 1994). Одна из работ о “науке как социальной практике” называется “Высокий чай у циклотрона” (Livingstone, 1996). “Высоким чаем” называется в Англии чаепитие с плотными закусками на ужин.

В этом ключе и решает Памела Смит вопрос об успехах кембриджской археологии. Конечно, автор исследования прекрасно понимает, что очень важны и другие условия – достойное финансирование, просторные помещения, высокий конкурс студентов, выдающиеся ученые в штате университета или института и т.п. Она рассматривает и личные взаимоотношения ученых – “заговор” Грэйема Кларка с целью избавиться от Майлза Бёркитта, ненависть Глина Дэниела к Грэйему Кларку и его неприязнь к Дэвиду Кларку и т.п. Но она оспаривает мнение Морелла о выдающемся значении харизматической личности для формирования школы. Харизматической личностью в науке обычно оказывается оригинальный и передовой ученый – открыватель новых методов или культур, блестящий лектор, умелый руководитель.

Но в начале расцвета Кембриджской археологии стоял Майлз Бёркитт, который не был ни оригинальным исследователем, ни серьезным лектором (больше уповал на анекдоты), не имел даже университетского образования. Приверженный религии, он, преподавая эволюцию человека на археологическом материале, в 20-е годы XX в. решал вот какую основную проблему: вдунул ли Бог душу живую в человека в верхнем палеолите или раньше? В списке его работ 1930-х годов (75 лет после “Происхождения видов” Дарвина!) “Христос и преистория” (Burkitt, 1933). Но, поработав с крупнейшими археологами мира (аббатом Брэйлем, Обермайером, Картальяком), он знал материал, и студенты очень его любили – он прихотничивал их к археологии и создал основу для дальнейшего развития коллектива. Спустя более полувека его бывшие студенты, ныне профессора, вспоминают не его наивные толкования, а его душевность, великолепную атмосферу его семинаров и не в последнюю очередь чай со свежей выпечкой, который подавала к столу его приветливая супруга, – Майлз был зажиточным человеком, и семинары проходили у него дома.

Следующий руководитель археологии в Кембридже Грэйем Кларк был ученым всемирной славы, новатором и автором замечательных книг, безусловно авторитетным лектором, но человеком холодным, сумрачным, малодоступным и язвительным. По выражению сморщенного лица его создавалось впечатление, что во рту его всегда лежал ломтик лимона. Студенты его боготворили и побаивались. Конечно, можно и эти качества считать своеобразной харизмой, коль скоро студенты роились вокруг его кафедры, но трудно считать его сплачивающим учеников. На чай и к нему приглашались, но по какому-нибудь особому поводу.

Однако в каждом университетском здании существует непременно tea-room, чайная комната – просторная, добротна и уютно обставленная. Ее не занимают под другие надобности. А вокруг зданий разбросано множество маленьких кафе, где по доступным ценам можно выпить чай или кофе с печеньем или булочками. К несомненным вкусовым удовольствиям и утолению голода и жажды добавляется то, что чай и кофе тонизируют мозг, дают толчок мыслям. Пользуются этими чайными и кофейнями все – студенты и преподаватели, исследователи разных отраслей.

Памела Смит приводит случай с учеником Грэйема Кларка, его однофамильцем Дэвидом Кларком. Молодой Кларк вскоре прославился своей прорывной книгой “Аналитическая археология”, в которой проводил идеи “новой географии”, вводил математические методы и использовал

ранние компьютеры, матричный анализ. Критики сравнивали появление этой книги с разрывом бомбы. Он рано умер, и в Англии чтут его память, собираясь раз в два года послушать “Кларковскую мемориальную лекцию” (мне была оказана честь прочесть первую в 1993 г.). Дэвид Кларк считается одним из основателей “новой археологии” и в высшей степени оригинальным исследователем.

Расспрашивая кембриджских старожилов, Памела Смит выяснила, что в студенческие годы Дэвид общался в колледже с зачинателями “новой географии” Хэгеттом и Дэвидом Харви, а позже приятель Дэвида, студент-археолог, познакомил его со своим соседом по комнате аспирантом-физиком Биллом Истербруком, который занимался программированием и матричным анализом. Знакомство пошло на пользу. Так возникла британская версия “новой археологии”.

Надо заметить, что в университетских городках Англии профессора квартируют неподалеку от студентов, а если университеты (как Кембридж, Оксфорд, Дарем) состоят из колледжей, то профессора и все преподаватели живут в тех же зданиях, что и студенты, причем без деления по факультетам. На свои кафедры студенты уходят на занятия, а вернувшись, занимаются языками, спортом и домашними заданиями в библиотеках колледжей, в колледжах едят и спят. Так осуществляется сближение студентов с преподавателями и реализуется основная идея университетов – интеграция наук.

Вот почему в книге Памелы Смит вполне органично смотрятся главы “2.6. Луис Кларк, джентльмены и чай” или “3.3. Чай и ученые-естественники” (имеется в виду образование комитета по изучению торфяников, сыгравшее видную роль в модернизации английской археологии). Для русских с их давними традициями чаепития и, к сожалению, традиционно скверной организацией труда и быта ученых тут есть над чем поразмыслить.

Труд Памелы Дж. Смит – это серьезный и интересный вклад в историю археологической науки и одновременно в размышления об организации условий для развития научных исследований в археологии, да и не только в археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4.

- Клейн Л.С.* Три шара и антиглобализм // Троицкий вариант. Вып. 16 (848). 11 ноября 2008.
- Клейн Л.С.* Пять барьеров к признанию // Троицкий вариант. Вып. 3 (22). 17 февраля 2009а.
- Клейн Л.С.* Чаепитие в Кембридже // Троицкий вариант. Вып. 24 (43). 8 декабря, 2009б.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Burkitt M.C.* Christ and the pre-history // The modern churchman. 1933. 19.
- Clark J.Gr.D.* Prehistory at Cambridge and beyond. Cambridge, 1989.
- Geison Gerald L.* Scientific Change, Emerging Specialties, and Research Schools // History of Science. 1981. 19.
- Gonzales Marcén P., Risch R.* Archaeology and historical materialism: outsiders' reflections on theoretical discussions in British archaeology // Writing the past in the present / Eds Fr. Baker and J. Thomas. Lampeter, 1990.
- Hardwig J.* The role of trust in knowledge // Jr. philosophy. 1991. 88 (12).
- Kristiansen K.* Borders of ignorance: research communities and language // Quo vadis archaeologia? Whither European archaeology in the 21st century? / Ed. Z. Kobyliński. Mađralin near Warsaw, 2001.
- Livingstone D.N.* High Tea at the Cyclotron: Science as a social practice // Books and Culture. 1996. January/February.
- Morrell J.B.* The Chemist breeders: The research schools of Liebig and Thomas Thompson // Ambix. 1972. 19.
- Olsen B.J.* Metropolis and satellites in archaeology: On power and asymmetry in global archaeological discourse // Processual and postprocessual archaeologies: Multiple ways of knowing the past / Ed. R.W. Preucel. Carbondale, 1991.
- Ophir A., Shapin S.* The place of knowledge: A methodological study // Science in context. 1991. № 4.
- Renfrew A.C.* Towards an archaeology of mind. Inaugural lecture. Cambridge, 1982.
- Shapin P.J.* A social history of truth: Civility and science in Seventeenth-Century England // Transactions of the Institute of British Geography. 1994. № 23.
- Smith P.J.* A "splendid idiosyncrasy": prehistory at Cambridge 1915–1950. Oxford, 2009 (BAR; British ser. 485).
- Trigger B.G.* Alternative archaeologies: nationalist, colonialist, imperialist // Man (N.S.). 1984a. V. 19.

Николаев А.Л. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: Монография. Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2008. 177 с.

Обращает на себя внимание уже подзаголовок книги – монография. Видимо, чтобы никто не сомневался в этом. А сомнения есть, и очень большие! Книга посвящена очень важной и интересной теме – деятельности археологических институтов в России конца XIX – начала XX в., т.е. институциональной истории отечественной гуманитарной науки в дореволюционный период. Она состоит из трех глав, первая из которых посвящена причинам, условиям открытия институтов и правительственной политике по отношению к ним; во второй главе рассмотрены основные направления работы институтов; в третьей – взаимодействие институтов с губернскими учеными архивными комиссиями и другими структурами. Уже при знакомстве с излишне лапидарной структурой книги читателю становится непонятно, почему в ней отсутствуют сравнительный анализ кадрового состава преподавателей Петербургского и Московского институтов и университетов, обзор изменений программ преподавания в них, в том числе в сравнении с университетами, на протяжении выделенных автором двух этапов их истории. В полной мере не раскрыта история сотрудничества археологических институтов с Археологической и Археографической комиссиями, Русским и Московским археологическими обществами, не показана роль институтов в проведении всероссийских и областных археологических съездов, не вскрыты причины образования и развития сети филиалов МАИ в провинции, отсутствует анализ издательской деятельности, не прослежено развитие археологических институтов после 1917 г., не поднят важнейший вопрос о правовом статусе выпускников институтов, и т.п.

После прочтения текста книги можно сделать вывод, что тема в полной мере оказалась не раскрыта. Основных причин тому три – недостаточная источниковая (прежде всего архивная) база исследования, незнание автором современных публикаций по этой тематике, ошибки методического и методологического порядка.

А.Л. Николаевым использованы материалы только двух архивов – ЦГИА Санкт-Петербурга и ЦИА Москвы. Богатейшие материалы личного фонда Н.В. Калачова (Ф. 950) в Российском государственном историческом архиве, содержащие важнейшие документы по этой теме, как и другие архивные собрания, вообще не привлечены. По существу автор ограничился только опубликованными данными, проигнорировав сохранившиеся в архивах соответствующие курсы лекций И.И. Срезневского, А.С. Лаппо-Данилевского (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН), А.А. Спицына (Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН), В.А. Городцова (Отдел письменных источников Государственного исторического музея) и многих других профессоров и преподавателей археологических институтов.

Читателю “режут глаза” многочисленные небрежности в тексте книги А.Л. Николаева. Это ошибки в написании фамилий историков: Антоневич вместо Антонец, Иверсон вместо Иверсен, Городцев вместо Городцов (с. 80, 85, 87). Отсутствующие даты смерти А.А. Иностранцева и И.И. Толстого (с. 74, 113) можно было бы найти в любом справочнике. Масса

ошибок содержится в датах и фактах; например, утверждает, что ГАИМК переехала в Москву в 1937 г. (с. 8), Тверской областной археологический съезд проходил в 1904 г. (с. 88, 152), Н.И. Веселовский начал преподавание в ПАИ в 1896 г. (с. 82), А.С. Уваров был председателем Петербургского археологического общества (с. 37), а С.Г. Строганов – президентом Археологической комиссии (с. 19). В.А. Городцов покинул Московский археологический институт из-за конфликта с директором, а вовсе не в связи с прекращением финансирования летних археологических работ, как утверждает А.Л. Николаев (с. 90). Явным преувеличением являются утверждения, что при подготовке Первого областного археологического съезда в Ярославле “вся организационная работа легла на СПб археологический институт” (с. 152), а его организатором был Н.В. Покровский (с. 154). Автор ошибается, когда пишет, что первая археологическая выставка была организована Петербургским институтом только в 1899 г., в действительности она состоялась уже в 1879 г. (Тихонов, 2003. С. 133).

Но более всего вызывает удивление и недоумение безапелляционное утверждение А.Л. Николаева, что в последнее десятилетие не было работ, освещающих интересующую его тему (с. 7). Если они почему-то остались неизвестными автору “монографии”, это не значит, что их не было! Можно назвать целую серию недавних публикаций, непосредственно посвященных археологическим институтам, в особенности Санкт-Петербургскому. Среди них статьи В.Р. Ляхова (1986), И.А. Курниковой (1991), Н.Б. Стрижовой (1991), И.Л. Тихонова (2002; 2005), Н.С. Бекетовой (2006); главы в книгах Т.И. Хохординой (2003), И.Л. Тихонова (2003), М.Ф. Хартанович (2006) и др. К ним следует добавить публикации Н.Б. Стрижовой о педагогической деятельности В.А. Городцова в Московском археологическом институте (1988); И.Л. Тихонова о деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в области архивоведения и археологии (1998; 2003); М.Ю. Медведева о преподавании геральдики в Санкт-Петербургском археологическом институте (1993) и др. Проигнорированы автором недавние публикации, освещающие деятельность таких значимых в истории институтов фигур, как Д.Я. Самоквасов и Н.Е. Бранденбург (Щавелев, 1998; Археология..., 2007; Маковская, 2001; Чтения..., 1995). Вместо этого читателю предлагается малограмотный и некритический пересказ работ Бранденбурга.

Описывая научную деятельность Н.В. Покровского (с. 114–118), крупнейшего специалиста по христианской археологии, А.Л. Николаев использует только некоторые его работы, абсолютно игнорируя всю современную литературу об ученом (например: Пивоварова, 2004). Точно так же, анализируя взаимоотношения Петербургского археологического института с губернскими учеными архивными комиссиями в третьей главе, автор ограничивается знакомством только с публикациями в изданиях самого института, зачастую излишне апологетическими, а ведь существует немало работ, посвященных деятельности целого ряда губернских комиссий. Таким образом, автор

оставляет “за бортом” всю основную современную историографию рассматриваемой им темы.

Серьезной методологической ошибкой А.Л. Николаева является то, что он не подверг отдельному анализу эволюцию преподавания в институтах археологии, музееведения, архивоведения, археографии, этнографии и фольклористики, ряда вспомогательных исторических дисциплин (эпиграфики, нумизматики, палеографии, сфрагистики, геральдики, дипломатики, метрологии и пр.). По существу автор, игнорируя современные представления об объекте и предмете каждой из этих наук, остался на архаичной позиции историков XIX в., определявших археологию как комплекс вспомогательных исторических дисциплин и не учитывавших разнообразие и характер различных исторических источников. Сама структура преподавания в институтах, готовивших специалистов как в области архивоведения, так и археологии, диктует необходимость подобного анализа, которого, однако, мы в рецензируемой книге не находим. Как можно было писать о развитии дипломатики, даже не упомянув имя А.С. Лаппо-Данилевского, который, кстати, в 1890-е годы был преподавателем Петербургского археологического института!

Сложно согласиться и с выбранными хронологическими рамками работы. Читателю неясно, почему рассказ обрывается началом 1917 г. Последние пять лет существования институтов охарактеризовались серьезной реформой их структуры, организации и деятельности в целом, именно послереволюционные годы ознаменовались их оформлением в полноценные высшие учебные заведения. С разделением на археографический и археологический факультеты, действительно, был сделан важнейший шаг в подготовке квалифицированных специалистов. Однако А.Л. Николаеву из-за незнания архивных источников и новой литературы этот период деятельности институтов представляется лишь как “глубокий внутренний кризис”, вызванный отчасти конфронтацией с советской властью. Напротив, как известно, Петроградский археологический институт сотрудничал с Наркоматом просвещения еще с первой половины 1918 г. В 1917–1922 гг. шел процесс его реорганизации, закономерно приведший к слиянию с университетом. Поэтому не может не вызвать возражений тезис А.Л. Николаева о том, что естественная эволюция археологических институтов была прервана в начале советского периода.

Анализ деятельности этих учреждений без обращения к последнему этапу их существования является неполноценным. Уже после революции, в 1921 г., был открыт Одесский археологический институт (Боровой, 1979; Избаш, 2007), который в книге даже не упоминают. Верхней хронологической границей работы мог бы быть 1922 г., когда институты были не просто закрыты, как постоянно утверждает автор, а включены в состав Петроградского и Московского университетов в виде отделений археологии и истории искусств факультета общественных наук (ФОН), на базе которых развернулась университетская подготовка специалистов в области археологии, искусствоведения, архивоведения. О данном включении А.Л. Николаев вообще не упоминает, вероятно, потому, что это разрушало бы его концепцию о гибели замечательных археологических институтов от рук нехорошей советской власти.

Соответственно поставленная А.Л. Николаевым задача сравнительного анализа учебно-педагогической деятельности археологических институтов и историко-филологических факультетов университетов оказалась им не выполненной, а его выводы просто дезинформируют читателя. Информация о Русском археологическом институте в Константинополе, имеющаяся в работе и занимающая довольно много места в ней, является совершенно излишней, особенно при наличии монографии Е.Ю. Басаргиной на эту тему (1999). РАИК (1894–1914) – единственное учреждение гуманитарного профиля

за рубежами Российской империи – являлся институтом не учебного, а научно-исследовательского типа и кроме названия не имел ничего общего с ПАИ и МАИ.

Тезис А.Л. Николаева о том, что Петербургский археологический институт создал эффективную и “постоянно эволюционирующую систему подготовки археологов”, на наш взгляд, более чем сомнителен. Вообще в рассматриваемой книге много громких, патетичных заявлений типа “археологические институты подготовили до 1917 г. тысячи специалистов, совершили замечательные археологические открытия как в России, так и за рубежом” (с. 6). Правда, в другом месте говорится уже только о “30 ученых – археологах, уже проявивших себя” (с. 71). Хотелось бы услышать имена этих специалистов и перечень “замечательных” открытий! В действительности только в 1891 г. в ПАИ появился курс лекций, посвященный собственно археологии. Причем эти лекции, читавшиеся Н.И. Веселовским без особых изменений до 1917 г., имели популярно-просветительский характер. Они значительно уступали по своему уровню тем, что читались на историко-филологическом и других факультетах Петербургского университета признанными учеными, большинство из которых в разные годы были избраны членами Академии наук. По классической археологии эти занятия велись С.А. Жебелевым, Б.В. Фармаковским, М.И. Ростовцевым; по первобытной археологии – Ф.К. Волковым; по славяно-русской археологии, археологии эпох бронзы и железа – А.А. Спицыным, по археологии Кавказа – Н.Я. Марром, И.А. Орбели, Я.И. Смирновым (Тихонов, 2003). Совершенно ошибочным является голословное утверждение, что в учебных планах университетов не было предусмотрено практических занятий. Показательно, что основная когорта петербургских/ленинградских археологов получила образование именно в университете, а из числа выпускников ПАИ можно назвать всего несколько имен профессиональных ученых в сфере археологии – Н.Е. Макаренко, Н.И. Репников, Л.Н. Целепи, Ю.Г. Гендуне.

Спорно и бездоказательно утверждение автора, что археологические институты сумели стать ведущими археологическими организациями дореволюционной России, а труды их преподавателей и действительных членов были базовыми для российской исторической дореволюционной науки. По ряду объективных причин в институтах не сложились реальные центры подготовки собственно археологов, хотя в целом их деятельность была полезной. Уровень квалификации преподавателей и выпускников в области археологии зачастую не достигал до серьезной академической, университетской науки. Особенно это относится к ПАИ, поскольку в московском институте преподавание археологии было поставлено лучше за счет яркой педагогической деятельности В.А. Городцова в 1907–1915 гг.

Совершенно неверно оценены взаимоотношения археологических институтов с другими структурами, например Императорской Археологической комиссией, являвшейся единственным государственным органом отечественной археологии дореволюционной России. А.Л. Николаевым высказывается сомнение в правильности положения, по которому губернские комиссии могли производить раскопки только по соглашению с Археологической комиссией. Утверждается, что “это рождало почву для затягивания решения вопросов и различного рода злоупотреблений” (с. 147). Автор “монографии”, вероятно, просто не знает о существовании “Высочайшего повеления от 11 марта 1889 г.”, которое предоставляло Археологической комиссии исключительное право на разрешение раскопок на всех не частных землях империи, с последующим предоставлением отчета и находок. А разрешение губернским комиссиям самостоятельно производить раскопки привело бы к массовому уничтожению археологических памятников. Вопреки мнению автора (с. 156) Императорская Археологическая комиссия никогда не претендовала на административное ру-

ководство губернскими учеными архивными комиссиями, поскольку их задачи весьма различались. Довольно наивно приводить в качестве “подтверждения значимости археологического института” (с. 157) факт о передаче ему комиссией 1340 монет в 1897 г. Абсолютно голословно утверждение о том, что созданная на базе Археологической комиссии Академия истории материальной культуры “сразу вступила в острый конфликт с СПб археологическим институтом” (с. 8). В действительности представители института С.Ф. Платонов и А.Е. Пресняков участвовали в работе по созданию РАИМК.

Совершенно бездоказательна попытка противопоставления губернских ученых архивных комиссий и археологических обществ, предпринятая автором (с. 151) без всяких на то оснований. В целом в третьей главе, несмотря на ее название, речь идет исключительно о губернских ученых архивных комиссиях, а анализ взаимодействия институтов с другими структурами, который и мог бы показать их реальное положение в организационной структуре российской науки о древностях, напрочь отсутствует. Так, например, важному вопросу об участии институтов во Всероссийских археологических съездах посвящено две строчки.

В целом книга и одна из статей А.Л. Николаева (2007), с которой нам удалось познакомиться, оставляют впечатление крайне поверхностных работ, где пересказ старой литературы подменяет собственно научный анализ. На страницах его публикаций встречаются обороты типа “юристы-археологи” (с. 96), “культурные слои Приладожья” или “могильная культура”, а также выражение “курганная культура с трупосожжением предшествовала могильной с труположением” (с. 79). Вячичские семипластные височные кольца именуются “семилепесточными” (с. 88), и т.д. Все это свидетельствует о полном незнании А.Л. Николаевым терминологии и реалий современной археологии, неумении соотнести писания авторов XIX в. с современными научными представлениями, что является одной из немаловажных задач историографических исследований. А высказывания вроде “целью Александра II было создание в России жизнеспособного гражданского общества” (с. 21) или “вопрос этот уходит корнями в каменный век, точнее в эпоху неолита, когда начали складываться большие группы племен, дошедшие до нашего времени в виде этносов” (с. 85) – это по поводу этнической принадлежности курганов и городищ – вообще ставят под сомнение историческую компетентность автора.

Удивляет и полное отсутствие иллюстраций в книге. А ее вполне было бы чем проиллюстрировать. Например, Музей истории Санкт-Петербургского университета обладает целой коллекцией выпускных фотографий и дипломов действительных членов и членов-сотрудников Петербургского археологического института, не говоря уже о портретах его преподавателей, многие из которых одновременно были и профессорами университета.

Учитывая все вышеизложенное, приходится сделать вывод, что рецензируемая работа с ее общей неверной концепцией, массой неточностей и прямых ошибок, скудными историографической и источниковой базами скорее дезинформирует читателей, чем раскрывает тему. История науки – дисциплина серьезная, и в ней не должно быть места невежеству и дилетантизму!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост., вступ. статья и коммент. С.П. Щавелева. Курск, 2007.

Санкт-Петербургский государственный университет

Басаргина Е.Ю. Русский Археологический институт в Константинополе. СПб., 1999.

Бекетова Н.С. Археологические институты в России в XIX – начале XX века // Тр. ГЭ. 2006. Вып. 31 (Материалы и исследования отдела нумизматики).

Боровой С.Я. К истории создания Одесского археологического института и его археографического отделения // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979.

Избаиш Т.А. Одесский археологический институт: страницы истории // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сб. памяти Я.В. Доманского (1928–2004). СПб., 2007.

Курникова И.А. Петроградский археологический институт // Советские архивы. 1991. № 2.

Ляхов В.Р. Подготовка археологов в отечественных археологических институтах (1878 – начало 1920-х годов) // Развитие исторического образования в СССР. Воронеж, 1986.

Маковская Л.К. Бранденбург Н.Е. (1839–1903): Новые материалы к биографии ученого // Русский либеральный журнал. 2001. www.peter-club.spb.ru/1703–2003/makovskaya.html

Медведев М.Ю. Из истории преподавания вспомогательных исторических дисциплин в С.-Петербургском археологическом институте // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. СПб., 1993.

Николаев А.Л. Археологические раскопки в Старой Ладоге действительного члена С.-Петербургского археологического института Н.Е. Бранденбурга // Социально-экономические и технические системы: электронный научный журнал. 2007. № 3 (37). <http://www.kampi.ru/sites>

Пивоварова Н.В. Н.В. Покровский: Личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004.

Стрижова Н.Б. Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988 (Тр. ГИМ; Вып. 68).

Стрижова Н.Б. Московский археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.

Тихонов И.Л. Деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М., 1998.

Тихонов И.Л. Институт, мало соответствующий своему названию (Санкт-Петербургский археологический институт 1878–1922 гг.) // Мавродинские чтения: Сб. статей / Ю.В. Кривошеев, М.В. Ходяков. СПб., 2002.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003.

Тихонов И.Л. Санкт-Петербургский Археологический институт (1878–1922) // “Рериховское наследие”: Междунар. науч.-практ. конф. Т. II: Новая Россия на пути к единству человечества. СПб.; Вышний Волочек, 2005.

Хартанович М.Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. СПб., 2006.

Хохордина Т.И. Российская наука об архивах: История, теория, люди. М., 2003.

Чтения памяти Николая Ефимовича Бранденбурга (1839–1903): Тез. докл. СПб., 1995.

Щавелев С.П. Историк русской земли: Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998.

И.Л. Тихонов

КЛЕЙН Л.С. НОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ.**(критический анализ теоретического направления в археологии Запада).****Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. 393 с.**

В самом начале 1960-х годов в Соединенных Штатах Америки группа молодых археологов во главе с Льюисом Бинфордом заявила о рождении “Новой археологии” (далее НА), которая – в теории, методе, целях и задачах, методике проведения полевых и камеральных исследований и т.д. – решительно противопоставила себя традиционной археологии. Интерес к НА был огромный. Но знали мы о ней крайне мало, поскольку информацию черпали из немногих рецензий, написанных в начале 1970-х годов теми счастливыми, которые чудом достали заветные тексты (Г.А. Федоров-Давыдов, В.М. Масон, Л.С. Клейн). Если бы в то время в нашей стране появилась целая книга о НА, любой ее тираж разошелся бы в считанные часы! Ее и теперь бы вспоминали как главный археологический бестселлер 1970-х годов! Оказывается, такая книга была написана и готова к печати в 1978 г. Жаль, что эта нужная в то время работа вышла с опозданием на 30 лет!

“Новая археология” Л.С. Клейна – солидный, хорошо изданный фолиант объемом в 393 страницы, снабженный подробным именованным и предметным указателем, что значительно облегчает работу с книгой. Основной текст состоит из четырех частей, каждая из которых включает по три главы, примерно равных по объему. Имеются введение, заключение и краткое резюме на английском языке. В начале книги есть также авторское предисловие 2009 г. и замечания от издателя А.В. Евглевского, которые проливают свет на обстоятельства нынешнего появления этого труда и на печальную предысторию рукописи. В конце книги напечатаны интересные отзывы представителей двух поколений археологов – старшего (Я.А. Шер) и среднего (С. А. Васильев).

В первой части (главы 1–3) дана общая характеристика НА. В главе 1, названной «Выделение “Новой археологии”», Л.С. Клейн анализирует различные дефиниции данного направления (“научная археология”, “прогрессивная”, “современная” и др.). Часто это даже не дефиниции, а шуточные (“молодежная община”, “мафия”, “бинфордианство”) или скептические (“новый костюм короля”, “новая алхимия”, “неосхоластика”, “новый догматизм”) образы, эскизно набросанные сторонниками и противниками НА. Используя их как “модели”, автор создает собственный образ НА, яркий и запоминающийся.

Однако более емкое и содержательное определение НА требует системного подхода. По мнению автора, ближе всего к системному определению НА подошел М.П. Лиони, который стремится придать своей дефиниции связность и структурность: «Назвав три “главных фрагмента” новой археологической парадигмы – эволюционизм, культурную экологию и теорию систем, – он отмечает, что в целом эти фрагменты объединяются стремлением молодых археологов превратить археологию в науку, т.е. сциентифицировать археологию» (с. 37).

Во 2-й главе «Идейное содержание “Новой археологии”» рассматривается философия НА (разновидности неопозитивизма и постпозитивизма), описывается ее теоретическая и операционная система (методика и техника). Л.С. Клейн подчеркивает, что методологическую платформу НА составляют три взаимосвязанных положения: 1) археология должна стать “полезной, нужной наукой”, а таковой может быть “только такая наука, которая способна объяснять и предсказывать события”;

2) археология должна быть “строгой генерализующей наукой”, она должна изучать не случайные и уникальные события, как это делает история, а выявлять регулярности и действие законов в “культурном процессе”, как это делают социология и неозволюционистская антропология; 3) важен не поиск конечных причин, а максимально полный учет функциональных связей, учет всеобщего взаимодействия систем. Как замечает Л.С. Клейн, последний постулат неизбежно приводит к подмене причинных связей функциональными и неоправданному уравниванию всех действующих факторов эволюции культуры. А “сугубый детерминизм” заставляет во всяком изменении видеть результат местного развития, т.е. ведет к автохтонизму (с. 44, 45).

Далее Л.С. Клейн на ряде примеров показывает, как теоретические представления НА влияют на процедуру и методику исследований. Так, например, Л. Бинфорд в принципе признает идеи У. Тэйлора и Д. Кларка о гносеологической сложности археологического факта и трудности социо-культурной реконструкции. Однако слишком упрощенное толкование понятия культуры (культурой признается только поведение древних людей и его материальные результаты, а идеи исключаются) позволяет ему отставивать мысль о том, “что данные, важные для восстановления большинства... компонентов прошлой социо-культурной системы, сохранены в археологическом источнике” (с. 51). Такой подход на практике оборачивается использованием ущербной процедуры археологического исследования, когда о поведении древних людей НА судит прямо, непосредственно по археологическим остаткам, не обязательно через культуру и реконструкцию; когда исчезает необходимость привлекать другие источники (письменные, этнографические, лингвистические и т.п.) для восполнения принципиальной неполноты и ущербности археологических источников и др. Как подчеркивает Л.С. Клейн, “Бинфорд исследует взаимоотношения среды непосредственно с археологическими конфигурациями, Д. Кларк – с археологическими культурами” (с. 51).

Безграничная вера в принципы позитивистского детерминизма, стремление совмещать установку на генерализацию и уверенность в возможности полной реконструкции процесса приводят НА к альтернативной стратегически-процедурной рекомендации: поскольку реконструкции облика культурных общностей и конкретных событий истории культуры являются выводным знанием, “они должны стать не только второстепенными по важности, но и вторичными по следованию в процедуре (плане) исследований”. Если традиционные школы в археологии сначала стремились реконструировать события культуры, конкретную историю, то НА изменила рекомендацию на противоположную: “чтобы реконструировать конкретную историю, надо сначала выявить закономерности и реконструировать культурный процесс. В его рамках и осмыслить археологические остатки как следы тех или иных событий”. Знаменитый девиз НА “предварять историю процессом”, как показал Клейн, на практике приводит к тому, что после реконструкции культурного процесса “новые археологи” уже не видят надобности в реконструкции миграций, влияний и других конкретных событий (с. 54).

Еще более остро и беспощадно автор критикует эвристический рецепт “черного ящика” (с. 54–56), позаимствованный НА у кибернетики. Идея “черного ящика” построена на том, что исследователь наблюдает входящие извне импульсы, а на

выходе – видимые реакции на эти импульсы. Сопоставляя их между собой, он “улавливает закономерности и может с некоторой вероятностью предсказать, какие реакции последуют за такими-то импульсами”. При изучении древней культуры “новые археологи” вынуждены принять за импульсы “те или иные серии наблюдаемых следов и остатков, за реакции – другие, сопряженные с теми, серии следов и остатков”. Если напомнить, что НА отвлекается от изучения древних идей, то при данном допущении она отвлекается и от бихевиористического изучения их проявления – поведения людей, их действий. Другими словами, вместо действий древних людей она изучает “следы поведения людей и поведение этих следов”. “Получается, так сказать, бихевиористичность второй ступени, бихевиоризм в квадрате”, – замечает Л.С. Клейн (с. 55).

Любимый и главный конек НА – системный подход. Более кратко изложения сути системного подхода наряду с внятным критическим анализом его ущербного применения в НА, чем сделано в этой главе (с. 56–59), я не встречал. Изложить это еще короче, на мой взгляд, уже невозможно. Основной критический вывод автора заключается в том, что “новым археологам” не удается обнаружить “внутренние источники развития культур”, ради чего они, собственно говоря, и обращались к системному подходу. Холистическая традиция толкает их признать первичность движения целого по отношению к движению элементов, но это противоречит задаче. Выход они находят в том, что каждую систему начинают рассматривать как подсистему более крупной системы, для которой данный внешний толчок оказывается внутренним (с. 57). По отношению к социокультурной системе такой более крупной признается экосистема, взаимодействие культуры с географической средой. Итак, системный подход НА не может обойтись без пристяжного конька культурной экологии. Но сути дела это не меняет, поскольку НА неизбежно сбивается к географическому детерминизму, и, в конечном счете, к демографическому детерминизму. “Бинфорд объясняет некоторые важнейшие сдвиги в культуре демографическими взрывами, ... Дэвид – демографическими спадами, ... а в основе тех и других оба видят специфические ситуации, возникающие в природной среде”, – резюмирует Клейн (с. 58).

Системную дефиницию НА во второй главе завершает краткий обзор ее трех основных течений: 1) гемпелианское; 2) аналитическое и 3) серутанское.

Гемпелианское направление, основанное и возглавляемое Льюисом Бинфордом, в творчестве его учеников приобрело наряду с ригористичностью известную завершенность. Среди учеников Бинфорда, сделавших известный вклад в разработку этого направления, Л.С. Клейн упоминает Джеймса Хилла, “теоретический тандем” Джона Фрица и Фреда Плога, а также “тройку нападающих” в составе Пэтти Уотсон, Стивена Ле-Бланка и Чарльза Редмэна. Название ему дано по имени Карла Гемпеля, немецко-американского философа-позитивиста, преподававшего в Чикагском, Йельском и Принстонском университетах. Дедуктивно-номологическая модель Гемпеля считалась “стандартной моделью” научного объяснения в 50–60-х годах XX в. Неудивительно, что “Чикагская группа” во главе с Бинфордом обратилась именно к ней.

Сердцевину гемпелианства составляет гипотезно-дедуктивная схема или “схема охватывающего закона” (covering law model) Поппера – Гемпеля – Нагеля. «Она обычно излагается как “схема объяснения”, но на деле является и *схемой установления законов*», – поясняет Л.С. Клейн (с. 61). Суть подхода заключается в том, что единственно научным объяснением считается логическая операция подведения отдельного факта под закон. А проверка гипотезы (о законе или факте) у Бинфорда сводится к дедуцированию из нее ожиданий касательно

других отдельных фактов и к сверке ожиданий с действительностью. “Таким образом, – замечает Клейн, – новый закон выводится из возможности объяснить им отдельные независимые друг от друга факты, а объяснение факта выводится из установленного ранее закона, как бы охватывающего в числе прочих и этот факт” (с. 61). Подвох здесь, как поясняет Клейн, заключается в том, что подтвердившееся ожидание вовсе не означает, что верен закон (те же явления могут быть и результатом действия других законов). Приходится дополнять схему еще одним требованием: сопоставлять ряд возможных гипотез. Неопозитивистская задача верификации гипотезы в таком случае заменяется постпозитивистской задачей испытания на прочность всех возможных гипотез, после которого останется одна наилучшая (с. 62).

Среди всех течений в НА только гемпелианство, на мой взгляд, вполне вписывается в понятие научной школы в узком смысле слова (исследовательский коллектив, разрабатывающий и реализующий совместную программу исследований под руководством лидера, который играет роль организатора коллектива и генератора идей).

“Аналитическая археология” создавалась и разрабатывалась талантливым британским археологом Дэвидом Кларком. Л.С. Клейн признает, что даже в Англии за этим ярлычком не стоит четко обособленная группировка, “хотя за Кларком определенно следуют некоторые питомцы Кембриджа – Айзек, Шеррат, Джармэн, а также Доран из Беркшира и Шокросс из Новой Зеландии” (с. 62). Из названных последователей в дальнейшем изложении в книге иногда упоминаются и цитируются только Глен Айзек и Дж. Доран. В приведенных цитатах, по-моему, они выглядят как представители “новой волны” в археологии, не более (с. 23, 28, 147, 148, 220, 310, 311). Так что приходится признать: “В чистом и полном виде эту концепцию Кларк представляет один” (с. 62).

Как и “новые археологи” в США, Д. Кларк стремился уподобить археологию подлинной или точной науке (science). Но он имел другую научную подготовку, отправлялся от других традиций и столкнулся в Европе с материалами совсем другого характера. Кларк был знаком с работами гемпелианцев 1960-х годов, однако в отличие от них считал, что специфическая природа археологии не позволяет превратить ее в точную науку в строгом смысле слова. Тем не менее он не сомневался, что применение теории, моделей и статистических методов преобразует ее в аналитическую дисциплину, близкую по статусу к science. Отсюда и название “аналитическая археология”. В знаменитой книге 1968 г. он разработал для индуктивной схемы исследования – существенно отличавшейся от гипотезно-дедуктивной схемы гемпелианцев (!) – свою “логическую систему правил, единообразно и неподвластно произволу исследователя перерабатывающую данные информации, т.е. обобщающую материал”. Эту логическую систему правил обработки исходных данных Д. Кларк называл “аналитической машиной” (с. 64).

“Аналитическая археология” Кларка так сильно отличается от НА гемпелианцев, что, на мой взгляд, их гораздо легче развести, чем выявить общее, если, конечно, не искать это общее на уровне тренда “новой волны” (с. 310–312). Европейская традиция и материалы не позволили Кларку отказаться ни от традиционной работы с типами и археологическими культурами, ни от изучения вклада случайных факторов в формирование конкретного облика культурных объектов. Полный лапласовский детерминизм гемпелианцев для Кларка тоже неприемлем. Он обратился к вероятностным (статистическим) законам, которые не отрицают, а предусматривают участие случайности в культурном процессе, предопределяя лишь его общий ход и рамки. Применение статистики позволило Кларку

преодолеть ряд трудностей, связанных с выделением типов в археологических культурах. Именно он ввел ценные понятия: “политетическое распределение признаков” (для объяснения размытости границ у археологических типов и культур), “фенон” (ячейка с заданным процентом сгущения признаков) и ряд других (с. 63–65).

Основателем третьего направления в НА является Кент Флэннери, склонный к шутке и иронии даже в самых серьезных своих работах. Эта черта характера отразилась и в придуманных им определениях: “серутанское” течение или “археолог Экс-Лакс”. “Ex-Lax” – название популярного в США слабительного, а “Serutan” – прочтенное наоборот слово “Natures” (естественный). Оба слова режут слух русскоязычного читателя, но других Л.С. Клейн выдумывать за “серутанцев” не стал, хотя и обладает талантом находить точные эпитеты. Среди сторонников и последователей Флэннери упомянуты его арizonские ученики Р. Вуд и Р. Мэтсон, а также голландец Дж. Слофстра. Однако, как считает Л.С. Клейн, более полную разработку и обоснование рассматриваемого направления выдвинул англичанин К. Ренфру (с. 66).

Возможно, главная идея “серутанцев”, по Клейну, связана с модернизацией системного подхода. Системный подход Бинфорда и Кларка ориентируется на концепцию гомеостаза Росса Эшби с ее идеей обратных связей. Эта концепция хорошо объясняет устойчивость систем, их способность противостоять воздействиям изменяющейся среды. Нарушить гомеостаз такой системы и вызвать ее перестройку может только сильный толчок извне, что и было показано Л.С. Клейном на примере работ Бинфорда. Между тем необходимо было найти внутренний источник развития. Подобные возможности “серутанцы” обнаружили во “второй кибернетике” Магоро Маруямы с ее концепцией *позитивных обратных связей с умножительным эффектом*. Эти взаимосвязи прослеживаются во взаимодействиях подсистем, которые позволяет намечать произвольно, в том числе внутри культуры. В результате такой операции источник развития частично смещается внутрь культуры, но, как справедливо отметил Клейн, “оказывается несколько расплывчатым, вездесущим и неопределенным” (с. 68).

Как указывает автор книги, “серутанцы” более последовательно, чем Бинфорд, использовали организмические идеи системного подхода и концепцию “Очень Большого и Неполностью Наблюдаемого Черного Ящика”, но гипотезно-дедуктивная схема “охватывающего закона” для них оказалась неприемлемой (с. 67).

Я так подробно остановился на анализе 2-й главы, потому что она в свернутом виде содержит основные идеи, которые затем последовательно и всесторонне раскрываются в книге (главы 4–9). Даже порядок следования сюжетов в них почти такой же, как в параграфах 2-й главы.

Обращает на себя внимание еще одна интересная особенность данного раздела. За острой критикой основных теоретических разработок НА постоянно ощущается хорошо продуманная и обоснованная альтернативная позиция, представляемая от имени марксистской археологии. Однако в советской, да и марксистской археологии в целом альтернативные разработки теоретических проблем, поднятых НА, в то время отсутствовали. Только хорошо подготовленный и внимательный русскоязычный читатель мог заметить, что от имени советской археологии автор представляет собственные концепции. Западный же читатель привык воспринимать советскую археологию как единый монолит. И Клейн явно учитывал эту особенность, желая представить отечественную археологию с лучшей стороны. Мы видим здесь тот самый эзопов язык, о котором автор упоминает в “Предисловии” (с. 5).

В 3-й главе «Внешние параметры “Новой археологии”» дан анализ исследуемого направления как научной школы. Другими словами, рассмотрена институционализация НА в научном сообществе. И мне кажется, что такое название лучше всего бы подошло для данной главы. Охарактеризована научная продукция – наиболее важные коллективные тома, монографии и статьи (с. 69–72), перечислены главные представители (с. 73–78), коротко рассказывается о зарождении движения и сопротивлении старых археологов, в частности о “кознях”, чинимых Бинфорду Джеймсом Гриффином в Мичиганском университете и Робертом Брейвудом в Чикагском университете (с. 80, 270, 271). В 3-й главе также вскользь упоминается о том, что между 1970 и 1973 гг. “новым археологам” удалось захватить руководящие позиции в журналах “Америкэн Антиквити” и “Саут-Вестерн Джорнел оф Антрополоджи” (с. 73). Как это им удалось? Что именно произошло? Ведь это главные археологические журналы в США! Жаль, что об этом ничего не сказано.

Во второй части (главы 4–6) рассмотрена ведущая теоретическая проблематика НА: системный подход (глава 4), применение моделей (глава 5) и “культура как объект археологического изучения” (глава 6). Л.С. Клейн критически относится к той практике применения системного подхода в археологии, которая сложилась к середине 1970-х годов. Его главный довод сводится к тому, что системы в строгом смысле этого понятия отсутствуют в археологии, потому что археологическая культура, будучи “мертвой культурой”, не является ни органической, ни динамической системой (с. 90, 99). В главе о моделях Л.С. Клейн показывает, что термин “модель” слишком широко используется для разных понятий в НА (схема, пример, тип, структура, паттерн и др.). Но использование моделей в собственном смысле может быть весьма эффективным при условии, что их применение осуществляется точно и ограниченно. Лучшими образцами таких ограничений, по мнению автора, могут служить те, которые уже предложены при привлечении этнографических аналогий в археологии (с. 134–147).

В 6-й главе рассматривается общее понятие культуры и его применение в археологии. Дан краткий обзор концепций культуры в европейской философии, социологии и этнологии с конца XVIII в. до середины 50-х годов XX в. (с. 159–165) и в послевоенной американской археологии (с. 167–170). “Новые археологи” выступили с решительной критикой той концепции, которая принята в традиционной американской археологии и которую они именуют “нормативным пониманием культуры” (с. 171–175). Однако, как показал Л.С. Клейн, в критике этой концепции они отнюдь не преуспели (с. 176–192).

В третьей части (главы 7–9) глубоко и всесторонне охарактеризовано каждое из трех главных направлений НА: гемпелианцы во главе с Бинфордом (глава 7), “аналитическая археология” Д. Кларка (глава 8), “серутанское” направление (глава 9). К сожалению, предписанный объем рецензии вынуждает меня опустить разбор этих интересных и содержательных глав. В четвертой части (главы 10–12) Л.С. Клейн попытался раскрыть исторические корни НА и дать оценку ее значения с точки зрения марксистской археологии.

Почти всю 10-ю главу я бы воспринял как неизбежную дань, уплаченную советской цензуре за возможность публикации исследования. Здесь есть прочувствованные строки о растущем пауперизме в США, который наводит на мысль об истоках имущественной дифференциации и происхождении классов, о разгуле преступности, утрате идеалов, дискредитации социальных норм, бунте молодежи и негритянском движении (с. 278–280), и т.п. Но это не фальшь и не дымовая завеса. Выявление социально-классовых корней научных доктрин автор считает важным достижением марксистской социологии.

В результате рождение НА Л.С. Клейн тесно увязывает с бурным социально-экономическим развитием юго-запада США, с одной стороны, и молодежным и негритянским движением “тревожного десятилетия”, – с другой.

Социальные корни, конечно, есть у любого научного течения. Ведь даже маленькая научная школа – часть социума. Но классовый подход побуждает автора выдвигать спорные тезисы, которые я не могу принять всерьез. Один такой тезис гласит, что увеличение расходов на организацию археологических исследований в США на рубеже 1950-х – 1960-х годов не может быть результатом “бескорыстной заботы о чистой науке”, что за “внезапным интересом федеральной администрации к исследованиям археологов” скрываются социальные потребности общества, воздействие классовых движений и сил (с. 275). Какие это движения и силы?

Поскольку “НА была бы невозможна без серьезной экономической базы”, то здесь оказались причастны капиталисты юго-запада и юга США (нефть, газ, аэрокосмическая отрасль), куда после войны переместился активный центр хозяйственной и политической жизни. “Нажились капиталисты южных штатов – разбогатели и финансируемые ими прямо и косвенно университеты”, в которых работает “большинство основателей” НА (с. 272). С другой стороны, именно в то время в США произошло резкое обострение многих социальных противоречий, которые “настоятельно требуют от администрации конструктивных решений и предложений, а для этого нуждаются в объяснении”. Однако “в традиционной идеологии американского истеблишмента этих объяснений нет”. Она переживает кризис идей. Данный факт якобы признал и президент Джон Кеннеди, когда заявил о том, что “нация испытывает... нужду в мощи идей” (с. 282). Так или иначе, Кеннеди чуток уловил социальный заказ “тех, кто давал деньги” и нашел точную и ясную формулировку: нужна “мощь идей” (с. 289). А поскольку в переломные эпохи, в пору обострения социальных конфликтов “становятся особенно актуальными науки о далеком прошлом”, федеральная администрация обратила взор на археологию (с. 282). Кроме того, по мнению Л.С. Клейна, антиисторичность американской археологии, включенной в антропологию, «гарантировала администрации “хорошее поведение” археологии». “Было ясно, что археологам стоит дать деньги” (с. 283).

Аргументы Л.С. Клейна, обычно такие продуманные и убедительные в других главах книги, в этой меня не убеждают. Начать хотя бы с того же “социального заказа” и “кризиса идей”. Приведенная Л.С. Клейном цитата из речи сенатора Дж. Кеннеди (16 апреля 1959 г. в Вашингтоне) с самого начала 1960-х годов закрепились в арсенале советских идеологов и неизменно привлекается для подтверждения вывода о системном кризисе капитализма, о кризисе идей американского буржуазного общества. Но цитата эта переводится не совсем верно, и говорил сенатор не о том. Он не говорил ни о кризисе американского общества, ни о кризисе идей. Он даже не говорил о “мощи идей”. А говорил он о том, что правящей политической элите требуется “мощь мозгов” (brainpower), способных обеспечить “постоянный приток новых идей” (Kennedy, 1960. P. 164). Придя к власти, Джон Кеннеди, как Наполеон в свое время, заявил: “Мне нужно министерство талантов!” “Мощных мозгов” в американских университетах было предостаточно. Оставалось их только использовать, что президент Кеннеди и сделал. В свой “мозговой трест” он привлек более 100 профессоров и выпускников университетов знаменитой “Лиги плюща”.

Одного не могу взять в толк: с чего бы это федеральной администрации было делать какую-то особую ставку на археологию? Есть какие-то свидетельства? На мой взгляд, таких свидетельств нет. Вся аргументация носит косвенный харак-

тер, а в ее основе лежит идеологическое допущение, что “буржуи” даром денег на чистую науку не дают. Но разве нам мало известно частных фондов, которые давали и дают деньги археологам даром? Даже в нашей стране – среди моих знакомых немало археологов, которые получали средства на раскопки из таких “буржуазских” фондов. И отчитаться за них было вовсе не трудно!

Ладно, это частные фонды и средства. Л.С. Клейн особое внимание обращает на правительственные ассигнования археологии из средств Национального научного фонда (с. 277). Но прежде чем говорить о “корыстных мотивах” федеральной администрации, давайте вспомним, каковы цели данной организации и как осуществляется финансирование. Национальный научный фонд США был образован в 1950 г. Именно он впервые начал финансирование фундаментальных исследований в американских университетах на основе грантов. Грант – это вид безвозмездной субсидии, с помощью которой государство поддерживает научные изыскания. Особенно часто он используется для поддержки исследований и разработок со стороны государства, если результаты работ неопределенны или не могут принести непосредственную пользу или выгоду в ближайшем будущем. Гранты выдаются индивидуальным исследователям и небольшим группам на конкурсной основе. Экспертизу проектов осуществляют не чиновники федеральной администрации, а квалифицированные эксперты из той же области.

Можно ли в таком ННФ усматривать какой-то особенно изощренный механизм, созданный федеральной администрацией для осуществления идеологического контроля над фундаментальными науками? Наверное, можно. Но если Л.С. Клейн действительно верит в то, что говорит, то обязан исследовать деятельность ННФ специально и всесторонне. Этого в книге нет.

Не представляется мне убедительной и прямолинейная увязка рождения НА с социально-экономическим развитием юго-запада США. Как показал Л.С. Клейн, несколько шире взятую НА не так уж легко отличить от сциентистского тренда в археологии того времени – “новой волны” (с. 310–312). В этом смысле и Я.А. Шер в послесловии не без оснований заявляет, что в начале 1960-х годов он тоже был “новым” археологом (с. 364, 366). Социально-историческая основа у “новой волны” и НА общая и гораздо более широкая. “Радиоуглеродная”, “компьютерная”, “информационная” и другие “революции” происходили по всему свету, а не только на бурно развивающемся юго-западе США.

Но даже если ограничиться только школой Бинфорда, эту связь обосновать непросто. Начать хотя бы с того, что бунт стал вызревать еще в Мичигане, а главные идеи оформились и обросли сторонниками в Чикаго! Где же тут юго-запад? Есть ли вообще какой-то смысл увязывать ход развития американской археологии с подъемом промышленного производства на северо-западе или на юго-западе США?

Полной неожиданностью для меня явился и тот факт, что Л.С. Клейн настойчиво подчеркивает антиисторичность американской археологии. Споры нет, НА антиисторична. Но ведь и она не отрицает изменений, прогресса, эволюции и даже революций. Приходится делать оговорки, в каком именно смысле она антиисторична. Между тем с традиционной американской археологией дело обстоит иначе. Включенность ее в антропологию еще не делает ее антиисторичной, поскольку в самой культурной антропологии США со времен Ф. Боаса традиционно господствует методология исторического партикуляризма. Авторы авторитетного учебника по истории американской археологии Гордон Уилли и Джереми Саблов подчеркивают

как раз историчность традиционной американской археологии, нацеленной на проследживание уникальных изменений культур во времени и пространстве (Willey, Sabloff, 1974. P. 88). Даже наиболее формальная таксономическая система, разработанная У. Мак-Керном для подъемных коллекций Среднего Запада (начисто лишенных стратиграфии!), по их мнению, все же подразумевала историю, хотя бы и в скрытом виде (Willey, Sabloff, 1974. P. 81).

В 11-й главе выявлены концептуальные истоки НА. Автор книги показал, что вопреки громким декларациям существует ее преемственность с традиционной археологией США в развитии идей, ряд которых непосредственно восходит к “контекстуалистам” и “таксономистам” послевоенного времени (с. 290). В этой главе Л.С. Клейн говорит о поразительном открытии, честь которого, кстати, принадлежит именно ему: “НА вообще во многом повторяет, хотя и на новом техническом уровне, методологические идеи советской археологии 20-х (с середины их) – 30-х и отчасти 40-х и начала 50-х годов с присущими этому периоду советской археологии плодотворными новациями и упрощенческими крайностями” (с. 292). Автор перечисляет 10 существенных пунктов совпадения идей и установок: 1) “тот же поиск внутренних законов и та же подмена их местными стимулами развития”; 2) “та же страстная война с миграциями и диффузией”; 3) “то же небрежение конкретными историческими (возможно, этнокультурными) особенностями развития”; 4) “тот же социологизаторский схематизм”; 5) “тот же оптимизм относительно возможностей полной реконструкции социальных и идейных структур прошлого по материальным остаткам”; 6) “та же переориентировка с уникалом на массовый материал”; 7) “те же попытки ввести в археологию математические методы исследования”; 8) “то же стремление к комплексному охвату разных сторон культуры и к кооперации разных наук, к использованию технологических анализов”; 9) “тот же юношеский нигилизм по отношению к предшественникам в науке” и 10) “тот же серьезный интерес к философии. Только к другой философии – к нео- и постпозитивизму” (с. 292).

В 12-й главе рассмотрен вопрос о том, насколько фундаментален пересмотр основных положений и может ли НА претендовать на революцию в археологии. Ставятся также общие вопросы о критериях научной революции, о соотношении понятий “НА” и “новая волна”. Основной вывод автора состоит в том, что претензии НА не оправдались. Никакой революции в археологии она не произвела. “Наряду с несколькими другими течениями”, она “приняла участие в общей перестройке научного мышления современной археологии”, подчеркивает автор, но затем все же добавляет: “Пожалуй, справедливо будет сказать: *наиболее активное* (пока) участие” (с. 315).

В “Заключении”, включающем два параграфа, подведены итоги развития НА. Л.С. Клейн суммирует наиболее важные пункты, по которым позиции НА и советской археологии совпадают, а затем анализирует и принципиальные расхождения, которые “менее заметны, чем сходства” (с. 318). Оценивая перспективы НА, Л.С. Клейн отмечает, что первые симптомы кризиса этого направления проявились еще в начале 1970-х, а в конце 1970-х годов стало окончательно ясно, что потенциал ее развития исчерпан (с. 326).

Пришло время дать оценку и самой Клейновской “Новой археологии”. Чем сегодня может быть интересна эта книга? Автор полагает, что она может быть полезной и интересной для молодежи как учебное пособие (с. 10, 357). На мой взгляд, эта книга, действительно серьезная и полезная, для учебника слишком сложна. Для ее чтения требуется определенная подготовка. Но издание – хороший справочник по НА. Как справочник оно будет востребовано.

В 1978 г. книга имела бы огромный резонанс, поскольку в ней впервые в целостном виде излагались позитивные авторские разработки теоретических проблем, поставленных НА: функции теории, системный подход, модели и этнографические аналогии, объяснение и место законов, взаимосвязь истории и эволюции, тип и культура, статистико-комбинаторные методы и аналитическая машина, археологический факт и процедура археологического исследования и др. В противовес scientistской концепции Л.С. Клейн развивал теорию, согласно которой археология рассматривается как самостоятельная прикладная дисциплина, добывающая и препарировавшая археологические источники для последующего исторического синтеза. Однако в постперестроечное время автор издал несколько превосходных монографий по теоретическим проблемам (Клейн, 1991; 1995; 2004), где эти разработки улучшены и представлены полнее. Ценность их в рецензируемой книге теперь видится в ином свете. Во-первых, сама критика НА без них не была бы столь всеобъемлющей, глубокой и обоснованной. Во-вторых, собственные разработки автор настолько органично вписал в контекст критического анализа НА, что в результате получилось новое неразделимое целое – Клейновская “Новая археология”. Уверен, что сами “новые археологи” с изумлением смотрели бы в это зеркало, то одобрительно узнавая, то возмущенно не узнавая себя.

Л.С. Клейн обращает внимание еще на один очень интересный аспект своей книги. В 1970-е годы он уже очень критически относился к марксизму, и критика “новой археологии” в то время была для него единственно возможным способом “свободно и критически высказаться о многих слабостях марксизма, не называя адресат критики марксизмом. Sapienti sat” (с. 6). Действительно, в то время многие из нас – но все же далеко не все – владели особым искусством видеть и читать между строк. Чтобы такую критику мог распознать молодой читатель, обучавшийся в российских вузах после департизации госучреждений и деполитизации вузовского образования, осуществленных при Б.Н. Ельцине, ему необходимо познакомиться с очерком Л.С. Клейна “Чтение между строк” (глава VIII) в его книге “Феномен советской археологии” (1993). В противном случае он вряд ли что-то разглядит под ворохом ритуальных заклинаний о превосходстве марксистской археологии над буржуазной наукой.

Приведу один яркий пример такой эзоповой критики недостатков марксизма в рецензируемой книге, да еще и с “двойным дном”. Как выше отмечалось, Л.С. Клейн первым обнаружил поразительные параллели между “новой археологией” 1960-х годов на Западе и ранней советской археологией 1930-х годов. Критика недостатков НА позволяла косвенно критиковать и пережитки стадиялистского подхода в советской археологии. Но вообще-то критика стадиялизма в 1970-х годах у нас не была под запретом. Скорее наоборот, стадиялизм было немодно хвалить, так как тогдашнее руководство во главе с Б.А. Рыбаковым стремилось отмежеваться от этого раннего увлечения советской археологии. На поверку трюк здесь был в ином: параллели между стадиялизмом и “Новой археологией” позволяли автору не только показать, что далеко не все в последней является новым, но и реабилитировать стадиялизм в отечественной археологии. Не все в нем было плохо. А где же здесь “второе дно”?

А вот где. Если вдумчивый читатель внимательно перечитает 11-ю главу о концептуальных истоках НА, то в самом конце, где неожиданно обнаруживаются удивительные параллели между ней и ранней советской археологией, он может вдруг воскликнуть: “Так это про них написано или про нас?!” У нас это было гораздо раньше. Но почему у нас оно осталось на уровне деклараций, а у них вылилось в великую парадигму?

Ладно, тогда не получилось. Но почему не получилось и потом? Ведь марксизм сам по себе тому не был помехой! Почему? Вот в чем вопрос!

Не все были способны читать этот ребус тогда. Каждый да увидит то, что может увидеть! Кто сможет и захочет разгадать его теперь, когда все говорить можно прямо, открыто?

При всем скрытом многообразии подходов и тенденций в советской археологии на всем протяжении ее существования абсолютно господствовала доктрина, согласно которой археология рассматривалась как специализированная история, восстанавливающая прошлое по вещественным источникам. Неустанному воспроизводству этой доктрины немало способствовало то обстоятельство, что основная масса археологов готовилась при исторических факультетах провинциальных вузов. Мой любимый учитель в Иркутске (М.П. Аксенов), например, искренне внушал мне мысль о том, что широкая историческая подготовка гораздо лучше узкой подготовки столичных археологов. Необходимые и достаточные специальные навыки якобы быстро приобретаются в поле. Я верил ему и очень гордился. Эта доктрина в отечественной историографии получила точное и адекватное наименование – археологическая история (Клейн, 1993. С. 390).

Критика ее в рецензируемой книге осуществлена весьма оригинальным способом – ее положения вообще никак не упоминаются. Всеобъемлющий разбор “буржуазной” археологии ведется с позиций передовой марксистской археологии, представленной по всем важным теоретическим вопросам собственными разработками Л.С. Клейна. Однако, как уже упоминалось, эти разработки основательно упакованы в наряд из цитат классиков марксизма-ленинизма. К тому же автор искренне стремится представить свой собственный вклад от имени всей советской археологии. И понятно почему: “За державу обидно!”. Везде, где только возможно, даются ссылки на советских археологов – и на единомышленников, и на оппонентов. Причем все ссылки на оппонентов – только позитивные. Автор стремится показать, что несмотря на всю нашу изоляцию от мировой науки и идеологическое удушье не так уж мало интересного и оригинального было и у нас, в нашей отечественной науке!

Вот как обстоит дело с критикой недостатков марксистской археологии в рецензируемой книге. Чтение такой книги в конце 1970-х годов, несомненно, доставило бы читателю большое

удовольствие. Но сегодня подобный эффект вряд ли возможен. Этот ребус по критике марксизма в археологии, на мой взгляд, представляет историографический интерес для очень узкого круга специалистов. Знакомиться с позицией Л.С. Клейна теперь гораздо интереснее по его великолепному очерку “Феномен советской археологии”. Он написан без оглядки на цензуру, сочнее, ярче и яснее.

Все вышесказанное как будто подводит нас к мысли о том, что “Новая археология” Л.С. Клейна действительно слишком запоздала со своим появлением. Тем не менее именно в свете всего сказанного выше появляется возможность, как мне кажется, более определенно оценить степень актуальности и важности книги. Достаточно отметить, что основательный монографический обзор НА в нашей стране так и не появился. Вызов самого яркого и мощного движения в западной археологии почти полвека оставался без ответа. Наконец от имени российской археологии дан достойный ответ. Работа Л.С. Клейна является не только первой на эту тему, но и выполнена, по справедливому замечанию А.Я. Шера, с “исчерпывающим знанием литературы того времени” (с. 366). Даже если бы в отечественной историографии существовал хороший очерк по истории НА (а у меня есть все основания полагать, что такого очерка уже не появится никогда), этой книги он бы не смог заменить, потому что никто не сможет заменить клейновского видения НА. Берясь за эту рецензию, я хотел высказать сожаление, что столь нужная книга вышла с большим опозданием. Но, может, я не прав? Илья Муромец тоже тридцать лет сидел на печи, а потом встал и явил миру свою подлинную силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.
Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.
Клейн Л.С. Археологические источники. Изд. 2-е, доп. СПб., 1995.
Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. СПб., 2004.
Kennedy J. Strategy of Peace. N.Y., 1960.
Willey G.R., Sabloff J.A. A History of American Archaeology. L., 1974.

**ТРУДЫ 19-й МЕЖДУНАРОДНОЙ РАДИОУГЛЕРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
3–7 АПРЕЛЯ 2006 г., г. ОКСФОРД, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
Proceedings of the 19th International Radiocarbon Conference,
April 3–7, 2006, Oxford, U.K.
Radiocarbon, 2007. V. 49. № 2. 974 p.**

Очередная международная конференция по применению радиоуглеродного метода в естественных и гуманитарных науках прошла в 2006 г. в Оксфордском университете; в ее работе участвовали около 290 ученых из 36 стран, сделавших 118 устных и 156 стендовых докладов. Обзор трудов конференции продолжает серию статей автора (Кузьмин, 2001; 2003; 2005а; 2006), излагающих наиболее важные результаты, отраженные в материалах форума. Археологическая тематика представлена в 32 из 88 опубликованных докладов, которые составляют более одной трети общей программы.

Право открыть работу конференции было предоставлено профессору лорду Ренфрю из Каймсторна (более известному как профессор Колин Ренфрю, Colin Renfrew). Он выступил с обзорной лекцией о влиянии радиоуглеродного (далее ^{14}C) метода на археологию в исторической перспективе, а также о четырех “радиоуглеродных революциях”, коренным образом изменивших возможности ^{14}C -метода и представления о возрасте и взаимоотношениях древних культур (Renfrew, 2007). К. Ренфрю еще в конце 1960-х годов провел значительную работу по ревизии хронологии доисторических культур Европы на основе новых данных, полученных с помощью ^{14}C -метода (Renfrew, 1973).

Несколько статей посвящены ^{14}C -датированию костей. В сообщении Ф. Брок (F. Brock) с соавторами обсуждается одна из наиболее важных современных проблем в ^{14}C -датировании – качество дат по костному материалу. Трудность в обработке органической части (коллагена) кости состоит в том, что при ее естественной деградации происходит разрыв химических связей в длинной спиралеобразной молекуле коллагена; при этом материал становится подверженным различным загрязнениям (включая бактериальное; см.: Сулержицкий, 2004. С 103), которые подчас очень сложно удалить. Разработанный в Оксфорде метод ультрафильтрации, когда для датирования используются только “длинные” органические молекулы весом более 30 000 дальтонов (т.е. единиц атомного веса), дал хорошие результаты по проверке возраста уже изученных ранее объектов и образцов с известным возрастом (кости свиней с корабля “Мэри Роз”, затонувшего в 1545 г.). Данный подход, по мнению авторов, надежнее широко применяющегося в Западной Европе и Америке метода Р. Лонжина (Longin, 1971), в котором не проводится разделения коллагена на высоко- и низкомолекулярные соединения. М. Д’Элиа (M. D’Elia) с соавторами предложили методику оценки чистоты коллагена с помощью инфракрасной спектроскопии Фурье. Они использовали опорные образцы современных лошади и коровы для выявления искусственного загрязнения “молодыми” карбонатами и гуминовыми кислотами. Определив для них соответствующие спектры Фурье, авторы добавили эти вещества в коллаген неолитического возраста (дата около 5670 ^{14}C лет назад; далее л.н.). Спектроскопия Фурье позволяет отчетливо видеть присутствие загрязнителей. С. Юан (S. Yuan) с коллегами представили результаты работ по очистке гадательных костей и панцирей черепах с надписями, относящихся к древнейшей династии Китая – Шан (XVI–XI вв. до н.э.). Эти объекты часто имеют на поверхности следы органических консервантов, являющихся серьезными загрязнителями, способными значительно исказить реальный ^{14}C -возраст. Для очистки образцов в аппарате типа соклет применялась серия органических растворителей: ацетон, метанол, трихлорэтилен, ксилол, тетрагидрофуран и петролейный эфир. Результаты ^{14}C -датирования до и после обработки подтвердили эффективность предложенного метода очистки.

Ряд статей посвящен использованию метода “привязки по зубцам” (wiggle-matching) к абсолютной шкале времени фрагментов и целых стволов деревьев с хорошо сохранившимися годовыми кольцами (в том числе внешними, наиболее молодыми). Использование данной процедуры позволяет с высокой точностью (вплоть до 10–15 календарных лет) определить время начала и окончания “плавающих” дендрошкал (см.: Вагнер, 2006. С. 174). Так, М. Имамура (M. Imamura) с соавторами провели “привязку по зубцам” фрагмента деревянного подноса, найденного на стоянке Удзи-шигай (Uji-shigai) в Японии в одном слое с самой ранней неглазурированной керамикой типа Су (Su). Применение различных поправок к образцу из 67 годовых колец позволило определить время рубки дерева около 390 г. н.э., что примерно на 50 лет древнее принятой ранее даты появления керамики Су. Г.И. Зайцева с коллегами представили результаты изучения хронологии двух важнейших скифских курганов Сибири – Аржан 1 и 2. Серийное ^{14}C -датирование древесных колец и “привязка по зубцам” позволили отнести дату сооружения Аржана 1 к 795–788 гг. до н.э., что дает основание считать его древнейшим скифским (возможно, доскифским) памятником Евразии. Аржан 2 (погребение 5) датирован серединой–концом VII в. до н.э. И. Панишкина с соавторами составили “плавающую” дендрошкалу для лиственницы Горного Алтая, которая в будущем может стать важным элементом непрерывной региональной шкалы длиной около 3000 лет. С помощью “привязки по зубцам” возраст изученной дендрошкалы скифского времени, охватывающей 486 лет, определен как 720–240 гг. до н.э. В распоряжении авторов уже имеется алтайская абсолютная дендрошкала по лиственнице для отрезка 70–2005 гг. н.э., и разрыв между шкалами достигает теперь всего 300 лет. Также для Горного Алтая установлен возраст 144-летней “плавающей” дендрошкалы гунно-сарматского времени – 70–240 гг. н.э. Возраст “плавающей” шкалы тюркской эпохи (475 лет) – 450–840 гг. н.э.

Две статьи посвящены межлабораторной сверке определений ^{14}C -возраста. М.-Т. Кузанже (M.-T. Cuzange) с коллегами провели сопоставление результатов датировки пещеры Шовэ (Chauvet) во Франции с богатыми настенными рисунками. Четыре лаборатории участвовали в параллельном датировании угля из очага на полу “галереи Мегалоцероса”; результаты находятся в соответствии друг с другом, средний возраст – 32030 ± 120 л.н. Это хорошо согласуется с ^{14}C -датами 10 других очагов в этой же галерее (среднее значение 31600 ± 1000 л.н.) и с датой угля, извлеченного из краски, которой был сделан рисунок гигантского (большерогого) оленя, – 31350 ± 600 л.н. Таким образом, подтверждено мнение о том, что пещера Шовэ посещалась людьми в ориньякское время, к которому и относится живопись. Ф. Нэйсмит (F. Naysmith) с соавторами представили данные параллельного датирования в шести лабораториях образцов карбонатов в кремнированных костях памятников на территории Бельгии и Нидерландов; результаты показали хорошую сходимость ^{14}C -дат.

Х. Брюинс и Й. ван дер Плихт (H. Bruins, J. van der Plicht) продатировали памятники эпохи бронзы и железного века в так называемой пустыне Син (Zin) на границе Синайского полуострова и пустыне Негев (южный Левант), где еще в начале 1914 г. британскими археологами Т.Э. Лоуренсом и Л. Вулли была проведена разведка древних поселений. Именно в данной местности, согласно Ветхому Завету, скитались вышедшие из Египта евреи; по историческим данным, это происходило в конце II тыс. до н.э. Однако результаты работ археологов в послевоенные годы не

дали возможности выделить памятники, связанные с указанной эпохой. Задача была решена с помощью ^{14}C -метода – установлено, что целый ряд объектов (теллей, акведуков и крепостей) относится ко II тыс. до н.э.

Г. Де Мульдер (G. De Mulder) с соавторами представили ревизию хронологии культуры полей погребений (конец бронзового и начало железного века) на западе Бельгии на основе ^{14}C -датирования кремнированных костей (с параллельным определением в ряде случаев возраста угля из тех же погребальных урн). Авторами получено около 70 ^{14}C -дат и сделан вывод о том, что возраст объектов больше, чем считалось ранее; он соответствует переходу от бронзового к железному веку, около 800 г. до н.э.

Две статьи посвящены результатам датирования старинных мостов в Центральной Европе. С. Санто (S. Szántó) с коллегами установили время сооружения первого турецкого моста через реку Тиса у г. Сольнок (Венгрия). ^{14}C -датирование и дендрохронологическое изучение ствола дуба, найденного в 2003 г. во время необычайно низкого уровня реки, подтвердили историческое свидетельство епископа г. Эгер от 1562 г. о строительстве моста. Б. Обелич (B. Obelić) с коллегами определили возраст старого моста в г. Мостар (Босния и Герцеговина). Существовавший до военного конфликта 1993 г. каменный одноарочный мост, построенный турками в 1557–1566 гг., был частично разрушен в ходе боев; во время его реконструкции обнаружены остатки двух еще более древних (до-оттоманских) деревянных мостов. Первый из них, существовавший в XII–XIII вв., был по конструкции подвесным, а в конце XIV – начале XV в. были построены мост на опорах и сторожевая башня.

П.М. Долуханов с соавторами изучили закономерности формирования речной сети в районе Ладожского озера и Карельского перешейка. Выяснилось, что древние поселения тяготеют к бывшим каналам стока вод из Ладоги в Финский залив начиная с 9200–8200 календарных лет назад (далее – кал. л.н.; от 1950 г. н.э.). Пик ладожской трансгрессии датирован 2900–1800 кал. л.н., после чего наступила регрессия, приведшая к осушению прилегающей к Ладоге территории. Это, по мнению авторов, способствовало появлению в регионе земледельческого населения. Возраст современной реки Нева определен как 1000–900 лет; дата древнейшего культурного слоя Старой Ладоги – 640–760 г. н.э.

Три сообщения посвящены хронологии древних комплексов в Перу. И. Ункель (I. Unkel) с соавторами разработали хронологию культур наска и паракас, носители которых создали широко известные гигантские рисунки в пустыне Наска. На основании около 100 ^{14}C -дат по углю, древесине и остаткам растений в сырцовых кирпичах составлена хронологическая таблица культур южного побережья Перу; культура паракас датирована 500–350 гг. до н.э., культура наска – 60–650 г. н.э. А. Мишинский (A. Michczyński) с коллегами проанализировали культурный слой Храма Обезьяны в виде ступенчатой пирамиды в Пачакамаке (Pachacamac), в 30 км от г. Лима. Установлено, что храм существовал в 1400–1300 гг. до н.э. Б.К. Фуникане (B.C. Funikane) с соавторами провели ^{14}C -датирование памятников в долине Аякучо (Ayacucho), связанных с падением империи Вари (Wari). Возраст элитных (возможно, императоров Вари) и обычных погребений был определен как VII–XI вв. н.э., т.е. как до, так и после времени существования государства Вари (около 700–1000 г. н.э.).

Дж. Сиделл (J. Sidell) с коллегами представили результаты ^{14}C -датирования 63 образцов костей из погребений средневекового госпиталя Св. Мэри (г. Лондон), работавшего в 1197–1539 гг., и обработки полученных данных методом байесовской статистики. Установлено, что люди начали совершать погребения как минимум в 1090–1145 гг. и закончили в 1488–1510 гг. Серийное датирование также помогло установить, что случаи заболевания сифилисом имели место в Лондоне в доколумбовое время (широко распространено мнение о том, что сифилис был принесен в Европу из Нового Света), а также факт существования массовых

погребений, предшествующих пандемии чумы (“черной смерти”), начавшейся в Англии в 1348 г.

Ряд статей посвящен датированию культурных слоев древних и средневековых городов, а также отдельных зданий в них. М.Е. Феде (M.E. Fedi) с соавторами провели датирование здания библиотеки Маллиабечиана (Magliabechiana) во Флоренции; им удалось определить время сильных наводнений р. Арно, согласующееся с летописными данными (589 и 1177 гг. н.э.). Д.М. Навроцка (D.M. Nawrocka) с коллегами сообщают о результатах датирования культурного слоя города Хиппос (Суссита) (Hippos (Sussita)) на берегу Тивериадского озера, Голанские высоты (Левант). Памятник расположен в высокосейсмичной зоне трансформного разлома Мертвого моря; по историческим данным, город существовал в III в. до н.э. – 749 г. н.э. и был разрушен девятибалльным землетрясением. Результаты датирования 10 образцов карбонатного вещества из строительного раствора показали, что его ^{14}C -возраст сопоставим с определением времени жизни города по археологическим и историческим данным. Д.В. Холл (D.W. Hall) с соавторами провели датирование остатков пищи на керамике (в виде корочки 1–2 мм толщиной) из древнейшего культурного слоя г. Перт (Шотландия). Полученные даты свидетельствуют о начале существования города не позднее 1100 г. н.э., что несколько раньше, чем первые исторические сведения о Перте (1120-е годы).

Т.Н. Диксон (T.N. Dixon) с соавторами определили возраст кранногов (stannog) – искусственных островков-укреплений, широко распространенных в озерных районах Шотландии и Ирландии. Было изучено 13 объектов на берегу озера Тай (Loch Tay) в графстве Пертшир (Шотландия). Выяснено, что наибольшее количество кранногов было сооружено в раннем железном веке, около 800–400 гг. до н.э. Возведение укреплений продолжалось вплоть до рубежа эр, с ремонтом некоторых из них в VI–IX вв. н.э.; один из кранногов был обитаем вплоть до XVII в. Подчеркивается, что подобные работы важны не только для археологии, но и для изучения колебаний уровня озер.

М. Юн (M. Youn) с коллегами датировали очень редкие элитные погребения в местности Таван Толгой (Юго-Восточная Монголия). Могила женщины около 40 лет с золотым кольцом, на котором изображен сокол, и погребение мужчины с золотым седлом и лошастью, вероятно, являются захоронениями родственников Чингис-хана. Датирование дерева от гроба мужчины и костей из женского погребения позволило определить время совершения захоронений как 1130–1250 гг., что соответствует периоду существования империи монголов.

Й. Герсдорф и У. Франке-Фогт (J. Görsdorf, U. Franke-Vogt) провели датирование памятника Сор Дамб (Sohr Damb) в Белуджистане (Южная Азия), принадлежащего к археологическому комплексу Нал (Nal) и имеющего связи с древними культурами Ирана, Афганистана и Пакистана. На основе 59 дат выделено четыре периода его заселения, в целом укладывающиеся в интервал 3800–2000 гг. до н.э. Керамика типа Нал относится ко второму периоду (3100–2700 гг. до н.э.); керамика Кулли-Хараппа (Kulli-Nagarra) – к четвертому периоду (2500–2300 гг. до н.э.).

Три статьи посвящены сопряженному анализу радиоуглеродного возраста и структуры питания древнего населения. Н.И. Шишлина с соавторами представили результаты изучения ^{14}C -возраста и диеты носителей древних культур Прикаспия. Ямная культура по 33 датам (кости людей, текстиль, древесина) отнесена к 3200–2350 гг. до н.э. Ранняя катакомбная культура по 24 образцам (преимущественно кости людей) датирована около 3300/2900–2500 гг. до н.э. Хронология восточно-маньчжской катакомбной культуры по 61 дате (кости людей, текстиль, уголь, древесина, семена растений) определена в рамках 2900/2800–2000 гг. до н.э. Появившееся в ходе работ противоречие – более древний возраст костей людей по отношению к древесине в одних и тех же погребениях – поставило вопрос о возможном влиянии “эффекта резервуара”, связанного с удревнением возраста образ-

цов морского и пресноводного происхождения, а также костей людей, употреблявших в пищу продукты водного генезиса (см.: Кузьмин, 2005б. С. 16, 17). Параллельное датирование костей шуки и семян растений из погребения западно-маньчской катакомбной культуры показало, что величина поправки на “эффект резервуара” составляет около 640 лет (в сторону удревнения даты, т.е. эту величину следует вычитать из значения ^{14}C -возраста). Поскольку по содержанию стабильных изотопов углерода и азота в коллагене костей людей (об основах изотопного метода изучения палеодиеты см., например: Кузьмин, 2005б. С. 22, 23) выяснено, что население катакомбной культуры употребляло в пищу в основном продукты водного происхождения (около 70% общей протеиновой диеты), данная поправка для рассматриваемых материалов обязательна. Для восточно-маньчского варианта катакомбной культуры она составляет 300–450 лет, а для раннего варианта – 400–500 лет; эти данные все еще предварительны. К. Бонсэлл (С. Bonsall) с соавторами опубликовали результаты изучения хронологии и диеты населения, оставившего погребения в пещере Айдовска Яма (Ajdovska Jama) в Словении. По результатам датирования 10 образцов погребения относятся к позднему неолиту, 5490–5430 л.н., т.е. несколько позже, чем предполагалось ранее (около 6400 л.н.). Анализ стабильных изотопов углерода и азота в коллагене показал, что в пищу употреблялись продукты как животного, так и растительного происхождения; следов использования злаков с фотосинтезом типа C_4 (главным образом проса) не отмечено. Ф.Л. Аскоу (P.L. Ascough) с коллегами изучили влияние “эффекта резервуара” на точность датирования языческих погребений могильника в местности Миватнссвейт (Mývatnssveit) в Исландии. Параллельное датирование костей наземных животных и морских моллюсков позволило определить величину поправки на “эффект резервуара” – около 110 лет. Подчеркивается, что факт употребления древним населением Исландии пресноводной рыбы может существенно удревнять ^{14}C -возраст коллагена костей, до 1300–1700 лет; для устранения этого осложняющего фактора необходимо исследование состава стабильных изотопов углерода и азота в датируемом коллагене.

В двух статьях обсуждаются вопросы хронологии палеолита Сибири. С.Дж. Фидел (S.J. Fiedel) и Я.В. Кузьмин попытались ответить на вопрос: существует ли корреляция между интенсивностью заселения Сибири в позднем палеолите и изменениями климата? Обработка 387 ^{14}C -дат (объединенных в 249 “эпизодов заселения”; см. также: Kuzmin, Keates, 2005) и сравнение количества полученных эпизодов с основными климатическими событиями в интервале 36 000–12 000 л.н., выделенными по результатам изучения гренландского ледяного ядра GISP2, показали, что не наблюдается прямого соответствия между увеличением (или уменьшением) количества населения и потеплениями (похолоданиями). Так, даже в эпоху максимально холодного и сухого климата, около 20 000–18 000 л.н., количество населения в Сибири оставалось сравнительно постоянным. Я.В. Кузьмин на основании анализа около 440 опубликованных ^{14}C -дат представил хронологическую схему конца среднего и верхнего палеолита Сибири и Дальнего Востока России. В ней определено время появления и исчезновения двух основных орудийных комплексов позднего палеолита – пластинчатого и микропластинчатого. Установлено также время возникновения верхнепалеолитических комплексов (которые чаще всего связываются с появлением человека современного типа *Homo sapiens sapiens*), зарождения предметного искусства (не позднее 43 000 л.н.), начала производства микропластин (не позднее 35 000 л.н.), появления керамики (от 12 000 до 4500–2500 л.н.).

В.Г. Дирксен с соавторами исследовали изменения климата и растительности голоцена в южной части Минусинской впадины и их связь с культурной динамикой в древности. Сделан вывод о том, что отсутствие мезолитических и неолитических поселений

(11 000–6000 кал. л.н.) можно объяснить сухим климатом; заселение началось около 6000–5000 кал. л.н. (афанасьевское время). Максимум увлажнения относится к позднему голоцену; в это время началось облесение территории. Культуры эпох бронзы и раннего железного века существовали на юге Минусинской впадины непрерывно, за исключением сухого интервала 3600–3300 кал. л.н., когда население было весьма редким. Авторами сделан вывод о наличии связи между изменениями климата и культурной динамикой на юге Сибири.

Таким образом, прошедшая конференция позволила увидеть основные современные тенденции радиоуглеродных исследований в археологии: 1) увеличение точности определения возраста до первых десятков календарных лет (на основе серийного ^{14}C -датирования и обработки результатов методами байесовской статистики); 2) получение с помощью ^{14}C -метода информации о возрасте поселений, сопоставимой по надежности и точности с историческими документами Средневековья и Нового времени; 3) комплексное изучение объектов датирования (главным образом остатков животных и человека) для выявления осложняющих определение ^{14}C -возраста факторов (“эффект резервуара”, употребление в пищу растений с фотосинтезом типа C_4 и др.); 4) использование массивов ^{14}C -дат для углубленного сопряженного анализа изменений климата и динамики древнего населения.

Российским археологам будет полезно узнать, что электронный архив статей журнала “Radiocarbon” за 1959–2006 гг., включая труды конференций, находится в свободном доступе в интернете (на сайте www.radiocarbon.org). В апреле 2011 г. на о. Кипр пройдет 6-я Международная конференция “Радиоуглерод и археология”; в 2012 г. во Франции состоится очередная, 20-я Международная радиоуглеродная конференция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М., 2006.
- Кузьмин Я.В. ^{14}C et archéology (^{14}C and archaeology). Actes du 3ème Congrès International // РА. 2001. № 4.
- Кузьмин Я.В. Тр. 17-й междунар. радиоуглеродной конф., 18–23 июня 2000 г., Иерусалим, Израиль // РА. 2003. № 2.
- Кузьмин Я.В. Современные направления в радиоуглеродном датировании археологических объектов (обзор трудов конференций 2002–2003 гг.) // РА. 2005а. № 3.
- Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток, 2005б.
- Кузьмин Я.В. “Радиоуглерод и археология”. Тр. 4-го междунар. симпоз., 9–14 апреля 2002 г., г. Оксфорд, Великобритания // РА. 2006. № 2.
- Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. 2004. № 3.
- Kuzmin Y.V., Keates S.G. Dates are not just data: Paleolithic settlement patterns in Siberia derived from radiocarbon records // American Antiquity. 2005. V. 70. № 4.
- Longin R. New method of collagen extraction for radiocarbon dating // Nature. 1971. V. 230. № 5291.
- Renfrew C. Before civilization: The radiocarbon revolution and prehistoric Europe. L., 1973.
- Renfrew C. Prehistory: The making of the human mind. L., 2007.

КОНФЕРЕНЦИЯ “ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУР РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ”. ОРЕНБУРГ, 12–15 мая 2009 г.

Конференции по данной проблеме проводятся в Оренбурге регулярно, начиная с 1980 г., когда состоялось первое, достаточно представительное совещание по вопросам изучения энеолита степной полосы Евразии в связи с открытием в Волго-Уральском регионе таких, уже ставших эталонными, памятников, как Съезжинский, I и II Хвалынский, Хлопковский могильники, Ивановское поселение. В 2006 г. состоялась международная конференция “Проблемы изучения ямной культурно-исторической области”, участники которой отметили важность данной проблематики для изучения историко-культурных процессов Евразии и приняли решение о регулярном проведении конференций по этой теме (РА. 2007. № 2).

В центре внимания конференции 2009 г. также находились проблемы, связанные с изучением памятников ямной КИО, которая представляется глобальным историческим явлением раннего этапа бронзового века. Поэтому интерес к объявленной теме был значительным. В сравнении с конференцией 2006 г. расширились временные рамки обсуждаемых материалов – от энеолита до начала позднего бронзового века, а также территориальные границы – от Алтая и Средней Азии до Подунавья. Большое внимание было уделено методике изучения памятников и технологии древних производств, в том числе использованию комплексных методов в содружестве с представителями естественных наук, с привлечением возможностей информационных технологий. Отрядным фактом явилось участие в мероприятии молодых ученых, в том числе аспирантов.

В конференции приняли участие 35 специалистов из различных научных и высших учебных учреждений России, Украины, Казахстана и Франции.

Ученые-археологи представляли Институт археологии РАН, Государственный – Исторический музей, Областной Московский педагогический институт, Оренбургский государственный педагогический университет, Институт степи УрО РАН (г. Оренбург), Орский социально-технологический институт, Институт истории и археологии Поволжья, Самарскую государственную академию культуры и искусства, Поволжскую социально-гуманитарную академию (г. Самара), Алтайский государственный университет (г. Барнаул), Челябинский государственный университет, Ставропольское ГУП “Наследие”, Институт археологии НАН Украины, Днепровский государственный университет, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан), Костонайский государственный университет, Национальный центр научных исследований Франции.

Специалисты в области естественных наук являлись сотрудниками Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино) и Института географии РАН (г. Москва).

Всего на конференции было прочитано 30 докладов. Все ее участники имели возможность принять участие в дискуссии, а также совершить ознакомительную поездку на памятник федерального значения “Каргалинский горно-металлургический центр”.

Основной блок докладов был посвящен изучению и систематизации памятников ямной культуры от Урала до Поднепровья, выявлению ее истоков в энеолите, всестороннему анализу новых материалов с применением комплексных методик. Центральное место в данном блоке занимала проблема происхождения ямной культуры, сложение в эпоху энеолита – раннего бронзового века культурного единства в степной зоне, истоки и факторы этого единства. Участие хвалынской и среднеостоговской культур в указанном процессе так или иначе отмечалось всеми участниками конференции по результатам изучения погребального обряда, металла, керамики, антропологических материалов. В докладе *И.Н. Васильевой* по данным технологического анализа керамики Варфоломеевского поселения и других памятников Поволжья (от раннего неолита до позднего энеолита) было сделано заключение об эволюции гончарства в результате взаимодействия различных групп населения. Автором накоплен значительный банк данных, позволяющий проводить сравнительный анализ керамических материалов. Это даст возможность дополнить существующие представления о культурном развитии населения волго-уральского региона, более уверенно устанавливая связи между различными группами керамики.

Определению культурной принадлежности памятников первой половины – середины IV тыс. до н.э. (в калиброванном значении) на территории волго-уральского междуречья был посвящен доклад *М.А. Турецкого*. По его мнению, это памятники раннего этапа ямной культуры, за которыми закрепилось наименование “репинский тип” и которые предшествуют классическим ямным памятникам развитого этапа. Докладчик выступил с критикой точки зрения П.Ф. Кузнецова, который все более удревает полтавкинскую культуру, тем самым оставляя за ямной культурой только памятники раннего репинского этапа.

Ряд исследователей (А.И. Юдин, М.А. Турецкий и др.) в 2006 г. обращали внимание на образовавшуюся лакуну между хвалынскими и ямными памятниками по радиоуглеродным датировкам. По их мнению, это поставило под сомнение тезис о генетической преемственности ямной культуры Волго-Уралья от хвалынской, обоснованный И.Б. Васильевым, Н.Я. Мерпертом и другими авторами в последние десятилетия XX в. Однако на археологическом уровне изучения погребального обряда и инвентаря именно хвалынская и среднеостоговская культуры представляются как основополагающие в данном процессе.

В ряде докладов были приведены новые материалы из подкурганых погребений раннего этапа ямной культуры, радиоуглеродный возраст которых определяется в пределах первой половины IV тыс. до н.э. Это памятники, исследованные П.Ф. Кузнецовым, – подкурганые погребения Орловского, Лопатинского и других могильников. В таком плане большой интерес вызвало сообщение *Р.А. Мимохода* о комплексе из кургана Паницкое 6Б, содержавшем сосуд, по типологии занимающий позицию между хвалынской и репинской керамикой, в сочетании с оригинальной рогатой булавкой. В докладе

А.А. Хохлова на основе изучения значительно пополнившейся серии антропологических определений был сделан вывод об участии в формировании волго-уральского варианта ямной культуры двух компонентов: хвалынского (южного) и уралодного (северного).

Решение вопроса о происхождении ямной культуры осложнялось малым числом радиоуглеродных дат по энеолиту Поволжья и явной их противоречивостью. В докладе *Н.Л. Моргуновой* были проанализированы 54 новые ^{14}C -даты, полученные по разным типологическим группам керамики времени энеолита – раннего этапа раннего бронзового века. Они позволили более уверенно определиться с периодизацией энеолита Поволжья и Приуралья и подтвердить выделение в его развитии трех периодов. К раннему неолитическому этапу отнесены памятники съезжинского типа (I этап самарской культуры) и прикаспийской культуры наряду с позднееолитическими памятниками орловской, тендексорской и волго-уральской культур. Со вторым развитым периодом связано формирование хвалынской, II этапа самарской и алтатинской культур. Намечен интервал между классическими хвалыскими и раннеямными (репинскими) памятниками, который постепенно заполняется подкурганскими погребениями с постхвалыскими материалами, а также поздними алтатинскими и самарскими памятниками.

По проблемам изучения памятников западных вариантов ямной КИО с обобщающими докладами выступили *Е.В. Яровой* и *С.В. Иванова*. Систематизация разнообразных артефактов из 360 курганов ямной культуры Приднестровья и корреляция их с погребальным обрядом были представлены *Е.В. Яровым*. Автором со всей очевидностью были продемонстрированы общие закономерности развития ямной области на развитом этапе от Урала до Днестра, сложившееся в этот период единство, но в то же время и своеобразие каждого из вариантов. В докладе *С.В. Ивановой* была представлена схема культурного развития Северо-Западного Причерноморья на основании изучения радиоуглеродных данных для памятников постмариупольского, усатовского, ямного, кеми-обинского и катакомбного типов. Сделан вывод, что исторические процессы в энеолите – бронзовом веке можно выразить понятием “континуитет”, которое обозначает как преемственность материальной культуры и производственных традиций, так и непрерывность происшедших процессов.

В докладе *С.Н. Корневского* культурное своеобразие степного населения Восточной Европы и Предкавказья было продемонстрировано анализом погребального обряда и его связи с местоположением инвентаря в захоронениях. По мнению докладчика, указанные связи отражают древние верования населения эпохи энеолита и бронзового века (ямной и майкопской культур). Был сделан вывод о существовании различных подходов к выбору места положения определенных категорий вещей у носителей различных культурных образований, что можно представить как две системы верований, назвав их конкретно-орудийной традицией и абстрактно-орудийной традицией. Обе системы отражали неоднозначное представление древних людей о душе и связи останков погребенных сородичей с заупокойным инвентарем.

В докладе *Д.Л. Тесленко* была рассмотрена история изучения вопроса о социальной структуре и уровне общественных отношений носителей ямной культуры. Автором выделены этапы исследований, показано развитие методологических подходов к реконструкциям древнеямного общества. В дискуссии по докладу *Н.Л. Моргуновой* отмечена актуальность данной проблемы и необходимость ее дальнейшего изучения с использованием современных методов и с учетом хроноло-

гии, уточненной радиоуглеродным датированием в последнее десятилетие.

Особое внимание привлекла тема о возможностях радиоуглеродного датирования. Анализ ^{14}C -дат по памятникам энеолита и раннего бронзового века присутствовал как в обобщающих докладах, так и в сообщениях о конкретных памятниках или материалах, имеющих абсолютные датировки (*Н.Л. Моргунова, С.В. Иванова, С.Н. Корневский, П.Ф. Кузнецов, В.А. Демкин, О.С. Хохлова, А. Шалапинин* и др.). Большой интерес вызвал доклад *Н.И. Шишлиной*, посвященный погребальным комплексам с молоточковидными булавками из Кумо-Манычского региона, датированным в интервале от XXX до XXV вв. до н.э. По вопросу использования радиоуглеродных датировок возникла дискуссия. Так, *Н.И. Шишлина* изложила аргументы в пользу введения поправок на резервуарный эффект, необходимости проведения параллельного датирования углеродсодержащих образцов и изотопных исследований. Не отрицая в целом важность подобных исследований, *С.Н. Корневский* и *Н.Л. Моргунова* отметили сложности, прежде всего организационного и финансового характера, в их проведении, а также зачастую отсутствие оснований для введения указанных поправок. Была подчеркнута важность и выдвижение на первый план археологических методов исследования. Радиоуглеродные даты должны иметь дополнительное значение, при этом следует доверять не одной дате по тому или иному комплексу, а желательно нескольким ^{14}C -датам, полученным для разных материалов. Было также замечено на примере одних и тех же погребальных комплексов, датированных в разных лабораториях, что ^{14}C -даты, полученные в лаборатории ИГАН, достаточно часто имеют значительно более древний возраст.

Большая группа докладов была посвящена изучению керамики и особенностей гончарного производства в степном энеолите – раннем бронзовом веке. В исследованиях использовался как типологический анализ, так и технологический (по методике *А.А. Бобринского*). Помимо доклада *И.Н. Васильевой* возможности данной методики были успешно продемонстрированы на примере изучения керамики ямной культуры в работе *Н.П. Садугиной*. Ею была проведена корреляция особенностей керамики и конструкций погребальных сооружений, на основании чего прослежен генезис гончарного производства от раннего до позднего этапов ямной культуры Поволжья и Приуралья. Сделан вывод о преемственности и сохранении традиции использования илов от неолита и на всем протяжении раннего и среднего бронзового веков. В то же время выявлены особенности керамики, свидетельствующие о неоднородности ямного населения, о включении в него носителей каких-то других традиций как южного (вероятно, земледельческого), так и северного лесостепного и лесного происхождения. Автор доклада также подтвердила мнение ряда исследователей о том, что в волго-уральском регионе в катакомбное время резкой смены населения не произошло и в целом сохранялись ямные традиции гончарного производства.

В докладе *О.Д. Мочалова* были представлены результаты большой работы по систематизации и учету керамики всех вариантов ямной КИО (по *Н.Я. Мерперту*). Отмечена неравномерность распределения керамики в погребальных комплексах разных вариантов, возрастные ее численности на территории Северного Причерноморья к западу от Дона. Кроме того, были сделаны наблюдения над особенностями форм посуды и ее находением в погребальных комплексах в зависимости от хронологии – от раннего до позднего этапов ямной культуры.

В докладе *А.И. Королева* впервые было обращено особое внимание на керамику с внутренним ребром позднего энеолита – раннего бронзового века. Проведен типологический анализ посуды с поселений Самарского Поволжья и Приуралья,

получены радиоуглеродные даты, указывающие на ее бытование во второй половине V – начале IV тыс. до н.э.

Тема изучения металлообработки у племен ямной культуры нашла отражение в докладе *Е.И. Гака* и *А.А. Калмыкова*. Авторы, используя типологический анализ и специальные методы, проследили ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур Предкавказья и Волго-Донья. Характеристика и особенности металлургического производства афанасьевской культуры в сравнении с металлообработкой ямной культуры были представлены в докладе *С.П. Грушина*. Автором выделены два очага металлообработки афанасьевской культуры – Алтайский и Минусинский, из которых последний по технологии ближе к южноуральскому.

Большой блок докладов был посвящен реконструкции древнего климата времени IV–II тыс. до н.э. *В.А. Демкин* обобщил данные по динамике палеопочв и увлажненности климата в IV–II тыс. до н.э. в Приуралье, Нижнем Поволжье и на территории современной Калмыкии. *О.С. Хохлова* исследовала хронологию курганов внутри курганных групп (хронорядов) на основании анализа палеопочв Скворцовского и Лабазинского могильников в Оренбургской области. Были сделаны выводы о динамике развития природно-климатической ситуации на протяжении эпох энеолита – раннего бронзового века.

Особый интерес представил доклад *Т.С. Демкиной* по изучению микробных группировок, законсервированных в почвах в течение четырех–шести тысяч лет. Установлено, что они находятся в состоянии анабиоза с возможной регенерацией. Изучение микробных группировок в почвах IV–II тыс. до н.э. показывает их отличие от современных и открывает принципиально новое направление исследований на стыке археологии и микробиологии. Практический результат этой работы может найти применение не только в археологии, но также в медицине и других областях современной науки, связанных с изучением микробных сообществ.

Еще одно новое направление исследований палеопочв под курганами бронзового века в связи с антропогенными воздействиями и возможными загрязнениями почв свинцом было представлено в докладе *Т.В. Памтуры*, *В.А. Демкина* и *А. Проста*.

А.А. Гольева на основании анализа древесины из погребений ямной и срубной культур Приуралья (раскопки Н.Л. Моргуновой) обнаружила, что для перекрытий могильных ям носители этих культур использовали разные древесные породы (тополь для ямных погребений и сосну для погребений срубной культуры). В связи с отсутствием пыльцы сосны в почве во время бытования последних памятников позднего бронзового века был сделан вывод о необходимости специального исследования для объяснения такого явления. Возможно, сосну привозили с иных территорий вследствие особенностей культовых верований и мифологических представлений древних людей о породах деревьев, используемых в погребальном обряде.

Ряд выступлений был посвящен систематизации материалов энеолита – бронзового века казахстанских степей. В докладе *А.В. Логвина* и *И.В. Шевниной* были представлены результаты исследований могильника Бестамак в Костанайской области. Для разных типов погребальных комплексов авторами получены радиоуглеродные даты, свидетельствующие о синхронности материалов энеолитического, по сути, могильника развитому этапу ямной культуры волго-уральского междуречья. Культурная принадлежность памятника пока не определена. В докладе *З. Самашева*, *А.С. Ермолаевой*, *Т.Н. Лошаковой* рассмотрены вопросы истоков и генезиса памятников токсанбайского типа.

Проблема позднего этапа ямной культуры и ее участия в формировании культур среднего бронзового века обсуждалась в специальных докладах и затрагивалась в выступлениях в связи с другими вопросами изучения ямной КИО. *Н.Л. Моргунова* представила предварительные результаты раскопок Скворцовского курганного могильника, погребальные комплексы которого характеризуются устойчивыми признаками ямной культуры. Радиоуглеродные определения датировали их второй половиной III тыс. до н.э., т.е. ямно-катакомбным временем. В докладе *Е.П. Феценко* были рассмотрены погребальные сооружения ямно-катакомбного типа на территории Орельско-Самарского междуречья в Украине.

Доклад *С.В. Богданова* был посвящен участию ямных групп населения Приуралья в формировании синташтинской культуры. Автор критически отнесся к предположениям многих исследователей, что ямное население, продвигаясь в Зауралье, привнесло в местные культуры многие собственные достижения и элементы культурных традиций. Материалы, свидетельствующие о таких контактах и взаимодействиях населения Приуралья и Зауралья в раннем и среднем бронзовом веке, представили в своем докладе *Г.Б. Зданович* и *Т.С. Милотина*. В дискуссии по этой проблеме была отмечена необходимость ее всестороннего изучения, высказано замечание в адрес *С.В. Богданова* по поводу прямолинейности его рассуждений, а порой недостаточности полного представления об аргументации тех или иных исследователей.

В докладе *В.В. Ткачева* были представлены уникальные материалы из раскопок Г.А. Кушаева 80-х годов XX в. Впервые была предпринята попытка систематизировать данные по погребальным комплексам могильника Кресты в Уральской области Казахстана. По мнению докладчика, признаки погребального обряда свидетельствуют о катакомбной принадлежности большинства могил памятника. С данным выводом не согласились многие участники конференции, отметившие, что большинство характерных черт обряда в могильнике демонстрируют близость обряду ямной культуры. Вывод об отсутствии значительного катакомбного влияния на население Поволжья и Приуралья в среднем бронзовом веке прозвучал в докладе *А.А. Хохлова* и *Н.П. Сагуиной*. Данные антропологии, технологического анализа керамики и металлографического исследования (А.Д. Дегтярева) свидетельствуют, что в этот период здесь сохранялось как население, так и традиции гончарного и металлургического производств ямной культуры.

Участники конференции в ходе одной из дискуссий обсудили проблему формирования понятийного аппарата в исследованиях степных энеолитических культур и ямной КИО. По мнению большинства выступавших по этому вопросу, при введении новых понятий необходимо с уважением относиться к предшественникам, коллегам и не переименовывать уже выделенные и достаточно устоявшиеся названия культур, типов и этапов, запутывая тем самым и без того непростую ситуацию в терминологии. Подобный подход особенно характерен для работ Ю.Я. Рассасакина, И.В. Манзуры, П.Ф. Кузнецова, С.В. Богданова и ряда молодых исследователей. Зачастую смешиваются такие важные понятия, как “культура”, “этап”, “тип”, нарушаются принципы типологической классификации. Так, в изучении ямной культуры хорошо разработаны критерии выделения раннего (репинского), развитого и позднего (ямно-катакомбного или полтавкинского) этапов, представляющих периоды формирования, расцвета и угасания культуры (Н.Я. Мерперт, И.Б. Васильев и др.). Однако они достаточно произвольно заменяются новыми понятиями, по сути, не вносящими ничего нового в науку, – “кутулукский тип памятников”, “тамар-уткульский тип памятников”, “РБВ I и II”, “хвалыно-бережновская культура”, “квитянская культура” и т.д.

В противовес таким подходам участники дискуссии обращали внимание на необходимость более глубокого изучения конкретных материалов и памятников с использованием как традиционных методов археологии, прежде всего типологического, так и возможностей естественных наук, а также на необходимость полных публикаций материалов новых раскопок.

Подводя итоги конференции, ее участники пришли к следующим заключениям.

Первое. Проблемы изучения выделенной в начале XX в. В.А. Городцовым ямной культуры по-прежнему являются одними из приоритетных в реконструкциях исторических процессов на юге Восточной Европы и в Предкавказье в период IV–II тыс. до н.э. Охват огромной территории памятниками ямной КИО позволяет рассматривать ее как феноменальное явление в истории степной зоны Евразии. **Второе.** Исследование проблем ямной культуры приобретает дополнительные перспективы при привлечении к анализу сопоставимых с ней по времени культурных феноменов бронзового века Северного Кавказа, Алтая и Средней Азии. Кроме того, представляется

весьма важным расширение тематики и изучение предшествующего энеолитического пласта памятников степной и лесостепной полосы Восточной Европы, Предкавказья и сопредельных областей Евразии. **Третье.** В изучении ямной КИО, представленной в основном погребальными памятниками и малым числом вещевого инвентаря, необходимо расширение взаимодействия с представителями естественных наук (специалистами в области палеопочвоведения, антропологии, палинологии, радиоуглеродного датирования и др.). Весьма важным представляется усиление внимания к изучению древних производств, в том числе технологическому анализу керамики по методике А.А. Бобринского, металлографическим и трасологическим исследованиям.

В заключение был отмечен высокий научный уровень подготовки и организации конференции. Учитывая интерес специалистов к обсуждаемой проблематике, было принято решение о проведении подобных встреч с периодичностью один раз в три года. Материалы конференции опубликованы в одноименном сборнике.

Оренбургский государственный педагогический университет
Институт археологии РАН, Москва

Н.Л. Моргунова
С.Н. Корневский

К 90-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ АЛЬФРЕДОВИЧА ШМИДТА

В 2010 г. исполнилось 90 лет выдающемуся российскому археологу, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ Евгению Альфредовичу Шмидту.

Е.А. Шмидт родился 6 декабря 1920 г. в г. Рудня Смоленской губернии в семье железнодорожного инженера, происходившего из прибалтийских немцев. Вскоре семья переехала в Брянск, где жила до конца 1930-х годов (в 1937 г. отец Евгения Альфредовича был репрессирован). Школьником Е.А. Шмидт занимался в краеведческом кружке, в 1935–1936 гг. под руководством белорусского археолога К.М. Поликарповича участвовал в раскопках знаменитой палеолитической стоянки Елисеевичи. Там он познакомился с молодыми брянскими археологами Ф.М. Заверняевым и В.П. Левенком, сотрудничество с которыми продолжалось в послевоенные десятилетия.

Несмотря на то, что еще в школьные годы Е.А. Шмидт, по шуточному замечанию В.П. Левенка, был “уже насквозь пропитан тлетворным духом археологии” (1937), он решил получить биологическое образование и в 1947 г. окончил факультет биологии и химии Московского государственного педагогического института. Тогда же Е.А. Шмидт поступил на работу в Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт. Его первые публикации посвящены ихтиофауне Смоленской области. Однако уже в 1949 г. Евгений Альфредович резко меняет тематику исследований, на всю жизнь посвятив себя археологии Смоленщины. В том году он начал систематические разведки в Смоленской области и принял участие в первом сезоне раскопок Гнѣздовских курганов археологической экспедицией МГУ под руководством Д.А. Авдусина. По словам Евгения Альфредовича, его решение профессионально заняться археологией было вызвано не только интересом к древностям родного края, но и печально известной сессией ВАСХНИЛ 1948 г., которая привела к разгрому передовых направлений биологической науки. Естественнонаучные знания в дальнейшем очень пригодились ему в археологических исследованиях.

В последующие десятилетия Е.А. Шмидт проводит колоссальные по объему и научному значению полевые исследования, охватившие почти всю территорию Смоленской области, а также бассейны Десны в Брянской области (совместно с Ф.М. Заверняевым) и Сожа в Могилевской и Гомельской областях (совместно с белорусскими археологами). Им открыты сотни археологических памятников, многие из которых раскопаны. Среди них – эталонные для Верхнего Поднепровья и Подвинья могильник культуры шаровидных амфор эпохи бронзы у д. Туринщина, городища и селища железного века Демидовка, Новые Батеки, Акатово, Близнаки, Холмец, Наквасино, Самсонцы, Заозерье, грунтовый могильник у д. Акатово, могильники культуры смоленских длинных курганов Арефино, Заозерье, Колодня, Слобода-Глушица, Шугайлово, древнерусские курганные могильники Новоселки, Харлапово, Туринщина.

Сфера научных интересов Е.А. Шмидта необычайно широка, но особенно велик его вклад в изучение археологических культур раннего железного века и раннего средневековья – днепро-двинской, тушемлинской и культуры смоленских длинных курганов. Первым двум посвящены его кандидатская (1963) и докторская (1975) диссертации, защищенные в ИА РАН, последняя впервые выделена Е.А. Шмидтом в конце 1960-х годов. В результате современные представления об этнокультурной истории региона в железном веке в значительной мере базируются именно на работах Е.А. Шмидта. Несомненен вклад исследователя и в изучение древнерусской культуры на территории Смоленщины. Кроме того, им составлены подробные каталоги археологических памятников Смоленской области – практически исчерпывающий свод археологического наследия региона по состоянию на 1970-е – начало 1980-х годов.

Прекратив активную экспедиционную деятельность, в 1990-е и 2000-е годы Евгений Альфредович сосредоточился на анализе музейных коллекций, в первую очередь из своих раскопок, и подготовке их к изданию. Именно этот период жизни юбиляра ознаменовался выходом в свет целого ряда фундаментальных публикаций материалов и основополагающих монографий.

Институт археологии РАН, Москва

Е.А. Шмидт – автор около 180 научных работ по археологии, в том числе монографий: “Древние городища Смоленщины” (совместно с П.Н. Третьяковым, 1963), “Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII в. н.э.)” (1976), “Древнерусские археологические памятники Смоленской области” (1982; 1983), “Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства: Днепродвинские племена VIII в. до н.э. – III в. н.э.” (1992), “Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VIII вв. н.э. Тушемлинская культура” (2003), “Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков” (2008).

Более 50 лет Е.А. Шмидт совмещает научные исследования с педагогической деятельностью. С 1962 по 2010 г. он работал в Смоленском государственном педагогическом институте (ныне университет), в 1981–1993 гг. заведовал там кафедрой всеобщей истории. Евгений Альфредович читал курсы по основам археологии, истории первобытного общества и Древнего мира, ежегодно проводил со студентами археологическую практику и всегда пользовался у студентов, аспирантов и преподавателей неизменной любовью и уважением.

Начиная с первых послевоенных лет Е.А. Шмидт активно популяризирует научные знания о прошлом Смоленского края. Им написаны десятки брошюр, статей и заметок по краеведению Смоленщины, охране культурного наследия. Во многом благодаря этому самоотверженному просветительскому труду Евгений Альфредович обладает безусловным моральным авторитетом в широких кругах смоленской общественности.

И еще Евгений Альфредович Шмидт – интеллигентный, преданный своему делу человек, неутомимый труженик, доброжелательный критик работ своих более молодых коллег, интересный и приятный собеседник, прекрасный рассказчик.

Поздравляя Евгения Альфредовича с юбилеем, желаем ему доброго здоровья и новых успехов! Уверены, что к этим пожеланиям с радостью присоединятся многие археологи (и не только) из России, Белоруссии, Украины и других стран.

Н.В. Лопатин, В.С. Нефедов

ПАМЯТИ ЛЬВА МИХАЙЛОВИЧА ТАРАСОВА (1925–2010)

12 февраля 2010 г. ушел из жизни Лев Михайлович Тарасов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН.

Вся научная деятельность Льва Михайловича связана с ЛОИА и ИИМК: почти 50 из 85 лет отдано одному Институту. Это обычно для российского-советского ученого. Обычна и его научная карьера – университет (1956), кандидатская (1967) и докторская (1991) диссертации – и путь, которым эти результаты были достигнуты, – получение нового материала в ходе многолетних полевых исследований; его многосторонний анализ и обобщение.

За такой размеренностью стоит непростая творческая судьба, во многом связанная с большими затратами сил и большим упорством, чем у коллег из поколения, на долю которого выпала не только война, но и постоянные изменения и перестройки.

Лев Михайлович Тарасов родился 5 апреля 1925 г. в Орле. В 1941 г. окончил 8 классов, а среднюю школу – только в 1951 г. Помешала война. С октября 1941 по июль 1943 г. находился на оккупированной территории г. Орла, затем до августа 1944 г. – на Украине. С 1944 по 1950 г. служил в Советской армии. В 1945–1946 гг. в качестве солдата пехоты участвовал в боях в Австрии, Чехословакии, Венгрии, за что был награжден медалями “За победу над Германией”, “30 лет Советской армии”, “20 лет победы в ВОВ”.

В 1951 г. поступил в Воронежский университет, после 4-го курса в 1955 г. перевелся в ЛГУ, в 1956 г. его окончил и был

принят на работу в Отдел палеолита Ленинградского отделения Института археологии.

Восхищение вызывают широта исследований Л.М. Тарасова – от бассейна Ангары (1957 г.) и Средней Азии (1978–1979 гг.) до Крыма (1981–1982 гг.) и бассейна Десны, его качества поисковика-разведчика, вклад в исследования палеолита Костенок.

Принципиальное значение в научном наследии Л.М. Тарасова имеют раскопки стоянки Гагарино в 1961–1969 гг., обобщенные в кандидатской диссертации и монографии (1979 г.), и исследования группы стоянок раннего, среднего и позднего палеолита в бассейне Десны, ставшие основой докторской диссертации “Палеолит бассейна Десны”, защищенной в 1991 г. Эти работы привели к существенным изменениям традиционных представлений о характере и эволюции палеолита Русской равнины, а Л.М. Тарасова – к формированию собственной, оригинальной концепции перехода от среднего к верхнему палеолиту.

В творчестве Л.М. Тарасова не было резких подъемов, но не было и спадов. Его работа – типичный пример размеренной, каждодневной, часто однообразной, но тем не менее творческой деятельности. Это “классические” условия развития науки: труд и упорство, которыми определяется степень везения-невезения в археологии. Тарасову повезло с открытием великолепной серии статуэток в Гагарино и новых жилых конструкций стоянки. Повезло с выявлением нового пласта памятников на Десне, в том числе древнейших. Повезло с открытием Масловки на верхнем Дону, в районе, до этого бывшем белым пятном на археологической карте, и многочисленных пунктов находок палеолита в Воронежской и Волгоградской областях. Повезло с открытиями в Крыму. На самом деле все это – не более чем результат самоотдачи и нацеленности на поиск. Везет только подготовленным к удаче людям. Подготовленным многолетним сбором архивной информации о районе поиска, анализом опыта предшественников, их ошибок, постоянными, непростыми контактами с местными исследователями. Это не самые интеллектуальные и привлекательные стороны работы археолога, но без них на положительный результат рассчитывать нельзя.

Полевые исследования всегда составляли приоритетную сферу деятельности Л.М. Тарасова. Современный ученый может не утруждать себя раскопками. Материалов, накопленных несколькими поколениями предшественников, но в свое время не доведенных до уровня публикации, более чем достаточно и для осмысления, и для научной карьеры. Ущербны они в одном отношении: в отношении методики и документации того времени, когда были получены. Только их рассмотрение наряду с материалами из современных раскопок и с учетом современных требований позволяет повысить их информативность и поднять до уровня полноценного источника. Без развития методики полевого исследования трудно надеяться не только на получение новой информации из материала, добытого 30–50 лет назад, но даже на привлечение его к решению современных проблем. Оптимально его использование вместе и в связи с материалами, полученными в результате современных раскопок, проведенных с учетом сегодняшних требований к докумен-

тации. Во все времена этот путь оставался “магистральным” путем развития археологии. Поэтому полевые исследования будут необходимы всегда, даже в условиях избыточного количества материала.

Работы Л.М. Тарасова всегда велись в “классическом” русле, в чем-то из-за настроения опытного исследователя, на памяти которого одни тенденции и установки не раз сменялись други-

ми; в чем-то из-за приверженности “классическим” типологии и хронологии и уверенности в их возможностях.

Богатейший полевой опыт, скрупулезность, повышенные требования к документации и обоснованию заключений, умение видеть целое за деталями, неформальное отношение к работе в ОПИ обусловили авторитет Л.М. Тарасова в научном сообществе.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

А.А. Синицын